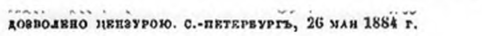


МИЛЬТОНЪ, ДИКТУЮЩІЙ СВОИМЪ ДОЧЕРЯМЪ „ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ".

Картина Мункачи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 мая 1884 г. Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

КОЛЫБЕЛЬ МИЛЛІОНОВЪ.

(Очерки золотаго царства).

I.

По пути въ Верхъ-Нейвинскъ.—На земляныхъ работахъ. — Желѣзнодорожный городокъ.—Динамитные взрывы.—Встрѣча съ властью.

ЕНЯ ДАВНО манило въ самую глубь Урала, туда, гдѣ въ вѣчномъ мракѣ рудника, гномъ-человѣкъ, цѣною невѣроятныхъ усилій, отнимаетъ у земли ея глубоко схороненныя сокровища, гдѣ одинокія старательскія артели, въ глуши дремучихъ лѣсовъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ выживаютъ у золотоносныхъ рѣкъ, еще не намѣченныхъ даже на картѣ, гдѣ высокія горы стали на самый рубежъ студенаго сибирскаго царства, точно заслоняя Россію отъ его леденящаго дыханія.

Выѣхавъ изъ Екатеринбурга къ сѣверу, я уже, на первыхъ порахъ, погрузился въ вѣчную дрему суроваго мрачнаго лѣса. Со всѣхъ сторонъ дорогу обступали мрачныя сосны, почти къ самому небу простиравшія свои вѣтви. Впереди были все тѣ же голые красноватые стволы, словно сквозь ихъ старческую кору видна была кровь, пробѣгавшая по безчисленнымъ жиламъ этихъ великановъ, невѣдомо какъ уцѣлѣвшихъ отъ топора промышленника. Вокругъ все молчало; молчала рѣченка, будто притаившаяся у старыхъ корней; молчалъ, думая свою таинственную думу, лѣсъ, молчало сѣрое, точно нахмурившееся сегодня, небо, по неволѣ молчали

и мы, глядя впередъ, не просвѣтлѣетъ ли, наконецъ, не покажется ли гдѣ нибудь веселое сельбище... Но версты за верстами остаются позади, а ни одной хатки не видать ни гдѣ. Мы, было, уже заснули, какъ вдругъ какой-то шумъ заставилъ насъ выглянуть изъ кибитки.

— Эхъ, бабами лѣсъ-то понасыпало. Словно, тебѣ, грибы послѣ дождя поднялись!

И откуда взялись онѣ! У самой дороги сидятъ кучами, между стволами сосенъ мерещутся яркими пятнами. Сотни ихъ здѣсь.

У всѣхъ бабъ въ рукахъ кузовки, полные грибовъ и малины. Изъ глубины, точно удивленнаго всѣмъ этимъ шумомъ и гамомъ, лѣса, несутся обрывки пѣсенъ, визгливые голоса стараются перекричать одинъ другаго; смѣхъ, заразительный, веселый, стремится намъ на встрѣчу.

Дорога пошла вдоль строящагося желѣзнодорожнаго пути. Недавно только насланное полотно осѣло и потрескалось; щели разбѣжались во всѣ стороны, сливались и перекрещивались, расходились трещинами, точь въ точь какъ старое прорѣзанное тысячами морщинъ лицо. Всѣ эти трещины нужно опять забивать и засыпать,—до перваго сухаго дня; тогда солнечные лучи опять посмѣются надъ цѣлою массою потраченнаго людьми труда. Сегодня, впрочемъ, ихъ заслонили холодныя сѣрыя тучи; прямо въ лицо намъ уже дышала близкая осень; вѣтеръ, пролетая мимо сосновыхъ вершинъ Урала, захватывалъ съ собою и леденящій холодъ. По бокамъ пути была вездѣ снята верхняя почва, оставлены только корни деревьевъ съ четырехъ-угольниками правильно срѣзанной земли, точно эти пни стояли временно на пьедесталахъ, приготовленныхъ для болѣе благородной цѣли. Безпорядочные холмы изъ камней, цѣлыя скалы, грудами торчатъ, однѣ на другихъ. Въ ихъ скважины когда-то вѣтромъ нанесло земли, съ земли поднялись веселыя елки и треплются онѣ по вѣтру, точно радуясь, что ихъ корни, все глубже и дальше заползая въ скалы, дѣлаютъ тамъ свою разрушительную работу. Камни надвигаются на дорогу; скоро она должна каждый клочекъ отвоевывать у нихъ. Посѣдѣвшій отъ старости, крѣпко-зернистый гранитъ — всюду. Скоро дорога поднялась на него; полотно желѣзнодорожнаго пути наслано на первозданной породѣ. Мѣстность всхолмливается. Мы то опускаемся въ глубокія долины, гдѣ внизу шумятъ безчисленные ручейки, точно злясь на лѣсную чащу, заслонившую отъ нихъ небо, то наша кибитка въѣзжаетъ на вершины горъ, которыя, точно сторожа, оцѣпили кругомъ тѣнистую падь. Горы за горами: веселыя, зеленыя — впереди, за ними — синія, сливающіяся однѣ съ другими, дальше сѣрыя, — а тамъ уже и не отличить вершинъ ихъ отъ уральскихъ пиковъ; ихъ тучи наслоились и застыли въ своемъ очаровательномъ снѣ; отдѣльные пики кое-гдѣ торчатъ изъ общей массы этихъ

горъ; вонъ, такъ называемыя «типичныя» — красивыя, парныя вершины. Онѣ встрѣчаются на всемъ Уралѣ и составляютъ его особенность. По всему пути, то и дѣло, пересѣкаетъ намъ дорогу или идетъ съ ней бокъ о бокъ прелестная, капризная, какъ женщина, гибкая, извилистая, какъ змѣя, рѣка. Она въ котловинахъ раскидывается въ свѣтловодныя озерки, словно стальные щиты, едва поблескивающіе сегодня: въ узинѣ, стѣсненной двумя крутогорьями, она рвется впередъ, съ грохотомъ ворочая каменья, перегораживая нашъ путь. Вонъ, зеленые луга пошли изрѣдка, взглядъ скользитъ по нимъ вплоть до горъ, закутавшихся въ синія издали лѣса. По косогорамъ пути — жалкія землянки, шалаши, похожіе на лапландскія вѣжи. Оттуда клубомъ вырывается дымъ, костры разложены и между этими жалкими логовищами желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Пермяки верхами и такъ, съ конями въ поводу, по одиночкѣ и толпами, пересѣкаютъ нашу дорогу. Все это изможженное на непосильной работѣ, все это сумрачное, потное; выраженіе лицъ, характеризующееся народнымъ присловьемъ — «глаза бы ни на что не глядѣли». Не сладко, видимое дѣло, и здѣсь, несмотря на высокую поденную плату!

Мы остановились у одного изъ костровъ. Въ котелкѣ надъ нимъ вскипала и булькала каша. Безносая баба помѣшивала ее; рядомъ сидѣло трое совсѣмъ одичавшихъ людей.

— Хлѣбъ да соль.

Подняли на насъ глаза и оторопѣло передвинулись въ сторону.

— Чугунку работаете, братцы?

Тоже молчанье. Только баба на нихъ вскинулась:

— Чего же вы, идолы, молчите. Аль у васъ язва языкъ отъѣла... Ишь, купцы спрашиваютъ.

— Оно самое... чугунку...

— Отколь вы?..

— Пермяки. Мы туточныхъ волостей... все за нихъ же объясняла баба. — Да что!.. Думали, ни вѣсть какъ будетъ хорошо... На рупь польстились... А только и бѣда! — кони теперь падаютъ, хлѣбъ дорогъ, живемъ, что̀ черви, въ землѣ, въ сырости — въ холодѣ. Грязи на насъ-то... Вша насъ ѣстъ, во̀ какъ!..

— Истъ, истъ! одушевились рабочіе. — Вша теперь вездѣ — потому бань нѣтъ.

— И кабаковъ про васъ, иродовъ, понастроили... Все, что заработаютъ, пропиваютъ, плакалась баба.

— Какъ не пить-то? Пьемъ, матка... Потому, сама говоришь, холодно. Коли бы не пить — не жить.

— Ты что же, жена чья?

Баба потупилась.

— Она наша, господинъ. Наша... Въ маткахъ у насъ живетъ.

Для всѣхъ, значитъ, на трехъ — одна! пояснилъ пермякъ. — Дѣло бабье сполняетъ. Рубахи намъ моетъ, кашу варитъ...

Добрались мы до Дѣдовыхъ каменныхъ горъ. Онѣ совсѣмъ перегородили путь желѣзной дорогѣ. Одну изъ нихъ, по ниже, нужно снести прочь, и вотъ, въ четыре мѣсяца, едва-едва удалось такимъ образомъ покончить съ ея верхушкой. Бѣлая, цѣльная скала внизу, — а въ верху изломы; видимо вся изорвана здѣсь динамитомъ. Свѣжія выбоины по сторонамъ. Вода отъ вчерашняго дождя въ нихъ. Въ одну забрался рабочій и купается, въ другой баба полощетъ бѣлье. Дальше работа идетъ правильнѣе. Плоскія поверхности, края только что сдѣланныхъ выемокъ правильны. Мы посмотрѣли сверху внизъ. Мошки-люди дѣятельно борются съ первозданной породой. До насъ едва достигаетъ стукъ молотковъ по бурамъ, съ каждымъ ударомъ все глубже и глубже входящихъ въ бѣлое громадное тѣло скалы.

— Много-ль за этотъ египетскій трудъ платятъ?

— Съ каждаго вершка... по три копѣйки за вершокъ. За инымъ-то побьешься-побьешься... Съ ума сойти надо!..

— А сколько вершковъ въ день выбьешь такъ-то.

— Какъ кто въ силахъ. Вонъ Митрій и всѣ двадцать выбьетъ, коли съ утра съ самаго ранняго... А то и пятнадцать, слава те Господи!

Какіе-то черномазые люди бѣгаютъ между ними съ шляпами на затылкѣ. Смѣлый очеркъ южнаго, со всѣмъ не русскаго лица, мелкорослыя фигурки, подвижныя, быстрыя; каждое слово сопровождается жестами.

— Это кто такіе?.. Ишь что размахались.

— Зажигальщики, тальянцы они...

Оказались, дѣйствительно, итальянцы; ихъ тутъ много, и они исключительно занимаются закладкою динамитныхъ минъ, которыя у каждаго изъ нихъ находятся у пояса въ коробкѣ. Длинные свертки бумажныхъ лентъ съ порохомъ играютъ роль фитилей; такой фитиль проводится въ пистонъ, пистонъ защипывается въ динамитную мину; провертывается дырочка, куда и вкладывается пистонъ. Когда по назначенной линіи всѣ буры вбиты до необходимой глубины — итальянцы отмѣриваютъ ихъ, отмѣчаютъ въ рабочихъ книжкахъ количество вершковъ, затѣмъ вкладываютъ динамитную массу на аршинъ внутрь скалы. Къ этой массѣ прибавляется динамитный патронъ. Вонъ, итальянцы что-то заболтали по своему, одинъ изъ нихъ заигралъ что-то на трубѣ.

— Первый сигналъ этотъ... Сейчасъ рабочіе побѣгутъ.

Они, дѣйствительно, разбѣжались за огромныя скалы, впрочемъ, недалеко, видимо, привыкли. По второму сигналу всѣ патроны должны быть уже вложены, по третьему итальянцы зажигаютъ бумажныя ленты и бѣгутъ сами опрометью.

Мы отошли тоже подальше; послышался грохотъ взрыва, трескъ отъ коловшейся скалы, и цѣлая масса земли и камня взлетѣла вверхъ и съ громомъ разсыпалась по окрестнымъ скатамъ и утесамъ. Человѣкъ-мошка сдѣлалъ свое дѣло разрушенія, и, казавшаяся несокрушимою, гордая масса первородной горы разбилась и раскинулась вся безжизненными, жалкими обломками.

— А что, всегда такъ безопасно происходятъ взрывы? спрашиваю я у ближайшаго.

— Ну, какъ кому... Вчера бабу одну попортило. Въ голову ей—вдарило. Стояла она — видимъ... Господи!..

— Что же она теперь?

— Какъ теперь?.. Да мы ее ночью и зарыли. Потому ей камнемъ-то полголовы прочь снесло... И не ахнула. И баба-то была какая...

Здѣшняя порода до того крѣпка, что порохъ на нее не дѣйствовалъ вовсе, поневолѣ пришлось пустить въ дѣло динамитъ или какъ называютъ его рабочіе, «демобитъ». Лучшіе изъ мѣстныхъ рабочихъ получаютъ въ день по рублю, но рѣдко; чаще плата колеблется между 45 и 75 копѣйками. Вонъ, у самаго полотна желѣзной дороги цѣлый городъ землянокъ; говоръ такъ и ходитъ волной надъ этимъ сельбищемъ полуголаго и, во всякомъ случаѣ, работающаго въ проголодь люда. Однимъ бабамъ, очевидно, хорошо здѣсь; яркими пятнами отличаются онѣ въ массѣ сѣрыхъ людей, сѣрыхъ построекъ и сѣрой земли. Красный кумачъ такъ и рябитъ глаза. Визгливыя пѣсни ихъ такъ и садятся въ ухо. Бабы здѣсь занимаются возкой песку.

Кучи дѣтей возились между землянками и шалашали; мы вошли въ одно изъ логовищъ. Въ землянкѣ оказались со всѣхъ сторонъ нары съ соломой. Въ верху сушилась обувь и промоченное платье, въ кадкахъ по угламъ стояла капуста. Страшный воздухъ напомнилъ намъ жилье мурманскихъ покрученниковъ на дальнемъ сѣверѣ. Какъ можно было дышать имъ, какія легкія нужно имѣть, чтобы жить въ такихъ условіяхъ! Между такими жильями то и дѣло краснѣли ярко раздувавшіеся огни безчисленныхъ кузницъ и слышался правильный, какъ біеніе стальнаго пульса, стукъ молотовъ; рядомъ визжало желѣзо подъ инструментомъ слесарей, дальше пильщики потѣли надъ громадными бревнами и безшумно, молчаливо землекопы снимали дернъ съ сырыхъ, тотчасъ же наполнявшихся водой понизей.

Наконецъ, вдали блеснуло большое озеро, выдвинулись обступившія его съ сѣвера горы... Зеленые острова, на нѣкоторыхъ — сквозная березовая чаща. Воображаю, какъ красива она подъ яркимъ солнцемъ лѣтняго полудня, когда всю ее проникаютъ золотые лучи, когда каждый нѣжный листокъ точно купается въ тепломъ воздухѣ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, то высту-

паютъ, то пропадаютъ извивы берега, уходящаго на лѣво, въ густую чащу сумрачнаго сѣвернаго лѣса... Прямо, напротивъ, въ озеро обрывается гора, на которой разбросаны зданія завода. За ней мерещутся другія горы. На одной изъ нихъ самая высокая башня... Ближе, въ покойныя воды Таватуя смотрится масса деревянныхъ домиковъ, каменныя крытыя постройки, похожія на старинныя крѣпости... Все вѣетъ просторомъ, привольемъ. Глаза разбѣгаются по красивымъ деталямъ этого замѣчательнаго даже на Уралѣ пойзажа. Вонъ, по берегу озера вытянулись ряды пихтъ; точно станомъ стали тамъ, у самой воды.

Мы вышли, чтобы дойти до самаго завода пѣшкомъ, такъ хороши казались окрестности.

Не успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ сзади налетѣла тройка, гремя колокольцами и бубенчиками.

— Стой! послышалось оттуда. Тройка остановилась.

— Стой!.. Стой!.. Ей, вы... Стойте!.. Мы поняли, что дѣло касается насъ.

Какой-то одутловатый парень въ свалившейся на бекрень фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой вышелъ оттуда.

— Кто такіе будете?

— А вамъ что за дѣло?

— Значитъ, есть дѣло, если спрашиваю. Куда вы? Я васъ по обязанности...

— Мы путешественники.

— Пѣшкомъ-то?

— Ну, значитъ, поджигатели! Вотъ озеро Таватуй поджечь хотимъ, расхохотался я.

— Да вы не смѣйтесь. Паспорты у васъ есть?

— Нѣтъ, потому что мы бѣжали изъ Нерчинскихъ рудниковъ и еще не запаслись таковыми.

Власть, видимо опѣшила.

— То есть, позвольте!.. Какъ же это — бѣжали? Въ какомъ смыслѣ?.. Для чего?..

— Для чего бѣжали? Для изученія отклоненій магнитной стрѣлки на сѣверныхъ отрогахъ Урала.

Мой спутникъ фыркнулъ; расхохотался и я. Едва удалось отдѣлаться отъ ревностной власти.

У самой слободки насъ поджидалъ ямщикъ.

— А чиновникъ про васъ спрашивалъ, смѣялся онъ. — У насъ начальство дошлое. Потому, нельзя, оно за поимку награды получаетъ.

II.

Верхъ-Нейвинскъ. — Трудно кормиться! — Цифры. — Золотое и желѣзное дѣло. — Порядки на Чусовой. — Виды съ Сухой горы. — Семь братьевъ. — Фонари вмѣсто памятниковъ и молебенъ, замѣнившій свадьбу.

Верхъ-Нейвинскіе заводы славятся своимъ листовымъ желѣзомъ; оно оказывается чуть ли не лучшимъ изо всѣхъ существующихъ. Съ марками «А. Я. Сибирь», оно идетъ даже въ Америку и продается тамъ баснословно дорого для печей и для футляровъ. Чрезвычайно красивое, оно никогда не красится снаружи. Я попалъ сюда въ праздники, такъ что, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось видѣть самаго производства, тѣмъ болѣе, что Рудянка, гдѣ прокатывается это желѣзо, была тогда временно закрыта. Кромѣ этого спеціальнаго дѣла, въ Верхъ-Нейвинскѣ разработываютъ золото изъ пріисковъ, которыхъ здѣсь до десяти. Хотя нѣкоторые изъ нихъ уже оставлены, а всѣ другіе отданы старателямъ, т. е. вольнымъ артелямъ, добывающимъ драгоцѣнный металлъ на владѣльческой землѣ съ условіемъ — за опредѣленную плату отдавать его заводоуправленію, которое принимаетъ его отъ 1 руб. 90 к. до 2 руб. за золотникъ. Работа эта, когда-то столь выгодная, теперь не даетъ болѣе пятидесяти копѣекъ поденной платы, да и то не всегда. Иной день крестьянинъ напрасно промоетъ цѣлую массу песку, земли и пустой породы, не найдя въ ней ни крупинки золота. Эксплуатируемые заводомъ старатели, въ свою очередь, стараются эксплуатировать женщинъ. Они ихъ нанимаютъ на работы уже отъ себя; плата ничтожная — по 20 коп. въ день. Такимъ образомъ, въ теченіи двѣнадцати часовъ, баба трудится, чтобы получить возможность только-только не умереть съ голода. Въ мое время цѣна хлѣба доходила до 80 коп. за пудъ. Чрезъ два года она поднялась еще выше, перешла за 1 руб. 10 коп., а вознагражденіе старателямъ и старательницамъ осталось все тоже! Почва здѣсь давно истощена и богатые пріиски выработаны предшествовавшими поколѣніями; въ годъ заводоуправленіе собираетъ, такимъ образомъ, довольно мало золота. На другихъ здѣшнихъ пріискахъ работаютъ не вольныя артели, а наемныя; но первыя гораздо болѣе добываютъ металла такъ, въ то время, какъ по прежней номенклатурѣ на господскихъ работахъ въ Ягодномъ, Полуденно-Шураянскомъ, Ключевскомъ, Шигиринскомъ, Кухарскомъ, Алексѣевскомъ пріискахъ съ мая по май вымыто золота: въ 1874 году — 9 п. 25 фун. 97 золотниковъ, а въ 1875 г. — 12 п. 4 фун. 50½ золотн., — старательскія работы дали золота: въ 1874 г. — 19 п. 12 ф. 57 зол., а въ 1875 г. — 14 п. 29 фун. Сверхъ этого, добыто самое незначительное количество шурфочнаго золота и не больше—

жильнаго. Чтобы дать понятіе о количествѣ работы въ Верхъ-Нейвинскомъ округѣ, довольно привести слѣдующія цифры: съ 1-го мая по 18-е іюля 1876 года, т. е., въ два съ половиною мѣсяца, здѣсь считалось 14,885 рабочихъ дней, распредѣляемыхъ на 233 человѣка, которые подняли и промыли огромную массу породъ. Содержаніе золота въ нихъ колеблется, смотря по мѣстности. Самою богатою является Ключевскій, гдѣ на сто пудовъ земли приплось отъ 19 до 20 золотниковъ маталла; самымъ бѣднымъ— Шингиринскій, гдѣ то-же количество промытыхъ породъ дало только 17 долей золота. Всего же въ 1876 году, за шесть первыхъ мѣсяцевъ, съ 5.144,000 пудовъ песку добыто восемь пудовъ и 13 фун. золота. Старательскія работы представляютъ гораздо болѣе крупныя цифры. Въ 1876 году; на нихъ было 781 чел. съ такимъ же количествомъ ручныхъ станковъ, на которыхъ поднято 8.500,000 пудовъ песку, давшаго за первое полугодіе 7 пуд. 2 фун. золота.

— Охъ, трудно, трудно кормиться нонче! говорили мнѣ здѣсь крестьяне-старатели.

— Особливо, бабамъ! — Тѣмъ на нашихъ работахъ хоть помирай.

— Отчего же вы, старатели, имъ такъ мало платите?

— На «господскихъ» — баба еще меньше получаетъ!..

И дѣйствительно, оказалось, что женщины, нанимаемыя заводоуправленіемъ, получаютъ, каждая, на своихъ харчахъ, только по 12 коп. въ день, тогда какъ мальчикъ подростокъ зарабатываетъ 20 коп. Не ужасно ли это?

— Отчего же женскій трудъ такъ мало цѣнится?

— Сбили онѣ цѣну. Баба за какую угодно плату пойдетъ.

Самыя предпріимчавыя изъ женщинъ уходятъ въ окрестные лѣса и ищутъ тамъ золота. Часть ихъ гибнетъ отъ голода, отъ морозовъ. Случалось, что здѣшнія бабы, попавъ въ совершенно безвыходное положеніе, сами составляли изъ себя артели и работали за свой счетъ; но дѣло это не ладилось, учасницы большею частію ссорились между собою и артель расходилась во всѣ стороны, хотя бы опять въ кабалу къ тѣмъ же эксплуатировавшимъ ихъ мужикамъ. Въ общемъ, баба здѣсь не заработаетъ и сорока рублей въ годъ, потому что, помимо рожанія дѣтей, изъ трудовыхъ дней ея, оплачиваемыхъ столь скудно, нужно еще исключить почти мѣсяцъ, который каждое заводоуправленіе даетъ своимъ крестьянамъ для сѣнокоса и полевыхъ работъ. Этого краткаго срока довольно, потому что хлѣбопашество тутъ ничтожно. Сѣютъ самое незначительное количество ржи, ячменя и овса, причемъ хорошіе урожаи неизвѣстны, а недородъ повторяется чуть ли не каждые три года.

— Мы этимъ золотомъ да заводомъ живемъ!— объявляютъ здѣсь...

— А огороды?

— Огороды у насъ хорошіе, да неколи ими заниматься... Мы и подсолнухи выращиваемъ, да это что — баловство одно! Мастерства больше никакого нѣтъ. Закрой заводъ—всѣ по міру пойдемъ. Теперь у насъ много народу пошло чугунку строить. Сулили хорошую плату, да что!..

— Не даютъ?

— Штрахвы донимаютъ!.. кабаковъ понасажено... а житье холодное... пьешь! — только пойломъ и спасаешься. Народъ тамъ вольный, съ четырехъ сосенъ собрался... всякое дѣло въ ходу, обманъ, развратъ этотъ... Ну, глядишь, домой-то принести и нечего. Все что ни получилъ, все пропилъ. Прежде намъ жилось лучше. Больше денегъ получали, хлѣбъ дешевле былъ. Ты погляди, старыя избы какъ были строены: просторъ, бревно крѣпкое, холдовое, крупное; а теперь: торчатъ хаточки убогія, ни стать, ни сѣсть, печь черная, лѣсъ самый жидкій, всего его ноздря проѣла. Съ хвораго лѣса и житьишко въ этихъ хатахъ самое холодное. Зимой-то морозомъ охаживаетъ какъ!—таракану не завестись... Потому таракан звѣрь балованный, ему тоже тепло надо... Безъ тепла онъ жить не согласенъ!

— Отчего же вы другихъ промысловъ не ищите?

— Какіе еще промыслы-то? Изъ нашихъ мѣстъ бѣжать надо. Тутъ, недалеко, есть деревня; такъ въ ней никого не осталось. Былъ заводъ, лѣса сжегъ. А безъ лѣсовъ домна (доменная печь) не работаетъ; печь погасла—и заработковъ нѣтъ. Первое время крестьяне свои дома рубили, да на заводъ, какъ дрова, продавали, а потомъ и рубить стало нечего, да и жить негдѣ. Помирать начали; кои примерли, кои разбѣжались... Остались только тѣ, кого къ землѣ пришибло. Силы съ нею подняться нѣтъ, да и смерть не приходитъ... Ну, и живутъ, а чѣмъ кормятся, поди, и сами не знаютъ. Наше дѣло рабочее такое: сегодня сытъ, и слава Богу! а что завтра будетъ — никому не въ домекъ... Заводъ запустуетъ и деревня запустуетъ...

— Вотъ для этого-то промыслы и нужны.

— А откуда ихъ возьмешь?.. Гдѣ они — промыслы то?.. Лѣса нѣтъ, рѣки нѣтъ, — вся въ прудъ ушла, высохла; а тамъ и прудъ спустили — прудъ ушолъ. Поле есть — хлѣба не родитъ, потому земля не любитъ, чтобъ съ нее шубу снимали — лѣсъ-отъ!.. Ну, и мремъ пока. Мастерство какое? да на кого работать-то?.. Никому не нужно...

Желѣзное дѣло здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ золотое. И населеніе по своимъ нравственнымъ качествамъ рѣзко раздѣляется здѣсь по двумъ этимъ главнымъ отраслямъ производства. То, что я наблюдалъ на остальномъ Уралѣ, оказалось и тутъ. Тѣ, что стоятъ на золотомъ дѣлѣ, давно спились и обратились въ ничего неимущихъ нищихъ, при чемъ даже старательскій трудъ, въ

удачныхъ случаяхъ дающій исключительный заработокъ, не поправляетъ ихъ положенія. Золото, вызывающее столько пороковъ, преступленій, являющееся причиною такихъ глубокихъ паденій, такой порчи, и здѣсь роковымъ образомъ вліяетъ на людей, добывающихъ его изъ нѣдръ земли. Кажется, что это именно тотъ бѣсовскій кладъ, который, по зароку схоронившихъ его убійцъ, нельзя получить, не оставивъ на его мѣстѣ своей совѣсти, чести, своей души. Съ первыхъ минутъ своего появленія на свѣтъ, онъ уже разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на рабочаго, и прежде чѣмъ въ видѣ золотой монеты успѣетъ попасть въ цѣпкія руки, уже развратитъ достаточно много людей, отдѣляющихъ его отъ песка, льющихъ его, завѣдующихъ его отправкою въ Петербургъ... Желѣзо—иное дѣло. Это, какъ выражаются на Уралѣ—металлъ строгій; и даетъ онъ цѣлыя поколѣнія сумрачныхъ и строгихъ людей, которымъ чужды сангвическое легкомысліе старателей и ихъ покладистая совѣсть. Кротъ-рабочій, роющійся въ желѣзномъ рудникѣ, обжаривающійся у устья доменныхъ печей и сталеварень, совсѣмъ иной типъ, такъ же не похожій на лихорадочнаго, безпокойнаго золоискателя, какъ, напримѣръ, мексиканецъ не похожъ на неразговорчиваго, спокойнаго американца-скваттера. На желѣзномъ дѣлѣ люди много думаютъ, имѣютъ зачастую дѣло съ машинами, сверхъ того, если вѣрить мѣстнымъ психологамъ, своимъ внутреннимъ организмомъ складываются въ твердыя, стойкія формы, какъ будто чугунъ и желѣзо передаютъ имъ свои основныя качества. Желѣзо сюда, въ Нейвинскъ, доставляется изъ Высокогорскаго рудника. Богатая содержаніемъ металла руда привозится къ доменнымъ печамъ, находящимся въ Рудянкѣ, (въ Верхъ-Нейвинскѣ есть одна, но она пока не дѣйствуетъ) и тамъ переплавляется въ чугунъ, который, въ свою очередь, тутъ же передѣлывается въ болванку. Болванка прокатывается въ листовое желѣзо—предметъ справедливой гордости здѣшняго завода. Въ самомъ Верхъ-Нейвинскѣ плавится всякое литье, при чемъ на это въ году идетъ семьдесятъ дней. Въ печахъ завода сжигается 115 саженей куренныхъ (14 четвертей въ вышину, семь въ ширину) дровъ, причемъ проплавлено было въ 1875 году, напримѣръ, 26,000 пудовъ чугуна, въ видѣ литья изъ него поступило 7,140 пуд., припасовъ—17,796 пуд. Среднимъ числомъ выплавлялось въ сутки 353 пуда. Каждая сажень дровъ идетъ на проплавку 217 пудовъ металла, а на 1,000 пудовъ литья нужно было употребить 1080 пуд. чугуна. Мѣстные заводы заняты также ковкою желѣза изъ чугуна. Это производство даетъ слѣдующія цыфры: широкополоснаго желѣза выковано здѣсь 87,593 пуд., повиночнаго (брака, находнаго)—1,944 пуд., брусковаго—3,289 пуд., причемъ все это обжимается подъ тремя паровыми молотами, раскаливается въ шести горнахъ ста восемью рабочими, раздѣляющимися на двѣ смѣны, дневную и ночную. Для

этой цѣли сожжено 5,357 коробовъ угля сосноваго (въ каждомъ коробѣ 27,216 куб. вершковъ) или 126,875 пуд. этого топлива. При помощи каждаго короба угля выковывается 17 пуд. 10 фунтовъ желѣза, причемъ, на 100 пуд. чугуна идетъ его только 73 пуда. Каждый мастеръ въ одну смѣну долженъ, такимъ образомъ, выковать 26 пуд. 10 фунтовъ. При прокаткѣ желѣза—рабочихъ смѣнъ 831. Угля на это идетъ 268 коробовъ, дровъ 689 саженъ. Всего въ прокатку пошло 79,456 пуд. желѣза и изъ него получено узкой болванки 78,819 пуд. причемъ въ одну смѣну каждый мастеръ обязанъ прокатать 664 пуд. Изъ узкой болванки выдѣлывается широкая; на это идетъ 40,598 пуд.; излишекъ отправляется въ Нижне-Нейвинскій заводъ. Получаемое желѣзо, листовое, красное, должно опять подвергнуться обработкѣ, чтобы обратиться въ глянцевое. Тутъ, въ смѣну на одного мастера приходится 145 пуд. и на каждые 1,000 пуд. металла обращается 3 короба сосноваго угля, 6 саженъ дровъ и 1,080 пуд. узкой болванки. Въ семь рабочихъ смѣнъ получается, наконецъ, эта тысяча пудовъ. Окончательная отдѣлка листоваго желѣза въ глянцовое требуетъ 1,699 рабочихъ смѣнъ, 280 коробовъ угля, 886 саженъ сосновыхъ дровъ и 6,678 верховья, т. е. негоднаго желѣза, въ которое закутывается листовое. Всего на выдѣлку глянцоваго желѣза пошло на Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ широкой болванки (красной листовой) 183,866 пудовъ, изъ которыхъ и получено требумаго металла 150,798 пудовъ да 29,411 пуд. обрѣзковъ. Въ одну смѣну на мастера приходится выдѣланнаго желѣза: 63 пуда 10 фунт. глянцоваго и 218 пуд. 19 фунт. краснаго.

Большая часть выработанной массы отправляется въ Петербургъ и въ Нижній; такимъ образомъ, ежегодно на караваны грузится здѣсь 83,132 пуда глянцеваго желѣза, 35,922 пуда краснаго, 1760 пуд. сковородъ, 512 пуд. обрѣзковъ. Остальное продается на мѣстѣ. Караваны идутъ по Чусовой.

— Бѣда намъ съ нашимъ сплавомъ! жаловались здѣсь.

— А что?

— Да какъ же, помилуйте. Сколько каждый годъ барокъ разбивается, часто воды нѣтъ. Нужно пользоваться первымъ валомъ, которые пускаютъ изъ Ревзинскаго и другаго прудовъ, чтобы стремглавъ прокатить въ Каму. А тутъ берега извилистые, скалы вдвигаются въ рѣку.

— Я уже слышалъ объ этомъ и писалъ [1]).

— Давно толковали, что выше Ревды Демидовской, на Чусовой нужно сдѣлать плотину. На это собранъ капиталъ изъ четверти % всѣхъ сплавляемыхъ грузовъ. Мы уже ходатайствовали, ходатайствовали!.. Но куда путейцы дѣли эти деньги, никому не извѣстно.

— Чтоже были отвѣты на ходатайства?

---

[1]) Смот. «Русскую Рѣчь» 1881 года. №№ 9, 10, 11, 12.

— Точно воды въ ротъ набрали въ Питерѣ, ни одного слова!.. Ничего не дѣлаютъ. Судоходная рѣка — бечевника нѣтъ, о съуженіи фарватера — не слыхано. Часто весною не хватаетъ воды, и только заводскій прудъ поддерживаетъ судоходство, выпуская въ нее свой запасъ; тогда какъ если бы была выше Ревды запасная плотина, то и навигація оказывалась бы вполнѣ обезпеченною.

— Неужели же ничего такъ и не сдѣлано?

— Ничего... Впрочемъ, однѣ заплавки устроили при крутыхъ поворотахъ.

— Это что еще?

— Брусья съ особымъ механизмомъ, сжимающимся при ударѣ судна и снова отталкивающемъ его. Будете тамъ, распросите-ко сплавщиковъ; они не даромъ гибнутъ тамъ сотнями!.. Знаете, какъ они эту нашу питательницу зовутъ?

— Какъ?

— Похоронной рѣкой, губительницей, водяною смертью... А то еще райской...

— Почему — райской:

— Въ шутку; потому что весной, кто отправится по ней, такъ имѣетъ много шансовъ немедленно въ рай попасть!.. Нашъ одинъ купецъ вздумалъ самъ исправить теченіе рѣки и снесъ камень, мѣшавшій движенію судовъ, такъ — чтобы вы думали? — чуть суду не предали! Едва-едва отвертѣлся...

Не особенно большой заработокъ даетъ мѣстному населенію и поставка дровъ на заводъ. Онъ же подвозитъ и уголь, при чемъ всю эту операцію берутъ на себя подрядчики. За сажень дровъ раскатныхъ или куренныхъ они получаютъ по 4 руб., а за каждый коробъ угля — 1 руб. впрочемъ, если лѣсъ близко, то и меньше. Лѣса изводятся не свои — свои давно вырублены; заводы только и дышутъ, пока еще есть казенные; но будь исполненъ проектъ одного изъ рьяныхъ пермскихъ чиновниковъ, продай казна лѣса частнымъ лицамъ, промышленникамъ, — населенію оставалось бы умереть съ голода, потому что никакой заводъ безъ лѣса существовать не можетъ. Билеты на порубку казеннаго лѣса подрядчикамъ выдаетъ заводоуправленіе. Для выжига угля, артели идутъ въ лѣса еще весною. Тамъ они рубятъ деревья, на лѣто оставляютъ ихъ лежать, осенью вновь приходятъ и выжигаютъ ихъ; самая же доставка на заводъ совершается въ теченіи зимы. Везутъ за пятнадцать, за двадцать верстъ, — ближе уже не осталось лѣса вовсе; весь съѣденъ жадными пастями доменныхъ печей, сожженъ въ горнахъ, въ сталеварняхъ, или вывезенъ вонъ, потому что въ доброе старое время довольно обширную статью заводскихъ доходовъ составляла лѣсоторговля.

— У насъ и работа то не постоянная на заводѣ.

— Почему это?

— Да заводъ не все работаетъ, а какъ выполнятъ заказъ и шабашъ. Иди на всѣ четыре стороны.

— Что же вы тогда дѣлаете?

— Къ подрядчику идемъ уголь жечь. Разбѣгаемся на другія работы... А то и такъ голодуемъ. Еще мастеру — лучше. Онъ хоть что нибудь отложить можетъ, Ну, а намъ плохо. Мастеру въ мѣсяцъ иной разъ и всѣ двадцать рублей приведется, отдѣлочному тоже хорошо — бываетъ и по пятнадцати рублей; ну, а намъ изъ двѣнадцати ничего на черный день не прикопишь... На старательской работѣ еще хоть бабъ берутъ, а на нашу заводскую баба не гожа, ее не надо. Оно и тутъ помоги нѣтъ!

— Безъ работы плохо!

— Чего хуже! Бываетъ по мѣсяцамъ такъ-то... Пухнешь!.. Опрошлый годъ бѣда была. Николи сплавомъ по Чусовой не ходилъ, а тутъ на барки вдарился. Ну, прокормиться прокормился, а домой ничего не послалъ. Хозяинъ жидъ попался. Барки-то утопить хотѣлъ.

— Какъ утопить?

— Очень просто. Потому онъ пермское желѣзо везъ. Ну, показалъ его больше, а что на рукахъ было — распродалъ, оставилъ самую малость. Ну, только мы барку-то отстояли.

— Досталось ему?

— Кому, жиду то? Куда!..

И рабочій махнулъ рукой,

— Имъ, аспидамъ, воровать завсегда свободно; вотъ, ежели намъ — ну, точно — съ голоду что сдѣлаешь — не пожалѣютъ. А имъ что?... Имъ хорошо!... Слава те, Господи! помирать не надо!

Оставить Верхъ-Нейвинскъ, не полюбовавшись его дивными видами съ Сухой горы, на которой поставлена башня,— нельзя. Мы отправились туда и невольно заждались до вечера. Такъ хороши окрестности! Отсюда на сѣверъ виденъ Тагилъ, кругомъ верстъ на сорокъ открываются дали, то полныя суроваго и мрачнаго величія, то приковывающія къ себѣ взглядъ идиллическою прелестью долинъ и полей, раскидывающихся подъ вами. Кругомъ каймами, грядами, перепутавшимися узлами, поднялись крутыя горы. Одни кряжи хотятъ точно переброситься черезъ другіе, сливаются и снова раздѣляются, принижаются, чтобы тотчасъ же гордо выдвинуть остроконечный пикъ. Ихъ то окутываютъ зеленыя облака лѣсовъ, то сѣрые скалы взрѣзываютъ ихъ скаты снизу, поднимаются вверхъ и тамъ располагаются каменными вѣнцами, развалинами какихъ то легендарныхъ башенъ, крѣпостей, замковъ. Дальше всего видно на югъ. Вонъ два пруда... Сегодня, послѣ вчерашнихъ тучъ и холода, солнце пригрѣло землю и пруды, точно клочки голубаго неба, улыбаются изъ своихъ глубокихъ долинъ. Между ними — серебряная бить извилистой и капризной Нейвы. Кое-гдѣ,

далеко, ложатся темныя черточки просѣкъ. Изъ лѣсовъ подымаются дымки. Далѣе мерещутся какія то пятна; только вглядѣвшись, отгадываешь въ нихъ захолустное село, или затерянный въ глуши заводъ. Внизу, прямо подъ ногами, разбѣгаются во всѣ стороны бѣлыя улицы Верхъ-Нейвинска; прямо подо мною двѣ церкви, круглое башенное строеніе, гдѣ помѣщается управленіе завода, и другіе дома. Кажется, на этотъ золотящійся крестъ храма можно спрыгнуть. Крыша его — вотъ тутъ. Видны голуби, засѣвшіе на ней... Вонъ, на право, голубѣетъ какая-то рѣченка, то спрячется въ рощу, то забѣжитъ за утесъ, то снова, и совсѣмъ уже не ожиданно, покажется и блеснетъ, чтобъ шаловливо схорониться въ темную лощину, откуда, очевидно, нѣтъ ей выхода. На западъ вершины грозныхъ и сумрачныхъ горъ заслонили даль. Между ними и покрытой лѣсами понизью, подступающей къ самому Верхъ-Нейвинску, — Рудянское озеро. Мы видимъ только ближайшую кайму его — дальше оно переходитъ въ туманную полосу. Туманная полоса точно сливается съ небомъ, и на немъ уже висятъ вершины, точно они не имѣютъ ничего общаго съ землею, точно сейчасъ повѣетъ вѣтеръ и унесетъ ихъ далеко, далеко... На сѣверъ — цѣлый станъ горъ и холмовъ. Всѣ они, закутавшись въ свои лѣса, напоминаютъ крутыя, окаменѣвшія въ моментъ самой сильной зыби, волны. Вотъ-вотъ очарованный сонъ оставитъ ихъ и онѣ мѣрно и съ громовымъ шумомъ покатятся тогда къ нашей Сухой горѣ, къ нашей башнѣ и унесутъ ее съ собою... Между ними дорога въ Нейвинскъ то выбѣжитъ желтымъ зигзагомъ, то опять уйдетъ... Рѣдки золотыя пятна овсянаго посѣва, рѣдки зеленые разливы логовинъ... На сѣверъ — все мрачно, все угрюмо. Еще мрачнѣе, еще угрюмѣе мѣстности къ востоку... Тутъ болѣе двадцати отдѣльныхъ вершинъ. Между ними мерцаютъ серебренные ерики, мерещутся бѣлыя нитки вспѣнившихся ручьевъ, шумно бѣгущихъ съ крутыхъ яровъ въ глубокія долины. Вонъ, гора Верхняго Тагиля смѣлымъ взлетомъ рванулась въ высоту — да неудалось ей отдѣлиться отъ мощно захватившей ее земли; и такъ стоитъ она, одинокая, недовольная, утопая въ небѣ, манящемъ ее къ себѣ.

— Вонъ семь братьевъ! показали мнѣ семь отдѣльныхъ, стоящихъ на вершинѣ крутой горы, утесовъ.

— Почему семь братьевъ?

— Народъ говоритъ... Ермакъ шелъ тутъ, ну, семь волшебныхъ братьевъ на дорогѣ ему горъ навалили. Только онъ пройдетъ одну — они ему сейчасъ другую, одолѣетъ эту — третья ростетъ. На четвертой шибко усталъ Ермакъ. А они, братья то, выбѣжали и смѣются всѣ надъ нимъ. Тутъ Ермакъ и взмолился: «не дай, Господи, посмѣяться колдунамъ невѣжнымъ надъ честнымъ, животворящимъ крестомъ твоимъ!..» Поднялъ онъ крестъ да и пошолъ на

нихъ. Хотятъ уйти волшебные люди, да не могутъ, ноги къ землѣ приросли — камнемъ къ камню, хотятъ руки опустить — руки не шелохнутся, каменья къ каменнымъ бокамъ приростаютъ; а какъ дошелъ онъ къ нимъ до верху, такъ они и совсѣмъ въ утесы обратились. Только эти утесы не простые. Иной разъ, ночью, слышно, какъ сердца въ нихъ колотятся. Такъ они до скончанія вѣка стоять будутъ за то, что надъ крестомъ посмѣялись. Ермакъ ихъ до страшнаго суда самаго заклялъ...

Назадъ намъ пришлось идти черезъ старообряческое кладбище, мимо большой и красивой церкви. Много массивныхъ, мраморныхъ памятниковъ очень изящнаго рисунка.

— Вы съ нами не шутите. Прежде въ Нейвинскѣ какъ жили?.. Въ Италіи заказывали монументы.

— Ну, а теперь?

— Было время да сплыло; тутъ когда то одинъ самодуръ вживѣ себѣ памятникъ поставилъ, только не пришлось лежать подъ нимъ, потому что на Чусовой утонулъ. Былъ другой — давно это — такъ онъ непремѣнно хотѣлъ на кладбищѣ пса своего зарыть. Даже къ митрополиту вошелъ съ ходатайствомъ, въ которомъ пояснилъ, что песъ его былъ необыкновенный и, умирая, пять тысячъ на благотворительныя цѣли оставилъ. Ну, только этому досталось.

— Судили?

— Нѣтъ, только вмѣсто пяти тысячъ съ него двадцать тысячъ взяли и едва едва дѣло прекратили.

— А это что за фонари?

Дѣйствительно между памятниками торчали длинные чугунные столбики съ фонариками. Ужь не для освѣщенія ли кладбища? подумалъ я. Оказалось, что это тѣже памятники; въ фонарикахъ, за дверцою, мѣдные складени; передъ ними теплятся лампадки. На одной могилѣ четыре такихъ фонарика. Обиліе металла сказывается во всемъ. Доски на могилахъ чугунныя; говорятъ, прежде здѣсь и гроба приготовлялись желѣзные. Кое-гдѣ кресты, выкрашенные въ ярко-красную краску. Особенно изященъ оказался памятникъ надъ священникомъ Іосифомъ, неизвѣстно какъ попавшемъ сюда.

— Тутъ съ этими монументами бѣда?

— А что.

— Да какже, въ одномъ заводѣ купецъ Шабашовъ, когда откупа уничтожили, поставилъ имъ памятникъ на площади — крестъ состоящій изъ полуштофовъ. Также хотѣли суду предать, да откупился. А другой пирамиду возвелъ, якобы надъ своей женой. Она отъ него сбѣжала; ну, онъ и рѣшилъ, что для него она умерла навсегда, поставилъ мраморную массу, на которой высѣкъ, да еще золотою вязью:

«Судьба не долго насъ ласкала, —
«Семь лѣтъ съ женою я прожилъ;
А на восьмой она сбѣжала
«И память я о ней подъ камнемъ схоронилъ!»

«Упокой Господи грѣшную душу рабы твоей Анны, оставившей безутѣшнаго мужа и сирыхъ чадъ своихъ на произволъ стихій. Сбѣжала сего 1855 года, Іунія 25-го, съ инженеръ-поручикомъ Шварцовымъ изъ нѣмцевъ».

— Неужели это возможно?

— Да такія ли у насъ еще дѣла бывали... Это еще что! А слышали ли вы, какъ одинъ заводчикъ на гувернанткѣ своей недавно женился. Это уже исторія самаго недавняго времени. Она несоглашалась отдаться ему такъ; ну, онъ сдѣлалъ ей формальное предложеніе француженка обрадовалась и приняла. Порусски она непонимала. Онъ пошелъ съ нею въ церковь, велѣлъ священнику отслужить молебенъ о здравіи и долгоденстіи болярина Алексѣя, самъ серьезно простоялъ съ нею на колѣняхъ все время. Она при этомъ горько плакала, затѣмъ онъ ее поцѣловалъ въ церкви и объявилъ, что они мужъ и жена. Только черезъ годъ она узнала объ этомъ подлогѣ и бросилась жаловаться.

— Разумѣется, ничего но добилась?

— Еще бы! на нашихъ заводчиковъ и посейчасъ никакой управы нѣтъ. Но она, впрочемъ, отмстила ему по своему.

— Какъ это?

— Да опять помирилась съ нимъ и убѣдила ѣхать съ собою въ Петербургъ; тотъ отправился... Тамъ у нее было двое братьевъ. Она имъ пожаловалась. Французы было вскипятились, да видятъ, что ничего не подѣлаешь, и порѣшили наказать его. Зазвали къ себѣ, завязали ротъ, чтобы не кричалъ, да и высѣкли раба божьяго. Что жъ бы вы думали, вѣдь образумился.

— Въ какомъ отношеніи?

— А въ такомъ, что женился на ней дѣствительно... Ты, говоритъ, этимъ такъ мнѣ любовь свою доказала... Ну, и она тоже ловкая: какъ изъ церкви вышли они, она, вмѣсто того чтобы къ нему, пересѣла къ какому то французу перчаточнику въ коляску, да съ нимъ и уѣхала. Такъ нашъ заводчикъ въ дуракахъ и остался...

III.

Глушь. — Рудянка. — Какъ въ старину дѣлались двоеженцами. — Какъ вѣнчали съ мертвецами? — Село Шуралинское. — Старатели. — Золотое дно. — Невьянскъ. — Какая земля. — Истребленные лѣса. — Фея стараго замка. — Цифры и факты.

Лѣса и горы, горы и лѣса. Изрѣдка покажутся главныя вершины каменнаго Урала и опять уйдутъ изъ глазъ. Путь идетъ мимо Рудянскаго пруда и громаднаго болота съ другой стороны; мы двигаемся точно по перешейку... На право, черезъ болото прокладывается дамба желѣзной дороги. Люди — мухи ползаютъ по этой желтой насыпи, копошатся на ней... Вонъ, издали — точно готическій монастырь изъ краснаго кирпича. Совсѣмъ обманываешься; такъ разстояніе, сливая всѣ детали этой громады, придаетъ ей еще болѣе грандіозные размѣры... Чѣмъ ближе, тѣмъ поэтическое старинное аббатство все больше и больше блекнетъ, теряетъ свою прелесть и величіе и, наконецъ, обращается въ довольно красивое заводское строеніе и только; другіе корпуса тянутся внизъ, къ самому озеру, на свѣтлыхъ водахъ котораго сегодня ярко блеститъ солнце. На здѣшнемъ заводѣ вырабатывается болѣе 350 тысячь пудовъ чугуна, 120,000 пудовъ кричнаго желѣза, 180 тысячъ пудовъ болванки. Строено все это въ доброе старое время, когда руки были дешевы, когда не приходилось нанимать крестьянъ, когда цѣлыя села издали сгонялись въ данную мѣстность. На Уралъ часто силой гнали тысячи «головъ» несчастныхъ мужиковъ, отрываемыхъ отъ семьи, умиравшихъ на пути и рѣдко возвращавшихся назадъ. Страшное время!.. Тутъ же мнѣ разсказывалъ, напримѣръ, старый кричный рабочій:

— Мой отецъ-то двоеженецъ былъ.

— Какъ?

— Такъ — по хозяйскому приказу. Взяли его изъ села и послали сюда. Жену съ малолѣтками на мѣстѣ оставили. А здѣсь хозяинъ говоритъ: «чѣмъ тебѣ жену сюда тащить, я тебя здѣсь оженю». Отецъ было утерся — куда тебѣ!.. баринъ такой былъ — что ему въ голову втемяшится, онъ ужъ на своемъ поставитъ. Приказалъ попу и оженили отца. Потомъ время пришло — первая жена съ нами пришла сюда; — глядь, а у него ужъ вторая семья.

— Чтожъ она?

— Вмѣстѣ и зажили.

Съ двумя женами?

— Да!.. Чтожъ подѣлаешь... Съ тѣхъ поръ и звать насъ стали Двоежоновыми. Прежде это было просто, не то, что нынѣ.

Рудянка красиво расположена по берегу озера. Когда мы подъѣхали къ заводу, на площади стояла сплошная толпа старателей.

Кудлатые, всклоченные, измазанные землей, съ удивительно энергическими лицами. Громкій говоръ и громкія шутки. Очевидно, незагнанная заводская челядь, что все тишкомъ да бочькомъ... По четвергамъ они сходятся отовсюду сдавать золото, намытое ими въ теченіи недѣли...

— Теперь вотъ они какъ слѣдоваетъ! объяснилъ мнѣ спутникъ. А только получатъ деньги — пойдутъ въ кабаки... Что тутъ шуму будетъ!

— Еще бы цѣлую недѣлю по лѣсамъ да по болотамъ работать — напьешься.

— Ужь они пьютъ очень шибко, потому что старатель—онъ вольный рабочій, безстрашный. По одиночкѣ мѣсяцы, бываетъ, въ лѣсу живутъ. Пню молятся!..

Между старателями были и бабы.

— Тутъ такой обычай; старательская баба со всѣмъ на особомъ положеніи.

— А именно?

— Другая — мужу своему покорствуетъ, а этой мужъ не грозенъ. Какая дѣвка старательская, такъ она сама себѣ мужа выбираетъ, а не онъ ее... А бабы у нихъ шибкія, ничего не пужаются... и сильные же есть! Разъ одна двухъ бѣглыхъ въ лѣсу поймала...

За Рудянкой мы вновь увидѣли Уралъ. Величавая панорама грандіозныхъ и безчисленныхъ горныхъ вершинъ, обступившихъ горизонтъ, невольно приковывала взглядъ. Что то торжественное, молчаливое чувствовалось въ этомъ. Синіе силуэты этихъ горъ поражали разностью своихъ очертаній. Вонъ, по пути, небольшой Шигирскій золотой пріискъ, затерявшійся въ пустынѣ. Безпросвѣтная глушь кругомъ; двѣ-три артели рабочихъ живутъ тутъ. Воображаю, какое гнетущее впечатлѣніе должно производить это захолустье въ сумрачные вечера, среди густыхъ и безмолвныхъ лѣсовъ, въ виду острыхъ пиковъ и грузныхъ массъ надвигающагося на эту дебрь Урала. Желѣзная дорога, разумѣется, сожжетъ и увезетъ отъ сюда эти лѣса, и тогда впечатлѣніе, производимое ими, будетъ далеко не такъ сильно. Еще нѣсколько верстъ неподвижныхъ лѣсовъ и покрытыхъ топкимъ слоемъ воды болотъ и передъ нами Шуралы... Рѣка Шуралинка бѣжитъ, извиваясь, по долинѣ.

— Золотая рѣчка!..

— Богаты пріиски?

— Сказать даже нельза, какъ богаты! Тутъ до шестидесяти старательскихъ и господскихъ пріисковъ. Между ними самый лучшій—Ключи...

По берегамъ — масса избъ... Шуралинское село обстроилось чудесно. Дома прочные, бѣдныхъ хижинъ почти нѣтъ. Стѣны выве-

дены изъ толстыхъ бревенъ, окна прорѣзаны частыя и большія, крыши тесовыя... улицы широкія, красивыя, хоть и безлюдны.

— Вѣдь вотъ живутъ же и безъ завода.

— Отчего не жить. Положимъ, что лѣса сожгли въ долинахъ, такъ и заводъ закрыли. За то золотое дѣло здѣсь ужь очень выгодно.

Я не разъ убѣждался, впрочемъ, что хорошія избы и постройки вовсе недоказываютъ богатства населенія. Вологодская и архангельская окраины — яркій примѣръ этого. Не тамъ ли села обстроены на славу. Двухэтажныя избы — а въ нихъ, внутри, зачастую, гнѣздится такая нищета, какой не найдешь подъ соломенными кровлями гдѣ-нибудь въ Смоленской или Витебской губерніяхъ. Ставились большія, просторныя избы въ тѣ времена, когда голода не было, а какъ ударили недороды, да недостача, повымерли кормильцы, такъ и въ большихъ хороминахъ стало хлебать нечего. Не случалось ли читателю въ такихъ чудесныхъ домахъ изъ стараго кандоваго лѣсу останавливаться и встрѣчать хозяевъ, просившихъ ради христа?.. Мнѣ, по крайней-мѣрѣ, не разъ приводилось встрѣчать и такихъ.

— Чѣмъ же живутъ шуралинцы? Положимъ — золотомъ, да вѣдь оно всѣмъ же не даетъ хлѣба.

— А конная сила слишкомъ велика!..

Тутъ, дѣйствительно, благодаря хорошимъ лугамъ, коневодство поддерживаетъ крестьянскія хозяйства. Мужикъ, какой нибудь старатель, а дѣти идутъ съ лошадьми на желѣзную дорогу, въ обозъ.

— Такъ и кормятся... Шуралинцы у насъ на диво сложены, народъ крупный, дѣти ростутъ сильныя, здоровыя... Тоже работаютъ; сызмала еще, а ужь наживщикъ, въ домъ несетъ, а не изъ дома...

— Ну, дѣтямъ не слѣдовало бы работать.

— Какъ судить! Читалъ и я въ газетахъ, что не надо. А только кто сообразитъ: отецъ заработаетъ двадцать рублей, не хватаетъ у него на семью-то и нищаетъ. И семья голодная, и дѣти больны. А какъ четверо мальцовъ принесутъ еще двадцать рублей — анъ онъ и на ногахъ уже... Ему и не страшно, крѣпко стоитъ и отложитъ кое что, и коня прикупитъ, и коровку...

Потянуло къ вечеру. Мнѣ уже надоѣли эти горы. Одно измѣненіе въ характерѣ мѣстности я замѣтилъ, приближаясь къ Невьянску. Позади еще были лѣса, но чѣмъ дальше мы подымались впередъ, тѣмъ ихъ становилось все меньше. Новообразимое уныніе лежало на этихъ оголеныхъ долинахъ и скатахъ, въ этихъ вырубленныхъ сплошь ущельяхъ. Я завернулся въ пледъ и зажмурился. Не было охоты смотрѣть на это запустѣніе.

— Вотъ старѣйшій изъ нашихъ уральскихъ заводовъ — Невьянскъ.

Я было уже заснулъ — дѣло было подъ вечеръ.

— Гдѣ Невьянскъ?.. Тотъ, который теперь называютъ золотымъ дномъ.

— Тотъ самый.

Вдали клочекъ озера и верхушки башень. Масса домовъ по сторонамъ. Озеро раздвигается, башни ростутъ и ростутъ. Одна оказалась соборной колокольней, а другая выстроена въ 1725 году, по образцу московскихъ кремлевскихъ, только значительно ихъ выше. Она покосилась на одну сторону, какъ знаменитыя кампаниллы Пизы и Болоньи. Разумѣется, болонская только покрупнѣе, а пизанская изящнѣе этой... Вокругъ Невьянска ни лѣсинки. Оказалось, все что можно было вырубить — давно вырублено и сожжено въ заводскихъ печахъ, такъ что все дѣло здѣсь нѣкоторое время было закрыто и возобновилось только благодаря льготному разрѣшенію пользоваться лѣсами монетнаго двора, когда-то существовавшаго въ Екатеринбургѣ... Уже стемнѣло, когда мы проѣзжали по широкимъ улицамъ этого завода, который по величинѣ своей побольше иного города. Вонъ, яркое пламя блеснуло намъ на встрѣчу. Оказалось, что его выбрасывала домна, выбрасывала вверхъ, выбрасывала въ круглыя окна, выбрасывала еще въ открытое устье печурки, откуда лилось въ это время поспѣвшее чугунное молоко.

— Поклонитесь! схватилъ меня за плечо спутникъ.

— Что такое?

— А какъ упадетъ! расхохотался онъ, показавъ на наклонившуюся въ нашу сторону массу Невьянской башни.

Наскоро переодѣвшись, мы отправились къ управляющему заводомъ, Салареву. Въ первой же комнатѣ на встрѣчу намъ вышла такая красавица, какой, признаюсь, и въ Петербургѣ мы не видали. Оказалась дочь хозяина. Прелестные, сѣрые глаза весело смотрѣли изъ подъ красиво очерченныхъ бровей, тонкій овалъ лица, съ безукоризненнымъ носомъ и артистически вырѣзанными губами поражалъ своимъ изяществомъ. Масса бѣлокурыхъ волосъ на головѣ была заплетена въ двѣ низко падавшія косы. Стройная, какъ пальма, она казалась не шла, а скользила намъ на встрѣчу.

— Папа сейчасъ выйдетъ.

Мы не нашлись даже что̀ отвѣтить благодѣтельной феѣ этого замка... Иначе не знаю какъ и назвать старинную постройку, всю покоившуюся на громадныхъ аркахъ. Комнаты были устроены съ самыми различными фокусами акустическаго свойства. При всей ихъ величинѣ шопотъ въ одномъ углу слышался въ противоположномъ; тотчасъ на столѣ явился самоваръ, а вслѣдъ за тѣмъ вышелъ и хозяинъ, въ высшей степени пріятный, милый и радушный человѣкъ.

Невьянскъ въ 1698 году подаренъ Петромъ Великимъ туляку Демидову. Тогда этотъ участокъ былъ великолѣпенъ только глухими лѣсами, но отъ нихъ теперь остаются рѣдкіе клочки. 180,000

десятинъ, составляющія здѣшнюю заводскую дачу,—вырублены до тла и, какъ я уже говорилъ, заводъ существуетъ только благодаря разрѣшенію пользоваться лѣсами бывшаго монетнаго двора. Изъ нихъ ежегодно должно вырубаться не менѣе 21,000 кубическихъ саженъ, съ уплатою за каждую 30 коп. Въ силу этого только и держатся еще доменныя печи и старое кричное производство въ Невьянскомъ и лежащемъ къ с. в. отъ него Петрокаменскомъ заводахъ. Кромѣ этого, здѣсь добывается золото и на пріискахъ, и старателями, которые за три послѣдніе мѣсяца сдали его 4 пуда и получили по 2 руб. за золотникъ. Саларевъ первый поднялъ плату старателямъ на Уралѣ. До него ихъ притѣсняли, брали металлъ по произвольной цѣнѣ, но онъ сталъ сейчасъ же на ихъ сторону, и первымъ его дѣломъ здѣсь было подъемъ рабочихъ цѣнъ и вознагражденіе за промытое вольными артелями золото. Чтобы окончательно раздѣлаться съ цифрами, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя.

Желѣза полосоваго на Невьянскомъ заводѣ приготовляется до 300,000 пудовъ; добыча золота колебалась отъ 7 до 33 пудовъ въ годъ. За послѣдніе годы она колебалась между 12—26 пудами, а въ слѣдующій, 1877 годъ, Саларевъ ожидалъ 30 пудовъ. Невдали отъ Невьянска находится самый лучшій пріискъ—Быньговскій. Когда сократили дѣятельность завода за недостаткомъ лѣсовъ, то неоказалось надобности въ прудѣ, воду изъ котораго и спустили; обнаружилось ложе рѣки Нейвы, и самое дно пруда по изслѣдованіи найдено золотоноснымъ. Сейчасъ же промыли до семи пудовъ драгоцѣннаго металла, а теперь собираются шурфовать все ложе рѣки. Не вездѣ, впрочемъ, поиски были сразу удачны: въ верхней части Быньги израсходовали много денегъ, но не нашли ничего, хотѣли было совсѣмъ уже оставить дальнѣйшія изысканія, какъ однимъ шурфомъ наткнулись на богатѣйшую розсыпь, которая въ первое же время дала $11^1/_2$ пудовъ золота, промывъ для этого 2.153,800 пудовъ земли. Всего же на Невьянскомъ заводѣ, съ 20-го года нынѣшняго столѣтія по 1876 годъ, добыто, не мало не много, какъ 1,000 пудовъ этого металла. На сколько новый пріискъ оказался богатъ, видно изъ сравненія съ другими. Напримѣръ, на Золотоключевскомъ на 2.321,400 пуд. песку пришлось только 2 пуда 2 фунта 14 золотниковъ металла.

На 180,000 десятинахъ этой дачи разбросано 44 селенія съ тремя заводами, въ томъ числѣ населено здѣсь 33,000 душъ, которымъ надо выдать изъ мѣстныхъ лѣсныхъ участковъ, еще уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ, отъ 7 до 8000 кубическихъ саженъ дровъ. Такимъ образомъ, заводы не пользуются вовсе этими жалкими островками лѣса, предоставляя ихъ крестьянамъ. По административному распоряженію горнаго управленія, ближе пяти верстъ къ деревнѣ лѣсъ рубить нельзя. Если взять циркуль и по радіусу въ пять

верстъ очертить имъ деревни, то круги всѣ зайдутъ одинъ за другой. Такимъ образомъ, мудрое распоряженіе, если бы его стали исполнять, выселило бы всѣхъ крестьянъ отсюда. Изъ 33,000 населенія на заводахъ и рудникахъ работаютъ только 2200 человѣкъ. Остальные частью живутъ хлѣбопашествомъ. Запашки здѣсь большія. Отъ Невьянска до Петрокаменска на десять верстъ идутъ сплошные посѣвы ржи, овса, ячменя и немного льна. Остальная масса крестьянства живетъ извозомъ и работами на здѣшнихъ кожевняхъ, салотопняхъ и другихъ фабрикахъ. Здѣсь выдѣлывается винтовка, сундуки, разныя желѣзныя вещи, и во всемъ замѣчается одно: промышленность развилась бы удивительно, такъ же, пожалуй, какъ въ Кунгурѣ, если бы только не ощущалась постоянная, страшная нужда въ топливѣ. Много мѣстной руды бураго желѣзняка остается не выработанной вслѣдствіе этого, хотя она содержитъ въ себѣ 45% чистаго металла; такой руды запасъ громадный — но ничего съ ней не подѣлаешь, потому что нѣтъ лѣса, а лѣса нѣтъ и дѣла нѣтъ.

Я заинтересовался, какъ и вездѣ, рабочими дѣлами, и оказалось, что мастера здѣсь получаютъ на желѣзномъ заводѣ до 40 руб. въ мѣсяцъ, подмастерья 35 р., работники 20 р. поденно платится по 40 коп., и только для плотниковъ отъ 60—40.

В. Немировичь-Данченко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ [1].

I.

СКЕПТИЧЕСКО-МАТЕРЬЯЛИСТИЧЕСКОЕ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вліяніе „освободительныхъ" идей на сочиненія императрицы Екатерины и на журналы Новикова.

УДУЩЕЕ время, дальнѣйшее изученіе екатерининской эпохи, подмѣтитъ, вѣроятно, не мало отраженій свѣтлой стороны идей «освободительной» философіи въ фактахъ нашей словесности. Но и въ настоящую минуту мы можемъ опредѣлительно указать, что, напримѣръ, борьба Вольтера съ предразсудками, фанатизмомъ, суевѣріями, что его скептицизмъ отразились свѣтло и ярко въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины и... какъ это ни странно съ перваго взгляда — въ журналахъ Новикова.

Императрица Екатерина не любила, какъ извѣстно, всего туманнаго, мистическаго, не уживавшагося съ яснымъ разсудкомъ; и потому она враждебно относилась къ масонству. Нельзя сказать, чтобы ея отношенія къ этому направленію умовъ были совершенно вѣрны: въ воззрѣніяхъ императрицы на масонство слишкомъ много раціонализма, разсудочности; она совершенно не замѣчала того хорошаго, что несомнѣнно было въ орденѣ Вольныхъ Каменьщиковъ,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVI, стр. 241.

и особенно въ отдѣльныхъ его членахъ, братьяхъ ордена. Но темныя его стороны, его фантастическія бредни и мечтанія, обманы и плутни, забиравшіеся въ масонскую среду и дурачившіе простодушныхъ, а иногда и непростодушныхъ братьевъ-каменьщиковъ, подмѣчены императрицей вѣрно и живо осмѣяны въ нѣсколькихъ ея комедіяхъ.

Въ комедіи «Шаманъ Сибирскій» [1]) Екатерина сближаетъ масоновъ съ сибирскими шаманами и съ кликушами. Герой комедіи — шаманъ Амбанъ-Лай; про него носятся слухи, что онъ «потаенно запершись въ погребу солнечные лучи въ котлѣ распускаетъ (явный намекъ на масоновъ) и изъ нихъ какую-то мазь варитъ». Этотъ Амбанъ-Лай погружается въ «восхитительныя думы», «гдѣ онъ бываетъ аки внѣ себя», и тогда кричитъ на разные звѣриные голоса, произноситъ какія-то непонятныя и безсмысленныя слова и т. п. Онъ «своими финты-фантами не только привлекаетъ массу посѣтителей, но и предсказаніями и угадками по чертамъ лица выманиваетъ у всѣхъ деньги колико можетъ» [2]).—Онъ по ремеслу сапожникъ, но живетъ пронырствомъ и обманомъ; такъ напримѣръ, «чтобы выманить у какой-то вдовы-купчихи денегъ, онъ обѣщалъ ей показать мужа на-яву, и для этого приводилъ къ ней два дня сряду какихъ-то нарочно наряженныхъ бородачей, которыхъ она, испугавшись, принимала за мертваго сожителя» [3]).—Замѣчательно, что въ комедіи Амбанъ-Лаю менѣе всего вѣрятъ простые люди, слуги нѣкоего Бобина, у котораго онъ живетъ.—Основная мысль комедіи та, что масонство, пришедшее къ намъ изъ чужихъ земель, есть такое-же суевѣріе, какого у насъ дома много. Шамановъ «не зачѣмъ выписывать изъ-за моря» (говоритъ въ концѣ піесы одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Брагинъ). «Повидимому этова товару вездѣ сыскать можно»... (добавляетъ другое лице — Кромовъ).

Въ комедіи «Обманщикъ» проводится та-же идея, что масонство есть обманъ и суевѣріе, и притомъ не новые. Въ заключительныхъ словахъ послѣдняго (5-го) акта одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новый, но едва не беретъ-ли онъ по временамъ на себя виды только разные» [4]).— Императрица, разумѣется, ошибается, дѣлая слишкомъ широкое обобщеніе; но что обманщики играли не малую роль въ орденѣ вольныхъ каменьщиковъ, въ этомъ она права.—Героемъ комедіи является нѣкто Калифалкжерстонъ, подъ которымъ надо разумѣть, конечно, извѣстнаго графа Каліостро, масона и фокусника. Масоновъ императрица называетъ здѣсь (вовсе, впрочемъ, не остро-

[1]) Полное собраніе соч. имп. Екатерины II, 3 т. Изд. А. Смирдина. Спб., 1849 г. Т. II.

[2]) Тамъ же, стр. 502.

[3]) Тамъ же, стр. 499.

[4]) Тамъ же, стр. 600.

умно) «мартышками», пародируя наименованіе одной изъ сектъ ордена — «мартинисты». Калифалкжерстонъ — плутъ, пользующійся всякимъ случаемъ, чтобы извлечь для себя выгоду... Онъ явно обкрадываетъ глуповатаго и простодушнаго Самблина, выманивая у него червонцы и алмазы будто-бы для того, чтобы варить ихъ въ котлѣ и этимъ безконечно умножать; котелъ съ ними (говоритъ онъ) «при рожденіи новаго мѣсяца я сниму съ очага при свидѣтеляхъ и тогда окажется неисчерпаемое богатство, въ ономъ теперь

Н. И. Новиковъ.

Съ гравированнаго портрета Розонова.

зрѣющее» [1]. — Калифалкжерстонъ выдаетъ себя за человѣка, живущаго уже много столѣтій. Когда Самблинъ застаетъ его въ задумчивости, разговаривающимъ съ самимъ собою, и спрашиваетъ — съ кѣмъ это онъ бесѣдуетъ? онъ отвѣчаетъ, что къ нему приходилъ давнишній его знакомецъ—Александръ Македонскій.

«Я его зналъ (говоритъ шарлатанъ), когда онъ завоевалъ Персію; онъ тогда прошелъ съ войскомъ сквозь мои маетности; я ему поднесъ анкерокъ вина моего винограднаго, который ему столь понравился, что онъ на три дня остано-

---

[1]) Тамъ же, стр. 566.

вился въ моемъ домѣ съ своими генералами, пилъ и ѣлъ со мною вмѣстѣ, и последній вечеръ пьянехонько всталъ изъ-за стола» [1]).

Калифалкжерстонъ увѣряетъ еще, что умѣетъ предсказывать по звѣздамъ судьбу человѣка до самаго его смертнаго часа. Притомъ онъ озадачиваетъ простодушно-довѣряющихъ ему людей загадочными, неясными, таинственными выраженіями.—Замѣчательно, что и въ этой пьесѣ, какъ въ «Шаманѣ Сибирскомъ», простой человѣкъ (по волѣ автора) скептически относится къ масонству: служанка Самблина называетъ разговоръ масоновъ непонятнымъ бредомъ.

Въ третьей комедіи того-же рода — «Обольщенные» — императрица высказываетъ простое и здравое возраженіе противъ «тайны» масонскаго ордена, «тайны» его ученій, обрядовъ и главное — дѣлъ: не зачѣмъ дѣлать добро потаенно, когда узаконенія даютъ возможность дѣлать его явно. Въ этой пьесѣ различные плуты обманываютъ честныхъ людей, притворяясь, будто хотятъ имъ сдѣлать добро.

Кромѣ названныхъ комедій, противъ масонства направлено еще сочиненіе императрицы Екатерины (впрочемъ довольно слабое) — «Тайна противо-нелѣпаго общества».

«Освободительныя» идеи отразились затѣмъ въ «Наказѣ», гдѣ императрица говоритъ противъ суевѣрій и отмѣняетъ пытки. Но о «Наказѣ» рѣчь впереди.

Можетъ быть, болѣе существенно, по крайней мѣрѣ, съ бо̀льшей широтою, свѣтлыя идеи освободительной философіи отразились въ послѣднемъ періодѣ литературной дѣятельности Новикова, преимущественно въ послѣднемъ его журналѣ — «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784 — 1785 гг.). Здѣсь помѣщенъ цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ фанатизма, противъ суевѣрія. Таковы: «Бильфельдово разсужденіе о тщетныхъ наукахъ и художествахъ» (ч. II), статья «О предвѣстіяхъ грядущихъ бѣдствій» (ч. I), «Сонъ» (ч. IV) и другія.

Что подобныя произведенія могли возникнуть подъ вліяніемъ именно философіи вѣка, на это прямо намекаетъ одна статья названнаго журнала—«Письмо къ издателямъ Покоящагося Трудолюбца». Авторъ этой интересной статьи, говоря о Вольтерѣ, находитъ въ знаменитомъ писателѣ много чертъ, заслуживающихъ осужденія; но съ другой стороны признаетъ въ немъ и достоинства.

«Кто бы ни былъ Вольтеръ (говоритъ онъ), хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не извинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ. По мнѣнію пустосвятовъ и по сію пору должны бы не угасать инквизиціонные костры и под

---

[1]) Тамъ же, стр. 557.

земные заклепы должны бы наполняться стономъ людей, не состоящихъ или не хотящихъ быть въ полчищѣ фанатиковъ» [1]).

Кромѣ борьбы съ фанатизмомъ, кромѣ осмѣянія суевѣрія, мы встрѣчаемъ въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» и скептицизмъ. Скептицизмъ (въ его чистомъ видѣ) и составляетъ отличительный характеръ философскихъ статей и вообще философіи этого журнала Новикова. Есть въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» чрезвычайно интересное и важное въ этомъ смыслѣ сочиненіе, носящее нѣсколько странное и черезъ-чуръ длинное заглавіе — «Человѣкъ наединѣ разсуждающій о неудоборѣшимыхъ пневматологическихъ, психологическихъ и онтологическихъ задачахъ» [2]).

Здѣсь мы встрѣчаемъ почти прямой переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ вольтеровскаго трактата «Душа» (въ «Философскомъ словарѣ»). Мы ничего не знаемъ о существѣ вещей (говоритъ авторъ): можетъ быть это происходитъ отъ того, что мы по бо́льшей части заимствуемъ понятія свои отъ однихъ чувствъ. Оттого мы и не можемъ «проникнуть проходы и скважины огромной машины, которой одни только дѣйствія намъ видны». Все это можно примѣнить къ нашимъ понятіямъ о душѣ:

«душа, говорятъ философы, есть существо; но что есть существо? Не знающіе при этомъ вопросѣ молчатъ, а разумные сами себѣ противорѣчатъ, и молчаніе однихъ не яснѣе пустословія другихъ». — «Можно ли больше понимать о рожденіи душъ, какъ и о ихъ существѣ?»

Рождается-ли душа отъ души? существуетъ-ли душа человѣка до рожденія? имѣетъ ли она тогда понятіе о своемъ бытіи? — Все это намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какъ человѣкъ переходитъ отъ состоянія, когда имѣлъ только способность чувствовать и мыслить, къ состоянію, когда свободно чувствуетъ и мыслитъ? — Затѣмъ, точно также непонятны намъ отношенія души и тѣла.

«По какому особому механизму существо безъ протяженія можетъ быть соединено съ существомъ, имѣющимъ протяженіе?» — «Почему душевныя способности, которыя не сотворены изъ вещества, возрастаютъ по мѣрѣ чувствъ тѣлесныхъ, которыя не суть духъ?» — «Какъ душа дѣйствуетъ во внутренности человѣка и какое бываетъ отраженіе матеріи на духъ? Какъ зрительная жилка трогаетъ душу?»

Далѣе, — гдѣ «жилище души?» Разные философы указываютъ на разныя части тѣла;

«но духовный человѣкъ не равно ли станетъ удивляться глупости отвѣтовъ, какъ и запросовъ? Для чего, скажетъ онъ, думаютъ они, яко бы душа заключена въ тѣлѣ, подобно какъ существо могущее быть содержимо въ сосудѣ? Помѣщать душу въ малѣйшихъ мозговыхъ сосудахъ есть заблужденіе столь же грубое, какъ и думать, что она обитаетъ въ солнцѣ».

---

[1]) Покоящійся Трудолюбецъ, ч. IV, 1785 г., стр. 67—69.

[2]) Тамъ же, ч. II, 1784 г.

Затѣмъ, также непостижимы уму нашему и самыя душевныя силы:

«кто можетъ истолковать, для чего мои чувства меньше меня обманываютъ, чѣмъ разумъ: я розу не приму за алмазъ, а всякій день малыя причины принимаю за великія?»

Наконецъ,

«гдѣ тѣ предѣлы, которые различаютъ въ человѣкѣ свободное и не-свободное дѣйствіе? Я свободенъ, но для чего мои глаза повинуются моей волѣ, а кровь не повинуется?»

«Наше разсужденіе (заключаетъ авторъ свою статью) не далѣе простирается своимъ понятіемъ и о будущемъ состояніи души, какъ о ея началѣ и существѣ. Ибо намъ говорятъ философы, что она безмертна, а болѣе ничего» [1]).

Таковы основныя мысли статьи «Покоящагося Трудолюбца». Если мы сравнимъ всѣ здѣсь выписанныя соображенія и скептическіе вопросы съ приведенными выше идеями Вольтера изъ его трактата «Душа», то увидимъ, что русскій журналъ былъ въ этихъ вопросахъ подъ явнымъ вліяніемъ знаменитаго французскаго писателя. Но есть, однако, (и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе), и огромная разница между міросозерцаніемъ Вольтера и нашего «Покоящагося Трудолюбца».—Мы видѣли, что французскій философъ не можетъ и не хочетъ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ о душѣ (какъ и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ) удержаться на высотѣ чистаго, отвлеченнаго скептицизма,—онъ переходитъ отъ него къ матерьялистическимъ вѣрованіямъ, переходитъ притомъ путемъ софизмовъ, порой даже грубыхъ и циническихъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ новиковскомъ журналѣ: знаменитый издатель «Покоящагося Трудолюбца» съумѣлъ взять изъ Вольтера одинъ его чистый скептицизмъ, отбросивши все примѣшавшееся къ нему нечистое и ложное, какъ пчела умѣетъ высосать изъ цвѣтка одинъ его чистый медовый сокъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ вліянія свѣтлыхъ сторонъ «освободительной философіи» на нашу литературу. Повторяю, что ими дѣло, конечно, не исчерпывается и подобныхъ примѣровъ найдется еще не мало.

II.

Вліяніе на русскую литературу темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка.—Поэмы В. Майкова.

Но едва-ли можно сомнѣваться, что вліяніе темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка было у насъ сильнѣе; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что оно отразилось на несравненно большемъ

[1]) Покоящійся Трудолюбецъ, ч. II, стр. 66—74.

числѣ литературныхъ произведеній, или (точнѣе сказать) цѣлыхъ видовъ словесности. Можетъ быть, это потому, что въ самой «освободительной философіи» начало злое и ложное пересиливало свѣтъ истины.

Такъ, мутная струя чувственности, легкомыслія и снисходительныхъ отношеній къ жизненному злу (одинъ изъ элементовъ философіи вѣка) охватила у насъ цѣлый рядъ особаго рода сочиненій; извѣстный подъ названіемъ «комической оперы», завладѣла однимъ изъ направленій журналистики, и выразилась въ дѣятельности нѣсколькихъ даровитыхъ писателей, напр. Вас. Майкова, Богдановича, имп. Екатерины.

Она, эта темная струя, захватила, впрочемъ, названныхъ писателей не цѣликомъ. У Майкова и Богдановича она выразилась, среди ряда чуждыхъ ей произведеній, почти только въ поэмахъ. Но, къ сожалѣнію, именно эти поэмы и были ихъ главными созданіями, составившими ихъ славу.

Василій Ивановичъ Майковъ [1]) (1728 — 1778) былъ сынъ ярославскаго помѣщика и получилъ очень неблестящее образованіе; такъ, онъ не зналъ никакого иностраннаго языка. Въ 1748 г. онъ поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ. Можно догадываться, что эта служба не могла хорошо повліять на душу даровитаго юноши. «Всѣмъ извѣстно (говоритъ въ своихъ запискахъ Болотовъ [2]), что ничто все благородное россійское юношество такъ много не портило, какъ гвардія: въ ней-то служа они дѣлались и повѣсами, и шалунами, и мотами, и расточителями имѣнія своего и буянами, и негодяями; словомъ гвардейская служба, въ которой утопали они только въ роскошахъ и безпутствахъ, была для нихъ сущимъ ядомъ и отравою». Къ чести Майкова слѣдуетъ сказать, что по выходѣ изъ полка въ отставку, онъ занялся самообразованіемъ и сблизился съ замѣчательными писателями и общественными дѣятелями: Сумароковымъ, Херасковымъ, Дмитріевымъ, Бибиковымъ и другими. Впослѣдствіи, онъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества и затѣмъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ.— Какъ въ творчествѣ, такъ и въ жизни Майкова замѣчается двойственность. Съ одной стороны онъ сближается съ мистиками и масонами, участвуетъ въ журналѣ Хераскова «Полезное увеселеніе» и самъ дѣлается масономъ (онъ посѣщалъ въ Петербургѣ ложу Ураніи, а въ 1775 году былъ сдѣланъ великимъ провинціальнымъ секретаремъ Великой провинціальной ложи; въ Москвѣ сошелся съ главой масонства у насъ — Шварцомъ, и способствовалъ знакомству послѣдняго съ Новиковымъ);

[1]) Сочиненія В. И. Майкова, изд. Глазунова, 1867 г., подъ редакц. Л. Н. Майкова. Здѣсь и біографія поэта.

[2]) Русск. Архивъ, 1864 г., изд. 2-е, стр. 746.

съ другой стороны — онъ былъ близокъ съ извѣстнымъ въ свое время вольтерьянцемъ, кн. Козловскимъ, и выдающеюся чертой въ его характерѣ была, какъ у всѣхъ вольтерьянцевъ, любовь къ удовольствіямъ. — Въ пользу Майкова говоритъ, однако, то обстоятельство, что онъ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ и участвовалъ въ его «Трутнѣ». Новиковъ и въ журналахъ своихъ, и въ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» отзывался о Майковѣ, какъ объ авторѣ, съ большимъ уваженіемъ.—Майковъ былъ честенъ. Но опредѣленныхъ политическихъ или общественныхъ убѣжденій у него не было: это былъ человѣкъ даровитый, но не имѣвшій сознательнаго направленія, и потому носившійся по вѣтру различныхъ идей.

Въ поэзіи его мы находимъ задатки возвышеннаго религіознаго лиризма; этому, какъ можно предположить, способствовало его религіозное воспитаніе въ родительскомъ домѣ и сношенія съ Новиковымъ. Изъ духовныхъ его одъ слѣдуетъ указать, какъ на самую лучшую, на оду «О суетѣ міра», написанную въ 1775 году:

Все на свѣтѣ семъ превратно,
Все на свѣтѣ суета,
Исчезаетъ невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица пріятство,
Сила, здравіе, богатство,
И порфира, и виссонъ,
Что въ очахъ намъ ни блистаетъ,
Все то, яко воскъ, растаетъ,
И минется, яко сонъ.

Эти стихи, прекрасные и по формѣ, и по возвышенности выраженнаго въ нихъ взгляда на жизнь, несомнѣнно проникнуты вдохновеніемъ. Объ умѣньи Майкова понимать поэтическія красоты библіи и о возвышенности порой его мысли свидѣтельствуетъ «Переложеніе псалма 136—на рѣкахъ Вавилонскихъ».—Въ стихотвореніи «Война» поэтъ, проникнутый религіознымъ лиризмомъ, описывая ужасы битвъ, осуждаетъ войну; замѣчательно, что онъ включилъ въ это свое сочиненіе заимствованную имъ изъ народныхъ духовныхъ стиховъ—жалобу земли къ Богу на грѣшниковъ.—Майковъ даже пытается въ своихъ стихотвореніяхъ бороться противъ матерьялизма; такъ, въ одѣ «Преосвященному Платону о безсмертіи души» онъ высказываетъ мысль, что о безсмертіи человѣка свидѣтельствуетъ ненасытность человѣческихъ желаній, наша жажда безсмертія. Ужели можно думать, говоритъ онъ,

Чтобъ Богъ, податель всѣхъ мнѣ благъ,
Источникъ всѣхъ существъ согласныхъ,
Мнѣ далъ желаньевъ тьму напрасныхъ,

Дабы развѣять ихъ, какъ прахъ;
И чтобы духъ мой по кончинѣ
Исчезъ, какъ искра водъ въ пучинѣ?

Но, будучи въ силахъ въ минуты вдохновенія подниматься на высоту религіозной мысли, Майковъ не могъ, однако, твердо держаться на этой высотѣ: сомнѣнія одолѣвали его; въ концѣ оды «Преосвященному Платону» онъ обращается къ знаменитому пастырю

В. И. Майковъ.
Съ портрета, приложеннаго къ собранію его сочиненій.

съ мольбой—помочь ему «опровергнуть сомнѣнія», «утишить бурю мыслей».

Какая-то слабость духа слышится вообще въ его лирикѣ. Она особенно замѣтна въ его похвальныхъ одахъ, въ которыхъ онъ, обладающій самобытнымъ талантомъ, подражаетъ, однако, Ломоносову, и его стихи, какъ всегда бываетъ съ подражаніями, выходятъ безконечно слабѣе оригинала. Вообще, въ своихъ хвалебныхъ одахъ Майковъ является холоднымъ риторомъ и переполняетъ стихи гиперболами.

Замѣчательною чертою въ творчествѣ Майкова, кромѣ религіознаго одушевленія, слѣдуетъ признать и присутствіе въ немъ народности. Такъ, иной разъ у него попадаются цѣлыя картины, заимствованныя изъ народныхъ созданій; напр. въ поэмѣ «Елисей» такими чертами описывается нарядъ героя:

Багрянъ сафьянъ до икръ, черкесски чеботы
Превосходили всѣ убранства красоты;
Персидскій былъ кушакъ, а шапочка соболья.
Изъ пѣсни взятъ уборъ, котору у приволья
Бурлаки волгскіе напившися поютъ;
А пѣсенку сію Камышенкой зовутъ:
Рѣка, что устьецомъ въ мать-Волгу протекаетъ.
Искусство красоты отвсюду извлекаетъ.

Въ послѣднемъ стихѣ авторъ какъ будто извиняется, что взялъ описаніе убора изъ народной пѣсни; но сквозь выразившееся въ этомъ извиненіи высокомѣрное отношеніе къ народной поэзіи слышится, однако, что онъ эту поэзію любитъ.—Разсказывая, какъ его Елисей дрался дубиною, Майковъ заимствуетъ обороты рѣчи изъ былинъ:

Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
А гдѣ повернется, тамъ площадь становится.

Въ той же поэмѣ авторъ остро подсмѣивается, съ народной точки зрѣнія, надъ нашими петиметрами, французоманами: молодые русскіе щеголи ѣздятъ во Францію, говоритъ онъ, не для того, чтобы учиться или знакомиться съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ чужой страны; они хотятъ лишь веселиться...

А если весело тамъ время проводить,
Такъ должно по домамъ кофейнымъ походить,
Узнать, въ какіе дни тамъ зрѣлища бываютъ,
Какіе и когда кафтаны надѣваютъ,
Какіе носятъ тамъ тупеи и виски,
Какія тросточки, какіе башмаки,
Какія стеклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтобъ, выѣхавъ оттоль, одѣться безъ промашки,
И тѣмъ подъ судъ себѣ подобнымъ не подпасть;
Умѣти изъяснить свою безстыдно страсть,
Вертѣться, вздоръ болтать по самой новой модѣ,
Какая только есть во вѣтренномъ народѣ.

Юморъ здраваго русскаго смысла выражается у Майкова порою и въ осмѣяніи высокопарности псевдо-классической поэзіи; вотъ напр. два стиха—пародія на пріемы торжественнаго эпоса:

Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый чистымъ,
Поѣхалъ, какъ Нептунъ, по водъ верхамъ пѣнистымъ.
Прости, о Муза мнѣ, что я такъ захотѣлъ

И два сіи стиха неистово воспѣлъ;
Тебѣ я признаюсь: хотя въ нихъ смысла мало,
Да естество себя въ нихъ хитро изломало.

Затѣмъ, народною чертой поэзіи Майкова можно считать еще отсутствіе въ ней аристократизма воззрѣній. Мы это видимъ, напр., въ басняхъ; такъ, въ баснѣ «Конь знатной породы» осмѣиваются сословные предразсудки; въ другой — «Общество» — проводится та мысль, что всѣ сословія одинаково важны:

Крестьянинъ, князь, солдатъ, купецъ, мастеровой
Во званіи своемъ для общества полезны,
А для монарха ихъ какъ дѣти всѣ любезны.

Басня «Поваръ и портной» осмѣиваетъ тщеславіе дворянъ, и т. д.

Но не возвышенная лирика религіознаго характера и не народное начало занимаютъ главное мѣсто въ произведеніяхъ Майкова. Главныя его сочиненія — это тѣ, по которымъ протекаетъ мутная струя чувственности. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановиться на названной уже выше большой поэмѣ—«Елисей, или Раздраженный Вакхъ». Въ герои этого произведенія возведенъ пьяный, буйный и развратный ямщикъ, которому, однако, авторъ очевидно сочувствуетъ. Содержаніе поэмы — буйныя и циническія похожденія этого ямщика Елисея въ кабакѣ, въ части, въ «обители дѣвицъ по нуждѣ благочинныхъ», въ погребѣ и спальнѣ жены откупщика. Притомъ сущность поэмы (должно замѣтить) заключается не въ общемъ откровенно-грубомъ содержаніи ея, а въ ядовито-циническихъ подробностяхъ, въ тонѣ, въ юморѣ. — Юморъ Майкова двухъ родовъ: съ одной стороны—это простой смѣхъ здраваго смысла (мы видѣли его выше); съ другой — это грубое осмѣяніе того, что слѣдовало бы уважать, циническая потѣха надъ народными вѣрованіями, надъ народными чувствами. Такъ, боги древности представляются, какъ въ современныхъ оперетахъ, въ смѣшномъ, въ дурацкомъ видѣ. Напр. Вакхъ говоритъ Зевесу:

Твой долгъ есть, отче мой, пить, ѣсть и утѣшаться,
Но ты теперь пути къ піянству заградилъ.

а Юпитеръ отвѣчаетъ ему:

Купцы, подъячіе, художники, крестьяне
Спилися съ кругу всѣ и насъ забыли въ-пьянѣ,
А сверхъ того еще отъ сидки винный дымъ
Восходитъ даже къ симъ селеніямъ моимъ
И выкурилъ собой глаза мои до крошки,
Которы были, самъ ты знаешь, будто плошки,
А нынѣ, видишь ты, ужь стали какъ сморчки,
И для того-то я ношу теперь очки.

Подобными же чертами изображаются и другіе боги; когда Юпитеръ приказываетъ Гермесу созвать боговъ на совѣщаніе, тотъ ле-

титъ «какъ гончій песъ» и съ трудомъ находитъ олимпійцевъ въ разныхъ странахъ среди такихъ занятій:

Плутонъ по мертвецѣ съ жрецами пировалъ,
Вулканъ на Устюжнѣ пивной котелъ ковалъ
И знать, что помышлялъ онъ къ празднику о брагѣ;
Жена его была у женъ честныхъ въ ватагѣ,
Которыя собой прельщаютъ всѣхъ людей;
Купидо на часахъ стоялъ у лебедей,
Марсъ съ нею былъ тогда; а Геркулесъ отъ скуки
Игралъ съ ребятами клюкою длинной въ суки;
Цибела старая во многихъ тамъ избахъ
Загадывала всѣмъ о счастьи на бобахъ;
. . . .
Нептунъ съ предлинною своею бородою
Трезубцемъ, иль, сказать яснѣе, острогою,
Хотя не свойственно угрюмому толь мужу,
Мутилъ отъ солнышка растаявшую лужу
И преужасныя въ ней волны воздымалъ
До тѣхъ поръ, что свой весь трезубецъ изломалъ,
Чему всѣ малые ребята хохотали, и т. д.

Цинизмъ произведенія Майкова особенно сказывается, во 1-хъ, въ непостижимо-откровенномъ для нашего времени изображеніи грязныхъ картинъ и событій, нисколько не возмущающихъ нравственнаго чувства автора; во 2-хъ, въ легкомысленномъ осмѣяніи такихъ чувствъ, уваженіе къ которымъ обязательно для каждаго человѣка. Вотъ, напр., осмѣяніе сыновней любви къ матери, или представленіе этого чувства въ глупомъ видѣ: симпатичный своему автору герой поэмы такъ выражается о смерти матери, описывая свой бой:

Ужь тѣло старое оставила душа,
А тѣло безъ души не стоитъ ни гроша,
Хотя-бъ она была еще и не старуха.
Я плачу, плачетъ братъ; но тотъ уже безъ уха;
И трудно было всѣмъ узнать его печаль —
Старухи ли ему, иль уха было жаль.
Потеря наша намъ казалась невозвратна;
Притомъ и мертвая старуха непріятна.
На завтра отдали мы ей послѣдню честь:
Велѣли изъ дому ее скорѣе несть (III, 31—40).

Сообразно съ чувственнымъ и легкомысленнымъ взглядомъ на жизнь и на человѣка, и мораль у Майкова (авторы произведеній, подобныхъ «Елисею», обыкновенно заботятся о морали) является уступчивою, сговорчивою. Такъ, когда въ поэмѣ всѣ боги строго осудили Елисея за его буйства, Зевесъ, наоборотъ (и авторъ, очевидно, ему въ этомъ сочувствуетъ), отнесся къ нему снисходительно и благосклонно:

По вашему —

говоритъ онъ богамъ —

его, я вижу, должно сжечь;
Но я не соглашусь казнить его столь строго,
Понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много,
И если мнѣ теперь ихъ жизни всѣхъ лишать,
Такъ долженъ я почти весь свѣтъ опустошать.
Когда бы я, какъ вы, былъ мыслей столь нестройныхъ,
Побилъ бы множество я тварей недостойныхъ,
Которыя собой лишь землю тяготятъ (V, 193—199).

Стихъ «понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много» свидѣтельствуетъ, что по пониманію автора его (по всей вѣроятности безсознательному)—нравственность дѣло условное и относительное.

Есть у Майкова еще поэма въ томъ же родѣ, или «пѣснь», какъ онъ назвалъ,—«Судъ Паридовъ» (т. е. судъ Париса). Это сочиненіе наглядно показываетъ намъ, какъ идеальныя мысли въ душѣ поэта подрывались матерьялизмомъ и чувственностью. Повидимому, въ поэмѣ проводится возвышенная идея; молодымъ людямъ дается такой совѣтъ:

А вы, о юноши, сей пѣсни гласъ внимайте,
И мыслей тлѣнными вещьми не занимайте.
Когда плѣнять начнетъ вашъ разумъ красота,
Воспомните, что то есть свѣтска суета,
Котора, какъ магнитъ, сердца младыя тянетъ,
И коя съ временемъ, какъ сельный кринъ, увянетъ,
Лишится прелестей блестящихъ навсегда
И болѣ цвѣсть уже не будетъ никогда (стихи 17—24).

Но замѣчательно, что это прекрасное нравоученіе совершенно отвлеченно: оно не подтверждается самимъ разсказомъ, и тамъ, гдѣ Парисъ (въ ходѣ повѣствованія) чувственно увлекается красотой Венеры, увлекается также и авторъ, вопреки своей мысли.

III.

Богдановичъ и его „Душенька“.

Весьма похожа по своему духу и направленію на разсмотрѣнныя произведенія Майкова поэма другаго извѣстнаго писателя екатерининскихъ временъ, Ипполита Өедоровича Богдановича,— «Душенька». — «Душенька» была знаменита въ свое время; ею увлекались не только современники, но и ближайшее потомство; въ честь автора ея писались хвалебные стихи. Платонъ Бекетовъ сочинилъ такую надпись къ портрету Богдановича:

Зефиръ ему перо изъ рукъ своихъ самъ далъ;
Амуръ водилъ рукой: онъ «Душеньку» писалъ.

Извѣстный стихотворецъ, другъ Карамзина, И. И. Дмитріевъ написалъ восторженную «эпитафію автору Душеньки»:

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ».

Богдановичу придавали значеніе даже такіе писатели, какъ Пушкинъ и Бѣлинскій. Великій поэтъ въ своей, дѣтской еще, правда, поэмѣ «Русланъ и Людмила» слѣдовалъ автору «Душеньки» въ очеркѣ образа героини, и впослѣдствіи, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», засвидѣтельствовалъ, что въ ранней юности ему были милы «Богдановича стихи».—Бѣлинскій, не признавая особенной талантливости за авторомъ «Душеньки», довольно рѣзко даже отзываясь о тяжести стиховъ поэмы, объ отсутствіи въ ней всякой поэзіи, игривости, граціи, остроумія, тѣмъ не менѣе говоритъ, что «поэма Богдановича все-таки замѣчательное произведеніе, какъ фактъ исторіи русской литературы; она была шагомъ впередъ и для литературы, и для литературнаго образованія нашего общества», такъ какъ служила переходной ступенью отъ громкихъ, напыщенныхъ одъ и тяжелыхъ поэмъ, которыя всѣхъ оглушали и удивляли, но никого не услаждали, къ болѣе легкой поэзіи, куда вводится комическій элементъ, гдѣ высокое смѣшивается съ смѣшнымъ, какъ это есть въ самой дѣйствительности, и сама поэзія становится ближе къ жизни [1]).

Но особенно интересны отношенія къ поэмѣ Карамзина, обладавшаго большимъ эстетическимъ чувствомъ и понимавшаго Шекспира (что можно сказать про немногихъ изъ современниковъ его молодости); онъ увлекался поэмой. Въ статьѣ своей «О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ» [2]) знаменитый писатель выражается такъ: «Въ 1775 году Богдановичъ положилъ на алтарь Грацій свою Душеньку». «Она не есть поэма героическая», и потому (говоритъ Карамзинъ) ее нельзя судить по законамъ, установленнымъ Аристотелемъ: «Душенька есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса, а для нихъ нѣтъ Аристотеля». Но «въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко,—и въ самомъ дѣлѣ не трудно, но только для людей съ талантомъ».

«Душенька»—не самобытное произведеніе Богдановича; нашъ писатель собственно переложилъ въ стихи «Les amours de Psyché», прозаическій разсказъ Лафонтена, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ романа римскаго писателя Апулея — «Золотой оселъ»; Апулей же въ своемъ произведеніи обработалъ древній

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. V (изд. 2-е, 1865 г.), стр. 299—304.
[2]) Соч. Карамзина. Изд. А. Смирдина, 1848 г., т. I. — См. также при I т. Соч. Богдановича, стр. 32.

греческій миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ, о сочетаніи души съ любовью. Но кромѣ литературной формы (стиха), разсказъ нашего писателя отличается отъ французскаго своего оригинала и тономъ (болѣе шутливымъ), и многими подробностями (обстоятельное сравненіе ихъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Карамзинъ въ упомянутой выше статьѣ своей). Нечего и говорить, что отъ древняго миѳа, послѣ цѣлаго ряда его обработокъ и передѣлокъ, ничего или почти ничего не осталось въ поэмѣ Богдановича.

Содержаніе поэмы таково: оракулъ предсказываетъ царю, отцу Душеньки, что его дочери суждено выйти замужъ за чудовище,— такъ угодно судьбѣ; царевну должно отвезти «на вершину невѣдомой горы» и тамъ оставить. Царь исполняетъ повелѣніе судьбы и отвозитъ дочку на гору. Душенька, сама того не подозрѣвая, попала въ царство Амура, который и долженъ быть ея супругомъ. Она окружена богатствомъ, роскошью; но мужа своего не видитъ: онъ является ей лишь во маркѣ; узнать—кто онъ такой она не смѣетъ: это запрещено ей подъ страхомъ потерять всѣ окружающія блага. Однако, любопытство превозмогаетъ все: при появленіи Амура Душенька зажигаетъ лампу. Но она тотчасъ-же наказана за ослушаніе: окружавшая ее роскошь исчезла и она очутилась въ пустынѣ. Отчаяніе овладѣваетъ царевной; отъ горя, скитаній и лишеній пропадаетъ ея красота, и она, наконецъ, рѣшается лишить себя жизни. Но Амуръ спасаетъ ее при всѣхъ попыткахъ самоубійства. И дѣло оканчивается тѣмъ, что Душенька раскаявается въ своемъ любопытствѣ и награждена за это возращеніемъ красоты и всѣхъ утраченныхъ благъ роскоши.

Богдановичъ высказываетъ въ своемъ повѣствованіи довольно возвышенную отвлеченную мораль: Душенька прощена, потому что очистилась отъ своего грѣха терпѣніемъ въ страданіяхъ, и Зевсъ объявляетъ народу «грамоту» такого содержанія:

> Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,
> Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ,
> Но красоту души ничто не измѣняетъ:
> Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.

Повидимому возвышенная мысль этихъ стиховъ должна лежать въ основѣ сочиненія. Но замѣчательно, что, напротивъ, ей совершенно противорѣчитъ сама поэма. (Мы видѣли тоже и въ поэмахъ Майкова). Прежде всего съ ней совершенно не гармонируетъ характеръ героини произведенія: въ Душенькѣ нѣтъ никакой «душевной красоты». Она просто, говоря языкомъ прошедшаго вѣка, щеголиха: живя еще въ отцовскомъ домѣ, она любитъ очень наряды, любитъ быть окруженной постоянно поклонниками, и когда ихъ нѣтъ вокругъ нея— скучаетъ. Притомъ у нея не оказывается никакихъ нравственныхъ убѣжденій: она думаетъ, какъ и ея родные, что мужъ ея—«чудо-

вище»; «чудовище» страшитъ ее... но оно окружило царевну богатствомъ, роскошью, и Душенька отлично примиряется съ своимъ положеніемъ, только любопытство одно ее мучитъ; авторъ говоритъ:

Супружество могло царевнѣ быть пріятно,
Лишь только таинство казалось непонятно.

Это не то, что героиня народной сказки, переложенной С. Т. Аксаковымъ («Аленькій цвѣточекъ»): та полюбила чудовище за его «добрую душу», а не за несмѣтныя богатства; легкомысленная же героиня Богдановича любитъ лишь себя самоё да роскошь; лишившись богатства, она умѣетъ только предаться отчаянью и, вопреки увѣреніямъ автора, никакого терпѣнія въ страданіяхъ не выказываетъ.—Замѣчательно, что Богдановичъ вполнѣ симпатизируетъ своей Душенькѣ; но замѣчательно также и то, что онъ ее не уважаетъ (мы увидимъ подобное и у другихъ авторовъ того-же направленія): такъ, ему ничего не стоитъ назвать ее мимоходомъ «дурой», даже не совсѣмъ кстати: во время ея скитаній по пустынѣ (разсказываетъ поэтъ) встрѣчный рыболовъ спросилъ ее — кто она такая; она отвѣтила:

«Я Душенька... люблю Амура».
Потомъ расплакалась какъ дура.

Кромѣ характера героини, возвышенной морали, отвлеченно высказанной въ поэмѣ, противорѣчитъ и тонъ ея, шутливый въ томъже духѣ, какой мы видѣли въ «Елисеѣ» Майкова. Такъ, въ «Душенькѣ», какъ и въ «Елисеѣ», легкомысленно осмѣиваются народныя вѣрованія, боги древности представляются въ дурацкомъ видѣ; вотъ, напр. изображеніе Сатурна:

А тамъ предъ ней (Душенькой) Сатурнъ безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ:
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.

Смерть изображается—«курносымъ чучеломъ съ плѣшивой головой».

Осмѣиваются легкомысленно и естественныя человѣческія чувства: разсказывая о разлукѣ Душеньки съ родными, авторъ такъ смѣхотворно изображаетъ горе отца:

И напослѣдокъ царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Это уже нравственный цинизмъ. Цинизмъ сказывается и въ многочисленныхъ нескромныхъ и даже грязныхъ подробностяхъ повѣствованія; среди нихъ первое мѣсто въ этомъ смыслѣ занимаетъ разсказъ о томъ, какъ Душенька бросилась съ древеснаго сука, желая лишить себя жизни. У Лафонтена этого эпизода нѣтъ, —

онъ созданъ игривой фантазіей нашего писателя. И замѣчательно, что подобный разсказъ былъ совершенно въ духѣ времени, — онъ нравился; даже Карамзинъ не видѣлъ въ «Душенькѣ» ничего предосудительнаго: въ своей статьѣ о поэмѣ онъ говоритъ, что, «вольность бываетъ слабостью поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, естьли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ и не забываетъ правилъ вкуса».

Въ характерѣ и жизни Богдановича, какъ и у Майкова, мы видимъ смѣшеніе различныхъ чертъ и направленій. Такъ, можно подмѣтить въ немъ какъ будто что-то народное. Въ 1785 г. онъ издалъ книжку русскихъ пословицъ, — значитъ изрѣченія народнаго ума интересовали его. Въ самой «Душенькѣ» есть кое-что позаимствованное изъ народныхъ сказокъ; Карамзинъ справедливо говоритъ: «Душенька служитъ трудныя, опасныя службы богинѣ (Венерѣ) совершенно въ тонѣ русскихъ старинныхъ сказокъ». Въ поэмѣ встрѣчаются чисто-народныя имена и выраженія: Кощей-безсмертный (впрочемъ здѣсь только имя народно, а по характеру это древній сфинксъ), царь-дѣвица, кисельные берега, мертвая и живая вода (добывать ихъ Душенька идетъ по повелѣнію Венеры) и т. п.; впрочемъ, надо замѣтить, что зачастую Богдановичъ и съ насмѣшкою относится къ народнымъ вѣрованіямъ (съ высоты своего европейскаго полу-просвѣщенія).—Народная поэзія, должно быть, вліяла на нашего писателя въ дѣтствѣ, проведенномъ имъ въ Малороссіи; онъ отличался тогда впечатлительностью, увлекался чтеніемъ, музыкой, рисованіемъ.

Были въ его характерѣ и задатки мистицизма; по крайней мѣрѣ на это намекаетъ сближеніе его съ знаменитымъ мистикомъ и масономъ Херасковымъ; Богдановичъ принималъ участіе даже въ журналахъ Хераскова, имѣвшихъ весьма опредѣленное направленіе.

Но не народность, и не мистицизмъ тѣмъ болѣе, лежатъ въ основахъ его главнаго произведенія, — въ «Душенькѣ» мы видимъ проявленіе темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка, наше вольтерьянство. То-же можно подмѣтить и въ жизни Богдановича, и въ его воззрѣніяхъ. Онъ былъ пристрастенъ къ легкому веселью, къ щегольству, отличался, по выраженію Карамзина, «чувствительностью къ любезности женской», и подъ старость легкомысленно и безнадежно влюбился въ молоденькую женщину. Легкомысліе и тщеславіе сказались, между прочимъ, въ его излишней впечатлительности къ похваламъ высокопоставленныхъ лицъ; императрица одобрила его поэму, и онъ возгордился. «Екатерина царствовала въ Россіи (пишетъ Карамзинъ). Она читала Душеньку съ удовольствіемъ и сказала о томъ сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели государей, старались изъявлять ему знаки своего уваженія... блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника музъ

въ самое цвѣтущее время таланта (30-ти лѣтъ съ небольшимъ) — и вѣнокъ Душеньки остался единственнымъ на головѣ его [1])». — Съ чувствительностью Богдановича къ похвалѣ знатныхъ совершенно гармонируетъ его воззрѣніе на хвалебную оду, высказанное въ интересной статьѣ его «О древнемъ и новомъ стихотвореніи», напечатанной въ «Собесѣдникѣ» кн. Дашковой и имп. Екатерины [2]). Онъ находитъ, что стихотворная похвала и «поэтическіе къ украшенію ея вымыслы» одобрительны во всякомъ случаѣ. «И хотябы люди (говоритъ онъ) не согласились въ мнѣніяхъ, кто и когда таковою добродѣтелью отличается, нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что добрая похвала заслуженная есть пища душъ чувствительныхъ; не заслуженная же побуждаетъ ее заслуживать, и бываетъ для многихъ наилучшимъ нравоученіемъ».

Преклоненіе передъ сильными міра сказывается и во взглядѣ Богдановича на силу и значеніе личности. Такъ, въ поэмѣ «Сугубое блаженство» онъ выражаетъ мысль, что избавить общество отъ злоупотребленія страстей можетъ личная воля царя, посредствомъ изданія законовъ. Согласно съ этой мыслью и въ «Душенькѣ» царь-отецъ героини изображается исправляющимъ пороки своихъ подданныхъ: онъ отмѣчаетъ провинившихся въ несоблюденіи какой-либо добродѣтели видимыми, понятными народу и подходящими къ пороку знаками:

> ...если находилъ въ подсудныхъ низки души,
> Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши.
>
> —
>
> Клеветникамъ въ удѣлъ
> И доносителямъ неправды государю
> Вездѣ носить велѣлъ
> Противнѣйшую харю,
> Какая изъявлять клевещущихъ могла.
>
> —
>
> Спесивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться.

Можетъ быть, нѣсколько въ грубой и смѣхотворной формѣ, но здѣсь, конечно, выражается знаменитая въ XVIII вѣкѣ «идея просвѣщеннаго деспотизма».

Идея веселья, проведенія жизни въ удовольствіяхъ тоже отразилась въ произведеніяхъ Богдановича; онъ не придавалъ поэзіи высокаго значенія; онъ высказываетъ въ «Душенькѣ» мнѣніе, что занятіе поэзіей есть забава:

> Любя свободу я мою,
> Не для похвалъ себѣ пою;
> Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
> Пріятно разсмѣялась Хлоя.

[1]) Соч. Богдановича I, 72—73.
[2]) Соч. Богдановича, т. II, стр. 29 (Изд. 1809—1810).

Стихи «Душеньки» —вольные и игривые—самъ авторъ противополагаетъ серьезной и тяжелой поэзіи Гомера:

О ты, пѣвецъ боговъ (восклицаетъ онъ),
Гомеръ, отецъ стиховъ
Двойчатыхъ, ровныхъ, стройныхъ
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.

И. Ѳ. Богдановичъ.
Съ гравированнаго портрета Ческаго.

Въ статьѣ «О древнемъ и новомъ стихотвореніи» Богдановичъ говоритъ, что поэзія должна идеализировать природу, воспѣвать поля, ручьи и кустарники, рисовать идиллическихъ пастуховъ и пастушекъ... ибо «разумъ, удручаясь важными размышленіями, не рѣдко ищетъ отдыха въ самыхъ бездѣлицахъ».

Богдановичъ былъ почитатель и поклонникъ Вольтера, его поэтическихъ произведеній. Онъ перевелъ Вольтерову поэму «На разрушеніе Лиссабона» и его-же трехъ-актную комедію «Нанина или Побѣжденное предразсужденіе». (Спб. 1766 г.). Эта послѣдняя пьеса, слабая въ литературномъ отношеніи, довольно, однако,

характерна: она показываетъ — на какихъ образцахъ учились наши писатели. Герой пьесы, молодой графъ Ольбанъ, «не имѣющій свойствъ нынѣшняго свѣта», невзлюбившій шумъ столицы и поселившійся въ деревнѣ, чуждъ предразсудковъ; онъ борется противъ нихъ и презираетъ обычаи, стѣсняющіе свободу «чувствовать и мыслить по своему разуму». «Вамъ нравится (говоритъ онъ своей свойственницѣ, баронессѣ) пышность, вы полагаете высокость въ гербахъ, а я чту ее въ сердцѣ» [1]). Графъ хочетъ, слѣдуя своимъ убѣжденіямъ, жениться на дѣвушкѣ простаго званія, Нанинѣ, которую онъ полюбилъ и которая отвѣчаетъ ему взаимностью. На этотъ бракъ соглашается и его мать, маркиза, женщина преклонныхъ лѣтъ, не сочувствующая новой жизни, но отличающаяся терпимостью къ чужимъ недостаткамъ, добротою и простодушіемъ.—Повидимому, идея пьесы заключается въ отрицаніи сословныхъ предразсудковъ. Но думать такъ было-бы ошибочно: этой идеѣ, несомнѣнно видной въ сочиненіи, противорѣчитъ, однако, характеръ и образъ мыслей героини — Нанины. Нанина сама убѣждаетъ графа не жениться на ней, говоря, что такой неравный союзъ всегда бываетъ несчастливъ, — любовь проходитъ и остается раскаяніе; «я осмѣливаюсь напомнить вамъ (говоритъ дѣвушка) [2]) вашъ высокій родъ. Не приводите въ заблужденіе мой молодой и слабый разумъ». Въ другомъ мѣстѣ пьесы она, выказывая по волѣ автора полное самоуничиженіе, проситъ маркизу, мать любимаго человѣка, не соглашаться на бракъ съ нею графа. «Нѣтъ, не соглашайтесь, сударыня (говоритъ она): сопротивляйтесь его страсти... и моей. Я выпрашиваю то у васъ такъ, какъ милость. Любовь слѣпа, должно ослѣпляемыхъ выводить изъ заблужденія. Ахъ! оставьте меня обожать моего господина въ уединеніи; разсмотрите мое состояніе, разсмотрите, кто мой отецъ: могу-ль я называть васъ матерью»? [3]). Должно обратить вниманіе на то, что здѣсь въ словахъ Нанины, указывается не на неравенство образованія, какъ на возможную причину будущаго несчастья въ бракѣ, а именно только на различіе происхожденія. —Идеѣ отрицанія сословныхъ предразсудковъ противорѣчатъ и заканчивающія комедію слова матери героя, которой авторъ видимо сочувствуетъ; когда свадьба графа и Нанины уже рѣшена, маркиза горорнтъ: «Пусть этотъ день будетъ достойнымъ воздаяніемъ добродѣтели... однако, чтобъ всѣ нашей свадьбы примѣромъ себѣ не ставили» [4]).—Какъ во множествѣ своихъ произведеній, такъ и въ комедіи Нанина, Вольтеръ является

---

[1]) Нанина или Побѣжденное предразсужденіе. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Переводъ съ французскаго. Спб. 1766 г. Стр. 12.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) Тамъ же, стр. 116.

[4]) Тамъ же, стр. 117.

лицомъ двойственнымъ, Мефистофелемъ, подсмѣивающимся надъ всякими чувствами и идеями и запутывающимъ людей въ противорѣчія.

Такія противорѣчія мы видѣли и въ поэмахъ нашихъ авторовъ екатерининскихъ временъ — у Майкова, у Богдановича. Переводъ послѣднимъ разобранной Вольтеровой пьесы прямо намекаетъ—у кого наши писатели учились этой двойственности. Въ другомъ сочинении [1]) мнѣ пришлось уже указать, что Радищевъ, въ сказкѣ своей «Бова», которая, собственно, можетъ быть отнесена къ тому же роду сочиненій, какъ «Елисей» и «Душенька» (но только она циничнѣе послѣднихъ), прямо указываетъ, что онъ слѣдовалъ Вольтеру, подражалъ ему; величайшее его честолюбіе (по его собственнымъ словамъ) заключалось въ томъ, чтобы его «Бова» былъ хоть «тощей» тѣнью «Орлеанской дѣвственницы», своего оригинала.

Надо только замѣтить, что наши писатели, заключая двойственность въ свои произведенія, дѣйствовали безсознательно: они были гораздо простодушнѣе Вольтера и на Мефистофеля не походили.

IV.

Комическая опера.

(Аблесимовъ, В. Майковъ, Княжнинъ и друг.).

Та же мутная струя чувственности, какую мы видѣли въ поэмахъ, протекаетъ и по цѣлому ряду особаго рода театральныхъ піесъ екатерининской эпохи, которыя были извѣстны подъ именемъ «комическихъ оперъ». Ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ комедіями, имѣющими совсѣмъ другой смыслъ и другое значеніе. «Комическая опера» XVIII вѣка совершенно соотвѣтствуетъ позорнымъ піесамъ, къ стыду нашему заполонившимъ въ настоящее время русскій театръ, такъ называемымъ «опереткамъ». Въ «комической оперѣ» мы видимъ тѣ же начала, что̀ и въ поэмахъ Майкова, Богдановича, Радищева: и здѣсь встрѣчаемъ мы представленіе боговъ древности въ смѣшномъ видѣ, насмѣшки надъ народными вѣрованіями, надъ возвышенными чувствами, цинизмъ; и здѣсь характеры героевъ — низменные характеры, а мораль авторовъ — легкая и уступчивая. Но различаются комическія оперы отъ поэмъ тѣмъ, что указанныя начала достигли въ нихъ высшихъ предѣловъ своего развитія. Особенно замѣчательно, что героемъ комической оперы обыкновенно является не просто дурной человѣкъ (какъ въ поэмахъ), а сознательный плутъ, который въ то же время,

[1]) А. Н. Радищевъ, литерат. характеристика. — «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., № 4.

по волѣ автора, совершаетъ прекрасныя дѣла, помогаетъ людямъ. Это противоестественное примирительное смѣшеніе зла и добра въ одномъ человѣкѣ дѣлается съ цѣлью вызвать сочувствіе читателя или зрителя къ герою пьесы, къ завѣдомому негодяю; въ этомъ кроется (безсознательное, впрочемъ, у нашихъ авторовъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ) циническое осмѣяніе нравственныхъ началъ вообще, примиреніе съ пошлостью и зломъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что у нашихъ писателей въ ихъ «комическихъ операхъ» попадаются и слѣды другаго рода направленія, встрѣчается, напр., кое-что народное, непосредственное, простое, совершенно не вяжущееся, обыкновенно, съ основнымъ началомъ піесы. Это наивное противорѣчіе, эта безсознательная двойственность есть вообще одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашей литературы екатерининской эпохи. Процессъ усвоенія русскими людьми иноземныхъ идей, хорошихъ и дурныхъ, совершался тогда почти вполнѣ инстинктивно.

Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ «комической оперы», для подтвержденія высказанныхъ выше общихъ положеній.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что множество подобныхъ піесъ, въ перемежку съ комедіями и драмами, напечатано въ замѣчательномъ изданіи конца прошедшаго столѣтія—«Россійскій ѳеатръ» (первая часть его появилась въ 1786 г.; всѣхъ частей вышло 42). Это изданіе было предпринято по иниціативѣ княгини Дашковой императорскою россійскою академіей.

Авторъ «Елисея», Майковъ, написалъ пастушескую драму «Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель», въ 2-хъ актахъ (1777 г.). Дѣйствующія лица здѣсь крестьяне: но народности въ пьесѣ нѣтъ, потому что нельзя признать народнымъ соединеніе сантиментальной идилліи съ чувственной мелодрамой. Дѣйствіе начинается тѣмъ, что крестьянинъ Медоръ (странное имя для русскаго мужика!) украшаетъ шалашъ цвѣтами; вскорѣ приходитъ его невѣста, и онъ обращается къ ней съ такими словами: «жестокая! или ты не видишь моей къ себѣ привязанности, или ты не слышишь тяжкихъ моихъ вздоховъ?» и затѣмъ онъ поетъ:

Я тобой повсечасно
Рвусь и мучусь, стеня,
Я люблю тебя страстно,
Ты не любишь меня.

Невѣста, Надежда по имени, такъ же похожая на крестьянку, какъ Медоръ на крестьянина, отвѣчаетъ ему:

Всѣ вы полны отравы,
Полнъ обмана вашъ взоръ,
Всѣ мущины лукавы,
Ты — мущина, Медоръ!

Въ другомъ мѣстѣ пьесы Надежда говоритъ еще бо́льшую пошлость:

«Вѣдь мущины, какъ мухи, на медъ падки; скажи-ка ему, что любишь, такъ и не отвяжешься; а потомъ и броситъ».

А Медоръ, въ соотвѣтствіе этому, бранитъ однажды муху проклятою за то, что она укусомъ въ губы разбудила Надежду и этимъ предостерегла отъ него: «и эта тварь ее остерегаетъ», говоритъ онъ.

Счастье Медора и Надежды устраиваетъ герой пьесы — цыганъ, тунеядецъ и корыстолюбивый человѣкъ; онъ увѣряетъ Надежду, что ее дѣйствительно любитъ ея сантиментально-чувственный вздыхатель. Авторъ вполнѣ примирительно и сочувственно смотритъ на своего плута-героя. — Оканчивается пьеса согласіемъ помѣщика на бракъ Медора и Надежды и сценою радости и веселья крестьянъ. Помѣщикъ говоритъ:

«Увѣнчайтесь, любезныя дѣти! ваши добродѣтели сего достойны, и имѣйте во мнѣ такъ, какъ и всѣ мои служители, отца себѣ».

Въ отвѣтъ на это женихъ и невѣста поютъ ему:

Господинъ мой духъ спокоитъ,
Отъ него сего я жду.
Онъ мнѣ счастіе устроитъ,
Я { съ Надеждою / съ Медоромъ } иду.

А хоръ крестьянъ прославляетъ блаженство своей жизни:

Мы живемъ въ счастливой долѣ,
Работая всякій часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ,
И проводимъ веселясь.
Мы руками работаемъ
И за долгъ себѣ считаемъ
Быть въ работѣ таковой.
Давъ оброкъ, съ насъ положенной,
Въ жизни мы живемъ блаженной
За господской головой.
Мы своей всегда судьбою
Всѣ довольны и тобою.
Лошадей, коровъ, овецъ
Много мы имѣемъ въ полѣ
И живемъ по нашей волѣ,
Ты намъ баринъ и отецъ.

Это прославленіе «блаженства» крестьянской жизни и идеализированіе крѣпостнаго права свидѣтельствуетъ о примирительномъ взглядѣ автора піесы на темныя стороны жизни. Впрочемъ, надо замѣтить, что тутъ же Майковъ дѣлаетъ указаніе и на то, что у помѣщиковъ есть нѣкоторыя обязанности въ отношеніи къ кре-

стьянамъ; онъ влагаетъ въ уста барина такія слова про крѣпостныхъ людей:

«Ихъ долгъ намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ — защищать ихъ отъ всякихъ обидъ и даже, служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе. Вотъ какая наша съ ними обязанность».

Вставка Майковымъ въ пьесу этого монолога говоритъ намъ о присутствіи въ его душѣ простаго и здраваго смысла, не окончательно затемненнаго сантиментальнымъ и грубымъ содержаніемъ произведенія.

Піеса Аблесимова — «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» нѣкогда славилась какъ народная комедія; но она принадлежитъ тоже къ числу комическихъ оперъ. Въ ней, правда, есть кое-что народное; такъ, въ началѣ 3-го дѣйствія вставлены три свадебныя пѣсни; кромѣ того, встрѣчаются въ ней народные обороты рѣчи и выраженія. Но нравы крестьянъ поняты и изображены авторомъ какъ-то грубо и странно. Онъ полагаетъ, напр., что любовь простаго человѣка должна соединяться непремѣнно съ побоями. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Филимонъ, говоритъ про свою невѣсту: «А, а!.. это ей не по сердцу, што я сказалъ; гоняться-то за ней не буду, этакъ-то лучше съ ними водиться; у насъ вѣдь по-сельски: какъ любушкѣ своей тулунбаса два-три въ спину влѣпишь, и она стерпитъ, такъ и наша». Во 2-мъ дѣйствіи Анкудинъ, отецъ невѣсты, Анюты, поетъ:

Мнѣ на спорщицу-женищу
Купить добрую плетищу,
Настрехать ея спинищу...
Будетъ жить, какъ я хочу.

Аблесимовъ думалъ, сочиняя подобные стихи, что выражается совершенно въ народномъ духѣ. Онъ полагалъ также, что въ крестьянскомъ быту у насъ было затворничество женщинъ; Филимонъ говоритъ Анютѣ: «Да тебя давно ужь на посидѣлкахъ не видно»; а Анюта отвѣчаетъ: «Матушка меня не пущаетъ, — говоритъ: ты, дескать, ужь дѣвушка-невѣста, такъ женихи осудятъ; я отъ этова иногда и плачу».

Герой піесы — колдунъ мельникъ — плутъ, корыстолюбецъ и пьяница. Онъ разсуждаетъ такъ:

«А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и горяздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ. Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ, а мы наживемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,

Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ,
какъ и азъ грѣшный!» (1-е д., 1-е явл.).

Сговариваясь съ Филимономъ устроить его дѣло, мельникъ поетъ:

А чтобъ быть намъ посмѣлѣе,
И приттить повеселѣе,
Такъ зайдемъ мы въ кабачокъ,
Тяпнемъ тамъ винца крючокъ!

Но этотъ плутъ и пьяница устраиваетъ, по волѣ автора, счастіе Филимона и Анюты; негодный человѣкъ, согласно обычаю и духу комическихъ оперъ, совершаетъ доброе дѣло, и самъ авторъ ему видимо сочувствуетъ. — Нечего и говорить, что народнаго въ личности плута-мельника нѣтъ ничего.

Извѣстный Княжнинъ также писалъ комическія оперы; таковы, напр., его піесы: «Несчастье отъ кареты» и «Сбитеньщикъ».

Въ первой, состоящей изъ двухъ дѣйствій, гораздо больше народнаго, чѣмъ въ «Мельникѣ» Аблесимова; въ ней мы видимъ ѣдкое и острое осмѣяніе французомaніи русскихъ дворянъ. Помѣщикъ Фирюлинъ пишетъ въ деревню своему прикащику:

О, ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили, изъ особенной моей къ тебѣ милости за то, что ты бо́льшую часть крестьянъ одѣлъ по-французски, жалую тебя Клеманомъ».

Когда прикащикъ, прочитывающій вслухъ барское письмо, произноситъ эти слова, мужики кланяются ему и поздравляютъ съ новымъ чиномъ. Прикащикъ продолжаетъ читать:

«И впредь повелѣваю всѣмъ не оф... ан... си... ро... вать... тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ... Между тѣмъ знай, что мнѣ прекрайняя нужда въ деньгахъ. Къ празднику мнѣ необходимо нужна карета новая. Хотя у меня и много ихъ, но эта вывезена изъ Парижа. Вообрази себѣ, г. Клеманъ, какое безчестье не только мнѣ, но и вамъ всѣмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ этой прекрасной каретѣ, а барыня ваша не купитъ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые также прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человѣкъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился: это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня: найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь по моей сеньорской милости платье французскаго бальи, и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало ли есть способовъ достать денегъ? Напр., нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? И такъ, нахватай ихъ и продай.

Въ этомъ прекрасномъ письмѣ, кромѣ смѣха надъ пристрастіемъ русскихъ дворянъ къ Франціи, мы видимъ еще теплое слово за крестьянъ, указаніе на ихъ безъисходное положеніе подъ властью

помѣщиковъ, подобныхъ супругамъ Фирюлинымъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы есть нѣсколько сценъ въ такомъ-же родѣ. Такова, напр., сцена, гдѣ отецъ невѣсты, Трофимъ, желая избавить жениха дочери отъ продажи въ рекруты, пытается разжалобить помѣщика; онъ говоритъ Фирюлину съ низкимъ поклономъ: «ты — отецъ»; но эти слова приводятъ барина въ страшный гнѣвъ. «Что это за тварь! (презрительно кричитъ Фирюлинъ). Меня отцемъ называть смѣетъ. Развѣ мой батюшка былъ твой отецъ, а я не хочу такому свиньѣ отцемъ быть. Впредь не отваживайся!»

Мы видимъ изъ этого, что авторъ «Несчастья отъ кареты» трезво смотритъ на крѣпостное право и порою прекрасно изображаетъ положеніе крестьянъ. Но замѣчательно, что тутъ-же въ піесѣ встрѣчаются и сантиментально-идиллическія картины жизни поселянъ. Такъ, Лукьянъ поетъ (въ 1 явл. I дѣйствія):

О, пышные вы жители градскіе,
Которыхъ видѣлъ я въ сей часъ,
Стократно я счастливѣй васъ!

А нѣсколько далѣе онъ на вопросъ невѣсты, Анюты: «что ты видѣлъ въ городѣ?» отвѣчаетъ высокопарно и неестественно: «шумъ, великолѣпіе. Золото рѣками льется, а щастія ни капли».

Не смотря на присутствіе въ ней народныхъ чертъ, пьеса Княжнина, однако, несомнѣнно — комическая опера. Объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ ґерой ея, шутъ помѣщика. Это — человѣкъ плутоватый и корыстолюбивый, за деньги устраивающій дѣла крестьянъ. Онъ похожъ на «мельника» Аблесимова и на «цыгана» Майкова; но въ его характерѣ прибавлена къ общему типу еще одна черта: онъ — скептикъ, цинически смотрящій на жизнь. Онъ поетъ въ 6 явл. I дѣйствія:

Полезнымъ быть, нѣтъ хуже ничего;
На свѣтѣ таково:
Кто шутъ, кто плутъ,
Того не гнутъ.
А тотъ страдаетъ,
Кто работаетъ.
О чемъ грустить, стонать?
На свѣтѣ все плевать, плевать.
По дудочкѣ чужой плясать — вотъ вся наука,
Быть шутомъ, плутомъ — въ томъ вся штука!

Этотъ циникъ, шутъ Аѳанасій, совершаетъ доброе дѣло: избавляетъ Лукьяна отъ продажи въ рекруты, и пьеса оканчивается счастьемъ любящихъ сердецъ. — Шутъ говоритъ въ заключеніе:

«О чемъ вы плакали? Гдѣ шутъ Аѳанасій, тамъ надобно смѣяться. Видите ли, что на свѣтѣ ни о чемъ не надобно тужить и никогда не надобно прежде времени умирать.

Должно-ль, чтобъ насъ жизнь крушила,
Хоть и много въ жизни зла?
Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла.

Эти стихи поютъ вслѣдъ затѣмъ всѣ (кромѣ помѣщиковъ, конечно): очевидно, что съ ихъ л егкомысленнымъ содержаніемъ, съ

Я. Б. Княжнинъ.

Съ гравированнаго портрета (Ферапонтова) рѣз. на деревѣ А. Зубчаниновъ.

ихъ низьменной моралью соглашается самъ авторъ. Нельзя не замѣтить при этомъ и наивности автора, или наивнаго противорѣчія въ пьесѣ: радостное окончаніе ея совершенно не гармонируетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что помѣщикъ все-таки купитъ плѣнившую его парижскую карету, только продастъ для этого не Лукьяна, вырученнаго изъ бѣды добродѣтельнымъ плутомъ, а кого-нибудь другаго.

Вторая изъ названныхъ пьесъ Княжнина — «Сбитеньщикъ»— характернѣе первой, какъ комическая опера. Герой ея, сбитеньщикъ Степанъ, циникъ и плутъ, устраивающій счастье добродѣтельнаго офицера, Извѣда, и простодушной купеческой дѣвушки, Паши, обрисованъ весьма ярко. Этотъ Степанъ откровенно и беззастѣнчиво признаетъ и прославляетъ побѣдное могущество денегъ въ жизни; онъ поетъ (въ I дѣйствіи) слѣдующіе характерные стихи, прекрасно выражающіе собою духъ и направленіе комическихъ оперъ, міросозерцаніе этого вида литературы екатерининской эпохи:

Кажется не ложно —
Все на свѣтѣ можно
        Покупать,
        Продавать.
        Только должно
        Осторожно
        Поступать.
Люди всѣмъ торгуютъ,
Да и въ усъ не дуютъ.
        И Степанъ
        Не болванъ;
        Только должно
        Осторожно
        Класть въ карманъ.
Правда, честенъ буди,
Только какъ всѣ люди,
        Отъ ума,
        Не до дна,
        Вчетвертину,
        Вполовину,
        Не сполна.
Чтя корысть едину,
Всякъ свою скотину
        То сосетъ,
        То стрижетъ;
        Кто умѣетъ,
        Тотъ и брѣетъ
        Весь заводъ...
Чтобы выйти въ люди,
Что плыветъ, все уди...

Трудно ярче и смѣлѣе высказать циническій взглядъ на человѣческую природу, чѣмъ какъ онъ высказанъ въ этихъ талантливыхъ стихахъ.

Сбитеньщикъ Степанъ — не глупъ; но онъ смѣется надъ умомъ, и счастіе ставитъ выше разума.

«Счастье сильнѣе ума, говоритъ онъ (II д., 2 явл.). Положусь на его волю. Безъ счастья какъ ни будь проворенъ, пригожъ, уменъ, ученъ, — все будешь дуракъ дуракомъ.

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него куда съ умомъ!
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.
Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ съ головы до ногъ;
Говорить — такъ будетъ больно
Вдоль спины и поперегъ.
Но сказать о нихъ неложно
Потихоньку можетъ всякъ:
Безъ ума таки жить можно,
А безъ счастія никакъ.

Степанъ проповѣдуетъ теорію веселья, у него эпикурейскій взглядъ на жизнь.

«Вотъ я такой человѣкъ (говоритъ онъ), что ни на кого не сержусь, и оттого живу весело на свѣтѣ. Забавнѣе любить, нежели ненавидѣть ближняго. Такъ и долгъ христіанскій велитъ (III д., 17 явл.).

Замѣчательно это добавочное, по его мнѣнію, значеніе христіанскаго долга въ жизни. — Сбитеньщикъ думаетъ, что всѣ люди въ сущности однихъ съ нимъ убѣжденій, что «всѣ люди — Степаны».—Пьеса оканчивается легкомысленнымъ отрицаніемъ всякой «грусти, досады, злобы», такъ какъ

Сердцу лишь онѣ надсада
И сто-кратъ полезнѣй смѣхъ (III, 17).

Кромѣ цинизма, состоящаго въ сочувствіи автора плуту-герою, въ пьесѣ есть еще цинизмъ двусмысленныхъ выраженій.

Отношенія автора къ изображаемому имъ народу какъ-то неопредѣленны и двойственны: съ одной стороны — сочувственны, съ другой — насмѣшливы. Идеальный офицеръ, Извѣдъ, влюбляется въ простую дѣвушку, Пашу, — и авторъ видимо ему симпатизируетъ; но въ то-же время юморъ пьесы состоитъ въ осмѣяніи этой Паши за то, что она простодушна и воспитана по-просту. Интересна въ I актѣ сцена объясненія въ любви Извѣда съ Пашей. Образованный офицеръ выражается отборными фразами; вотъ отрывокъ этого объясненія:

Извѣдъ. О, неоцѣненная невинность! прекрасная Пашенька! ты видишь несчастнаго...

Паша. Кто? вы несчастны? да отъ кого?

Извѣдъ. Отъ тебя.

Паша. Отъ меня? ахъ какая бѣда! да какъ это сдѣлалось? Я, право, вамъ никакого худа не желаю.

Извѣдъ. Ты дала мнѣ рану, отъ которой я умру.

Паша. Ахъ, какое несчастіе! Да въ которое мѣсто я рану вамъ дала? да какъ это сдѣлалось? развѣ ненарокомъ. Не уронила-ль я чего, какъ вы мимо нашего дома ходили? кажется, нѣтъ. Не Ѳаддей ли что бросилъ?

Извѣдъ. Нѣтъ, не Ѳаддей; но вы вашими прекрасными глазами поранили мнѣ сердце, и вы же меня изцѣлить можете.

И восторженный любовникъ, покидая прозу, переходитъ въ высокопарные стихи:

Твой взглядъ, какъ пламенна стрѣла,
Во сердце нѣжное вонзился...

Паша поражена всѣмъ этимъ и недоумѣваетъ: «ни слова не понимаю (говоритъ она). Мои глаза поранили сердце...»

Намъ теперь, если кто представляется смѣшнымъ въ этой сценѣ, то, конечно, напыщенный и вычурный, изломанный Извѣдъ; а наивному автору пьесы, наоборотъ, казалась комичною простодушная и искренняя Паша.

Остановимся еще на одномъ примѣрѣ комической оперы, на пьесѣ «любителя литературы» — «Матросскія шутки» (1788 г., помѣщена въ XXIV ч. Росс. Ѳеатра).

Піеса эта довольно глуповата по содержанію. Къ идеально-счастливымъ крестьянамъ въ деревню приходятъ какіе-то матросы и начинаютъ сманивать ихъ въ какую-то неизвѣстную блаженную страну; они говорятъ:

Въ нашемъ миломъ вы краю
Заживете, какъ въ раю.

Одинъ изъ этихъ матросовъ, Проворъ по имени, оказывается уроженцемъ изображаемой деревни; чтобъ его не узнали, онъ явился съ наклееннымъ носомъ; онъ хочетъ убѣдиться — продолжаетъ ли еще любить его крестьянка Красана, женихомъ которой онъ былъ 7 лѣтъ тому назадъ. Испытавши вѣрность своей невѣсты, Проворъ женится на ней.

Въ піесѣ мы видимъ совершенно циническое идеализированіе дѣйствительности; крестьяне изображаются счастливыми, богатыми, веселыми и вольными, хотя они и крѣпостные. На предложеніе матросовъ переселиться въ счастливую страну, одна изъ крестьянокъ, самая должно быть умная, по имени Пріята, поетъ:

Мы въ вашемъ раю
Никто не бывали,
А въ нашемъ краю
Не знаемъ печали.
На что-жь намъ стараться
Того добиваться,
Въ чемъ нужды намъ нѣтъ?
Мы веселы, вольны,
Другъ другомъ довольны,
Не знаемъ мы бѣдъ.
Помѣщикъ не давитъ
Работою насъ,
Оброки съ насъ правитъ

Не всякій онъ разъ.
Мы любимъ сердечно
Его, какъ отца,
Плѣнилъ себѣ вѣчно
Онъ наши сердца.

И не только передъ властью помѣщика благоговѣетъ авторъ, какъ въ этихъ стихахъ, но онъ рабски идеализируетъ всякую власть, напр., власть прикащика. Во II дѣйствіи Проворъ осуждаетъ большіе города, гдѣ «живутъ столько много разныхъ людей, сколько въ морѣ рыбы; а здѣсь (противополагаетъ онъ городу деревню) мы всѣ равны...» «Постой, Проворушка», перебиваетъ его сантиментальныя разсужденія мать его невѣсты — Шумида:

«выключи Савельича-то. Онъ нашъ прикащикъ; такъ стало, что онъ и не равіонъ съ нами. Да этому такъ и быть должно: для того, што мы бы какъ мухи пропали, ежелибъ господа наши чрезъ нево насъ не миловали».

За это замѣчаніе прикащикъ, присутствовавшій тутъ же, благодаритъ Шумиду: «Ай, старуха! (восклицаетъ онъ) спасибо тебѣ за умное твое словцо».—Съ этимъ «умнымъ словцомъ», очевидно, соглашается самъ авторъ піесы.

По мнѣнію автора, если жизнь такъ хороша, такъ прекрасна, то слѣдуетъ лишь веселиться; и онъ оканчиваетъ піесу идиллическимъ хоромъ крестьянъ:

«Мы надѣемся на милость
Благосклонныхъ къ намъ господъ.
Позабудемъ всю унылость,
Будемъ веселы впередъ.

Во взглядѣ сочинителя піесы на чувство, на женщину тоже замѣтенъ цинизмъ. Изображенная идеальной личностью, вѣрная своему жениху Красана не можетъ, однако, не засматриваться на «хорошенькихъ» мущинъ и не увлекаться ими. Она поетъ:

Любопытство отъ природы
Въ женскій полъ вкоренено;
Не смотря на наши годы,
Сродно намъ всегда оно.
Мы глядимъ съ пріятнымъ чувствомъ
На пригоженькихъ мущинъ;
Но скрываемъ то съ искусствомъ,
Не видалъ чтобъ ни одинъ.
Мы суровостью своею
Гонимъ ихъ отъ нашихъ глазъ:
Устрашенные вдругъ ею,
Прочь бѣгутъ они отъ насъ.
Но ахъ! если-бъ было можно
Имъ желанья наши знать, —
То-бъ, конечно, имъ не должно
Насъ такъ скоро убѣгать».

Эту пѣсенку подслушалъ спрятавшійся за деревомъ Проворъ; онъ выходитъ и начинаетъ любезничать съ Красаной; та (не узнавая въ немъ жениха) отталкиваетъ его, какъ будто хочетъ отъ него вырваться, а между тѣмъ говоритъ «въ сторону»: «Ахъ, какой это пригожій мущина!» Симпатичная автору Красана, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, оказывается чувственно-легкомысленной и плутоватой кокеткой. А Красана видимо изображаетъ собою въ піесѣ женщину - вообще, женщину какою она должна быть по міросозерцанію комической оперы.

Нѣсколько приведенныхъ примѣровъ характеризуютъ до нѣкоторой степени особый видъ драматическихъ произведеній нашей литературы прошедшаго вѣка, видъ, соотвѣтствующій оперетамъ нашего времени. О немъ нѣтъ еще у насъ изслѣдованій. Но безъ сомнѣнія «комическая опера» екатерининской эпохи должна быть подвергнута внимательному спеціальному разсмотрѣнію, какъ очень характерное явленіе литературы, притомъ-же имѣвшее успѣхъ на сценѣ и, значитъ, вліявшее на общество, на нравы. Въ «Драматическомъ словарѣ» 1787 года, напр., про «Нещастіе отъ кареты» Княжнина сказано: «и нынѣ много разъ представляется на россійскихъ театрахъ»; про его-же «Збитеньщика»: «представлена въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ... Потомъ часто повторяема была и въ Москвѣ на публичномъ театрѣ къ удовольствію публики». А «Мельникъ» Аблесимова, тотъ имѣлъ даже огромный успѣхъ. «Словарь» говоритъ про него:

«Сія піеса столько возбудила вниманія отъ Публики, что много разъ съ ряду была играна, и завсегда театръ наполнялся (рѣчь идетъ о Москвѣ); а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ у Двора, и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была играна съ ряду двадцать семь разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; кратко сказать, что едва ли не первая Русская опера имѣла столько восхитившихся спектатеровъ и плесканія».

V.

Матерьялизмъ и отрицаніе въ одномъ изъ направленій журналистики XVIII в: („Всякая всячина", „Ни то-ни сьо").

Какъ мы видѣли, главный принципъ «комическихъ оперъ» — нравственный цинизмъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и человѣка; кромѣ того мы замѣтили въ нихъ еще: легковѣсность, легкомысліе сатиры и снисходительность, уступчивость морали. Эти два послѣднія начала, какъ другая темная сторона нашего «волтерьянства» XVIII вѣка, выступили на первый планъ опять въ особомъ видѣ

литературы, именно — въ **одномъ изъ направленій нашей журналистики** [1]).

Остановимся, какъ на примѣрахъ, на двухъ изданіяхъ подобнаго характера: на журналахъ «Всякая всячина» и «Ни то ни сьо».

Въ 1769 году у насъ появился цѣлый рядъ еженедѣльныхъ сатирическихъ листковъ. Первымъ изъ нихъ по времени была «Всякая всячина», которую по этой причинѣ стали потомъ называть «бабушкою» другихъ листковъ. Она выходила и въ 1770 г., подъ названіемъ «Барышокъ Всякой всячины». Пекарскій доказалъ, что императрица Екатерина не только участвовала своими статьями въ этомъ журналѣ, но и была его истиннымъ редакторомъ.

Характеръ и направленіе «Всякой всячины» выяснились главнымъ образомъ въ ея полемикѣ съ журналомъ Новикова — «Трутень». Споръ между двумя изданіями возникъ изъ-за нравственныхъ воззрѣній. «Всякая всячина» снисходительно смотрѣла на пороки. Въ 52 статьѣ своей, напр., она такъ говоритъ о какомъ-то г. А., отказываясь помѣстить у себя его письмо:

«любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. И такъ, просимъ г. А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси; сверхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ».

Изъ этихъ характерныхъ признаній ясно, что «Всякая всячина» была совершенно чужда всякаго идеализма и очень легкомысленно смотрѣла на жизнь. Въ слѣдующей статьѣ своей (53) она, осмѣивая человѣка, который «вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе... на силу приглядѣть могли слабости», сравниваетъ этого человѣка по злости съ Калигулой, и говоритъ, что

«всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ»,

---

[1]) О журналистикѣ нашей прошлаго столѣтія существуетъ довольно много изслѣдованій. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: г. Неустроева: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ отъ 1703 г. по 1802 г.», Спб. 1875 г. (превосходное библіографическое сочиненіе). — Н. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика», Спб. 1854 г. — Афанасьевъ: «Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.», М. 1859 г. — Добролюбовъ: 1) «Русская сатира Екатерининскаго времени»; 2) «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» (обѣ въ I т. Соч.). — Д. Мордовцова: «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности» (Русск. Слово, 1860 г., №№ 2 и 3). — П. Пекарскаго: «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II (Прилож. къ III т. Зап. Имп. А. Н., Спб. 1863 г.). — М. Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты», М. 1867 г. — А. Незеленова: «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.», Спб. 1875 г.

и потому надобно поставить себѣ слѣдующія правила: 1) никогда не называть слабости порокомъ, 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе, 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія.

Противъ всего этого, противъ подобныхъ принциповъ горячо возражалъ «Трутень». Такъ, въ «письмѣ Правдулюбова» онъ рѣзко и благородно опровергаетъ мысли «Всякой всячины».

«Я самъ того мнѣнія (пишетъ Правдулюбовъ «Трутню»), что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однако-жь не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своей мыслію и душою госпожа ваша прабабка, давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по-русски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ не имѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда не исправится».

Переходя отъ общихъ воззрѣній къ частностямъ, замѣтимъ, что «Всякая всячина» снисходительно относилась къ взяточничеству и неправосудію; она говорила, напримѣръ, что «подъячихъ» нельзя строго осуждать за нечестность, потому что много «около нихъ изкупателей», дающихъ имъ взятки.

Подобнымъ мыслямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и взглядъ журнала на сатиру, — сатира, по его мнѣнію, должна быть смѣшной, веселой, и отнюдь не желчной, не меланхолической. Да и вообще лучше писателю рисовать примѣры добродѣтелей, чѣмъ осмѣивать порочныхъ людей.

Противъ всего этого тоже возражалъ «Трутень» Новикова. — И ужь конечно — въ литературной полемикѣ двухъ журналовъ «Трутень», благородно отстаивавшій высокую мысль, что терпимость къ пороку — вовсе не то-же самое, что милосердіе, былъ болѣе правъ, чѣмъ «Всякая всячина». Но справедливость требуетъ сказать, что и эта послѣдняя не выдерживала строго своего направленія: въ ней мы встрѣчаемъ, напр., сатирическія обличенія взяточничества.

По субботамъ, въ 1769 году, выходило въ свѣтъ весьма оригинальное изданіе — «Ни то ни сьо, въ прозѣ и стихахъ». Изданіе это отличалось матерьялистическимъ направленіемъ и доходило до цинической откровенности въ выраженіи своихъ мнѣній. — Съ перваго взгляда «Ни то сьо» можетъ показаться глупымъ. На глупость его указываетъ и помѣщенное на первой страницѣ объявленіе цѣны:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ.
Тому ни то ни сіо дадутъ листокъ одинъ,

и странный эпиграфъ изъ Проперція: «maxima de nihilo nascitur historia, т. е. наипространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть»; и главнымъ образомъ о глупости журнала свидѣтельствуетъ, по-видимому, помѣщенное въ 1-мъ листѣ разъясненіе издателями причинъ и цѣлей, съ которыми они начали свое изданіе; они говорятъ, что предприняли журналъ изъ самолюбія и изъ стремленія показаться грамотными; они откровенно заявляютъ, что въ случаѣ неудачи утѣшаютъ себя надеждой, что «между множествомъ ословъ и они вислоухими быть не покраснѣютъ». Таково первое впечатлѣніе «Ни то сіо».

Но разсматривая дѣло внимательнѣе, мы, напротивъ, видимъ, что журналъ вовсе не глупъ. Объ этомъ можно заключить уже и по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ; издатели видимо были люди образованные: они толково ссылаются на иностранныхъ писателей, употребляютъ греческія слова, латинскіе эпиграфы. Но главнымъ образомъ интересно внутреннее содержаніе изданія; мы видимъ здѣсь опредѣленный подборъ статей, опредѣленное направленіе. Это направленіе состоитъ въ **отрицаніи** всего.

Въ 1-мъ же № мы встрѣчаемъ стихотвореніе, намекающее на такое отрицаніе, на будущій характеръ журнала:

Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ и садимъ нулей въ сихъ нивахъ сѣмя
. . . .
И весь сей будетъ трудъ основанъ на нуляхъ,

заявляютъ издатели.

Со 2-го № начинается беззастѣнчивая проповѣдь грубаго практическаго матерьялизма. На первомъ планѣ помѣщено здѣсь недурное по формѣ стихотвореніе «Деньги», въ которомъ воспѣвается и прославляется сила золота, его торжество надо всѣмъ въ мірѣ.

Можно ли нищенство
Деньгамъ предпочесть?
Деньги — лучше средство
Въ свѣтѣ все обрѣсть.
Деньги въ честь выводятъ,
Намъ друзей находятъ.
Гдѣ сребро блеснетъ,
Взоры тамъ народны;
Гдѣ богачъ идетъ,
Путь открытъ свободный...
Мудрость драгоцѣнна,
Что черплемъ изъ книгъ,
Деньгамъ покоренна...
. . . .
Деньги во страны

Носятъ насъ далеки,
Имъ отворены
Всѣ библіотеки.
О, сребро и злато!
И ты, звонка мѣдь!
Что у насъ отъято,
Коли васъ имѣть?
Вы чрезъ пищу голодъ,
Чрезъ одежду холодъ
Отвратившu прочь,
Въ изнуренно тѣло
Льете прежню мочь.
. . . .
Это есть безспорно:
Деньгамъ все покорно,
Все находимъ въ нихъ.

Чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, которое эти стихи могли произвести на нѣкоторыхъ читателей, редакція журнала софистически оправдываетъ помѣщеніе ихъ тѣмъ соображеніемъ, что

«ей припала охота... поискать причины, для чего люди, будучи подперты со всѣхъ сторонъ то разумомъ, то законами, то другими благородными побужденіями, часто однакожъ колеблются красотой или скороподвижностью тѣхъ кружковъ, которые мы деньгами называемъ».

Въ этихъ словахъ слышится ироническое отношеніе къ «разуму» и «законамъ», сомнѣніе въ ихъ силѣ. —«У голоднаго хлѣбъ на умѣ» — прибавляетъ редакція еще и субъективное объясненіе дѣла.

За теоріей практическаго матерьялизма слѣдуетъ въ журналѣ проповѣдь теоріи веселья. Въ 3 и 4 №№, вышедшихъ въ великомъ посту, «Ни то ни сiô» печатаетъ нравоучительныя письма Сенеки, съ ироническимъ поясненіемъ, что дѣлаетъ это, «чтобы не оскоромить читателя въ сіи на благоговѣніе опредѣленные дни». Еще яснѣе и рѣзче звучитъ иронія въ письмѣ, будто бы присланномъ по этому случаю въ редакцію, и въ отвѣтѣ на него. Неизвѣстный корреспондентъ пишетъ:

Безспорно, что весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать,
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать.
Что смерти рокъ неизбѣжимый
О семъ давно ужъ всякъ вѣстимый,
И мы то всѣ знаемъ безъ васъ:
Ввязались не въ свое вы дѣло, —
Ни то, ни сіо, а загремѣло
Сенекой, какъ Перунъ у насъ.

Очевидно соглашаясь съ веселыми и безпечными мыслями этого письма, редакція для виду возражаетъ, оправдывается въ помѣ-

щеніи у себя Сенеки, и въ этомъ оправданіи слышится циническая насмѣшка.

«Правду сказать, онъ (Сенека) очень похожъ на великопостное сухояденіе; но мы обрадовались по крайней мѣрѣ тому, что никто изъ читателей отъ него не вскружился и не упалъ въ обморокъ».

Затѣмъ, дѣло поясняется еще стихотвореніемъ, гдѣ высказана такая идея:

Не то ѣстъ чижикъ, что индѣйка,
Не то пѣтухъ, что канарейка,
Кормъ разный гуся съ соловьемъ.
Такъ въ свѣтѣ люди разнородны
И каждаго различенъ нравъ:
Однимъ морали суть угодны,
Другіе склонны для забавъ.

Очевидно, что авторъ этихъ виршей считаетъ и нравственность, и всякаго рода убѣжденія и взгляды — дѣломъ совершенно условнымъ и независящимъ отъ личной воли и совѣсти человѣка.

Въ 6 и 7 №№ журнала напечатанъ переводъ одного сочиненія Вольтера — «Разговоръ дикаго съ бакалавромъ»; здѣсь съ матерьялистической точки зрѣнія осмѣивается пытливость ума, и человѣкъ сопоставляется и уравнивается съ животнымъ. Вотъ отрывокъ этого разговора:

Бакалавръ. Желалъ бы я знать, въ чемъ состоятъ ваши размышленія, что вы разсуждаете о человѣкѣ?

Дикой. Я разсуждаю, что человѣкъ есть животное о двухъ ногахъ, имѣющее способность умствовать, говорить, смѣяться, дѣйствующее руками своими гораздо искуснѣе, нежели обезьяна.

Бакалавръ. Но о своей душѣ какое вы имѣете понятіе, откуда она происходитъ, что она есть, какія ея упражненія, какъ она дѣйствуетъ и куда она переселяется?

Дикой. Я объ ней ничего не знаю: я ее никогда не видалъ.

Бакалавръ. А ты, господинъ дикой, какъ думаешь, какое имѣешь преимущество передъ скотами?

Дикой. Я имѣю память безконечнымъ образомъ превосходящую, гораздо больше понятій, и при томъ, какъ я уже вамъ сказалъ, языкъ, который въ голосѣ несравненно бо ьше производитъ звоновъ, нежели языкъ скотской, способность смѣяться, которую всякій великій умствователь заставляетъ во мнѣ дѣйствовать».

Разговоръ этотъ напоминаетъ намъ нѣкоторыя идеи философскаго трактата Вольтера «Душа». Сопоставленіе двухъ сочиненій знаменитаго писателя приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что онъ самъ на сторонѣ Дикаго, а не Бакалавра, — и надъ послѣднимъ, надъ его отвлеченными, метафизическими вопросами подсмѣивается.

А помѣщеніе «Разговора» въ журналѣ указываетъ намъ — откуда, изъ какихъ источниковъ «Ни то ни сіо» и подобныя ему изданія заимствовали свое отрицательное и матерьялистическое направленіе, свои убѣжденія и взгляды.

Съ нашей журналистикой прошедшаго вѣка связано имя императрицы Екатерины: она была, какъ мы знаемъ, редакторомъ «Всякой всячины»; она принимала и самое дѣятельное участіе въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова», который началъ выходить въ 1782 году.

Поэтому, и по многимъ другимъ причинамъ, слѣдуетъ теперь перейти къ разсмотрѣнію сочиненій императрицы.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

А. Незеленовъ.

КАЛИГУЛА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

А. Дюма-отца [1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

КАЛИГУЛА, цезарь.
АКВИЛА, галлъ.
АФРАНІЙ.
ПРОТОГЕНЪ.
ЮНІЯ, кормилица Каллигулы.
СТЕЛЛА, ея дочь.
ФЕБЕ, раба.
Преторъ, ликторы, свидѣтели.

Дѣйствіе происходитъ въ Байѣ.

Богато убранная комната. Налѣво, на первомъ планѣ, статуи пенатовъ, въ нишѣ-передъ ними небольшой алтарь. Бронзовое ложе и разная античная мебель. Въ глубинѣ сцены, посрединѣ дверь; двѣ другія двери по бокамъ.

СЦЕНА I.

ЮНІЯ, молится передъ алтаремъ.

Вы, божества, дарующія счастье
И миръ семьѣ! Священные пенаты,

---

[1]) По нѣкоторымъ соображеніямъ, переводчикъ позволилъ себѣ кое-что въ пьесѣ Дюма измѣнить и переработать.

Хранители полей и очага
Домашняго! мольбѣ моей внемлите!
Я каждый день вѣнчаю ваши лики
Вѣнками изъ фіалокъ ароматныхъ,
Я осень каждую кладу на вашъ алтарь
Плоды садовъ! О, будьте благосклонны,
Удвойте попеченья и заботы
Объ этомъ домѣ: чрезъ его порогъ
Сегодня переступитъ дочь моя,
Мое дитя возлюбленное — Стелла...
Вы помните ее въ тѣ дни, когда
Она была ребенкомъ: отражалась
Въ ея глазахъ небесная лазурь
И улыбалась весело малютка,
И волосы вкругъ мраморнаго лба
Вздымались золотистою волною
И падали по плечамъ, извиваясь;
Теперь она взросла еще прекраснѣй —
И вамъ ее, хранительные боги,
Какъ лучшее сокровище свое,
Съ любовью, съ тайнымъ страхомъ и надеждой
Вручаетъ мать. Молю васъ: оградите
Ее отъ бѣдствій и печалей жизни!

(Фебе показывается въ среднихъ дверяхъ, вводя Стеллу и Аквилу; она хочетъ подойти къ Юніи; Стелла удерживаетъ ее и, тихо приближаясь съ Аквилой, становится позади Юніи).

О, если вы услышите мольбу
И ниспошлете ей благое счастье, —
Я буду чтить васъ въ сердцѣ, наравнѣ
Съ богами высшими! На вашъ алтарь
Я положу ячмень и медъ душистый
И возліянье совершу виномъ...
Когда же годъ окончитъ кругъ обычный
И радостный приблизиться апрѣль,
И день придетъ, счастливый, свѣтлый день,
Въ который Стелла увидала солнце —
Я бѣлую телицу принесу
Вамъ въ жертву... Будьте милостивы, боги,
Ко мнѣ и къ дочери... И дайте, дайте
Обнять скорѣй любимое дитя...
Я жду ее, я истомилась сердцемъ
Въ разлукѣ долгой съ нею...

СЦЕНА II.

Юнія, Стелла, Аквила.

СТЕЛЛА.

Мать моя,
Я здѣсь!

ЮНІЯ, кидаясь къ ней въ объятія.

О, Стелла! милая! родная!
Тебя ли вижу я?.. Да: это ты...

(Беретъ ее за руку и смотритъ ей въ лицо).

Дай наглядѣться на тебя, голубка...
Какъ выросла, какъ хороша ты стала!
О, поцѣлуй меня... Еще, еще...
Ты, наконецъ, со мной, ты возвратилась...

СТЕЛЛА.

Въ разлукѣ долгой какъ страдали мы...

ЮНІЯ.

Не говори... забудь, забудь объ этомъ:
Я снова счастлива...

СТЕЛЛА, показывая на Аквилу.

Родная, а ему
Ты ничего не скажешь?..

ЮНІЯ, протягивая руку Аквилѣ.

Ахъ, Аквила!
Сынъ брата моего, желанный гость!

АКВИЛА, склоняясь передъ ней.

Привѣтъ мой, благородная матрона.

ЮНІЯ.

Нѣтъ, матерью зови меня. Какъ сына,
Тебя я обниму.

(Въ полголоса, указывая на Стеллу).

Скажи, любовь
Меня не ослѣпляетъ: вѣдь, неправда ль,
Она прекрасна?

АКВИЛА.

Какъ богиня!

ЮНІЯ.

Стелла,
Я вѣрю: добрый геній охранялъ
Тебя въ разлукѣ.

СТЕЛЛА, показывая на Аквилу.

Вотъ мой добрый геній:
Онъ обо мнѣ заботился всегда...
О, если бы ты видѣла, какъ нѣжно,
Во время долгаго пути меня
Оберегалъ онъ: трудностей дороги,
Благодаря ему, не знала я.

ЮНІЯ.

Онъ свой исполнилъ долгъ: его заботы —
Ревнивыя заботы жениха
О будущей супругѣ... Ты краснѣешь...
Ну, хорошо, оставимъ эту рѣчь.
Присядемьте и будемъ говорить...
Ахъ, какъ я рада, Стелла...

СТЕЛЛА, садясь.

Это мѣсто
Любимое мое!

ЮНІЯ.

Ты помнишь — да?
А это узнаешь ты?
(показываетъ начатое вышиванье)

СТЕЛЛА.

Покрывало?

ЮНІЯ.

Да, покрывало, что пять лѣтъ назадъ
Оставила ты вышивать: его я
Хранила здѣсь...

СТЕЛЛА.

Теперь его узоръ
Окончу я.

ЮНІЯ.

Узнала-ль ты всѣхъ нашихъ:
Старуху Гету, что тебя звала
Своею дочерью? Фебе, съ которой
Играла ты, какъ съ доброю сестрой?

А на стѣнѣ — вонъ тамъ — собаку помнишь:
Какъ ты ее боялося, дитя?..
Однако, я болтаю, точно брежу,
Все о быломъ, о прошломъ... Разскажи
Мнѣ о себѣ. Я слушаю. Навѣрно,
Есть много у тебя, что передать
Ты матери желала бы, малютка?

СТЕЛЛА.

Да, матушка, есть тайна у меня.

ЮНІЯ.

Какая тайна, Стелла?

СТЕЛЛА.

Не тревожься...
Узнай: меня не Стеллой, а Маріей
Теперь зовутъ.

ЮНІЯ.

Не понимаю я,
Какъ измѣнить могла свое ты имя:
Вѣдь я тебя такъ назвала.

СТЕЛЛА, сложивъ руки.

Прости...

ЮНІЯ.

Марія!

СТЕЛЛА, набожно.

Это имя Чистой Дѣвы.

ЮНІЯ.

Но прежнее?

СТЕЛЛА.

Тобою мнѣ дано:
Я это знаю; для меня оно
Такъ дорого... О, мать, оставь мнѣ оба!

ЮНІЯ.

Но какъ случилось это...

СТЕЛЛА.

Разскажу
Тебѣ я все. У матери Аквилы
Въ Нарбоннѣ былъ роскошный зимній домъ;

Но лѣтомъ жили мы подъ кровомъ виллы,
Построенный на берегу морскомъ;
Спуская къ морю бѣлыя ступени,
На скалахъ поднималася она,
Сосновой рощей вся окружена;
Днемъ въ рощѣ той царила тишина;
Но къ вечеру, когда ложились тѣни
На мраморъ плитъ терассы и волна
Дробилася о скалы въ часъ прилива,—
Шумѣли тихо сосны и лѣниво
Съ кипящимъ моремъ разговоръ вели...
Любила я прислушиваться къ волнамъ:
Въ ихъ ропотѣ, печали тайной полномъ,
Звучала пѣснь разлуки; издали
Онѣ, казалось, дружной ратью шли,
На берегъ каменистый набѣгая,
И, внявъ деревъ задумчивый разсказъ,
Вновь уплывали далеко... Не разъ
За ними я слѣдила и, мечтая,
Я спрашивала ихъ: «быть можетъ вамъ
Случалось приносится къ берегамъ,
Гдѣ въ зелени садовъ уснула Байя:
Вы мать мою не видѣли-ли тамъ?..»

ЮНІЯ.

О, милое мое дитя!

СТЕЛЛА.

Однажды
Я замѣчталась долго. Ночь сошла,
И въ полумглѣ морской дремавшей дали
Лучи луны серебряной дрожали...

ЮНІЯ.

Ужели ночью ты одна была?

АКВИЛА.

О не тревожься, мать: я постоянно
Слѣдилъ за ней...

СТЕЛЛА.

Вдругъ, вижу среди волнъ
Изъ-за сребристо-синяго тумана
Плыветъ ко мнѣ все ближе, ближе чолнъ
И къ берегу причалилъ. Съ изумленьемъ
Смотрѣла я: отбросивши весло,

Выходитъ женщина... Она видѣньемъ
Мнѣ показалась: блѣдное чело
Сіяетъ, будто въ свѣтломъ ореолѣ
Златыхъ кудрей, откинутыхъ назадъ,
И неземнымъ восторгомъ полонъ взглядъ...
Покорная какой-то тайной волѣ,
Я къ ней пошла, заговорила съ ней,
И повѣсть чудную судьбы своей
Мнѣ путница святая разсказала:
Въ странѣ далекой истины законъ
Она толпѣ безстрашно возвѣщала;
И, злобою безумной раздраженъ,
Ее схватилъ народъ и съ ветхимъ челномъ
Въ добычу бросилъ бушевавшимъ волнамъ;
Но властію небесъ укрощена,
Утихла буря, и была она
Незримой силой много дней хранима
И къ берегу пристала невредимо!

ЮНІЯ.

Все это такъ необычайно...

СТЕЛЛА.

Да,
Какъ чудеса небесъ необычайно.
На утро странница просила насъ
Ей указать среди лѣсовъ сосѣднихъ,
Иль среди скалъ убѣжище, чтобъ тамъ
Укрыться навсегда. Аквила вспомнилъ:
У склона Альпъ охотясь, онъ не разъ
Въ пещеру проникалъ. Мы проводили
Отшельницу туда въ вечерній часъ,
И скрылася она отъ нашихъ глазъ,
Какъ будто въ темной и сырой могилѣ...
Но позабыть я не могла о ней,
Меня влекла невѣдомая сила
Къ пещерѣ той... И много, много дней
Мы вмѣстѣ провели... И просвѣтила
Она мнѣ сердце вѣрою своей...

ЮНІЯ.

Кто-жъ эта женщина была?

СТЕЛЛА.

Не знаю:
Отшельница свое скрывала имя.

Она томилась въ юные года
Недугомъ страшнымъ: демонская сила
Ее терзала и огонь страстей
Сжигалъ ей душу, и въ порочной нѣгѣ
Она губила молодость свою;
Но исцѣлилъ ее пророкъ великій
Изъ Іудеи, названный Христомъ;
Онъ въ эти дни, въ сіяньи дивной славы,
По городамъ и селамъ проходилъ,
Творя повсюду чудеса: онъ зрѣнье
Давалъ слѣпымъ, онъ поднималъ съ одра
Разслабленныхъ, онъ воскрешалъ умершихъ.
Онъ звалъ къ себѣ рабовъ и бѣдняковъ
И имъ любви небесные завѣты
Провозвѣщалъ... И шелъ къ нему народъ,
Его хвалою, какъ царя, встрѣчая!
И къ ней склонился кроткій взоръ его:
Своимъ спасительнымъ, могучимъ словомъ
Изгналъ онъ демоновъ, ее терзавшихъ...
И озарилъ ей душу неба свѣтъ:
Покинувши грѣхи и заблужденья,
Она во слѣдъ Спасителю пошла
И божествомъ его своимъ признала.

ЮНІЯ.

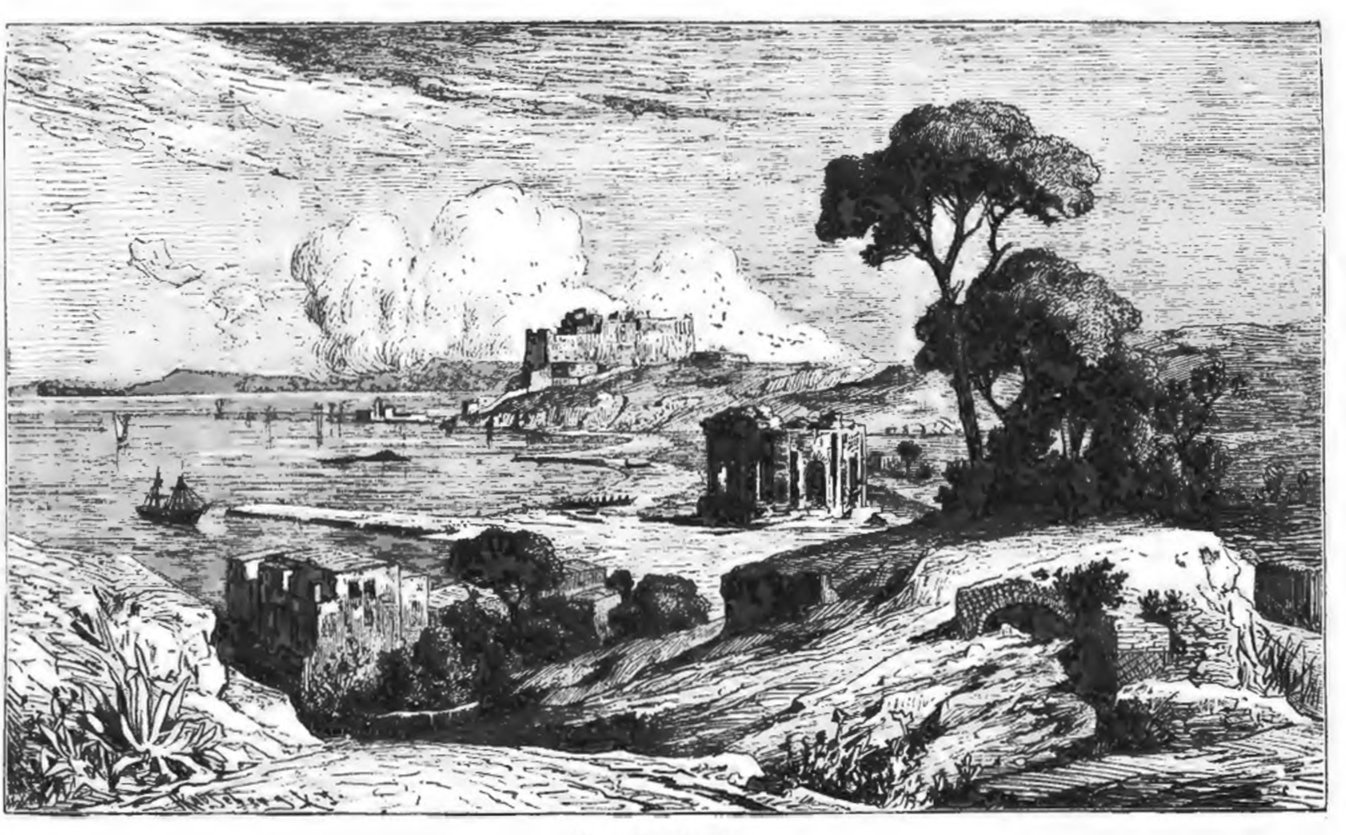
Онъ божескихъ достоинъ жертвъ; Ему,
Навѣрно, въ храмахъ алтари воздвигли?

СТЕЛЛА.

Нѣтъ, мать моя, — онъ умеръ на крестѣ!..
Онъ возвѣщалъ народу, что предъ Богомъ
Равны всѣ люди: властелинъ и рабъ,
Богачъ и нищій; ложь и лицемѣрье
Неправедныхъ учителей закона
Онъ обличалъ, и ими схваченъ былъ
И осужденъ на казнь... Но умирая
Въ мученьяхъ на крестѣ, онъ имъ простилъ,
Онъ за своихъ враговъ молился небу!..
Вотъ тотъ пророкъ божественный, кому
Я покланяюсь свято, чье ученье
Я сердцемъ чту.

(Становится на колѣни предъ Юніей).

О, мать, прости меня,
Коль я за то виновна предъ тобою.



Заливъ Байа.

ЮНІЯ.

Его ученье къ матери любовь
Не воспрещаетъ?

СТЕЛЛА.

Онъ въ завѣтъ священный
Ее вмѣняетъ людямъ.

ЮНІЯ.

Если такъ —
Въ ученьи, принятомъ тобой, я вижу
Законъ души и нашихъ предковъ боги
Не оскорбятся тѣмъ, что дочь моя
Великаго пророка почитаетъ...
И ты, Аквила, такъ же какъ она,
Навѣрно, принялъ новое ученье?

АКВИЛА.

Нѣтъ, я молюсь богамъ родной земли.

СТЕЛЛА.

Его чередъ настанетъ; высшей правды
Лучъ благодатный до его души
Покуда не коснулся; но, я вѣрю,
Придетъ желанный день — и онъ Христа,
Страдавшаго за міръ, признаетъ Богомъ!

(Входитъ Фебе).

ЮНІЯ.

Что тебѣ надобно, Фебе?

ФЕБЕ.

Госпожа, у нашего дома остановился отрядъ всадниковъ.

ЮНІЯ, встаетъ.

Какой нибудь благородный римлянинъ, проѣзжая мимо, пожелалъ навѣстить насъ.

АКВИЛА, заглянувъ въ среднюю дверь.

Это цезарь.

СТЕЛЛА.

Ахъ, я уйду!

ЮНІЯ.

Зачѣмъ, Стелла? Вѣдь онъ почти твой братъ.

СТЕЛЛА.

Но, говорятъ, онъ жестокій, злой...

ЮНІЯ.

Я не вѣрю этимъ толкамъ... Нѣтъ, онъ совсѣмъ не золъ.

АКВИЛА.

Онъ не можетъ быть злымъ: вѣдь ты вскормила его своей грудью.

СТЕЛЛА.

Я все таки уйду, матушка.

ЮНІЯ.

Какъ хочешь, Стелла.

(Стелла и Аквила уходятъ).

СЦЕНА III.

Юнія, Калигула, Афраній.

ЮНІЯ, встрѣчаетъ Калигулу у двери.

Юпитеръ милость посылаетъ мнѣ:
Самъ цезарь посѣтилъ мой домъ.

КАЛИГУЛА.

Въ Пуццолу,
Я проѣзжалъ, кормилица, и вздумалъ
Заѣхать въ Байю, навѣстить тебя:
Давно съ тобой мы не видались.

ЮНІЯ.

Боги
Нежданной радостью меня дарятъ:
Я сына своего встрѣчаю снова,
Коль этимъ именемъ назвать себя
Позволитъ побѣдитель-тріумфаторъ.

КАЛИГУЛА, облакачиваясь на ложе.

Вотъ какъ! и ты узнала о моей
Войнѣ побѣдной съ варварами?

ЮНІЯ.

Цезарь,
О ней вездѣ промчалася молва.

КАЛИГУЛА, ложится на ложе.

Ты льстишь мнѣ.

ЮНІЯ.

Нѣтъ, я правду лишь сказала
Ты лаврами вѣнчался...

КАЛИГУЛА.

Перестань,
Кормилица: меня всегда любила
Ты баловать.

ЮНІЯ.

Какъ радовалась я,
Когда счастливыя внимала вѣсти
О славѣ цезаря, и какъ душой
Тревожилась, когда боговъ властитель,
Завидуя властителю земли,
Тебя, мой сынъ, хотѣлъ отнять у Рима.

КАЛИГУЛА.

Да, какъ Тезей, я былъ готовъ сойти
Въ подземный міръ и волны Ахерона
Катились предо мной, и я стоялъ
На берегу его, межъ скалъ ужасныхъ,
Внимая смерти роковой призывъ...
Но вотъ кто для меня былъ Геркулесомъ —
Афраній добрый мой: онъ поклялся
Священной клятвой умереть, коль боги
Жизнь цезаря спасутъ.

ЮНІЯ.

За это Римъ
И цѣлый свѣтъ его благословляютъ.
Позволь и мнѣ, Афраній благородный,
Воздать тебѣ отъ сердца благодарность:
Ты жизнь, здоровье сыну моему
Своимъ обѣтомъ вымолилъ у неба.

АФРАНІЙ.

Я сдѣлалъ то, что долгъ повелѣвалъ;
Но цезарь—богъ, онъ смерти не подвластенъ:
Я въ это вѣрилъ.

КАЛИГУЛА.

И однако жъ всѣ
Земные боги низошли къ Плутону:
Былъ Ромулъ первымъ и послѣднимъ былъ
Божественный Тиберій... Нѣтъ, душою,

Отваженъ ты, Афраній, и другой
Подобной клятвы дать бы не рѣшился.

(Фебе приноситъ вино).

ЮНІЯ.

Цезарь, окажи мнѣ милость: отвѣдай вина изъ моихъ виноградниковъ.

КАЛИГУЛА.

Хорошо. Но мнѣ кажется, что болѣе благородная рука должна поднести кубокъ цезарю.

ЮНІЯ, беретъ амфору.

Ты правъ.

КАЛИГУЛА, останавливая ее.

Что ты дѣлаешь?

ЮНІЯ.

Я хочу услужить тебѣ. Ты не лишишь меня этого удовольствія.

КАЛИГУЛА.

Я думалъ, что это обязанность моей сестры. Я думалъ, что она нальетъ чашу гостепріимства цезарю, когда онъ пришелъ навѣстить его мать.

ЮНІЯ.

Ты знаешь, что она возвратилась?

АФРАНІЙ.

Цезарь знаетъ все: вѣдь онъ богъ.

ЮНІЯ.

Фебе, позови Стеллу.

(Фебе уходитъ).

ЮНІЯ.

Не прошло часа, какъ она переступила порогъ моего дома. Этотъ день счастливѣйшій въ моей жизни: я увидѣла моихъ дѣтей. Посмотри, вотъ они. Какъ они хороши — неправда-ли?

КАЛИГУЛА.

А кто это съ ней?

ЮНІЯ.

Ея женихъ.

СЦЕНА IV.

Тѣ-же, Аквила, Стелла.

СТЕЛЛА, становясь на колѣни.

Да будутъ къ тебѣ милостивы боги, божественный цезарь.

АКВИЛА, преклоняясь.

Привѣтъ тебѣ, императоръ.

АФРАНІЙ, тихо Калигулѣ.

Что, цезарь, я не обманулъ тебя?..

КАЛИГУЛА.

О, нѣтъ, клянусь моей сестрой Друзиллой!..

(Юніи).

Какъ ты могла пять лѣтъ въ разлукѣ быть
Съ такой прелестной дочерью? Конечно,
Ее не даромъ удалила ты
Въ чужую сторону? Скажи мнѣ, Стелла,
Въ чемъ тутъ загадка?

СТЕЛЛА.

Я не знаю, цезарь:
Объ этомъ мать не говорила мнѣ.
Въ одинъ печальный день мы разлучились.
И съ той поры я тосковала горько:
Вотъ все, что мнѣ извѣстно.

ЮНІЯ, подзывая Стеллу.

Дочь моя...

КАЛИГУЛА.

Юпитеромъ клянусь, все это странно:
Тутъ тайна.

ЮНІЯ.

Стелла, принеси плодовъ
Для цезаря.

КАЛИГУЛА.

Уходишь ты?

ЮНІЯ.

Вернется
Она сейчасъ. Иди, мое дитя.

(Стелла уходитъ).

Узнать ты хочешь, цезарь, почему я
Цвѣтокъ прелестный этотъ укрывала
Вдали отъ Рима, въ сторонѣ чужой?
Боялась я, онъ можетъ здѣсь увянуть
Безвременно. Тиберій — помнишь ты —
Состарившись, подогрѣвалъ распутствомъ
Любви угасшій пламень. Похищалъ
Онъ съ помощью отпущенниковъ подлыхъ
Изъ нѣдръ семействъ невинныхъ дочерей.
Боялась я, въ ужасное то время
Насилья, беззаконія, оставить
Твою сестру. Кто поручиться могъ,
Что вечеромъ, когда моя малютка
Порой, ходила къ берегу гулять, —
Вдругъ не причалитъ воровская лодка
И не умчитъ ее туда, туда на Капри,
Въ ужасныя объятья старика
Безумнаго... и къ матери несчастной
Вернутъ потомъ лишь бѣдный трупъ ея,
Отъ гнусныхъ поцѣлуевъ помертвѣвшій...
Но эти дни ужасные прошли:
Я не тревожусь больше опасеньемъ
И вновь къ себѣ я призвала мое
Любимое дитя. Теперь имѣетъ
Могучаго защитника она
Въ лицѣ ея властительнаго брата:
Неправда-ли?

АКВИЛА.

О будь спокойна, мать:
Мои заботы охраняютъ Стеллу
И помощи чужой не надо мнѣ:
Я сберегу сокровище, богами
Мнѣ данное.

ЮНІЯ, *испугавшись.*

Надменныя слова
Проститъ великій цезарь...

КАЛИГУЛА.

Нравы галловъ,
Моихъ друзей давнишнихъ, знаю я:
Люблю языкъ ихъ гордый и суровый;
Къ тому же, зять твой будущій — мнѣ братъ...
Иди, кормилица, иди: займися

Домашними заботами, а насъ,
Мужчинъ, оставь поговорить о битвахъ
И объ охотѣ.

(Юнія уходитъ).

Ну, мой юный Бреннъ,
Скажи-ка мнѣ: когда бушуетъ буря
И громъ гремитъ, и пламенный перунъ
Летитъ съ небесъ — ты предъ грозой отступишь,
Иль дротикъ свой и съ молніей скрестишь?

АКВИЛА.

Я не страшусь грозы.

КАЛИГУЛА.

А если море,
Какъ левъ гигантскій съ гривою сѣдой,
Съ ужаснымъ ревомъ прядая на скалы
И разбивая крѣпкій ихъ оплотъ,
Тебя волной кипящей захлестнетъ —
Ты поблѣднѣешь ли предъ бурнымъ моремъ?

АКВИЛА.

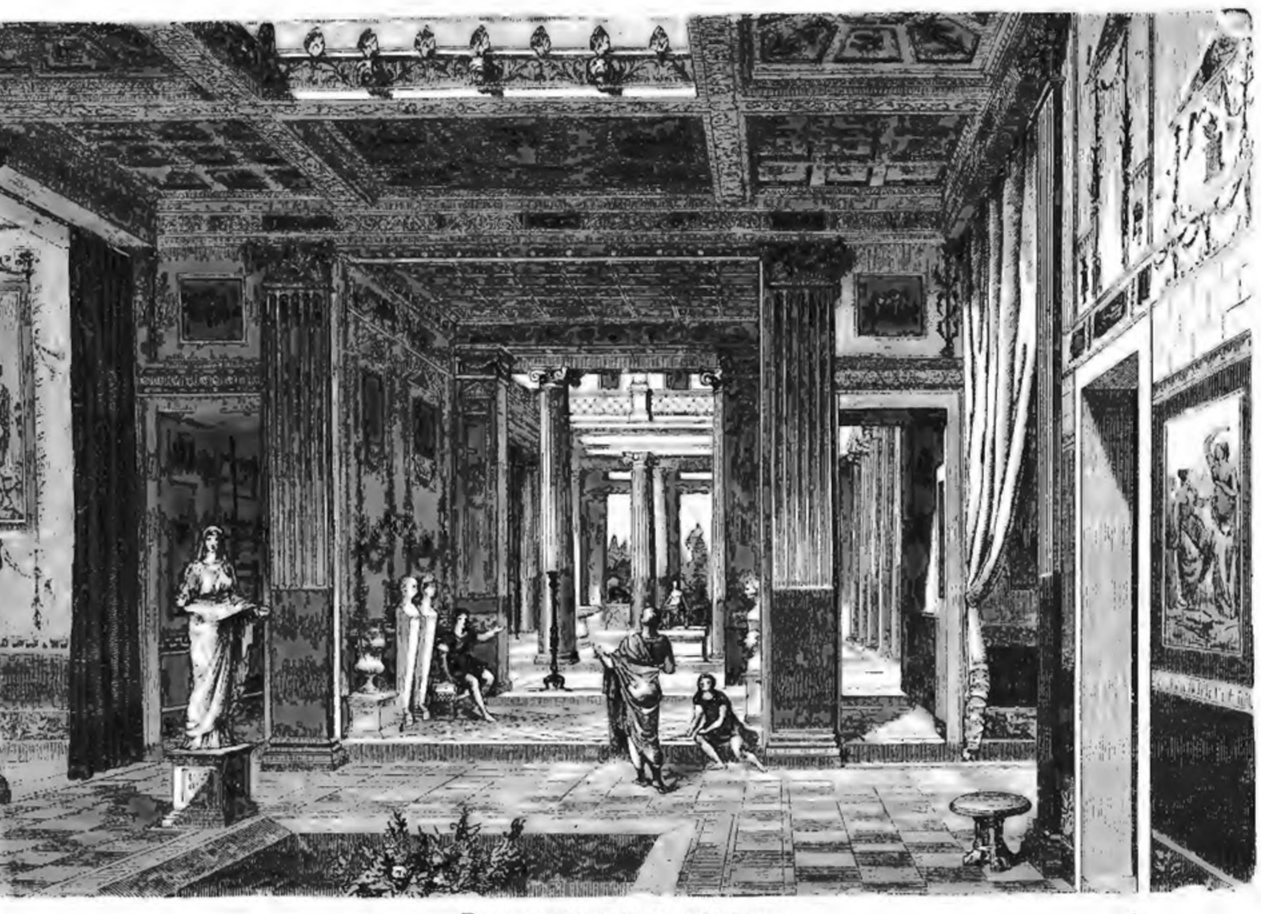
Нѣтъ, цезарь; моря грозную волну
Я встрѣчу грудью, буду съ ней бороться.

КАЛИГУЛА.

Ты храбръ и силенъ. Мужество твое
Равняется, навѣрное, искусству
Владѣть оружіемъ. Скажи, не разъ
Ты убивалъ и вепрей, и медвѣдей
Въ лѣсахъ дремучихъ родины твоей?

АКВИЛА.

Увы, теперь ихъ нѣтъ — священныхъ сѣней,
Гдѣ приносили жертвы божествамъ
Друиды мудрые. Я былъ ребенкомъ,
Когда пришелъ невѣдомый народъ
Въ мою родную землю и въ равнины
Онъ обратилъ дремучіе лѣса:
И алтари и дубы вѣковые
Упали подъ сѣкирами пришельцевъ
И скрылись наши боги... Съ той поры
Исчезли предковъ славныя охоты:
Теперь охотникъ мечетъ дротикъ свой,
Гонясь за слабой и трусливой ланью,



Внутренность римскаго дома.

Иль бьетъ стрѣлой лукавою орла,
Который, взоры устремляя къ солнцу,
Внизу не видитъ своего врага.

КАЛИГУЛА.

Но все же вѣрность глаза и искусство
Своей руки ты упражнялъ не разъ
Въ такой охотѣ и стрѣлу умѣешь
Намѣтить въ цѣль?

АКВИЛА.

Умѣю.

КАЛИГУЛА.

Покажи
Мнѣ опытъ ловкости твоей.

АКВИЛА, подходитъ къ двери.

Вотъ видишь,
За лебедемъ несется хищный ястребъ:
Желаешь ты, чтобъ я остановилъ
Его полетъ?

КАЛИГУЛА.

На этомъ разстояньи?

АКВИЛА, цѣлится и стрѣляетъ изъ лука.

Слѣди же Цезарь за моей стрѣлой.

КАЛИГУЛА.

Онъ падаетъ, клянусь я Геркулесомъ!
Онъ падаетъ, кружась!.. Я не могу
Глазамъ повѣрить! Посмотри, Афраній?!

(Аквилѣ).

Иди туда, и принеси трофей
Твоей стрѣлы: его хочу я видѣть.

(Аквила уходитъ).

СЦЕНА V.

Калигула, Афраній.

КАЛИГУЛА, быстро выходя на авансцену.

Мы, наконецъ, одни. Ну, слушай:
Чтобъ завтра-же — ты понимаешь — завтра
Она моей была, во чтобъ ни стало!

АФРАНІЙ.

Она и будетъ завтра же твоей.
А этотъ галлъ?

КАЛИГУЛА.

Что хочешь дѣлай съ нимъ.

СЦЕНА VI.

Тѣ-же, Стелла, Юнія, потомъ Аквила.

СТЕЛЛА, подноситъ корзину съ плодами.

Не осуди, великодушный цезарь,
У насъ теперь въ садахъ неурожай.

КАЛИГУЛА, показывая на апельсины.

Но вотъ плоды, румяно-золотые
Изъ сада Гесперидъ.

ЮНІЯ.

Увы, драконъ
Ихъ плохо охраняетъ.

АКВИЛА, входитъ и кладетъ у ногъ цезаря ястреба.

Вотъ добыча
Моей стрѣлы.

КАЛИГУЛА.

А! хорошо. Налей,
Кормилица, мнѣ чашу. Юный воинъ,
Пью за твою любовь!

(Пьетъ и передаетъ чашу Аквилѣ).

АКВИЛА.

Благодарю.

(Пьетъ).

СТЕЛЛА.

Не хочешь ли плодовъ?

КАЛИГУЛА.

Возьму я, Стелла,
Вотъ это яблоко и, какъ Парисъ,
Отдамъ его прекраснѣйшей изъ женщинъ..
Пора. Прощайте.

ЮНІЯ.

Боги да хранятъ
Тебя, мой сынъ. Прощай. Надѣюсь, въ Байю
Ты снова, цезарь, возвратишься.

КАЛИГУЛА.

Да,
Кормилица.

АКВИЛА.

Будь счастливъ, императоръ!

СТЕЛЛА.

Прощай.

КАЛИГУЛА.

Прощай прекрасная сестра.
(Начинаетъ темнѣть).

СЦЕНА VII.

Тѣ-же, кромѣ Калигулы и Афранія.

ЮНІЯ.

Ну, что же, Стелла, цезарь все еще тебѣ кажется страшнымъ?

СТЕЛЛА.

О, нѣтъ. Онъ добръ. Онъ любитъ тебя, могу ли я не любить его.

ЮНІЯ.

А ты, мой сынъ?

АКВИЛА.

Цезарь уважаетъ наши законы. Онъ никогда не дѣлалъ зла галламъ. Пусть охраняютъ его боги отъ скорби и бѣдствій.

ЮНІЯ.

Я рада, дѣти, что вы согласны со мною... Скажи, Аквила: вѣдь ты, кажется, имѣешь права римскаго гражданина?

АКВИЛА.

Да.

ЮНІЯ.

Въ такомъ случаѣ ты знаешь обычай: надобно сегодня же идти къ городскому претору и заявить о вашемъ пріѣздѣ. Преторъ Лентулъ живетъ недалеко отсюда... всего четверть часа ходьбы. Идите, дѣти, сдѣлайте, что требуетъ законъ, и возвращайтесь поскорѣе.

АКВИЛА.

Хорошо, будь спокойна, мать.

ЮНІЯ, цѣлуя дочь.

До свиданья.

СТЕЛЛА.

Мы вернемся сейчасъ же.

(Стелла и Аквилла уходятъ).

СЦЕНА VIII.

Юнія, Фебе, входитъ и зажигаетъ бронзовый канделябръ.

ЮНІЯ.

Фебе!

ФЕБЕ.

Что угодно, госпожа?

ЮНІЯ.

Поди сюда. Ты все приготовила, какъ я приказывала.

ФЕБЕ.

Все, госпожа.

ЮНІЯ.

Курильницы зажжены? Ванна нагрѣта?

ФЕБЕ.

Все приготовлено, госпожа. Если тебѣ угодно, то можешь идти...

ЮНІЯ, вздрогнувъ.

Фебе!..

ФЕБЕ.

Что прикажешь, госпожа?

ЮНІЯ.

Ты... ничего не слышала?.. (прислушиваясь). Нѣтъ, это мнѣ показалось... Какъ будто кто-то кричалъ... Да, скажи: комната Стеллы... Слышишь? Слышишь? Тамъ!..

(Показываетъ въ ту сторону, куда ушли Аквила и Стелла).

ФЕБЕ.

Тамъ ничего не слышно...

ЮНІЯ.

Ничего?.. Въ комнату Стеллы ты поставила золотую лампу съ душистымъ масломъ?

ФЕБЕ.

Да, госпожа...

Аквила, за сценой,

Мать! Юнія!

ЮНІЯ.

А, слышишь?... Я не ошибаюсь: тамъ кричатъ, зовутъ о помощи...

АКВИЛА, за сценой.

Юнія!

ЮНІЯ, бѣжитъ къ двери.

Это голосъ Аквилы! Идемъ!..

СЦЕНА IX.

тѣ-же, **Аквила,** потомъ **преторъ, Протогенъ, два свидѣтеля, ликторы.**

АКВИЛА, окровавленный, одежда въ безпорядкѣ, въ рукѣ мечъ; вбѣгаетъ, сталкивается въ дверяхъ съ Юніей.

О, мать!

ЮНІЯ, въ ужасѣ отступаетъ.

Гдѣ, Стелла? Что случилось съ нею?..

АКВИЛА.

Разбойники...

ЮНІЯ.

И ты не могъ спасти...
Не могъ ты защитить ее?.. Стыдися!..

АКВИЛА, указывая на свои раны.

Смотри...

ЮНІЯ.

Ты весь въ крови!?

АКВИЛА.

Та кровь — моя!

ЮНІЯ.

Ты раненъ?

АКВИЛА.

Все равно!

ЮНІЯ.

Но гдѣ-же Стелла?

АКВИЛА.

Ихъ было десять человѣкъ... Скорѣй
Сбери рабовъ твоихъ, дай имъ оружье:
Мы бросимся въ погоню — и, клянусь,
Я ихъ настигну... Я разстанусь съ жизнью,
Но Стеллу возвращу тебѣ! Зови
Своихъ рабовъ, скорѣй, скорѣй!..

ЮНІЯ, потерявшись.

Да, да,
Ты правду говоришь... рабамъ оружье,
Скорѣй оружье всѣмъ... мы всѣ пойдемъ...
Туда... за ней...

(Преторъ, Протогенъ и два свидѣтеля показываются въ среднихъ дверяхъ; за ними ликторы).

ПРЕТОРЪ.

Остановитесь!

ЮНІЯ.

Преторъ?
Чего желаешь ты...

АКВИЛА.

Не слушай, мать:
Тутъ новая измѣна...

ПРЕТОРЪ.

Замолчи.
Ты, женщина, въ своемъ скрываешь домѣ
Бѣжавшаго раба. За нимъ пришелъ
Его хозяинъ.

ЮНІЯ.

Ты ошибся, преторъ:
Здѣсь бѣглыхъ нѣтъ рабовъ.

ПРЕТОРЪ.

Довольно.

ЮНІЯ.

Нѣтъ
Здѣсь никого, тебѣ я повторяю.

ПРЕТОРЪ, зоветъ Протогена.

Иди сюда.

ПРОТОГЕНЪ, приближаясь, Юніи.

Ты лжешь.

(Указываетъ на Аквилу).

Вотъ бѣглый рабъ.

АКВИЛА.

Я — рабъ?!

ПРОТОГЕНЪ.

Да, ты. Осмѣлься предо мною
Сказать, что я не господинъ твой.

АКВИЛА.

Ты,
Ты господинъ мой?

ПРОТОГЕНЪ.

Да.

АКВИЛА.

Послушай, преторъ,
Онъ сумасшедшій.

ПРОТОГЕНЪ.

Я привелъ съ собой
Свидѣтелей.

ЮНІЯ.

Но это невозможно:
Вѣдь онъ — мой сынъ.

ПРЕТОРЪ, обращаясь къ свидѣтелямъ.

Свидѣтели, сюда!

АКВИЛА, порывисто выводя свидѣтелей на авансцену.

Ну, хорошо: покажемся другъ другу...
Вы знаете меня?

ПЕРВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Я знаю.

АКВИЛА.

Какъ:
Ты говоришь, что я...

ЮНІЯ.

Не вѣрь имъ, преторъ:
Обманутъ ты... О, выслушай, молю...

АКВИЛА.

Вы знаете меня... меня?

ВТОРОЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Да, знаемъ.

ПРЕТОРЪ, даетъ свидѣтелямъ два камня поднятые имъ на дворѣ.

Клянитесь.

ПЕРВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Юпитеромъ и Августомъ клянусь
Божественнымъ: даю я показанье
По совѣсти:

(Указываетъ на Аквилу).

Вотъ этотъ человѣкъ,
Какъ рабъ, былъ купленъ имъ.

(Указываетъ на Протогена).

Когда солгалъ я,
Пускай Юпитеръ также далеко
Меня отброситъ отъ себя, какъ я
Отбрасываю камень.

(Бросаетъ камень за себя).

ПРЕТОРЪ, второму свидѣтелю.

Подтверждаешь
Ты клятвой тоже.

ВТОРОЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Да, я подтверждаю.

АКВИЛА, уничтоженный, бросаетъ мечь.

Лжецы! Клятвопреступники!

ПРЕТОРЪ

Довольно.
Свидѣтельство доказано. Ликторы, уведите раба.
(Ликторы уводятъ Аквилу. Всѣ уходятъ, кромѣ Юніи).

СЦЕНА X.

ЮНІЯ.

Одна... одна я... Стелла... дочь моя!..
Аквила!.. васъ со мною нѣтъ... Напрасно
Я васъ зову... Все отнялъ жадный рокъ...

Домъ опустѣлъ... разбитъ очагъ домашній
И сердце съ нимъ разбилось...

(Подходитъ къ кумирамъ пенатовъ).

Боги, боги!
Ужель могли вы это допустить?..
Не я-ль сейчасъ склонялась передъ вами,
Вотъ здѣсь, у этихъ алтарей святыхъ,
Не я-ли увѣнчала васъ цвѣтами,
Съ молитвой жаркой за дѣтей моихъ?..
Гдѣ жъ ваша правда? гдѣ же ваша сила:
У матери крадутъ злодѣи дочь —
И вы несчастной не могли помочь,
И молнія небесъ не поразила
Преступниковъ!.. Иль вашъ ослѣпшій взоръ
Не видитъ дѣлъ земли безчеловѣчныхъ?
Иль, въ наши дни, на небѣ, въ сонмѣ вѣчныхъ,
Какъ здѣсь, царитъ безумье и позоръ?
О жалкіе кумиры! въ дни былые
Изъ глины были вы, но довѣрять
Вамъ дочь свою могла спокойно мать;
Теперь же ваши лики золотые
Безсильны стали... И когда грозятъ
Намъ бѣдствія и злой судьбы тревоги —
Отъ насъ вы отвращаете свой взглядъ...
Погибнете же суетные боги!

(Разбиваетъ кумиры и попираетъ ихъ ногами).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

КАЛИГУЛА.
АФРАНІЙ.
ПРОТОГЕНЪ.
ХЕРЕЯ.
КЛАВДІЙ.
МЕССАЛИНА.
ЮНІЯ.
СТЕЛЛА.
РАБЫ.
НАРОДЪ.

Терасса во дворцѣ цезаря, на холмѣ Палатинскомъ. Кругомъ галерея съ колоннадой; она вся покрыта матеріей на маперъ театральнаго веларіума. Двѣ боковыя двери. Въ глубинѣ дверь, сквозь которую видна круглая лѣстница на верхъ. Направо отъ зрителей бронзовое ложе. На лѣво столъ съ кедровымъ ящикомъ. При открытіи занавѣса на сценѣ гроза.

Дѣйствіе въ Римѣ.

СЦЕНА I.

Калигула и нѣсколько рабовъ.

КАЛИГУЛА, на ложѣ, обращаясь къ рабамъ.

Не отходите отъ меня, рабы,
Пока гроза ужасная бушуетъ
И молнія сверкаетъ, точно мечъ,
Надъ головой моей... не отходите!
Властитель неба мстительный огонь
Въ ревнивомъ гнѣвѣ на меня бросаетъ...
Юпитеръ Громовержецъ! усмири
Свой гнѣвъ: я предъ тобою преклоняюсь,
Я чту тебя, я смертный, я не богъ...
А, снова молнія!.. Еще!.. Еще!.. Падите,
Рабы, во прахъ съ мольбой: стрѣлы небесной
Полетъ грозящій миновалъ меня...

ОДИНЪ ИЗЪ РАБОВЪ.

Властитель, тучи грозныя проходятъ,
Стихаетъ громъ и твой напрасенъ страхъ.

КАЛИГУЛА.

Ты правду говоришь? Клянусь богами,
Я дамъ тебѣ свободу...

(Молнія).

Рабъ, ты лжешь!

ОДИНЪ ИЗЪ РАБОВЪ.

Нѣтъ, цезарь: громъ гремитъ уже далеко.

КАЛИГУЛА.

Далеко?.. да... Отецъ боговъ! внемли:
Какъ Августъ, для тебя я храмъ воздвигну...

(Молнія).

Вновь молнія... О, пощади меня!..

(Громъ).

Опять!.. колонны гордыя изъ бронзы
Я вознесу, одѣну въ мраморъ стѣны
И жертвенникъ поставлю золотой...

(Пауза. Громъ стихаетъ).

А, наконецъ, грозы утихла ярость
И замолкаетъ громъ... и я вздохнуть
Могу отрадно... Снова я державный
Земли властитель, цезарь. Предо мной
Трепещетъ Римъ и всемогущимъ богомъ,
Меня зоветъ онъ... Да: я богъ, я богъ!
Смотрите! даже тучи грозовыя
Бѣгутъ отъ блеска взора моего
И самъ Юпитеръ, мною побѣжденный,
Склоняется предъ властію моей!..
Теперь идите! и пускай межъ вами
Никто помыслить даже не дерзнетъ
Что цезарь смертенъ и доступенъ страху!

(Рабы уходятъ).

СЦЕНА II.

Калигула, Протогенъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Властитель, будь спокоенъ: ничего
Не выдадутъ они подъ злою пыткой.

КАЛИГУЛА.

А, это ты, мой Протогенъ. Скажи
Гроза прошла?

ПРОТОГЕНЪ.

Послѣднихъ молній трепетъ
Угасъ на небѣ. Милостью боговъ
Опасность миновала.

КАЛИГУЛА.

Такъ не будемъ
Объ этомъ больше думать и душой
Воскреснемъ вновь для наслажденій жизни...
Ну, что: какъ наше дѣло? Удалось?

ПРОТОГЕНЪ.

Вполнѣ.

КАЛИГУЛА.

И бѣлая голубка?...

ПРОТОГЕНЪ.

Скоро
Она предстанетъ, цезарь, предъ тобой

КАЛИГУЛА.

А этотъ пылкій галлъ?

ПРОТОГЕНЪ.

Его сегодня
Сведутъ на рынокъ вечеромъ: какъ рабъ,
Онъ будетъ проданъ.

КАЛИГУЛА.

Видишь, Протогенъ:
Я все еще судьбой повелѣваю!

ПРОТОГЕНЪ.

Но развѣ, цезарь, усумнился ты
Въ могуществѣ своемъ?.. Ты нынче блѣденъ;
Чѣмъ смущена властителя душа?

КАЛИГУЛА.

Я видѣлъ сонъ ужасный... И грозою
Взволнованъ былъ потомъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты знаешь, цезарь,
Во всякомъ снѣ, коль объяснить его,
Бываетъ предсказанье.

КАЛИГУЛА.

Кто съумѣетъ
Истолковать значенье грезъ моихъ,

Того признаю я, клянусь Друзиллой,
Великимъ мудрецомъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты испыталъ
Не разъ мое искусство, повелитель:
Дозволь сегодня опытъ повторить.

КАЛИГУЛА.

Такъ слушай-же. Мнѣ снилось: въ блескѣ славы
Божественной, взойдя на небеса,
Я рядомъ сѣлъ съ Юпитеромъ на тронѣ;
Какъ вдругъ, нахмуривъ грозное чело,
Отецъ боговъ ко мнѣ оборотился
И оттолкнулъ меня ногой и сбросилъ
Съ высокаго Олимпа... Я упалъ
На берегъ каменистый океана.
Былъ часъ прилива. Ярою толпой
Впередъ рвались бушующія волны,
И видѣлъ я: ихъ горные хребты
Кровавою окрашивались пѣной...
Я въ ужасѣ хотѣлъ отъ нихъ бѣжать,
Но обизсилѣлъ, точно опьяненный,
И двинуться не могъ. Нагнавъ меня,
Упала разъяренная стихія
Къ моимъ ногамъ и оковала ихъ
Какъ будто цѣпью тяжкой... и, вздымаясь
Все выше, выше, бушевали волны
Вокругъ меня. Я сталъ кричать, молить
О помощи... и страшный, грозный голосъ,
Какъ бы изъ нѣдръ шумящихъ океана,
Откликнулся на жалобный мой зовъ
Громовыми, ужасными словами:
«Твой часъ пришелъ: смотри, смотри и гибни!»
И, повинуясь тайному велѣнью,
Я оглянулся: въ пѣнѣ волнъ кровавыхъ
Вздымались всюду трупы; каждый валъ
Несъ мертвеца съ простертыми руками
И съ воемъ на меня его бросалъ!
Казалось мнѣ, межъ мертвыми тѣлами
Я задыхаюсь... Въ ужасѣ нѣмомъ,
Я въ лица ихъ смотрѣлъ и узнавалъ я
Убитыхъ мной: тутъ были всѣ они,
Отъ первой жертвы до послѣдней... всѣ!
И каждый трупъ шепталъ свое мнѣ имя

Устами посинѣлыми, и каждый
Заглядывалъ померкшимъ, тусклымъ взоромъ
Въ мои глаза и простиралъ ко мнѣ
Обьятья ледяныя... Съ дикимъ воплемъ
Я пробудилася, наконецъ... Смотрю:
Гроза бушуетъ, отъ раскатовъ грома
Дрожитъ дворецъ мой, молніи небесъ
Слѣпятъ мнѣ очи нестерпимымъ блескомъ...
Дѣйствительность и сонъ въ моемъ умѣ

Мессалина.

Перемѣшались и, въ безумномъ страхѣ,
Метался я на ложѣ и не могъ
Опомниться, пока сіянье утра
Не разогнало мрака грозныхъ тучъ
И съ нимъ мои видѣнья роковыя.

ПРОТОГЕНЪ.

Твой страшный сонъ ниспосланъ отъ боговъ:
Они тебя предупреждаютъ, цезарь,
Что ты въ заботахъ о самомъ себѣ
Не долженъ покидать заботы власти...

Народу Рима бѣдствіе грозитъ
Не менѣе ужасное, чѣмъ буря
И призраки тревожныхъ сновидѣній.

КАЛИГУЛА.

Какое бѣдствіе?

ПРОТОГЕНЪ.

Нѣтъ больше хлѣба
Средь нашихъ житницъ, и вчера народъ,
Узнавъ объ этомъ, силой въ нихъ ломился,
Хотѣлъ разграбить остальной запасъ.

КАЛИГУЛА.

Но почему же не хватаетъ хлѣба?

ПРОТОГЕНЪ.

Ты знать желаешь почему? — Теперь
По всей Италіи, гдѣ были нивы, —
Настроены и виллы, и дома,
И мраморъ стѣнъ по всюду раздавилъ
Когда то пышно созрѣвавшій колосъ...
Мы золотомъ и роскошью блестимъ,
Но голодъ нашей роскоши должны мы
Питать на счетъ иныхъ, счастливыхъ странъ,
Гдѣ пажити тучнѣй и плодороднѣй;
Вотъ отчего, когда капризный вѣтеръ
Порой задержитъ въ морѣ корабли,
Весь Лаціумъ безъ хлѣба голодаетъ
И подаянье онъ идетъ просить
У цезаря, какъ исхудалый нищій.

КАЛИГУЛА.

Тѣмъ лучше: пусть съ униженною мольбой
Ко мнѣ толпа голодная приходитъ,
Пускай она у ногъ моихъ лежитъ,
Глотая прахъ: я ненавистью полонъ
Къ презрѣнной, жалкой черни, что всегда
Готова жадно подбирать остатки
Отъ моего стола... О, этотъ сбродъ
Лѣнтяевъ топоумныхъ, что народомъ
Себя зовутъ — я знаю, знаю ихъ:
Они изъ гордости бѣгутъ работы
И не хотятъ воздѣлывать поля;
Ну, хорошо: пускай-же голодаютъ!
Я буду радъ, коль кто нибудь по звѣздамъ

Предскажетъ мнѣ, что новыхъ бѣдствій рядъ
Въ грядущемъ чернь безумную постигнетъ...
Клянусь тебѣ: желаю я порой,
Чтобъ голову одну она имѣла:
Тогда я сразу бы ее отсѣкъ!

ПРОТОГЕНЪ.

Я дать тебѣ совѣтъ осмѣлюсь, цезарь:
Останови мятежъ, покуда онъ
Не разлился.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, пусть волною темной
Онъ выступитъ изъ узкихъ береговъ,
Пусть онъ рѣкой широкой устремится
При свѣтѣ дня: тогда мы укротимъ
Его теченье, наказавъ бичами,
Какъ нѣкогда властитель гордый персовъ
Наказывалъ шумящій Геллеспонтъ.
Опасность эта не изъ тѣхъ, которыхъ
Боюся я.

ПРОТОГЕНЪ.

Желаешь ты узнать
Зачинщиковъ народнаго волненья?

КАЛИГУЛА.

Ихъ было много?

ПРОТОГЕНЪ.

Только двое, цезарь.

КАЛИГУЛА.

Кто-жъ эти двое?

ПРОТОГЕНЪ.

Анній и Сабиній.
Одинъ патрицій: древній родъ его
Восходитъ до временъ созданья Рима;
Другой — трибунъ и, кажется, не знатенъ
Происхожденьемъ.

КАЛИГУЛА.

Хорошо, открой
Вотъ этотъ ящикъ, вынь оттуда книгу:
На завтра мы съ обоими покончимъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты хочешь, цезарь, «Мечъ» или «Кинжалъ»? [1]).

КАЛИГУЛА.

Дай «Мечъ».
(Беретъ тростникъ, опускаетъ въ чернила и пишетъ).
Оружіе убійцъ оставимъ
Для тѣхъ, которымъ дѣлаю я честь
Бояться ихъ; а для такихъ героевъ
Платить убійцамъ лишняя растрата:
Тутъ справятся задаромъ палачи.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты, цезарь, правъ.

КАЛИГУЛА.

Возьми преторіанцевъ:
Пусть схватятъ ихъ и отвезутъ въ тюрьму
Подземную дворца. Остерегайся,
Чтобъ не было огласки, чтобъ тебя
Никто не видѣлъ... Клавдія скорѣе
Позвать сюда: его совѣтъ мнѣ нуженъ
Въ такихъ дѣлахъ.

ПРОТОГЕНЪ.

А Мессалину ты
Желаешь также видѣть?

КАЛИГУЛА.

Будь спокоенъ,
Она сама придетъ... Сегодня утромъ
Съ Афраніемъ прибудетъ, можетъ быть,
И плѣнница прекрасная...
(Входитъ Афраній).

СЦЕНА III.

Тѣ же, Афраній.

АФРАНІЙ, преклоняясь.

Властитель!

КАЛИГУЛА.

Привѣтъ мой, консулъ.

---

[1]) «Мечъ» и «Кинжалъ» — названіе книжекъ Калигулы, въ которыхъ онъ записывалъ имена тѣхъ, кого предназначалъ къ смерти.

АФРАНІЙ.

Яблоко твое
Готово ль, цезарь?

КАЛИГУЛА.

Какъ: Венера наша
Ужъ развѣ здѣсь?

АФРАНІЙ.

Да, цезарь: ждетъ она.

КАЛИГУЛА.

Такъ пусть войдетъ.

АФРАНІЙ, отходя къ двери.

Эй, рабъ: сюда, скорѣе!
(Тихо отдаетъ приказаніе рабу).

КАЛИГУЛА, Протогену.

Когда вернешься изъ казармъ, ко мнѣ
Ты Клавдія пришлешь.

ПРОТОГЕНЪ.

А если, цезарь,
Нѣтъ во дворцѣ его?

КАЛИГУЛА.

Ищи въ тавернахъ.
(Протогенъ уходитъ въ правую дверь).

АФРАНІЙ, возвратясь.

Властитель, не забудь моихъ услугъ...

КАЛИГУЛА.

Я помню ихъ всегда: ты знаешь, консулъ,
Какъ преданность я дорого цѣню.

АФРАНІЙ.

Еще не будетъ, цезарь, приказаній?
Я возвращусь...

КАЛИГУЛА.

Да, хорошо. Прощай.
(Афраній уходитъ).

СЦЕНА IV.

КАЛИГУЛА, одинъ.

Приди ко мнѣ, прекрасная богиня,
Съ кудрями золотистыми, приди:
Тебя ждетъ цезарь, властелинъ вселенной!..
Къ моимъ ногамъ склоняется народъ
И умоляетъ о спасеньи жизни,
Но отвѣчаю я мольбамъ его:
«Теперь не время, я любовью занятъ»!
Да, нахожу я тайную отраду
Смотрѣть надменно съ ложа своего
На эту чернь, кипящую, какъ лава,
Извергнутая пламеннымъ волканомъ;
Тревожныхъ волнъ ея безумный гулъ
Внимаю я, покуда сна желанье
Не снизойдетъ мнѣ въ душу, и тогда
Я говорю: «затихните, довольно»!..
Мнѣ нравится страстей грозящихъ ярость,
Мнѣ нравится ужасная любовь
И бѣшенная ревность Мессалины;
Когда ко мнѣ склоняется она
Съ пронзающими, темными глазами
Съ горячими устами, что лобзая,
Какъ будто жаждутъ укусить, — во мнѣ
Невольно просыпается желанье
Ее замучить пыткой, чтобъ узнать,
Какими чарами она умѣетъ
Мою любовь удерживать... Не разъ,
Минутнымъ увлеченіямъ покорный,
Я поддавался женщинамъ другимъ,
Но вновь она невѣдомою властью
Меня въ свои запутывала сѣти...
Тутъ тайна есть... но также и борьба...
А я люблю борьбу. Пускай стремится
Вокругъ меня потокъ страстей живыхъ:
Я радъ, — я жажду серцемъ насладиться
Ихъ бѣшенствомъ, волненьемъ сладкимъ ихъ!

СЦЕНА V.

Калигула, сидитъ; **Стелла,** входитъ, сопровождаемая двумя людьми.

СТЕЛЛА.

Гдѣ я? Зачѣмъ схватили вы меня?
Куда влечете силою?..
(Увидѣвъ Калигулу).
Ахъ, цезарь!..
(Бросается передъ нимъ на колѣни).
Я спасена!..
(Сопровождавшіе Стеллу уходятъ).
О, будь защитой мнѣ:
Меня похитили вотъ эти люди
У матери, съ Аквилой разлучили...
Ни вопли, ни моленія мои
Не тронули жестокость ихъ: насильно
Они меня изъ Байи увлекли...
Ты справедливъ: злодѣевъ ты накажешь...

КАЛИГУЛА.

Ихъ не за что наказывать.

СТЕЛЛА.

Ужель
Потерпишь ты такое преступленье?
О, цезарь, то, что сдѣлали они...

КАЛИГУЛА.

То сдѣлано по моему желанью:
Я повелѣлъ имъ привести тебя
Въ мой Палатинъ, и еслибъ повелѣнья
Они ослушались — я наказалъ бы ихъ.
Тебя люблю я и хотѣлъ я видѣть
Живою или мертвою. Дитя,
Моимъ словамъ не вѣришь ты?

СТЕЛЛА.

О, небо!
Какъ я несчастна!..

КАЛИГУЛА.

Я, властитель Рима,
И съ подданными добрыми всегда
Такъ поступаю: развѣ ты не знаешь?
Не для того-ль Юпитеръ мнѣ вручилъ

Верховное могущество, чтобъ могъ я,
Какъ онъ, любовью смертныхъ надѣлять?
Иль ты отвергнешь даръ, что̀ мнѣ ниспосланъ
Отцомъ боговъ? Оставь свою боязнь,
Приди ко мнѣ, прекраснѣйшая Леда!..
Ты добродѣтельна душой — я знаю,
Но отъ земныхъ обязанностей я,
Какъ властный богъ, тебя освобождаю:
Приди ко мнѣ, приди, любовь моя!..

СТЕЛЛА.

О, вспомни, цезарь: ты своей сестрою
Зовешь меня...

КАЛИГУЛА.

Такъ что же? я всегда
Хорошимъ братомъ былъ: поочередно
Я въ жены трехъ сестеръ себѣ избралъ,
И знаютъ всѣ, какъ пламенно любилъ я
Одну изъ нихъ — Друзиллу. Ахъ, когда
Смерть разлучила насъ, я какъ безумецъ,
Гонимый злобнымъ геніемъ, скитался
Вокругъ ея гробницы; и теперь,
Какъ божествомъ небесъ, я постоянно
Ея священнымъ именемъ клянусь...
Тебя любить я буду столь же страстно,
Но боги благосклонные, надѣюсь,
Дадутъ намъ дольше насладиться счастьемъ.
(Обнимаетъ ее).
Приди же, Стелла, дай обнять тебя...

СТЕЛЛА, опуская покрывало и скрещивая на груди руки.

О, цѣломудріе! своимъ покровомъ
Закрой мой ликъ, зардѣвшійся стыдомъ.

КАЛИГУЛА.

Повѣрь, прозрачнымъ этимъ покрываломъ
Ты не укроешь блеска красоты,
Сіяющей свѣтлѣй звѣзды полночной!..
Дитя, я вижу, ты не понимаешь,
Что цезаря всевластная любовь
Не можетъ тратить сладкія мгновенья
Въ напрасномъ ожиданіи: судьба
Его желаніямъ вручила въ помощь
Вѣнецъ и мечъ: тотъ потеряетъ жизнь,

Кто уступить его не хочетъ страсти!
Такъ прекрати же тщетную борьбу.
Подумай: гдѣ бы ты не укрывалась
Я все-таки найду тебя, найду —
И будешь ты побѣждена. Подумай:
Твоя рука слаба, моя — всевластна!
Я захочу — и въ мигъ одинъ сорву
Цвѣтокъ твоей, едва расцвѣтшей жизни,

(Срываетъ съ нея покрывало).

Клавдій.

Какъ эту ткань, скрывающую тщетно
Красу лица отъ жадныхъ глазъ моихъ!
Смири же лаской нѣжной и покорной
Мой гнѣвъ, мою карающую месть!

СТЕЛЛА, падая на колѣни.

О Боже! дай мнѣ силы на страданье.
Дай силы умереть... и смерть мою
Прости тому, кто хочетъ этой смерти...

КАЛИГУЛА, поднимая ее.

Ну что же, Стелла...

ЮНІЯ, за средней дверью.

Я вамъ говорю,
Я къ цезарю близка, меня онъ приметъ...

СТЕЛЛА бросается къ двери.

То голосъ матери...
(Калигула удерживаетъ ее и закрываетъ ей ротъ рукою, такъ что слѣдующія слова едва слышны).

О мать моя... я здѣсь...

КАЛИГУЛА, увлекаетъ Стеллу къ первой двери и отдаетъ рабамъ.

Возьмите эту дѣвушку и скройте:
Вы за нее отвѣтите мнѣ жизнью!..
Скорѣй... идите!..

(Стеллу уводятъ).

СЦЕНА VI.

Калигула, Юнія.

КАЛИГУЛА, подходя къ двери, въ которую стучиться Юнія, отворяетъ ее самъ.

Что такое тамъ?
Кормилица?... Я твой услышалъ голосъ...
Чего ты хочешь?

ЮНІЯ.

Правосудья, цезарь,
Лишь правосудья!.. У меня украли
Мое дитя, сестру твою...

КАЛИГУЛА.

Кто могъ
Рѣшиться на такое преступленье?

ЮНІЯ.

Не знаю... Я пришла къ тебѣ, къ тебѣ:
Ты всемогущъ, ты богъ, ты, какъ Юпитеръ,
Караешь молніей, ты знаешь все
И дочь мою ты возвратишь мнѣ, цезарь!
Твоя рука властительная всюду
Ее найдетъ и вырветъ у злодѣевъ,
Похитившихъ несчастное дитя;
Найди ее, отдай, отдай мнѣ Стеллу
И будешъ ты великъ, какъ властелинъ,
Чей мечъ разитъ враговъ и чья рука
Несчастьямъ Рима отираетъ слезы!

КАЛИГУЛА.

Но гдѣ жъ она... гдѣ Стелла — я не знаю.

ЮНІЯ.

Такъ слушай же: иди, иди, скорѣй!
Я поведу тебя, пойду съ тобою,
Мнѣ чувство матери укажетъ вѣрный путь,
Какъ плачущей богинѣ, Прозерпину
Искавшей въ мрачныхъ пропастяхъ Аида:
Оно зажжетъ мнѣ факелъ путеводный...
Безъ отдыха и свѣтлымъ днемъ и ночью
Ее искать я буду, и съ рыданьемъ
Распрашивать въ пути у матерей:
Не встрѣтили-ль онѣ мою малютку...
И мы найдемъ ее, найдемъ, найдемъ,
Хотя бы намъ пришлось къ богамъ подземнымъ
Сойти за бѣдной дочерью моей!

КАЛИГУЛА.

Я думаю, что оказать бы помощь
Намъ могъ Аквила.

ЮНІЯ.

Ахъ, забыла я —
Какъ матери себялюбиво горе —
Забыла я сказать тебѣ: злодѣи
Напали на него, онъ раненъ былъ,
Потомъ его связали, какъ раба,
И увели... куда, зачѣмъ — не знаю!
Ты видишь, Августа великій внукъ,
Тутъ не одно — два преступленья разомъ,
И близь тебя, почти въ твоихъ глазахъ!
Преступникамъ отмстишь ты правой местью
За оскорбленіе сестры твоей!

КАЛИГУЛА.

Быть можетъ, у тебя есть подозрѣнье,
Что дочь твою похитилъ кто нибудь
Изъ знатныхъ римлянъ?

ЮНІЯ.

Нѣтъ. Ударъ безчестный
Мнѣ нанесенъ, но не видала я
Руки преступника, хотя заранѣй
Я знала тѣхъ, кто могъ бы совершить
Позорное и злое это дѣло.

Ахъ, многіе изъ тѣхъ, что окружаютъ
Тебя, мой сынъ, давно привычны къ злу...
Твой дядя...

КАЛИГУЛА.

Клавдій?

ЮНІЯ.

Да, изъ всѣхъ — онъ первый...

КАЛИГУЛА, съ презрѣніемъ.

Ты много чести дѣлаешь ему:
Онъ склоненъ только къ подлымъ куртизанкамъ.

ЮНІЯ.

Херея также могъ...

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, онъ лѣнивъ,
Изнѣженъ слишкомъ онъ для преступленья.
Онъ на цвѣтахъ покоется и пьетъ
Безъ отдыха вино, въ честь Афродиты,
Изъ золотой амфоры, тяжелѣй
Его меча.

ЮНІЯ.

Сабиній...

КАЛИГУЛА, улыбаясь.

До того-ли
Ему теперь! трибунъ нашъ озабоченъ
Необычайно важными дѣлами:
Онъ возбуждаетъ къ мятежу народъ...
Всѣ подозрѣнія твои, какъ видишь,
Неосновательны; но, можетъ быть,
Дѣйствительно виновникъ преступленья
Могущественный, сильный человѣкъ;
И, не смотря на то, что ты откроешь
Его вину — онъ поразитъ тебя
Ударомъ мести.

ЮНІЯ.

Я не испугаюсь
И самой смерти: что мнѣ жизнь, когда
Меня съ моею Стеллой разлучили!

КАЛИГУЛА.

Но я обязанъ охранять тебя
Отъ всѣхъ опасностей: ты поселишься

От нынѣшняго дня здѣсь, во дворцѣ;
Я прикажу преторіанцамъ вѣрнымъ
Оберегать тебя и — будь спокойна —
Я Стеллу самъ найду и возвращу
Ее въ объятья матери.

ЮНІЯ.

О, цезарь:
Тебя всегда любила я, всегда, —
Теперь тебѣ я буду поклоняться,
Какъ божеству... Но только не теряй
Ни дня, ни часа...

КАЛИГУЛА.

Вѣрь мнѣ, мать моя:
Не потеряю я мгновенья даже.
Сама ты знаешь, цезарь не даетъ
Напрасныхъ обѣщаній: не печалься,
Ты снова дочь увидишь.

ЮНІЯ.

Но когда,
Когда? скажи; я умоляю...

КАЛИГУЛА.

Завтра.

ЮНІЯ.

О, всемогущій цезарь, о, мой сынъ:
Ты этимъ словомъ жизнь мнѣ возвращаешь!..
Такъ завтра — говоришь ты — завтра?

КАЛИГУЛА.

Да.

(Слышенъ шумъ и голоса народной толпы, собравшійся внизу дворцовой терассы)

ЮНІЯ, вздрогнувъ.

Что это тамъ? Ты слышишь, цезарь, слышишь?

КАЛИГУЛА.

Да, слышу. Ничего. То на яву
Осуществляется видѣнье ночи:
На берегъ устремляетъ океанъ
Свирѣпыя, бунтующія волны;
Но я смирю ихъ ропотъ своенравный;
И предъ скалой величья моего
Онѣ безсильной разлетяться пѣной!

(Калигула и Юнія уходятъ въ среднюю дверь; занавѣсъ лѣвой двери поднимается и показывается Мессалина, смотрящая имъ во слѣдъ).

СЦЕНА VII.

Мессалина, одна.

А, хорошо! ты похищаешь дочь
У матери! Заботливо обманомъ
Ты разлучаешь ихъ и, во дворцѣ
Скрывая тайно, приставляешь стражу
У ихъ дверей: безплодный, жалкій трудъ!
Все знаю я, все вижу — и проникну
Я къ нимъ, когда понадобится мнѣ.
Ни ты, ни вѣрные твои преторіанцы
Не остановятъ замысловъ моихъ!
Клянусь Венерою! Все въ заговорѣ
Противъ тебя: ты самъ и твой народъ,
И цезаря вѣнецъ готовъ другому...
О, Римъ, могучій Римъ, кому весь свѣтъ
Несетъ съ нѣмой покорностію дани, —
Ты будешь мой! Рукою смѣлой власть
Я захвачу для Клавдія, но буду
Одна, одна властительницей міра!
Что Клавдій? Онъ посредственный актеръ,
Неприготовленный къ великой роли;
Пусть онъ ее играетъ для толпы
И рядиться, какъ шутъ, въ блестящій пурпуръ,
А въ нѣдрахъ золотаго рудника,
Что властію зовутъ, рукою жадной
Сокровища я буду черпать, я!
Я жажду тѣхъ сокровищъ — и напрасно
Ихъ стережетъ драконъ, какъ Гесперидъ
Плоды чудесные; напрасно, чуя
Мой замыселъ, порою предо мной
Онъ открываетъ пасть, сверкая жаломъ:
Настанетъ мигъ — въ объятіяхъ моихъ
Я задушу властительнаго змѣя!

СЦЕНА VIII.

Калигула, Мессалина.

КАЛИГУЛА.

Ты здѣсь?.. Я удивлялся, что тебя
Совсѣмъ не видно.

МЕССАЛИНА.

Нѣжное свиданье
Назначено у цезаря — я знала —
И не хотѣла помѣшать ему
Въ счастливыя и сладкія мгновенья.

Римская Матрона.

КАЛИГУЛА.

Ну, цезарь, — берегись: сегодня мы
Добры необычайно...

МЕССАЛИНА.

Мой Юпитеръ
Въ шутливомъ настроеньи. Если онъ

Задумалъ нимфу наградить любовью, —
Я не хочу Юноной строгой быть.

КАЛИГУЛА.

О, женщина — коварное созданье:
Ея душа измѣнчивѣй волны!

МЕССАЛИНА.

Ну, что жъ, скажи: красавица, съ кудрями,
Какъ золото блестящими, тебя
Совсѣмъ очаровала? Позабылъ ты
Для голубыхъ ея очей глаза,
Темнѣе ночи? Говорятъ, что ласки
Такихъ созданій слабыхъ и покорныхъ
Неотразимо побѣждаютъ васъ?
Навѣрно цезарь обольщенъ ихъ робкой,
Молящей прелестью?

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, Мессалина,
Я обольщенъ не ласками — слезами.

МЕССАЛИНА.

Вотъ какъ! Невинность слезы пролила?..
Она, конечно, очень понимаетъ,
Что взоръ, въ которомъ ласка и слеза
Сіяютъ вмѣстѣ, кажется прелестнѣй.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, это было искреннее горе,
Глубокое, я убѣдился въ томъ.
Любовь моя отвергнута.

МЕССАЛИНА.

Не вѣрю!
Когда бы цезарь потерпѣлъ отказъ,
Онъ смертію такое оскорбленье
Отмстилъ бы дѣвушкѣ надменно-дерзкой.

КАЛИГУЛА.

Юнона въ гнѣвѣ ревности своей
Забыла, кажется, что въ государствѣ
Законы существуютъ, что они
Невинность охраняютъ непреклонно.

МЕССАЛИНА.

Однако же, Сеяна дочерей
Не охранили властные законы:

Тиберій бросилъ ихъ въ тюрьму и самъ
Тюремщика избралъ для нихъ, и скоро
Онѣ разстались съ жизнью...

КАЛИГУЛА.

За совѣтъ
Благодарю: его готовъ принять я.
Я не могу довѣрится другимъ
И буду самъ тюремщикомъ прекрасной
Невинности... но, тише: къ намъ идутъ...
Оставимъ этотъ разговоръ: другія
Намъ предстоятъ дѣла.

СЦЕНА IX.

Тѣ-же, **Протогенъ,** потомъ **Херея, Клавдій, Афраній.**

ПРОТОГЕНЪ.

Я твой приказъ
Исполнилъ, цезарь.

КАЛИГУЛА.

Знаю.

ПРОТОГЕНЪ.

Повелѣній
Еще не будетъ?

КАЛИГУЛА.

Ликторовъ сюда,
Шесть ликторовъ мнѣ надо... Ну, а Клавдій?

ПРОТОГЕНЪ.

Онъ здѣсь.

КАЛИГУЛА.

Такъ пусть войдетъ ко мнѣ.

ПРОТОГЕНЪ.

Одинъ?

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, все равно — войти я дозволяю
Всѣмъ, кто собрался тамъ; но у дверей
Поставить стражу, чтобъ никто отсюда
Не выходилъ.

(За сценой голоса народа).

МЕССАЛИНА.

Что значитъ этотъ шумъ?

КАЛИГУЛА.

Открой же занавѣсъ: пусть воздухъ утра
Благоухающій повѣетъ къ намъ
Струею чистой; небо лучезарно
И облачко послѣднее грозы
Уносится, гонимое зефиромъ...
Какъ хорошо! какъ сладко мнѣ дышать...

МЕССАЛИНА.

Ты слышишь, цезарь, крики?.. Слышишь, слышишь?..

КЛАВДІЙ, входитъ.

Привѣтъ властителю... Ты знаешь: тамъ
Вокругъ дворца народъ толпой мятежной
Сбирается...

КАЛИГУЛА.

А, Клавдій, это ты?
Тебя желалъ я видѣть, и услугу
Прошу мнѣ оказать.

КЛАВДІЙ.

Повелѣвай.

КАЛИГУЛА.

Въ искусствѣ краснорѣчья ты не знаешь
Соперниковъ.

КЛАВДІЙ.

Ты льстишь мнѣ, цезарь.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ...
Вотъ дѣло въ чемъ: сенаторы привѣтомъ,
Надняхъ коня почтили моего,
Прославили заслуги всѣ его
И рѣчь весьма недурную при этомъ
Онъ выслушалъ. Пристойно отвѣчать
Экспромптомъ я не могъ за Инцитата [1]);

[1]) Инцитатъ — имя любимой лошади Калигулы, которую онъ рядилъ въ пурпуръ, обвѣшивалъ драгоцѣнностями, помѣстилъ во дворцѣ, возвелъ въ консулы. По волѣ цезаря, Инцитатъ задавалъ роскошные пиры, ужины, и на нихъ собирались самые знатные гости.

Но такъ какъ можетъ выдти и опять
Такой же случай — на привѣтъ сената,
Пожалуйста, мой Клавдій, за меня
Рѣчь сочини отъ имени коня.
Просить Сенеку думалъ я сначала,
Да онъ ораторъ скучный и педантъ:
Учености въ немъ много — толку мало...
Ты, право, лучше: у тебя талантъ.

ГОЛОСА НАРОДА, внизу терассы.

Хлѣба, цезарь, хлѣба!

ХЕРЕЯ, входитъ.

Привѣтъ тебѣ, властитель. Я пришелъ
Спросить тебя о томъ, какія мѣры
Ты противъ бунта повелишь принять?
Народъ въ волненіи бѣжитъ на форумъ...
Ты слышишь крики?

ГОЛОСА НАРОДА.

Хлѣба, цезарь, хлѣба!

КАЛИГУЛА.

А, мой Херея, здравствуй!.. Ты, какъ разъ,
Приходишь во время. Къ тебѣ я съ дѣломъ:
За ужиномъ съ Мнестеромъ и Апелломъ
Вчера зашелъ великій споръ у насъ:
Какъ декламировать удобнѣй монологи
Трагедіи — подъ тихій лирный звукъ
Иль просто?.. Мнѣніе твое, мой другъ?..

(Входитъ Афраній).

Но вотъ и консулъ... какъ онъ блѣденъ, боги!

АФРАНІЙ.

Да, цезарь, я...

КАЛИГУЛА.

Что съ тобою? Ты дрожишь?

АФРАНІЙ.

Отъ страха... за тебя.

КАЛИГУЛА.

Въ самомъ дѣлѣ?

АФРАНІЙ.

Развѣ ты не видишь эти толпы безумной черни, шумящія у подножія Палатина? Развѣ ты не слышишь ихъ ужасные крики?

ГОЛОСА НАРОДА.

Хлѣба, хлѣба, цезарь!

АФРАНІЙ.

Слышишь? Слышишь ихъ угрозы?

КАЛИГУЛА.

Ты ошибаешся, консулъ: это привѣтственные клики.

АФРАНІЙ.

Не смѣйся, цезарь: дѣло идетъ о твоей жизни... Когда я вышелъ изъ дворца, озлобленнная чернь бросилась на меня... Я былъ безъ ликторовъ, безоруженъ, я не могъ имъ сопротивляться...

КАЛИГУЛА.

Но чернь, однако узнала тебя, почтила твое священное званіе и отпустила консула?

АФРАНІЙ.

Да, но я долженъ былъ принести народу клятву, что передамъ тебѣ его требованіе.

КАЛИГУЛА.

А, значитъ, ты пришелъ вѣстникомъ отъ народа къ цезарю? Хорошо, хорошо: говори-же, чего хочетъ народъ.

АФРАНІЙ.

Цезарь, я не дерзну передъ тобою повторить ихъ безумныя рѣчи.

КАЛИГУЛА.

Ты далъ клятву. Клятвы должно соблюдать!

АФРАНІЙ.

Желанія черни преступны... Но если цезарь повелѣваетъ, я передамъ ихъ...

КАЛИГУЛА.

Да, да, я повелѣваю.

АФРАНІЙ.

Цезарь, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ неблагопріятный вѣтеръ отгоняетъ отъ гавани сицилійскія корабли съ запасомъ хлѣба. Народъ видитъ въ этомъ гнѣвъ боговъ и думаетъ, что цезарь... Прости повелитель, это говоритъ народъ...

КАЛИГУЛА.

Кончай-же: что онъ говоритъ?

АФРАНІЙ.

Народъ говоритъ, что цезарь нанесъ какое нибудь тяжкое оскорбленіе, богамъ и разгнѣванные боги мстятъ Риму за грѣхи одного человѣка. Въ этомъ безумномъ заблужденіи онъ требуетъ у цезаря возмездія!..

КАЛИГУЛА.

Да, правъ народъ и въ мудрости великъ!
Да, цезарь въ преступленіи повиненъ:
Онъ не сдержалъ Юпитеру обѣтъ,

Римская дѣвушка.

И божество разгнѣванное долженъ
Смягчить немедленно ужасной жертвой.
Ты помнишь, консулъ, въ дни, когда въ Авлидѣ
Собралися эллиновъ корабли,
Такой же случай былъ: попутный вѣтеръ
Не посылали боги имъ за то,
Что вождь Агамемнонъ нарушилъ клятву
Обречь на жертву Артемидѣ дочь.
И я, подобно древнему Атриду,
Свершилъ обмана грѣхъ: я обѣщалъ

Жизнь человѣка небесамъ, но жалость
Заставила меня забыть объ этомъ,
И вотъ небесъ неумолимый гнѣвъ
Устами раздраженнаго народа
Гремитъ передо мной: отдай намъ жизнь
Обѣщанную божествамъ тобою!..
Я долженъ голосъ сердца заглушить:
И если крови требуетъ Юпитеръ —
Она прольется на его алтарь!

АФРАНІЙ.

Ты говоришь, властитель...

КАЛИГУЛА.

Говорю я,
Что цезарь кается... Нѣтъ, цѣлый Римъ
За одного страдать не будетъ больше:
Ты предъ богами клялся умереть,
Чтобъ цезаря спасти — исполнижъ клятву!

АФРАНІЙ.

О, пощади, о, сжалься...

ГОЛОСЪ НАРОДА.

Хлѣба цезарь!

КАЛИГУЛА.

Народъ, тебя я слышу... Потерпи...
Да, греки, человѣческую жертву
Богамъ свершили — и повѣялъ вмигъ
Ихъ кораблямъ благопріятный вѣтеръ:
И за твоею смертію во слѣдъ
Народъ увидитъ наши корабли,
Бѣгущія съ запасомъ хлѣба въ гавань.

АФРАНІЙ.

О, вспомни, цезарь, мой священный санъ...
Молю тебя, подумай...

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, довольно!

АФРАНІЙ, бросаясь въ отчаяніи къ ступенямъ терассы.

Ко мнѣ, народъ!..

ГОЛОСЪ НАРОДА.

Смерть цезарю! Подать
Намъ консула! Мы консула хотимъ!

КАЛИГУЛА.

А, вы его хотите?..
(Сталкиваетъ Афронія внизъ).
Вотъ вамъ консулъ!..
Юпитеръ, жертву позднюю прими!

ХЕРЕЯ, тихо Мессалинѣ.

Что еслибы теперь...
(Дѣлаетъ движеніе вслѣдъ за цезаремъ).

МЕССАЛИНА, удерживая его.

Постой, Херея!
Смотри: народъ колѣна преклонилъ.

ГОЛОСА НАРОДА.

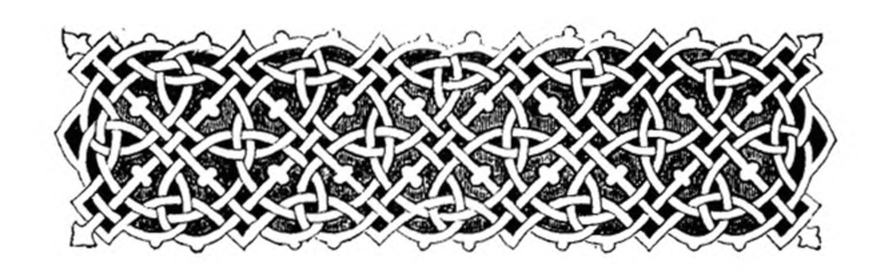
Да здравствуетъ Калигула, нашъ цезарь
Божественный! — Да здравствуетъ!.. — Кого
Въ замѣну консула ты дашь, властитель,
Народу Рима?

КАЛИГУЛА, съ презрѣніемъ.

Моего коня!

В. Буренинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ВОСПОМИНАНІЯ О С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1852—1856 ГОДАХЪ.

Ъ ЧИСЛѢ моихъ бумагъ находятся наброски о многомъ пережитомъ, видѣнномъ и перечувствованномъ мною въ теченіи моей жизни, между прочимъ, и замѣтки, относящіяся къ тому времени, когда я былъ студентомъ С.-Петербургскаго университета. Съ тѣхъ поръ прошло около тридцати лѣтъ. Многія изъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ образованія, сошли въ могилу, другія навсегда окончили свою ученую дѣятельность. Но, какова бы ни была ихъ ученая дѣятельность, они, безспорно, должны были имѣть и имѣли громадное вліяніе на массу тогдашней учащейся молодежи, и память о нихъ осталась въ средѣ весьма многихъ лицъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ с.-петербургскому университету. То время замѣчательно, въ особенности, отразившимся на немъ характеромъ жестокаго перелома: конецъ царствованія императора Николая Павловича и восшествіе на престолъ императора Александра Николаевича, начало Крымской войны, сдача Севастополя и Парижскій трактатъ 1856 г., стѣсненіе самостоятельныхъ стремленій къ образованію, съ учрежденіемъ всевозможныхъ цензуръ, полнымъ ограниченіемъ печатнаго слова и комплекта учащихся,—и, вдругъ, разомъ, полная свобода, полный доступъ всѣхъ сословій въ учебныя заведенія. Съ одной стороны, отживающій порядокъ вещей и рьяные его приверженцы, всѣми силами цѣпляющіеся за сгнившія, готовыя рухнуть, послѣднія опоры формализма и рутины, съ другой, — внезапный разсвѣтъ, близкая надежда на осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ и цѣлей.

Эти характеристичныя черты той эпохи и побудили меня, въ настоящее время, собрать въ одно цѣлое мои личныя впечатлѣнія, во время пребыванія моего въ Петербургскомъ университетѣ, и издать ихъ въ свѣтъ. Какъ бы ни были бѣдны и блѣдны эти впечатлѣнія, я думаю, что читатель, а тѣмъ болѣе изслѣдователь бытовыхъ сторонъ пятидесятыхъ годовъ русской жизни, найдетъ въ моихъ замѣткахъ, до нѣкоторой степени, пригодный матеріалъ.

I.

До моего поступленія въ Петербургскій университетъ, я воспитывался дома. Мой отецъ рѣшилъ лучше самому постоянно слѣдить за моимъ образованіемъ, нежели отдать меня на сторону, въ приготовительный пансіонъ или въ какое либо изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Я былъ единственнымъ сыномъ; съ отцомъ меня связывали и дружба, и постоянное житье вмѣстѣ. Ему, безъ сомнѣнія, было бы тяжело разстаться со мною, измѣнивъ, такимъ образомъ, весь строй прежней жизни: мы жили только вдвоемъ, — моя мать умерла, когда мнѣ было всего одиннадцать мѣсяцевъ. Одинокая жизнь, безъ товарищей, безъ соревнованія въ ученіи и играхъ съ другими мальчиками, произвела на меня странное, но вполнѣ объяснимое вліяніе: я былъ нелюдимъ, робѣлъ въ обществѣ и жилъ преимущественно головою: самыя фантастическія понятія о жизни и о людяхъ, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности, приходили мнѣ на умъ, создавались какіе то волшебные замки, зараждались призрачныя фантазіи, — и все это черпалось изъ книгъ, которыхъ въ нашей библіотекѣ было до десятка тысячъ томовъ самаго разнообразнаго содержанія.

Мой отецъ обладалъ достаточными средствами для того, чтобы, какъ говорилось тогда, дать мнѣ «приличное» домашнее воспитаніе. Кромѣ того, будучи самъ всегда одинокимъ, всегда замкнутымъ въ своей ученой сферѣ, чуждаясь всякихъ знакомствъ, за исключеніемъ обязательныхъ сношеній по службѣ или поддержанія родственныхъ связей, онъ, очевидно, нѣсколько опасался втолкнуть меня сразу въ ту среду, которая могла бы, по его мнѣнію, повліять дурнымъ образомъ на мою нравственную сторону.

Подготовка шла довольно успѣшно при помощи учителей, изъ которыхъ большая часть были люди добросовѣстные, знавшіе свой предметъ всесторонне и окончившіе курсъ въ университетѣ.

Съ благодарностію вспоминаю я, въ особенности, о тогдашнихъ молодыхъ моихъ наставникахъ В. М. Ведровѣ, М. И. Скобликовѣ, И. А. Дмитріевѣ и Н. А. Лавровскомъ (только что вышедшемъ тогда изъ Главнаго Педагогическаго института и получившемъ золотую медаль); они относились ко мнѣ въ высшей степени сочув-

ственно, радовались моимъ успѣхамъ, когда таковые оказывались,— и, вообще, заботились постоянно о моемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Наибольшее вліяніе оказалъ на меня, въ послѣднее время, Н. А. Лавровскій: при самомъ строгомъ, серьозномъ отношеніи къ дѣлу воспитанія, онъ на столько сблизился со мною, что наши дружественныя отношенія,—на сколько они могли существовать между взрослымъ мальчикомъ и опытнымъ педагогомъ,—продолжались не только во время моего пребыванія въ университетѣ, но и по выходѣ изъ него. Съ такимъ же чувствомъ признательности вспоминаю о почтенномъ протоіереѣ П. Ѳ. Солярскомъ, субъ-инспекторѣ университета Э. А. Бостремѣ и преподавателѣ французскаго языка г. Жакне. Второй изъ нихъ училъ меня одновременно англійскому и нѣмецкому языкамъ, а также и музыкѣ, которую въ послѣдствіи преподавалъ мнѣ Э. А. Кламротъ, (бывшій директоромъ оркестра въ Александринскомъ театрѣ при драматическихъ спектакляхъ) уже въ то время, когда я былъ въ университетѣ. Добрый и всѣми любимый Э. А. Бостремъ скончался почти внезапно, вскорѣ по вступленіи моемъ въ университетъ.

Музыка не пошла мнѣ въ прокъ, хотя я учился семь лѣтъ и отецъ купилъ мнѣ беккеровскій рояль, за который заплатилъ 750 руб. Правда, я наигрывалъ кое какъ разные вальсы и польки, даже сочинялъ музыку къ чувствительнымъ романсамъ, но у меня не было ни музыкальнаго слуха, ни прилежанія.

Точно также хромали и языки, въ особенности нѣмецкій и латинскій, къ которымъ я чувствовалъ, до нѣкоторой степени, отвращеніе. Англійскій шелъ лучше, а во французскомъ я имѣлъ достаточную практику, благодаря моему отличному учителю, г. Жакне.

Дѣло домашняго воспитанія, въ послѣдніе годы, пошло несравненно лучше прежняго: лѣнь стала пропадать, близость университета, мысль о предстоящихъ роковыхъ экзаменахъ заставляли меня по цѣлымъ ночамъ сидѣть за книгами; многое, — и очень многое, — приходилось, къ несчастію, долбить наизусть; какъ то совершенно внезапно, я пристрастился къ русской литературѣ и всеобщей исторіи, сталъ писать историческія сочиненія, дѣлалъ извлеченія, и это послужило мнѣ къ выработкѣ извѣстнаго «слога», которому завидовали мнѣ, конечно, только мои университетскіе товарищи.

Наступило, наконецъ, время, когда слѣдовало рѣшить весьма важный вопросъ: въ какой именно поступить мнѣ факультетъ. Къ математикѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго расположенія, хотя занимался ею поневолѣ; къ древнимъ языкамъ тоже не чувствовалъ никакой охоты; оставался, слѣдовательно, одинъ факультетъ—юридическій, раздѣлявшійся на два разряда: юридическій и камеральный.

Въ который изъ этихъ двухъ разрядовъ поступить было мнѣ безразлично: о юридическихъ наукахъ я имѣлъ самое смутное понятіе, точно такъ же, какъ и о естественныхъ. Мой отецъ склонялся на сторону камеральнаго разряда, возникшаго послѣ другихъ разрядовъ, какъ говорили, по иниціативѣ профессора В. И. Порошина, прожившаго много лѣтъ за границею и слывшаго за большаго либерала. Я уже не засталъ его въ университетѣ.

Камеральный разрядъ былъ мнѣ тоже понутру: въ немъ, между прочимъ, преподавались науки, привлекавшія меня по наслышкѣ: политическая экономія и статистика, сельское хозяйство и земледѣліе; ботаника, зоологія, даже строительное искусство.

Такимъ образомъ, по обоюдномъ соглашеніи, было рѣшено, что я поступлю въ камеральный разрядъ, который, собственно говоря, представлялъ собою чистѣйшій винигретъ, давая образованіе энциклопедическое, причемъ хватались только верхушки, а при выборѣ дальнѣйшей дѣятельности, окончившій курсъ находился точно въ лѣсу, не зная, какую выбрать себѣ спеціальность или, что то же, карьеру.

Мой отецъ, давно будучи профессоромъ и академикомъ русской исторіи, пріобрѣлъ себѣ въ университетѣ самостоятельное значеніе, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ онъ былъ постоянно избираемъ въ деканы историко-филологическаго факультета и неоднократно исправлялъ должность ректора, въ отсутствіе П. А. Плетнева. Отношенія его къ сослуживцамъ — товарищамъ по наукѣ, были вообще сдержанны и холодны, что̀, разумѣется, зависило отъ его характера; но, какъ я слышалъ впослѣдствіи отъ множества его бывшихъ слушателей, молодежь его любила за непоколебимую честность и справедливость. Впрочемъ, съ нѣкоторыми изъ префессоровъ онъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ знакомства, такъ напримѣръ съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, съ А. А. Воскресенскимъ (профессоромъ химіи), М. С. Куторгой (профессоромъ всеобщей исторіи, женатымъ на моей теткѣ) и нѣкоторыми другими. Глубоко напечатлѣлись мнѣ въ памяти отношенія отца къ П. А. Плетневу. Мой отецъ зналъ его давно, еще въ то время, когда жилъ Пушкинъ; да и Пушкинъ интересовался трудами отца, который видѣлся съ нимъ раза два или три, незадолго до смерти Александра Сергѣевича, въ магазинѣ Смирдина. Отецъ часто разсказывалъ мнѣ про свиданія съ Пушкинымъ, который раза два — три обращался къ моему отцу съ распросами о предполагаемыхъ имъ къ изданію историческихъ трудахъ. Въ «Отрывкахъ изъ дневника» (Соч. Пушкина, изд. 3, подъ редакціей Ефремова, 1881 г. т. V, стр. 239) Пушкинъ пишетъ: «17-го марта 1834 года Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь»! Процесса Никона мой отецъ не издалъ.

П. А. Плетневъ имѣлъ обыкновеніе прогуливаться вечеромъ по набережной Невы; разъ-два въ недѣлю онъ регулярно заходилъ къ моему отцу, жившему со мною въ домѣ Академіи Наукъ, на углу 7-й линіи и набережной; — въ девять часовъ выпивалъ стаканъ чая, выкуривалъ сигару и въ 10 часовъ уходилъ домой. Не знаю, о чемъ они говорили, — изъ деликатности въ кабинетъ отца я не входилъ во время посѣщеній. Знаю только, что П. А., покуривая сигару, большею частью прохаживался по комнатѣ и больше говорилъ самъ, такъ какъ мой отецъ былъ вообще не словоохотливъ. Очень живо до сихъ поръ представляется мнѣ въ памяти этотъ прекрасный, добрѣйшей души человѣкъ, соединявшій въ себѣ всѣ привязанности и симпатіи тогдашнихъ славныхъ представителей литературы, помогавшій имъ словомъ и дѣломъ, ходатайствовавшій за нихъ передъ царемъ, покровительствовавшій имъ въ первыхъ начинаніяхъ. Высокаго роста, съ слегка склонившеюся на плечо головою, тихій, скромный, мягкою поступью проходилъ онъ по комнатамъ...

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, относился къ моему отцу съ большимъ уваженіемъ. Въ такихъ же хорошихъ отношеніяхъ находился мой отецъ и съ попечителемъ Петербургскаго университета, Михаиломъ Николаевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, извѣстнымъ своимъ крутымъ нравомъ, грубостью, самодурствомъ и самымъ строгимъ обращеніемъ съ университетскою молодежью, не исключая даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и профессоровъ.

II.

По высочайшему повелѣнію, состоявшемуся, сколько мнѣ помнится, года за три до поступленія моего въ университетъ, число студентовъ было ограничено 300 чел. Попасть въ комплектъ студентовъ своекоштныхъ было чрезвычайно трудно: помимо казеннокоштныхъ стипендіатовъ изъ гимназій, разныхъ институтовъ и т. п., входившихъ, равнымъ образомъ, въ этотъ ограниченный контингентъ, существовала масса желающихъ, подобно мнѣ, но не слушавшихъ курсъ ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Для послѣднихъ лицъ предназначалось весьма не много вакансій, и студентами зачислялись лишь получившіе наибольшее, сравнительно, количество балловъ; остальные же имѣли право записываться вольно-слушателями, но пользовались меньшими правами; такъ, напримѣръ, для нихъ не существовало степени дѣйствительнаго студента, а должны были они держать прямо выпускной экзаменъ, за всѣ четыре года, на степень кандидата.

При тогдашнихъ порядкахъ, значительною льготою считалось то постановленіе, что молодые люди, не воспитывавшіеся въ сред-

нихъ учебныхъ заведеніяхъ, могли держать вступительный экзаменъ, съ разрѣшенія попечителя, не въ августѣ, какъ принято было для всѣхъ, а въ маѣ, т. е. тремя мѣсяцами ранѣе.

Въ виду моего слабаго здоровья, дѣйствительно разстроеннаго усиленными занятіями, и просьбы отца о томъ, чтобы мнѣ дана была возможность уѣхать на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ изъ Петербурга по окончаніи вступительныхъ экзаменовъ, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ разрѣшилъ подвергнуть меня испытанію вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, получившими домашнее образованіе, въ маѣ 1852 года.

Хорошо помню я это время, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло болѣе тридцати лѣтъ. 2-го мая 1852 года, облеченный во фракъ, повязавъ на шею бѣлый галстугъ, я съ трепещущимъ сердцемъ вступилъ въ стѣны университета. Впрочемъ, вступленіе въ эти стѣны не было для меня новинкой: уже нѣсколько лѣтъ я говѣлъ въ университетской церкви, бывалъ въ ней и въ заутреню на Свѣтлое Христово Воскресенье, очень хорошо зналъ извѣстнаго весьма почтеннаго человѣка — швейцара университета, Савельича, который нерѣдко своими «репартіями» озадачивалъ самого Михаила Николаевича. Вообще, Савельичъ отличался невозмутимымъ хладнокровіемъ; высокаго роста, сѣдой, всегда опрятно одѣтый, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ съумѣлъ какъ-то невольно внушать къ себѣ привязанность всѣхъ находящихся въ университетѣ, начиная со сторожа и кончая профессорами.

Какъ часто, проходя по длиннымъ корридорамъ, съ величайшимъ интересомъ, посматривалъ я въ открытыя двери на тѣ аудиторіи, въ которыхъ, по словамъ моего отца, мнѣ предстояло въ скоромъ времени слушать лекціи. Самою большою была XI; въ ней обыкновенно читалъ С. С. Куторга лекціи зоологіи и сравнительной анатоміи, привлекавшія массу студентовъ, даже и тѣхъ, для которыхъ было не обязательно ихъ слушаніе. Затѣмъ, въ ней же засѣдалъ профессоръ богословія, протоіерей Райковскій, но единственно потому, что предметъ его чтеній — богословіе, логика, психологія и церковные законы—былъ обязателенъ для всѣхъ курсовъ и для всѣхъ разрядовъ. Преподавали въ этой аудиторіи еще и другіе профессора, читавшіе для большей части студентовъ.

Нѣсколько меньшей величины слѣдовала аудиторія V, въ которой, между прочимъ, читалъ и мой отецъ лекціи изъ русской исторіи для юристовъ, камералистовъ, филологовъ и восточниковъ.

Однако, ни въ одной изъ этихъ издавна знакомыхъ аудиторій не пришлось мнѣ держать экзаменъ: онъ происходилъ въ дежурной комнатѣ для профессоровъ, направо изъ небольшой пріемной, при входѣ съ лѣстницы.

Изъ закона божія экзаменовалъ меня профессоръ Райковскій; изъ исторіи и географіи — адъюнктъ-профессръ М. И. Касторскій.

изъ ариѳметики, алгебры, геометріи и тригонометріи (а также логариѳмы) извѣстный профессоръ математики О. И. Сомовъ (впослѣдствіи академикъ); изъ физики — профессоръ Э. Х. Ленцъ; изъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ — И. Б. Штейнманъ (впослѣдствіи директоръ Историко-филологическаго института).

Долженъ замѣтить, между прочимъ, что въ то время мнѣ еще не было 16-ти лѣтъ: до августа не доставало 3-хъ мѣсяцевъ; но такъ какъ баллы должны были считаться сравнительно съ баллами прочихъ молодыхъ людей, поступающихъ въ августѣ, то мой ранній возрастъ, или, лучше сказать, недочетъ до установленнаго закономъ числа лѣтъ, не являлся препятствіемъ къ держанію экзаменовъ въ маѣ.

Никогда не подвергался я публичному экзамену, даже ни разу не видалъ прежде тѣхъ «жрецовъ науки», т. е. профессоровъ, которые въ моемъ воображеніи казались мнѣ неумолимо строгими и какими-то недосягаемыми существами. Однако, трепетъ началъ мало-по-малу проходить и къ концу перваго дня почти совершенно пропалъ, особенно, когда я вполнѣ удовлетворительно рѣшилъ задачи, предложенныя мнѣ Сомовымъ. По окончаніи экзамена, онъ обратился къ моему отцу, вошедшему въ ту минуту въ профессорскую комнату, съ заявленіемъ, что я недурно подготовленъ изъ математики и спросилъ, кто былъ моимъ учителемъ. Отецъ назвалъ М. Скобликова, поступившаго черезъ годъ доцентомъ по технологіи и скончавшагося отъ чахотки мѣсяца черезъ три по защищеніи диссертаціи на степень магистра технологіи.

Въ первый день я получилъ полное количество балловъ изъ всѣхъ предметовъ; вообще, экзаменъ не былъ въ дѣйствительности на столько строгимъ, на сколько онъ мнѣ представлялся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я ощущалъ даже нѣсколько комическое впечатлѣніе: оказалось, что я зналъ по нѣкоторымъ предметамъ болѣе чѣмъ требовалось. Катехизисъ, евангеліе, тексты изъ св. Писанія я выучилъ въ долбяшку. Изъ исторіи я разсказалъ по Лоренцу, а не по Смарагдову; изъ математики такъ скоро вычислилъ логариѳмы, что самъ удивился своей прыти. Но комизмъ былъ здѣсь еще и другаго рода. Такъ, напримѣръ, гроза студентовъ, профессоръ богословія А. И. Райковскій, о которомъ я не разъ слыхивалъ прежде, встрѣтилъ меня въ весьма невзрачномъ видѣ: его ряса была замаслена, лицо красное и лоснилось; кромѣ того, въ произношеніи ясно проглядывали какое-то заиканіе и непріятный гнусливый тонъ. Своими манерами онъ рѣзко отличался отъ моего преподавателя закона божія, протоіерея П. Ѳ. Солярскаго. Этими словами я нисколько не хочу сказать что-либо неподходящее къ памяти о. Райковскаго, слывшаго умнымъ человѣкомъ и отличавшагося своею діалектикою въ спорахъ съ раскольниками и сектантами; знаніемъ церковныхъ книгъ онъ обладалъ громаднымъ.

Еще болѣе странное впечатлѣніе произвелъ на меня адъюнктъ-профессоръ всеобщей и русской исторіи, М. И. Касторскій (бывшій впослѣдствіи цензоромъ). Одна его физіономія съ приподнятыми, взъерошенными волосами, маленькими глазами и широкими выдающимися скулами, нѣсколько похожая на калмыцкій типъ, совершенно разсѣяла мой страхъ. Начиная говорить, Касторскій необычайно надувалъ щеки, натуживался, краснѣлъ и вдругъ выпаливалъ фразою, которая никакъ не могла считаться образцомъ краснорѣчія.

III.

Я уже и теперь чувствую, какъ мнѣ будетъ трудно и неловко представлять хотя бы поверхностную характеристику тѣхъ профессоровъ, которые преподавали въ то время въ университетѣ и къ которымъ я относился совершенно безпристрасно, или, лучше сказать, совершенно равнодушно, имѣя съ ними дѣло, большею частью, во время переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. Тотъ, кто помнитъ это время, пойметъ хорошо, о комъ я говорю; тому же, кто не знаетъ этого времени, все равно, стану ли я называть фамиліи или нѣтъ? Я благодаренъ всѣмъ моимъ профессорамъ за принесенную ими мнѣ пользу; но, конечно, каждый изъ нихъ, по своимъ способностямъ, приносилъ эту пользу неравномѣрно.

Весьма памятны мнѣ пріемные экзамены изъ русской исторіи и русской словесности. Меня экзаменовалъ, въ присутствіи моего отца и В. В. Никитенко, самъ М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Ни живъ, ни мертвъ, подошелъ я къ столу, взглянулъ на моего отца, спокойно сидѣвшаго по правую руку попечителя, и ожидалъ вопросовъ отъ грознаго Михаила Николаенича.

Изъ русской исторіи онъ предложилъ мнѣ вопросъ о томъ, кто былъ первый митрополтъ. Я отвѣтилъ: «Іовъ». «Прекрасно, сказалъ попечитель;—а въ которомъ году былъ Констанскій соборъ?» Положимъ, это нисколько не относилось къ русской исторіи, но, тѣмъ не менѣе, я отвѣтилъ вѣрно (теперь, конечно, я не помню). Попечитель остался доволенъ и, крякнувъ, обратился къ моему отцу съ словами: «Вашъ юноша приготовленъ основательно». Тогда онъ передалъ меня А. В. Никитенко, предложившему мнѣ написать тутъ же сочиненіе о царствованіи Іоанна III. Сочиненіе было удостоено 5 + балловъ. Конечно, попечитель прочелъ его и вдругъ громовымъ голосомъ закричалъ на меня: «Какъ ты смѣешь въ русскомъ университетѣ писать фразу: Іоаннъ III втолкнулъ Россію въ разрядъ цивилизованныхъ государствъ? Развѣ нельзя сказать образованныхъ? Видно, вамъ, молодымъ людямъ, русскія науки преподаются иностранцами!»

Дѣйствительно, эта фраза была мною написана въ сочиненіи; но я никакъ не могъ предположить, чтобы слова цивилизованный и цивилизація были изгнаны изъ обращенія въ русскомъ университетѣ, единственно по волѣ М. Н. Мусина-Пушкина.

Изъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ меня экзаменовалъ И. Б. Штейнманъ, женатый на родственницѣ знаменитаго въ свое время профессора Грефе; это былъ человѣкъ извѣстный своею добротою, симпатичностью и мягкостью характера. Изъ физики я, что называется, «провалился». Э. Х. Ленцъ экзаменовалъ меня въ физическомъ кабинетѣ. Довольно полный, въ форменномъ вицъ-мундирѣ, очень представительной наружности, типа чистѣйшаго нѣмецкаго бюргера, съ волосами, зачесанными впередъ на вискахъ, съ выговоромъ нѣмецкаго пошиба, онъ прежде всего задалъ мнѣ вопросъ о «магдебургскихъ полушаріяхъ». Съ большою самоувѣренностью, я отвѣтилъ, что если изъ этихъ полушарій вытянуть воздухъ, то разъединить ихъ невозможно. Тогда Э. Х., взявъ мѣлъ и подойдя къ доскѣ, доказалъ мнѣ, простымъ вычисленіемъ, что степень трудности ихъ разъединенія зависитъ только отъ величины наружной поверхности полушарій.

Долженъ замѣтить, что хотя физика меня очень интересовала, но занимался я ею только въ послѣдніе мѣсяцы передъ экзаменомъ и очень поверхностно прочелъ самые трудные отдѣлы о свѣтѣ, электричествѣ и теплотѣ. Мнѣ даже говорили, что обыкновенно на пріемномъ экзаменѣ изъ этихъ отдѣловъ почти никогда не предлагается вопросовъ, точно такъ же, какъ, напр., никогда не предлагалось изъ русской исторіи вопросовъ объ удѣльномъ періодѣ, составлявшемъ камень преткновенія для учащихся. Какъ нарочно, послѣ «магдебургскихъ полушарій», Ленцъ спросилъ меня о строеніи глаза и предложилъ подойти къ доскѣ для того, чтобы нарисовать кристаликъ, роговую оболочку и проч. Рисованіемъ я никогда не отличался и тутъ окончательно сплоховалъ.

Затѣмъ былъ заданъ вопросъ объ электричествѣ. Я начиналъ трепетать. Съ добродушно-ироническою улыбкой, Ленцъ спросилъ меня, имѣю ли я понятіе объ электричествѣ. Но тутъ, вдругъ, я почувствовалъ себя въ своей сферѣ: у меня дома была электрическая машина. Много денегъ, щедро даваемыхъ отцомъ, тратились на нее: лейденскія банки, змѣйки, куклы изъ бузинной сердцевины, иллюминаціи и т. п.—все это было мнѣ извѣстно. Я подошелъ къ огромной электрической машинѣ, находившейся въ физическомъ кабинетѣ, и началъ эксперементировать. Это такъ понравилось Ленцу, что онъ, промучивъ меня болѣе получаса, поставилъ мнѣ четверку. Я былъ жестоко раздосадованъ на самого себя, вполнѣ сознавая, что и четверки было для меня черезъ чуръ много.

Экзамены окончились благополучно: изъ всѣхъ предметовъ, кромѣ нѣмецкаго языка и физики, я получилъ по пяти балловъ. Вмѣстѣ

со мною экзаменовались и еще нѣсколько молодыхъ людей, тоже во фракахъ, но я не познакомился съ ними, будучи весь преданъ лишь одной мысли,—мысли о выдержаніи экзамена.

Какое наслажденіе, какое торжество было для меня, когда 8-го мая я надѣлъ на себя студенческій мундиръ, прицѣпилъ къ боку шпагу и нахлобучилъ на голову безобразную треугольную шляпу! Восторгу моему не было предѣловъ, я насилу узнавалъ самого себя!.. Очень неловко было мнѣ въ этой огромной треуголкѣ, особенно когда приходилось держать ее въ лѣвой рукѣ, входя въ комнату. Конечно, прежде всего, я представился нашему инспектору—всѣми любимому Александру Ивановичу [1]), память о которомъ, какъ о человѣкѣ добромъ и защитникѣ молодежи, осталась незабвенною въ университетѣ. Маленькаго роста, худощавый, съ острымъ носомъ, густыми сѣдыми бровями, необычайно юркій, проворный, добрый, несмотря на свой строгій видъ,—Александръ Ивановичъ такъ отлично умѣлъ себя поставить, что студенты его слушались и уважали. Въ немъ былъ тактъ, была выдержка, сочувствіе къ нуждамъ бѣдняковъ и горячее, человѣчное сердце.

Насупивъ свои густыя брови, онъ тотчасъ же потрепалъ меня по плечу и съ улыбкою промолвилъ:

— Хорошо, хорошо! завтра къ попечителю, ровно въ девять, я тамъ буду.

Затѣмъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, вонзился глазами въ мою треуголку и прибавилъ:

— Чтобы перчатки были замшевыя!

Попечитель жилъ на Сергіевской, сколько мнѣ помнится. Я всталъ чуть ли не въ пять часовъ, да едва ли сомкнулъ глаза въ теченіе ночи. И вотъ я явился предъ грозныя очи. Отвѣсивъ глубокій поклонъ, я остался неподвиженъ...

— Занимайся, занимайся! проговорилъ попечитель, предварительно взглянувъ, все ли у меня въ порядкѣ и нѣтъ ли какого нибудь франтовства. Я даже цѣпочку отъ часовъ запряталъ себѣ за мундиръ.

— Ну, куда ты теперь ѣдешь?

— Въ Павловскъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ я съ замираніемъ сердца.

— Поѣзжай! Только чтобы форму соблюдать! проговорилъ попечитель грознымъ тономъ.

Попечитель былъ одѣтъ въ сѣрую шинель, служившую у него, вѣроятно, вмѣсто халата. Кабинетъ его былъ маленькій, неопрятный, неубранный. Очевидно, онъ былъ спартанецъ.

Въ залѣ встрѣтилъ меня Александръ Ивановичъ.

---

[1]) А. И. Фицтумъ фонъ Экстедтъ.

— Ну, батюшка, убирайтесь теперь съ Богомъ. При этомъ онъ меня поцѣловалъ.

На другой день отецъ увезъ меня въ Павловскъ, на дачу.

IV.

Я слишкомъ много говорю о себѣ; но это необходимо теперь для того, чтобы представить окружавшую меня обстановку.

Въ Павловскѣ жилъ на дачѣ министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ. Отцу моему чуть ли не каждый день приходилось ѣздить въ городъ: въ университетѣ держалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности молодой человѣкъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, Н. Г. Ч—скій. Онъ представилъ диссертацію «Объ эстетическомъ отношеніи искусства къ дѣйствительности». Диссертація была предварительно разсмотрѣна моимъ отцомъ и одобрена, затѣмъ поступила на разсмотрѣніе историко-филологическаго факультета, который тоже ее одобрилъ. Ч—скій выдержалъ «экзаменъ» на степень магистра и ее диссертація была напечатана съ разрѣшенія университета, за подписью моего отца. Публичный диспутъ былъ назначенъ на дняхъ.

Едва ли не накануне диспута, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, проѣздомъ изъ Павловска въ Петербургъ, встрѣтился въ вагонѣ съ моимъ отцомъ.

— Николай Герасимовичъ! что вы надѣлали! воскликнулъ министръ, увидѣвъ моего отца.—Какъ могли вы пропустить диссертацію Ч—скаго? Вчера, ложась спать, я просмотрѣлъ ее. Вѣдь это вещь невозможная! Вѣдь это полнѣйшее отрицаніе искуства и изящнаго!.. Помилуйте!.. Сикстинская мадонна и Форнарина — итальянка-натурщица. Къ чему же сводится искусство? Это невозможно, невозможно!

Отецъ замѣтилъ, что диссертація одобрена совѣтомъ, что экзаменъ выдержанъ магистрантомъ, диссертація напечатана и день диспута назначенъ.

— Отмѣнить! остановить все это! Я не могу согласиться! рѣшилъ Норовъ.—Какъ хотите, но такая диссертація невозможна и все это дѣло слѣдуетъ окончить.

Абрамъ Сергѣевичъ былъ очень добрый, знающій и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, передовой человѣкъ. Но онъ отличался крайнею слабостью характера. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ «приверженцевъ» какъ его, такъ и существовавшаго въ то время порядка, нарочно обратилъ его вниманіе на диссертацію Ч—скаго. Такимъ образомъ, вышелъ престранный и доселѣ небывалый казусъ.

Несмотря на утвержденіе совѣта, Ч—скій, выдержавъ экзаменъ на магистра, не получилъ этой степени, напечатанная диссертація его была конфискована, экзаменъ не былъ принятъ во вниманіе и, конечно, въ его глазахъ вся эта процедура должна была казаться жалкою и пустою комедіей.

V.

16-го августа начались лекціи. Въ первомъ курсѣ камеральнаго разряда преподавали: богословіе и логику—профессоръ протоіерей Райковскій; государственное право—профессоръ Калмыковъ; учрежденія Россійской имперіи — адъюнктъ-профессоръ В. А. Милютинъ; земледѣліе—профессоръ С. М. Усовъ; ботанику—профессоръ И. О. Шиховскій; зоологію — профессоръ С. С. Куторга; древнюю исторію — адъюнктъ-профессоръ Касторскій; русскую исторію — профессоръ Устряловъ. Кромѣ того, студенты должны были обязательно посѣщать лекціи по одному изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и держать изъ него экзаменъ въ теченіе четырехлѣтняго курса. Я избралъ французскій языкъ, какъ наиболѣе для меня доступный и интересный. Его преподавалъ лекторъ Жюль Перрò, бойкій и начитанный человѣкъ, довольно порядочно говорившій по русски. Въ былое время онъ служилъ въ рядахъ французской арміи, захватилъ ревматизмъ въ ногахъ и ходилъ на костыляхъ. Его познанія во французской литературѣ были, кажется, не особенно велики: по крайней мѣрѣ, онъ съ нами занимался исключительно переводами стихотвореній Пушкина и Лермонтова французскими стихами. Безъ сомнѣнія, переводы были имъ же подготовлены заранѣе; впослѣдствіи, сколько помнится, они были гдѣ-то напечатаны. Дѣло не обходилось безъ разныхъ кунштюковъ, доставлявшихъ намъ не мало развлеченія. Такъ напримѣръ стихи Лермонтова:

«По синимъ волнамъ океана,
«Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
«Корабль одинокій несется,
«Несется на всѣхъ парусахъ», —

онъ переводилъ:

«Sur l'océan aux eaux d'azur
«Le vaisseau-fantôme s'élance»...

Далѣе я не помню. Впрочемъ, Перро былъ человѣкъ способный, но умеръ въ нищетѣ, въ какомъ-то госпиталѣ.

Нѣмецкій языкъ преподавали сперва Эльснеръ, потомъ докторъ Мейеръ, бывшій впослѣдствіи редакторомъ «С.-Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей». Англійскимъ языкомъ занимался

Шау, извѣстный своею англійскою грамматикою для русскихъ. Этихъ послѣднихъ трехъ лекторовъ я не слыхалъ ни разу.

О профессорахъ Райковскомъ и Касторскомъ я уже говорилъ отчасти. Ихъ лекціи отличались непроходимою скукою. Собственно говоря, слушать ихъ не предстояло ни какой надобности. Стоило лишь, для лекцій перваго, купить «Догматическое богословіе», архимандрита Макарія (впослѣдствіи митрополита московскаго) и записки литографированныя изъ теоретическаго богословія, продававшіяся у нашего швейцара Савельича руб. за 7 или 8, и по этимъ двумъ пособіямъ легко можно было приготовиться къ экзамену изъ богословія. Но попечитель, бывая на лекціяхъ ежедневно, весьма строго слѣдилъ за посѣщеніемъ ихъ студентами, въ особенности новичками, а потому приходилось поневолѣ испытывать непреодолимую скуку, не ожидая себѣ никакой пользы. Что же касается Касторскаго, то для него было совершенно достаточно не только руководства Лоренца, но и Смарагдова, котораго мы уже учили, приготовляясь къ вступительному экзамену.

С. М. Усовъ читалъ земледѣліе по литографированнымъ запискамъ, чуть ли не десятки лѣтъ переходившимъ отъ одного поколѣнія студентовъ къ другому. Придерживался онъ ихъ весьма строго и настойчиво, не пропуская ни единой буквы и твердо отвергая новѣйшія системы сельскаго хозяйства. Его любимыми авторами были Ж. Б. Сэ, Адамъ Смитъ и Тэръ. Его лекціи отличались снотворностью: ни малѣйшаго выдающагося факта, ни малѣйшей интересной подробности, которые хотя бы на одну минуту могли обратить на себя наше вниманіе. Даже самъ голосъ профессора, ровный, методичный, съ большими паузами, невольно наводилъ дремоту. Устарѣлыя системы давно уже были видоизмѣнены наукою, на основаніи теоріи и практики; мы знали, мелькомъ пробѣгая сочиненія новѣйшихъ писателей, въ особенности иностранныхъ, что существуютъ, нововведенія, практическія приспособленія и т. п., а объ нихъ въ лекціяхъ совсѣмъ не упоминалось. Мало того: лекціи почтеннѣйшаго С. М. Усова, преимущественно въ послѣдующихъ курсахъ, значительно разнились, въ своихъ опредѣленіяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ, отъ тѣхъ лекцій, въ которыхъ другіе профессора трактовали о томъ же.

Такъ напримѣръ, Усовъ придерживаясь устарѣвшихъ теорій, провозглашалъ въ своемъ «Сельскомъ Хозяйствѣ», что капиталъ есть богатство, а И. Я. Горловъ, въ III курсѣ политической экономіи, объяснялъ, что капиталъ есть трудъ; профессоръ же Кранихфельдъ, въ теоретической части финансоваго права, выражалъ ту мысль, что капиталъ есть совокупность результатовъ труда и знанія. Изъ этого одного примѣра легко представить себѣ, насколько вѣрныя опредѣленія могли мы имѣть объ одномъ и томъ же предметѣ у разныхъ профессоровъ и въ различныхъ курсахъ.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличались лекціи ботаники. Профессоръ И. О. Шиховскій, человѣкъ весьма зоркій, съ сморщенными, вѣчно-смѣющимися глазками, въ коротенькихъ панталонахъ, съ порядочнымъ брюшкомъ, входилъ въ ботаническій кабинетъ, обыкновенно держа въ рукахъ довольно объемистый пучекъ засохшихъ растеній, имѣвшій немалое сходство съ вѣникомъ. Стебли этого пучка онъ раздавалъ каждому студенту для того, чтобы тотъ опредѣлилъ, къ какому классу, роду и виду принадлежитъ попавшій ему въ руки растительный предметъ. Все это время онъ ходилъ по аудиторіи, ни разу не присаживаясь на каѳедру, и говорилъ вещи, наименѣе всего относившіяся къ ботаникѣ: такъ, напримѣръ, разсказывалъ, что вздорожала капуста, а картофель упалъ въ цѣнѣ; что кухарки имѣютъ сдѣлки съ овощными торговцами и обманываютъ своихъ господъ, покупая дурныя овощи; что человѣкъ, знающій ботанику, сейчасъ же отличитъ хорошія овощи отъ дурныхъ, и проч. Все это приправлялось ужимочками, улыбочками, простодушными анекдотиками и самыми наивными сужденіями. Эти лекціи производили на насъ какое то подавляющее впечатлѣніе пустоты, доводившей до крайней истомы. Мы рѣшительно не знали въ началѣ, что дѣлать съ этими вѣниками и пучками, и въ чемъ же заключалась, собственно, ботаника, — неужели въ этихъ несносныхъ анекдотахъ?.. Наконецъ, рѣшили: пучки и вѣники бросать подъ столъ, а къ экзамену приготовляться по недавно вышедшему руководству, изданному нашимъ же профессоромъ.

Первыя лекціи моего отца, гдѣ говорилось объ источникахъ и учебныхъ пособіяхъ для изученій русской исторіи, представляли нѣкоторый интересъ съ научной точки зрѣнія. Далѣе лекціи, разсказывались по его же пространному руководству, слѣдовательно, не заключали въ себѣ ничего новаго. Иногда только онъ нѣсколько оживлялся, особенно когда дѣло касалось Петра Великаго (во II курсѣ); но оживленіе быстро проходило... Я засталъ его уже въ концѣ его педагогической дѣятельности, когда онъ усталъ и утомился отъ своихъ непрерывныхъ кабинетныхъ занятій. Его лекціи посѣщались не большимъ числомъ студентовъ. Конечно, я считалъ своимъ прямымъ долгомъ не проманкировать ни одной его лекціи — что и исполнялъ неуклонно въ теченіи двухъ лѣтъ.

П. М. Калмыковъ, профессоръ государственнаго права, отличался величественною наружностью, ходилъ размѣреннымъ шагомъ, считался глубокимъ юристомъ (хотя кромѣ брошюры о «Правѣ литературной собственности», не написалъ ничего), прибѣгалъ къ напыщенной дикціи, даже къ нѣсколько театральной мимикѣ въ патетическихъ минутахъ. Впрочемъ, эти минуты были извѣстны заранѣе, по университетскимъ преданіямъ: подобно многимъ, онъ читалъ по литографированнымъ запискамъ изъ года въ годъ, безъ

измѣненій. Представляя изъ себя оратора по преимуществу, съ круглымъ большимъ лицомъ, глазами на выкатъ и волосами, зачесанными съ затылка для прикрытія почтенной лысины, П. М., какъ то невольно, заставлялъ насъ вспоминать о Херасковѣ, Ломоносовѣ и прочихъ старинныхъ представителяхъ науки и знанія. Его изреченія запоминались студентами и повторялись между собою; такъ напр., знаменитая фраза Лейбница: «l'avenir est gros du passé» была произносима имъ съ особенною силою, причемъ тотчасъ же являлся и переводъ: «будущее чревато прошедшимъ». Когда же дѣло доходило до историческаго значенія императорскаго герба и титула, то, отъ избытка чувствъ, П. М. выходилъ изъ себя: при словахъ «Кабардинскія земли», онъ въ тактъ стучалъ кулакомъ по каѳедрѣ и съ гордостью взиралъ на студентовъ.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производили на студентовъ, въ сравненіи съ остальными преподавателями въ первомъ курсѣ, два профессора: Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ и Степанъ Семеновичъ Куторга, хотя оба они представляли между собою совершенный контрастъ.

Самой симпатичной, красивой наружности, съ густыми каштановыми волосами, въ высшей степени скромный, сдержанный, даже отчасти робкій, съ спокойнымъ, всегда ровнымъ голосомъ, Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, блистательно окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, былъ утвержденъ магистромъ государственнаго права (по защищеніи диссертаціи), назначенъ адъюнктомъ и года два-три читалъ въ университетѣ для юристовъ и камералистовъ 1-го курса учрежденія Россійской имперіи. Метода его чтенія была совсѣмъ особенная: онъ обладалъ необычною памятью, которая славилась между стундентами его выпуска; извѣстна была пословица и въ наше время: «у него память, какъ у Милютина». Дословное запоминаніе доставалось ему, можно сказать, безъ всякаго труда: говорятъ, ему было достаточно прочесть два три раза цѣлую печатную страницу, чтобы проговорить ее наизусть, безъ малѣйшей ошибки и безъ малѣйшаго усилія. В. А. приходилъ въ аудиторію, не имѣя никакихъ записокъ (литографированныхъ «учрежденій» еще не было), садился за каѳедру и наизусть читалъ всю лекцію. Изъ любопытства, мы слѣдили по письменнымъ запискамъ прошлаго года за его словами. Ни разу не могли мы найдти ни одной ошибки. Эта метода чтенія, однако, нисколько не дѣйствовала неблагопріятно на наши нравы. Онъ обладалъ даромъ перефразированія: одну и туже мысль онъ на столько искусно повторялъ на разные лады что она, въ концѣ концовъ, по неволѣ врѣзывалась въ памяти слушателя. Странныя были его къ намъ отношенія: онъ часто краснѣлъ, точно молоденькая дѣвушка, а между тѣмъ мы всѣ относились къ нему съ такимъ уваженіемъ, съ какимъ не относились

даже къ инымъ старымъ профессорамъ: мы видѣли въ этомъ молодомъ ученомъ, искренно и безкорыстно любившемъ науку, что-то себѣ родственное; между нами, очевидно, была духовная связь, и эта связь, подразумѣвавшаяся инстинктивно съ обѣихъ сторонъ, привела къ слѣдующему результату.

Въ своихъ лекціяхъ В. А. Милютинъ не разъ высказывалъ ту мысль, что историческая часть «Учрежденій Россійской Имперіи» мало разработана, а между тѣмъ представляетъ много интересныхъ данныхъ, и изслѣдованіе послѣднихъ облегчило бы изученіе нѣкоторыхъ не вполнѣ выясненныхъ сторонъ отечественнаго права.

Эти слова намъ, новичкамъ, стремившимся къ работѣ, по возможности самостоятельной, пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ. Небольшой кружокъ студентовъ съ радостью ухватился за мысль объ обработкѣ одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ государственнаго права и предложилъ Милютину, не найдетъ ли онъ возможнымъ задать желающимъ нѣсколько темъ изъ исторіи «Учрежденій». Наше предложеніе ему понравилось, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, какъ бы нарочно, навелъ насъ на него. Онъ обѣщалъ избрать нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ изъ исторіи развитія государственнаго права вообще и представить ихъ въ смыслѣ задачъ на разсмотрѣніе и утвержденіе университетскаго совѣта, а затѣмъ раздать ихъ желающимъ. При этомъ онъ высказался, что совѣтъ безъ сомнѣнія приметъ также въ уваженіе и его ходатайство о томъ, чтобы наилучшія сочиненія, написанныя студентами на заданныя темы, считались диссертаціями, требуемыми обыкновенно отъ студентовъ при полученіи ими степени кандидата.

Дѣйствительно, мѣсяцъ спустя Владиміръ Алексѣевичъ провозгласилъ намъ съ каѳедры слѣдующія задачи: «историческое происхожденіе и значеніе боярской думы», «исторія верховнаго тайнаго совѣта», «исторія комитета министровъ», «исторія государственнаго совѣта» и нѣсколько другихъ. Человѣкъ десять если не болѣе мгновенно разобрали эти темы и записались у Милютина въ качествѣ желающихъ заниматься ихъ разработкою.

Мысль нашего профессора была во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная: она давала пищу молодымъ умамъ, заставляла ихъ работать, самостоятельно обращаться къ самымъ источникамъ русскаго права, ознакомляться съ лѣтописями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждала соревнованіе.

Почти совсѣмъ незнакомый съ исторіею русскаго права, я выбралъ то, что казалось мнѣ полегче, а именно исторію комитета министровъ. Въ библіетекѣ моего отца находилось Полное Собраніе Законовъ; цѣлые два мѣсяца рылся я неустанно въ этомъ «Собраніи», выписывалъ разные указы и постановленія, приводилъ ихъ въ систему и мѣсяца черезъ три одолѣлъ наконецъ свою задачу. Это было простое историческое изложеніе страницахъ на сорока

или пятидесяти, основанное на источникахъ. Главнѣйшимъ же результатомъ работы для меня явился нѣкоторый навыкъ къ историческому труду, пріобрѣлось кое-какое умѣнье обращаться съ историческимъ матеріаломъ и интересоваться предметомъ, не смотря на его кажущуюся въ началѣ сухость. Все это впослѣдствіи принесло мнѣ большую пользу.

Совсѣмъ другой пріемъ, съ совершенно инымъ взглядомъ—взглядомъ вполнѣ сознательнымъ и самостоятельнымъ, приложилъ къ своей работѣ мой товарищъ по университету, А. А. Евреиновъ, юноша необычайно способный, умный и образованный. Онъ началъ съ лѣтописей, корпѣлъ надъ ними дни и ночи; работа такъ его поглотила, такъ привлекла его къ себѣ, что онъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, ни о чемъ другомъ не думалъ. Онъ разработалъ, на основаніи лѣтописныхъ матеріаловъ, историческихъ монографій и небольшаго числа новѣйшихъ изслѣдованій, весьма важный и интересный періодъ возникновенія и первоначальнаго развитія боярской думы, со времени Іоанна III до Алексѣя Михайловича. Его «разсужденіе» было, дѣйствительно, образцовое, и Милютинъ, по разсмотрѣніи представленныхъ ему сочиненій, отдалъ первенство работѣ Евреинова, отнесясь къ ней со всѣми пріемами ученаго критика, посвятивъ на ея обсужденіе едва ли не цѣлую лекцію, строго взвѣсивъ всѣ недостатки и хорошія стороны труда молодаго студента. Выказавъ къ его произведенію полное уваженіе, какого оно вполнѣ заслуживало, Милютинъ отозвался въ лестныхъ словахъ и о нѣкоторыхъ изъ представленныхъ сочиненій.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ, а объ окончательной судьбѣ нашихъ диссертацій не было и помина: точно въ воду онѣ канули. Насъ, понятно, въ высшей степени интересовала ихъ дальнѣйшая участь, такъ какъ, вслѣдствіе лестныхъ отзывовъ профессора, мы еще болѣе надѣялись, что эта работа, какъ я уже сказалъ, избавитъ несъ отъ представленія оффиціальной кандидатской диссертаціи въ послѣднемъ курсѣ. Спрашивать Милютина объ участи нашихъ трудовъ было неловко и никто изъ насъ на это не рѣшался. Самъ по себѣ, неожиданно представился къ тому удобный случай.

Передъ экзаменами профессоръ Калмыковъ внезапно заболѣлъ и между студентами разнесся слухъ, что изъ государственнаго права будетъ экзаменовать Милютинъ. Обыкновенно, студенты сами составляли программы или, лучше сказать, вопросные пункты для экзаменовъ. Я взялъ на себя составленіе программы изъ государственнаго права и мнѣ пришлось по неволѣ отправиться съ нею къ Милютину. Я былъ взволнованъ,—что̀ очень понятно въ юношѣ, встрѣчающемся въ первый разъ въ «приватной» аудіенціи съ любимымъ профессcоромъ. Я даже до того растерялся, что при входѣ спросилъ его будетъ ли насъ экзаменовать изъ государственнаго

права профессоръ Милютинъ вмѣсто Калмыкова. Тутъ я окончательно срѣзался.

Милютинъ жилъ очень скромно, но въ хорошей квартирѣ. Такимъ же робкимъ и застѣнчивымъ, какъ и въ аудиторіи, показался онъ мнѣ у себя. Не смотря на смущеніе, у меня, однако, хватило духа спросить его о нашихъ диссертаціяхъ. Лицо его вспыхнуло, и онъ сказалъ съ жаромъ:

— Не напоминайте мнѣ о вашихъ диссертаціяхъ! Я столько перенесъ изъ-за нихъ непріятностей, что мнѣ тошно объ этомъ подумать!.. Я чуть было не подалъ въ отставку, меня заподозрили въ какихъ-то неблагонамѣренныхъ, черезъ-чуръ либеральныхъ мысляхъ... призывали къ отвѣту, и все это надѣлало сочиненіе Евреинова о боярской думѣ! Въ этомъ сочиненіи нашли намекъ на то, что, будто бы, боярская дума ограничивала самодержавную власть государя, что она являлась какимъ-то status in statu, представляла собою сословное правленіе изъ выборныхъ людей русской земли... Словомъ, нагородили Богъ знаетъ что и обвинили меня Богъ знаетъ въ чемъ. Хорошо, что дѣло этимъ и окончилось. Я ждалъ, что выйдетъ хуже. А по поводу диссертацій лучше даже и совсѣмъ не упоминать о нихъ.

Студентовъ очень интересовала личность В. А. Милютина. Насколько мы знали, въ жизни онъ былъ далеко не такимъ, какимъ являлся намъ въ университетѣ. Младшій изъ четырехъ братьевъ, онъ хотя и посвятилъ себя наукѣ, но жизнь, ея удовольствія, ея страстность и увлеченія, борьба молодыхъ силъ съ окружавшимъ зломъ, протестъ всему нечистому, — дѣйствовали на него неотразимо и скорѣе даже во вредъ. Кажется, онъ не находилъ настоящаго исхода своей кипучей, полной огня и порыва, дѣятельности... И жизнь его убила.

Какъ говорили, онъ былъ веселымъ, замѣчательно остроумнымъ собесѣдникомъ въ кругу коротко знавшихъ его лицъ. А лица эти были Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, братья Жемчужниковы и еще нѣкоторыя.

В. А. Милютинъ много писалъ въ «Современникѣ»; статьи молодаго ученаго «Мальтусъ и его противники», «Пауперизмъ и пролетаріатъ» и друг. обратили на себя вниманіе образованной публики. Въ немъ выказывался, очевидно, будущій финансистъ, основательно изучавшій какъ науку о финансахъ, такъ и политическую экономію. Его статьи произвели такое впечатлѣніе на читателей, что одна высокопоставленная дама, самаго высшаго круга, пожелала слышать его лекціи изъ политической экономіи. Эта дама, помимо своего положенія, обладала ослѣпительною, могущественною красотой, замѣчательнымъ умомъ и рѣдкимъ образованіемъ. Онъ сталъ читать ей лекціи и влюбился въ нее.

Не могу вполнѣ ручаться за справедливость слуховъ, распро-

странившихся въ то время по этому поводу между студентами; однако, много говорили о томъ, что В. А. совершенно измѣнился. Изъ веселаго, остроумнаго собесѣдника онъ сдѣлался человѣкомъ мрачнымъ, ипохондрикомъ; даже наука стала менѣе интересовать его. Онъ, вѣроятно, самъ хорошо понялъ, что любовь его безуспѣшна, а между тѣмъ эта любовь нахлынула на него и увлекла. Мечтатель, человѣкъ, жившій только мыслью о добрѣ и пользѣ, не находившій удовлетворенія въ окружавшей его средѣ, онъ впервые встрѣтилъ въ дѣйствительности тотъ идеалъ, къ которому стремился всею душою. Идеалъ этотъ оказался недосягаемымъ.

Я встрѣчалъ В. А. Милютина въ слѣдующемъ году, находясь во второмъ курсѣ. Видъ его былъ болѣзненный; онъ какъ бы ушелъ въ себя, казался еще болѣе робкимъ, еще болѣе медленнымъ въ движеніяхъ.

Какъ-то совершенно случайно встрѣтилъ онъ женщину, походившую чертами лица и всѣмъ своимъ обликомъ на ту, о которой онъ не могъ даже помышлять безъ трепета. Прекрасная копія замѣнила еще болѣе прекрасный оригиналъ. Но результатъ неожиданнаго знакомства оказался самымъ прискорбнымъ: эта женщина даже не принадлежала къ женщинамъ полу-свѣта, она была гораздо ниже его и прошла черезъ всѣ мытарства, можетъ быть побывавъ и въ разныхъ петербургскихъ трущобахъ...

Устроивъ ей хорошую обстановку, В. А. надѣялся хотя нѣсколько отвязаться отъ постояннаго гнета преслѣдовавшей его одной мысли. Сходство было поразительное, отвязаться отъ этой копіи, такъ близко подходившей по наружности къ оригиналу, онъ не могъ, несмотря на всѣ увѣщанія друзей и близкихъ лицъ, несмотря на полное сознаніе того, что она недостойна его во всѣхъ отношеніяхъ.

Проболѣвъ болѣе полугода въ Петербургѣ, онъ, по совѣту врачей, отправился въ Эмсъ, гдѣ воды только ухудшили его болѣзненное состояніе. Болѣзнь оказывалась неизлѣчимою, что, будто бы, засвидѣтельствовали, подъ конецъ, и эмсскіе врачи. Онъ никуда не выходилъ, не принималъ никого къ себѣ, писалъ отчаянныя письма въ Петербургъ, не показывался въ послѣднее время даже прислугѣ — и застрѣлился.

Извѣстіе о кончинѣ В. А. Милютина поразило студентовъ: жалко было этой безвременно погибшей жизни, этихъ молодыхъ силъ, такъ страстно рвавшихся къ свѣту и наукѣ... Повторяю, я не могу ручаться за полную достовѣрность приведенныхъ мною фактовъ; знаю только, что въ студенческихъ кружкахъ разсказъ о кончинѣ Милютина и причинахъ ея считался вполнѣ правдивымъ.

Совершенно другимъ образомъ возбуждалъ къ себѣ интересъ между студентами профессоръ Степанъ Семеновичъ Куторга. Маленькаго роста, юркій и ловкій, съ волосами спускавшимися, въ

видѣ локоновъ, на воротникъ его вицмундира, съ длиннымъ, заостреннымъ носомъ, маленькими умными глазами и вѣчною саркастическою улыбкою на тонкихъ губахъ, С. С. производилъ на насъ неоспоримое впечатлѣніе умнаго человѣка, главное, вслѣдствіе особеннаго, ему одному свойственнаго, пошиба. Онъ преподавалъ зоологію и сравнительную анатомію, но послѣдняя, неизвѣстно почему, считалась въ то время наукою антирелигіозною. Поэтому, въ своихъ лекціяхъ, онъ премущественно обращалъ вниманіе на зоологію, касаясь сравнительной анатоміи лишь вскользь.

Обладая замѣчательною начитанностью и глубокимъ умомъ, зная въ совершенствѣ иностранные языки, слѣдя за успѣхами современной науки, С. С. владѣлъ и даромъ слова, и общедоступностью изложенія предмета. Его чтенія настолько интересовали слушателей, что XI-я аудиторія наполнялась студентами всѣхъ курсовъ и факультетовъ. Каждая изъ его лекцій была до такой степени обработана самостоятельно, до такой степени обнимала собой излагаемый предметъ, что студентъ какъ-то невольно поддавался горячему, пылкому, краснорѣчивому слову профессора и сознавалъ, что именно здѣсь есть и знаніе, и наука, и польза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни покажется страннымъ, его лекціи отличались остроуміемъ. Система Дарвина явилась около 20-ти лѣтъ позже; теорія происхожденія человѣка отъ обезьяны показалась бы намъ странною шуткою въ то время. А между тѣмъ С. С. Куторга какъ бы предугадывалъ Дарвина. Въ «высшихъ» сферахъ его лекціи считались либеральными. Онъ шелъ прямо противъ общепринятыхъ казенныхъ условій, и говоря о самомъ ничтожномъ, повидимому, нисколько не могущемъ интересовать предметѣ, всецѣло овладѣвалъ вниманіемъ слушателей, раскрывалъ передъ ними заповѣдную область науки и своимъ бойкимъ, горячимъ словомъ какъ бы приподнималъ завѣсу неизвѣстнаго. Вотъ въ чемъ заключалось «обаяніе» его лекцій. Мало того: когда по корридорамъ университета раздавался звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи лекцій, С. С. сходилъ съ кафедры и вступалъ въ бесѣду со студентами, продолжавшуюся иногда по получасу и болѣе. Толпа окружала его; всякій хотѣлъ услыхать отъ него слово, и на вопросъ каждаго онъ отвѣчалъ съ полною готовностью, а также съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Помню, я однажды обратился къ нему съ вопросомъ, имѣетъ ли значеніе для науки только что изданная тогда «Русская Фауна», Ю. Симашко. Онъ посмотрѣлъ на меня, прищурившись, и отвѣтилъ:

— А объ этомъ вы ужъ спросите его самого.

Онъ жаждалъ популярности; самолюбіе его было громадно. Онъ избралъ путь самый вѣрный и дѣйствительный для достиженія своей цѣли: методъ его изложенія былъ, на самомъ дѣлѣ, сравнительный. Говоря, напримѣръ, о кошкѣ, мыши, крысѣ или лягушкѣ, онъ приравнивалъ ихъ инстинкты съ непроизвольными рефлексами чело-

вѣческихъ нервовъ; сравнивая мозговую систему тѣхъ другихъ, онъ выводилъ заключенiе, что только природа оказывается во всемъ совершенною, и что она точно такъ же, какъ въ животныхъ, только одна управляетъ всѣми дѣйствiями, помышленiями и желанiями человѣка.

С. С. Куторга, собственно говоря, занимался не столько зоологiею и сравнительною анатомiею, сколько геологiею. Послѣдняя была его любимымъ предметомъ, хотя онъ и не преподавалъ геологiю въ университетѣ. Его «Геологическая карта С.-Петербургской губернiи» представляетъ образецъ совершенства для тогдашняго времени. Въ нашей академiи наукъ засѣдаютъ... всевозможные нѣмцы, а для русскаго ученаго, высоко держащаго знамя просвѣщенiя, двери ея не отверзсты. Какой нибудь Шмидтъ, Шульцъ, и т. п. навѣрно найдутъ тамъ прiютъ, а Куторга, которымъ по справедливости можетъ гордиться Россiя, не попалъ въ сонмъ ученыхъ ужей, знающихъ только другъ друга. Такъ было и съ Пироговымъ и со многими лучшими «избранными» людьми нашей земли.

VI.

Надзоръ за студентами не отличался особенною строгостью, хотя при комплектѣ въ 300 человѣкъ находилось, кромѣ инспектора, четыре субъ-инспектора: Озерецкiй, Бостремъ, Петерсенъ и Антроповъ. Оффицiально казенное наблюденiе за образомъ жизни студентовъ, конечно, не имѣло существеннаго значенiя! студентамъ выдавались билеты, которые должны были каждый мѣсяцъ представляться инспектору, и онъ на нихъ расписывался. Этою обрядностью и исчерпывалась оффицiальная сторона надзора. Но дѣйствительное наблюденiе сосредоточивалось въ стѣнахъ университета и прямо зависѣло отъ бдительнаго ока нашего тогдашняго попечителя, Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

Личность эта была оригинальная, недалекая и въ высшей степени непрiятная. Получивъ самое ограниченное образованiе, онъ служилъ прежде въ военной службѣ и, можетъ быть, нюхалъ порохъ, но, конечно, не изобрѣлъ его. Онъ свыкся съ казарменною жизнью и все спасенiе находилъ въ дисциплинѣ прежнихъ, аракчеевскихъ временъ. Дисциплину онъ старался примѣнить и къ наукѣ, и къ профессорамъ, и къ студентамъ. Видъ его былъ свирѣпый: густыя, нахмуренныя брови, крючкомъ выдающiйся носъ и угловатый подбородокъ обозначали нѣкоторую силу характера и упрямства. Говорили, будто, по временамъ, онъ бывалъ добрымъ человѣкомъ; но я полагаю, что если, въ рѣдкихъ случаяхъ, и выказывалъ онъ доброту, то она происходила единственно отъ самодурства. Онъ умѣлъ пользоваться обстоятель-

ствами, надѣвалъ на себя личину человѣка съ страшною силою характера и поддѣлывался къ великимъ міра. Въ немъ, точно въ послѣднемъ осколкѣ, воплощались отживавшій строй жизни, порядокъ ненавистныхъ временъ: все то, что дали намъ казенщина, солдатчина, крѣпостное право и барство, выражалось въ немъ во всемъ своемъ безобразіи.

Представитель николаевской эпохи, Мусинъ-Пушкинъ стремился олицетворять собою идеалъ маленькаго деспоста, считая, что только однимъ страхомъ можно дѣйствовать на молодежь. А наилучшимъ средствомъ для держанія ее въ страхѣ являлась, по его мнѣнію, лишь грубость. И, дѣйствительно, трудно представить себѣ въ настоящее время, до какой степени неукоснительно и строго придерживался Мусинъ-Пушкинъ этихъ принциповъ грубости и дерзкаго обращенія. Онъ не могъ понимать нравственное состояніе молодежи, такъ какъ самъ былъ человѣкъ мало образованный и невоспитанный. Въ частности, вся цѣль его дѣятельности устремлялась на соблюденіе формы: онъ пересчитывалъ пуговицы на сюртукахъ студентовъ, наблюдалъ, чтобы у каждало волосы были коротко острижены и чтобы каждый становился во фронтъ при встрѣчѣ съ его превосходитольствомъ. Всякому студенту онъ говорилъ ты и, при входѣ въ аудиторію, быстрымъ взглядомъ окидывалъ находившихся на лицо. Бѣда бывала тому студенту, который не успѣвалъ встать и поклониться во время. Михаилъ Николаевичъ громовымъ голосомъ, съ пѣною у рта, разражался противъ виновнаго цѣлымъ потокомъ ругательствъ: приплеталъ тутъ и вольнодумство, и неповиновеніе начальству, грозилъ, что забрѣетъ лобъ, выгонитъ вонъ изъ университета и т. п., и все сопровождалось выраженіями: дрянь, мальчишка, какъ ты смѣешь! да я тебя!.. При мнѣ, подобныя угрозы ни разу но осуществились, но достаточно было того, что онѣ произносились весьма часто.

Про Мусина-Пушкина ходило много слуховъ и анекдотовъ. О немъ и впереди будетъ рѣчь, такъ какъ онъ оказывался самымъ выдающимся дѣятелемъ въ университетѣ до начала 1855 г, и слѣдовательно, во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ принималъ живое, хотя и не прошенное участіе. Теперь я приведу только нѣсколько фактовъ изъ его отношеній къ окружающимъ, — фактовъ, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ.

Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, въ 1848 г., зашелъ я, по порученію отца, въ цензурный комитетъ, помѣщавшійся въ зданіи университета. Предсѣдателемъ комитета былъ Мусинъ-Пушкинъ. Я вошелъ въ первую комнату и обратился къ секретарю съ просьбою дать мнѣ какой-то журналъ. Вслѣдъ за мною, вошелъ въ комнату человѣкъ высокаго роста, черноволосый, съ большими, блестящими глазами, съ оригинальнымъ и выразительнымъ лицомъ. Изъ сосѣдней комнаты доносился ревъ Михаила Николаевича, ко-

торый, въ тотъ день, былъ, вѣроятно, не въ духѣ и кого то распекалъ. Быстро распахнулась дверь въ секретарскую и Михаилъ Николаевичъ явился во всемъ грозномъ величіи...

— Вы что за птица? гнѣвно обратился онъ къ неизвѣстному господину. Что вамъ нужно?

— Я, ваше превосходительство, не птица, а человѣкъ, отвѣтилъ черноволосый господинъ, и этимъ отвѣтомъ такъ сразилъ Михаила Николаевича, что тотъ, безъ дальнихъ словъ, поспѣшилъ убраться въ предсѣдательскую комнату.

Это, какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, былъ Петрашевскій, котораго, мѣсяца три спустя, постигла извѣстная печальная участь.

Года черезъ два, мой бывшій преподаватель, Владиміръ Максимовичъ Ведровъ, написалъ на степень магистра всеобщей исторіи диссертацію подъ названіемъ «Критія, игемонъ аѳинскій», которую онъ долженъ былъ защищать въ публичномъ собраніи совѣта. Отецъ мой, бывшій въ то время деканомъ филологическаго факультета, взялъ меня съ собою въ университетъ для того, чтобы я посмотрѣлъ, въ первый разъ, какимъ образомъ происходитъ вся эта процедура. Для меня это дѣло было тѣмъ интереснѣе, что касалось весьма близкаго мнѣ наставника. Залъ наполнился профессорами, опонентами, студентами и довольно многочисленною публикою. Явился попечитель и диспутъ начался.

Сначала все шло благополучно. Диспутантъ оспаривалъ возраженія оппонентовъ; каждый остался при своемъ мнѣніи, но общему торжеству это разногласіе нисколько не мѣшало. Наконецъ, мой отецъ, въ качествѣ декана, предложилъ, какъ это обыкновенно принято, не пожелаетъ ли кто либо изъ постороннихъ лицъ сдѣлать возраженія диспутанту по поводу его диссертаціи. Первый поднялся профессоръ Калмыковъ, который, съ ломоносовскою дикціею, заявилъ, что одно греческое выраженіе было не вѣрно передано диспутантомъ. Не помню этого выраженія, но знаю, что дѣло шло о какомъ то привѣтствіи: В. М. Ведровъ перевелъ эту фразу въ смыслѣ: какъ ваше здоровье? П. Д. Калмыковъ утверждалъ, что здѣсь подразумѣвается не здоровье, а кожа т. е. спрашивается эмбламатическимъ образомъ, — «какъ состояніе вашей кожи?» На это Вердовъ вполнѣ резонно отвѣтилъ, что это совершенно все равно, но, прибавилъ онъ, — «было бы очень странно, Петръ Давыдовичъ, если бы я, вмѣсто того, чтобы спросить васъ о здоровьи, сталъ освѣдомляться, каково состояніе вашей кожи».

Вся аудиторія разразилась смѣхомъ, возраженіе было дѣйствительно, остроумное... Петръ Давыдовичъ покраснѣлъ. Вдругъ поднялся съ мѣста грозный попечитель: гнѣвно окинулъ онъ взоромъ публику и зычнымъ голосомъ провозгласилъ:

— Кто смѣетъ здѣсь смѣяться? Это невѣжество! неприличіе въ

высшей степени! Такъ не ведутъ себя порядочные люди, особенно въ присутствіи попечителя!

Публика испугалась и остолбенѣла. Тогда Михаилъ Николаевичъ обратился къ В. М. Ведрову съ слѣдующими словами:

— Вы осмѣлились сказать всѣми уважаемому профессору, что было бы странно освѣдомляться о состояніи его кожи.. Это дерзость!.. Вы нарушили всѣ правила приличія и должны просить у него извиненіе.

Несчастный Владиміръ Максимовичъ Ведровъ, хорошо понимая, что этотъ невольный эпизодъ могъ повліять на всю его карьеру, обратился съ извиненіями къ профессору Калмыкову. Тотъ, будучи поставленъ попечителемъ въ самое неловкое положеніе, поспѣшилъ увѣрить, что не видитъ въ выраженіи диспутанта никакого личнаго для себя оскорбленія.

Диспутъ окончился благополучно.

Въ 1853 году, пріѣхалъ къ моему отцу редакторъ «Библіотеки для чтенія», Альбертъ Викентіевичъ Старчевскій, съ просьбою дать ему статью изъ петровскаго времени. Я видался съ Старчевскимъ и предложилъ ему маленькій біографическій очеркъ о жизни и дѣятельности графа Сергія Семеновича Уварова, недавно скончавшагося. Это была моя первая напечатанная статья. Въ то время я занимался исторіею русскаго права и у меня уже была готово довольно большое изслѣдованіе о вліяніи германскаго законодательсиви на Русскую Правду Ярослава и Судебникъ Іоанна III. Старчевскій обѣщался напечатать и эту статью. Мѣсяца черезъ два, я отправился къ Старчевскому узнать о ея участи. Онъ мнѣ сказалъ что она уже набрана, но должна была подвергнуться университетской цензурѣ и потому, по распоряженію попечителя, отправлена въ гранкахъ, не сверстанная, къ профессору Калмыкову. Эта несчастная статья причинила мнѣ много хлопотъ; самою сильнѣйшею непріятностью было то, что инспекторъ приказалъ мнѣ явиться такого-то числа къ попечителю.

— Это ты вздумалъ писать статьи о какомъ то германскомъ законодательствѣ? встрѣтилъ меня Михаилъ Николаевичъ. — Вздумалъ сочинителемъ быть! Слишкомъ, братъ, рано: нужно учиться и учиться, особенно, когда экзамены на носу. И какъ же ты смѣлъ представить сочиненіе помимо начальства?.. Положимъ, плохой тотъ казакъ, который не надѣется быть атаманомъ. Вотъ и я, бывъ прапорщикомъ, хотѣлъ сдѣлаться фельдмаршаломъ... Но все таки это сочиненіе печатать я не позволяю. Можешь идти.

Я поклонился и вышелъ.

VII.

Между студентами перваго курса не существовало ничего общаго: разряды и курсы совсѣмъ не сходились между собою. Камералисты и восточники пользовались меньшимъ уваженіемъ, сравнительно съ прочими. Филологи, математики, юристы и натуралисты смотрѣли на нихъ свысока, считая ихъ диллетантами въ наукѣ, знавшими лишь верхушки. Да и въ самомъ нашемъ курсѣ студенты распадались на небольшіе кружки, человѣкъ въ пять-шесть, познакомившихся и сблизившихся между собою; затѣмъ, сношенія съ другими ограничивались лишь шапочнымъ знакомствомъ, что было отчасти естественно: въ первомъ курсѣ камералистовъ было до 60-ти человѣкъ; въ числѣ ихъ находились и бывшіе гимназисты, и семинаристы, и пріѣхавшіе изъ провинціи, и, наконецъ, получившіе, подобно мнѣ и еще четыремъ-пяти молодымъ людямъ, домашнее образованіе. Этимъ обстоятельствомъ обусловливалось и самое дѣленіе на кружки. О кутежахъ, веселыхъ попойкахъ не было и помина; намъ даже строго воспрещалось посѣщеніе ресторановъ и другихъ увеселительныхъ заведеній, за исключеніемъ театровъ. Впослѣдствіи, это нѣсколько измѣнилось.

Каждый годъ, въ большомъ актовомъ залѣ, въ теченіи зимы, давались такъ называемыя симфоническія утра, числомъ десять, по воскресеньямъ, въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Эти утра устраивались, благодаря стараніямъ и усердію — во первыхъ, нашего инспектора, Фицтума фонъ-Экстедтъ, страстнаго охотника до музыки, и затѣмъ, при участіи его хорошихъ знакомыхъ, К. Шуберта, Маурера и др. Дирижировалъ обыкновенно К. Шубертъ. Оркестръ состоялъ изъ любителей, въ томъ числѣ и студентовъ, и изъ нихъ нѣкоторые оказывались хорошими исполнителями классической музыки. Преимущественно разыгрывались произведенія Бетговена, Мендельсона, Моцарта, Гайдна и Баха. Для истинныхъ любителей эти концерты доставляли большое наслажденіе. Публика полюбила симфоническія утра, и собиралась въ большомъ количествѣ, такъ что ею бывали заняты даже нижнія и верхнія боковыя галлереи зала. На утрахъ присутствовалъ, конечно, попечитель, понимавшій въ музыкѣ столько, сколько въ китайской грамотѣ; бывали также и нѣкоторые профессора, дѣлавшіеся меломанами ex officio. Особенно блестящій видъ принимали университетскіе концерты, когда въ нихъ участвовали извѣстные пѣвцы и пѣвицы итальянской оперы, — разумѣется, безвозмездно, единственно съ цѣлью благотворительности. Такъ, въ нашемъ залѣ я слышалъ де-Мерикъ, Лаблаша, Рокони; всѣ они принимались студентами съ восторгомъ и удостоивались шумныхъ оваций. Но

особенный энтузіазмъ возбуждала Бозіо, которую, вообще, обожала русская публика.

Концерты приносили въ результатѣ довольно значительную сумму прибыли, которая и распредѣлялась между недостаточными студентами съ полнымъ безпристрастіемъ.

Неизвѣстно почему, студенты находились на дурномъ счету въ глазахъ правительства; говорили, что они шалятъ, что они либералы, вольнодумцы и т. п. Носились слухи, что покойный государь Николай Павловичъ не долюбливалъ студентовъ, и это нерасположеніе прямо повліяло на ограниченіе ихъ комплекта, тогда какъ воспитанники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній пользовались, до извѣстной степени, монаршею благосклонностью. Кажется, что Мусинъ-Пушкинъ, бывшій прежде попечителемъ Казанскаго университета, и былъ вызванъ въ Петербургъ нарочно, съ цѣлью подтянуть нашъ университетъ, и, дѣйствительно, для осуществленія этой цѣли напрягалъ всѣ свои усилія и способности, хотя подтягивать насъ рѣшительно не было нужды. Студентовъ очень мало интересовали политическіе вопросы; что же касается внутренняго распорядка, то весь протестъ противъ него выражался лишь въ переписываніи и передачѣ другъ другу различныхъ запрещенныхъ стихотвореній, изъ которыхъ большая часть въ настоящее время находится въ печати, какъ напримѣръ «У парадного подъѣзда», Некрасова, «Русскій Богъ», Вяземскаго, и т. п. Мы принуждены были слишкомъ много заниматься для того, чтобы думать о чемъ либо, не относившемся къ намъ непосредственно.

До какой степени было могущественно обаяніе государя Николая Павловича и до какой степени, при видѣ его, или даже при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, можно было растеряться, доказываетъ самый обыкновенный, маловажный случай, происшедшій со мною, сколько помнится, въ началѣ осени 1853 года. Въ солнечный, хотя и морозный день, часа въ четыре передъ обѣдомъ, шелъ я, закутавшись въ мѣховую шинель, отъ Невскаго по Большой Морской, по правой сторонѣ. Только что поравнялся я съ магазиномъ Риппа, какъ съ изумленіемъ увидалъ множество полицейскихъ, бѣжавшихъ мнѣ на встрѣчу, сгонявшихъ съ тротуара «черный» народъ и останавливавшихъ экипажи на перекресткахъ. Сначала я не могъ понять что это значитъ: не пожаръ ли, или не случилось ли чего нибудь необычайнаго? Но вдругъ, какъ то внезапно, мелькнула мысль: не идетъ ли мнѣ навстрѣчу государь? Невольный страхъ объялъ меня съ головы до ногъ, я посмотрѣлъ по сторонамъ и готовился быстро перейти черезъ улицу, но было уже поздно... Величественная, статная фигура покойнаго императора, одѣтаго въ холодную шинель и въ кавалергардской каскѣ, скорою поступью приближалась мнѣ на встрѣчу. Ни живъ, ни мертвъ, отступилъ я съ тротуара къ стѣнѣ, вытянулся во фронтъ и приложилъ правую руку

къ треуголкѣ. Его величество окинулъ меня быстрымъ, пронзительнымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ, чарующихъ глазъ, изъ подъ насупленныхъ бровей, и отдалъ мнѣ честь. Только послѣ того, какъ онъ повернулъ на Невскій, я замѣтилъ, придя въ себя, что позабылъ надѣть на правую руку перчатку и былъ безъ шпаги (не носить шпагу у насъ считалось, въ нѣкоторомъ родѣ, франтовствомъ). Что если государь замѣтилъ и то, и другое въ то время, когда у меня распахнулась шинель при сдѣланіи чести!..

Согласно общепринятому обычаю, я долженъ былъ немедленно сообщить инспектору о моей встрѣчѣ, что я и поспѣшилъ исполнить, конечно, умолчавъ о погрѣшностяхъ въ форменной одеждѣ. Инспекторъ сказалъ, что онъ тотчасъ же отправится къ попечителю и доложитъ ему объ этомъ.

Вечеромъ, того же числа, я получилъ приказаніе явиться къ попечителю на другой день, по обыкновенію утромъ, въ девять часовъ.

— Ты удостоился вчера встрѣтить государя императора? началъ попечитель и на мой утвердительный отвѣтъ прибавилъ: — былъ ли ты одѣтъ по формѣ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Государь императоръ удостоилъ отдать тебѣ честь?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Больше ничего не имѣешь сказать?

— Ничего, ваше превосходительство.

— Можешь идти.

Я ушелъ.

Таковы были немногосложныя впечатлѣнія, вынесенныя мною по окончаніи перваго курса. Я ожидалъ бо́льшаго, и ожиданія мои оказались напрасными какъ въ наукѣ, такъ и въ университетской жизни. За то, многое изъ пережитаго мною въ слѣдующіе годы, осталось напечатлѣннымъ неизгладимыми чертами въ моей памяти.

Ѳ. Устряловъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УЧИТЕЛЬ ЛЕРМОНТОВА — А. З. ЗИНОВЬЕВЪ.

Четырнадцатаго февраля, скончался старѣйшій питомецъ Московскаго университета, ветеранъ русской науки и, между прочимъ, учитель знаменитаго поэта Лермонтова — Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Этотъ человѣкъ, не смотря на свою долгую и нѣкогда извѣстную дѣятельность, былъ такъ полузабытъ въ послѣднее время, что библіографъ Геннади, еще четыре года назадъ, зачислилъ его въ ряды «покойныхъ авторовъ» (Словарь, т. II, стр. 32), профессоръ Висковатовъ, при біографіи поэта, ограничился немногими строками о его жизни (Русск. Мысль, 1881 г., кн. XI), а г. Межовъ не занесъ въ свой «Систематическій каталогъ» многихъ трудовъ покойнаго. Поэтому, считаемъ необходимымъ передать извѣстныя намъ біографическія данныя о Зиновьевѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить полный обзоръ его трудовъ.

Алексѣй Зиновьевичъ родился 4-го февраля 1801 года, въ Москвѣ, и для окончательнаго образованія поступилъ на словесное отдѣленіе (нынѣ — историко-филологическій факультетъ) Московскаго университета; тамъ, на студенческой скамьѣ, ему пришлось завязать тѣсную дружбу съ М. П. Погодинымъ, о чемъ свидѣтельствовало его позднѣйшее признаніе: «живо припоминаю — писалъ онъ покойному историку — какъ вы, въ день появленія девятаго тома «Исторіи Государства Россійскаго» въ Москвѣ, прибѣжали къ намъ прямо изъ книжной лавки въ университетскую аудиторію, запыхавшись раскрыли этотъ томъ и при немногихъ товарищахъ читали» (Пятидесятилѣтіе службы М. П. Погодина, М. 1872 г., стр. 94). Вмѣстѣ же съ Погодинымъ, Зиновьевъ, въ 1821 году, окончилъ уни-

верситетскій курсъ дѣйствительнымъ студентомъ (Отчетъ Московскаго университета за 1821 годъ, стр. 10), но черезъ годъ выдержалъ установленный экзаменъ на кандидата (Исторія Московск. универс. Шевырева, стр. 461—462) и получилъ двѣ должности въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ — надзирателя и преподавателя двухъ языковъ — латинскаго и русскаго. Эта учебно-воспитательная дѣятельность удѣляла немного досуговъ, которые всецѣло посвящались печатнымъ трудамъ, приготовленію къ магистерскому экзамену и частнымъ урокамъ. Такъ, въ первые три года своей службы, Алексѣй Зиновьевичъ, вмѣстѣ съ другимъ преподавателемъ, Н. Стриневскимъ, занимался переводомъ извѣстнаго тогда произведенія Александра Адама: «Roman Antiquities» и издалъ его подъ такимъ заглавіемъ: «Римскія древности, или изображеніе нравовъ, обычаевъ и постановленій римскихъ, служащее для легчайшаго уразумѣнія латинскихъ писателей» (2 ч., М. 1824 г.; второе изданіе: М. 1834 г.). Въ то же время, на страницахъ «Вѣстника Европы» имъ помѣщенъ трудъ: «Объ управленіи Дюка Ришелье въ полуденной Россіи» (1824 г., кн. 16). Затѣмъ, еще въ началѣ 1826 года, онъ окончилъ свое «разсужденіе» на степень магистра: «О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической россійской исторіи» (М. 1827 г., 72 стр.). Эта диссертація, защищенная съ успѣхомъ, являлась добавкою къ магистерскому труду друга — Погодина, къ его историко-критическому разсужденію: «О происхожденіи Руси» (М. 1825 г., 176 стр.): она открывалась небольшимъ введеніемъ, гдѣ объяснялись пріемы исторической критики; потомъ шло подробное описаніе важнѣйшихъ матеріаловъ для русской исторіи; наконецъ, давался обзоръ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, посвященныхъ древнѣйшимъ событіямъ Россіи; здѣсь тоже, какъ и Погодинъ, авторъ касался вопроса о «первоначальныхъ Руссахъ» и, равнымъ образомъ, держался взглядовъ Августа Шлецера. Кромѣ возраженій М. Т. Каченовскаго, предъявленныхъ на диспутѣ, «разсужденіе» вызвало рецензію Погодина: послѣдній не согласился съ нѣкоторыми выводами Зиновьева, но заключилъ свой разборъ такими строчками: «поблагодаримъ автора за сдѣланное и пожелаемъ успѣха въ усовершенствованіи его разсужденія; во всякомъ случаѣ начало, какъ канва, полезно и для него, и для другихъ» (Московск. Вѣстн., 1827 г., ч. III, № 9, стр. 53). Слова Погодина поощрили Зиновьева къ новой исторической работѣ: онъ напечаталъ большую статью: «О скандинавскихъ путешествіяхъ въ Константинополь и другія страны съ IX-го вѣка» (Записки и труды Общества исторіи и древностей, 1828 г., ч. IV; 1830 г., ч. V).

Къ этому-то періоду службы и учено-литературной дѣятельности относились занятія А. З. съ М. Ю. Лермонтовымъ. По разсказу самого Зиновьева, Мещериновы, родственники Е. А. Арсеньевой, рекомендовали его для приготовленія «Мишеля» къ эк-

заменамъ въ Благородный пансіонъ. Бабушка поэта одобрила этотъ выборъ, и А. З. съ 1827 года началъ давать уроки какъ по русскому, такъ и по классическимъ языкамъ. Черезъ годъ Лермонтовъ поступилъ въ названное заведеніе полупансіонеромъ, но не порвалъ связи со своимъ учителемъ: по прекрасному обычаю пансіона, каждый воспитанникъ отдавался подъ заботливый присмотръ одного изъ наставниковъ, считался его «кліентомъ»; будущій поэтъ, тоже по выбору Арсеньевой, сдѣлался «кліентомъ» Зиновьева и оставался подъ его надзоромъ во все пребываніе въ пансіонѣ — до 16-го апрѣля 1830 года. Объ этихъ занятіяхъ съ «милымъ питомцемъ» въ домѣ бабушки и въ пансіонѣ сохранились свѣдѣнія, важныя для біографіи какъ знаменитаго поэта, такъ и самого Зиновьева. Уцѣлѣло, напримѣръ, интересное воспоминаніе объ изученіи поэтомъ классическихъ писателей: «Лермонтовъ — вспоминалъ А. З. — зналъ порядочно латинскій языкъ, не хуже другихъ. Происходило это оттого, что у насъ изучали не языкъ, а авторовъ. Языку можно научиться въ полгода настолько, чтобы читать на немъ, а хорошо познакомясь съ авторами, узнаешь хорошо и языкъ» (Русск. Мысль, 1881 г., кн. XI, стр. 156 и 162). Долетѣло до насъ и другое, болѣе интересное извѣстіе о пансіонскихъ занятіяхъ Лермонтова по русскому языку: «какъ теперь — разсказывалъ Зиновьевъ — смотрю на милаго моего питомца, отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года [1]). Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе по русскому языку» (Сочиненія Лермонтова, Спб., 1873 г., т. I, стр. XIX). Этого мало: рукописныя тетради, куда Лермонтовъ занесъ первые плоды своей юной музы, до сихъ поръ хранятъ отмѣтки поэта, которыя ясно говорятъ о вниманіи Зиновьева къ поэтическимъ трудамъ «милаго питомца», напримѣръ, противъ шестой строфы въ поэмѣ «Черкесы», на поляхъ виднѣется помѣтка автора: «Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши», а немного ниже — «тоже» (Русск. Мысль, 1881 г., кн. XI, стр. 163). Правда, ни одинъ біографъ Лермонтова еще не опредѣлилъ степень вліянія Зиновьева на поэзію автора «Демона»; но мы въ настоящую минуту можемъ указать на одинъ, едва ли кому извѣстный фактъ, который проливаетъ небольшой свѣтъ на данный вопросъ. Именно, А. З., прекрасный де-

---

[1]) Такое предположительное указаніе заставило насъ навести справку, и мы нашли полное подтвержденіе словамъ Зиновьева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1830 г., № 5, стр. 212): тамъ помѣщенъ подробный отчетъ объ «испытаніи изъ искусствъ» въ благородномъ пансіонѣ Московскаго университета, 21-го декабря 1829 года.

кламаторъ, человѣкъ, горячо любившій поэзію до маститой старости, самъ, въ періодъ ученыхъ занятій, пробовалъ писать чисто-литературные труды: ему принадлежитъ разсказъ: «Возмездіе», напечатанный въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1827 г., ч. VI, № 24); изъ-подъ его же пера вышли два стихотворенія: «Волга» и «Смерть праведника» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1845 г., т. 47, отд. III, стр. 75).

Одновременно со своимъ «кліентомъ», въ 1830 году, А. З. покинулъ Благородный пансіонъ: Лермонтовъ поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ, а Зиновьевъ, «по удостоенію университетскаго совѣта», отъ котораго тогда зависѣлъ выборъ, былъ утвержденъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ, на мѣсто покойнаго Ханенки, «профессоромъ россійскаго краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ» (Отчетъ Московск. унив. за 1830 годъ, стр. 158). Съ этого времени начинается для него болѣе обширная и самая плодотворная дѣятельность, которая тянется безъ перерыва въ теченіе семнадцати лѣтъ: вмѣстѣ съ двумя профессорскими каѳедрами онъ соединяетъ должность инспектора; рядомъ съ лекціями ведетъ учено-литературныя занятія. Но между послѣдними берутъ перевѣсъ не изслѣдованія по исторіи и классическимъ языкамъ, а труды по педагогикѣ и такъ называемой «теоріи словесности». Подтвержденіемъ можетъ служить слѣдующій перечень его работъ, напечатанныхъ въ этотъ семнадцатилѣтній періодъ:

«О цѣли и главныхъ правилахъ воспитанія» (Актъ въ Ярославск. Демид. училищѣ, 1831 г., 30 стр.).

«Нѣкоторыя замѣчанія для сравнительной исторіи языковъ» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1834 г., ч. IV).

«О всемірной исторіи, изданной при Петрѣ Великомъ» (Ibid, 1835 г., ч. V).

«Не довѣряйте времени: оно обманетъ» (Молва, 1835 г., № 11).

«О примѣчательныхъ мужахъ, оказавшихъ услуги славянской словесности» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1836 г., ч. IX).

«Основанія риторики по новой и простой системѣ Аурбахера» (М., 1836 г., 2 части).

«Основанія русской стилистики по новой и простой системѣ» (М., 1839 г., 52 стр.).

«Историческій взглядъ на развитіе теоріи художественно-прекраснаго» (М., 1841 г., 34 стр.).

«Объ участіи словесности въ системѣ общаго образованія» (Москвитян., 1842 г., кн. 8).

«О воспитаніи» (Ibid, 1843 г., кн. 10).

«Августинъ Сахаровъ, епископъ оренбургскій и уфимскій» (Ibid, 1844 г., кн. 8).

«Акты Ярославскаго Демидовскаго училища высшихъ наукъ, съ основанія онаго до преобразованія» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1845 г., ч. XLVII).

Послѣднимъ трудомъ, посвященнымъ исторіи лицея съ 1803 по 1834 годъ, А. З. какъ бы подводилъ итогъ и своей дѣятельности въ Ярославлѣ [1]): въ 1846 году, когда исполнилось двадцать пять лѣтъ ученой службы, онъ получилъ отставку, но черезъ годъ, по переѣздѣ въ Москву, былъ утвержденъ инспекторомъ и профессоромъ русской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Эта новая педагогическая служба продолжалась десять лѣтъ—по 1858 годъ, и отмѣтилась немногими печатными трудами, особенно важными для института. Такъ, мы можемъ назвать его «Воспоминаніе о П. М. Меликовѣ» (Москвитян., 1848 г., ч. VI), «Некрологъ И. Е. Лазарева» (Московск. Вѣд., 1858 г., № 40) и «Историческій очеркъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ» (Спб., 1855 г. 117 стр., съ десятью портретами и четырьмя рисунками; второе дополненное изданіе, М. 1863 г., 145 стр.). «Составленный мною очеркъ — писалъ авторъ въ предисловіи — да послужитъ началомъ исторіи описываемаго учебнаго заведенія, болѣе обширной и подробной; я, съ своей стороны, радуюсь, что успѣлъ сдѣлать начало, исполнивъ тѣмъ потребность нравственнаго чувства». Къ этимъ словамъ, въ видѣ оцѣнки труда, можно прибавить, что факты, собранные Зиновьевымъ, съ немногими измѣненіями и добавками, вошли въ «Очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности Лазаревскаго института», написанный г. Канановымъ (См. Рѣчи и отчетъ Лазаревскаго института по случаю совершившагося пятидесятилѣтія, М. 1865 г. 38 стр.).

Наконецъ, послѣ тридцатипятилѣтней службы (1822—1858 гг.), А. З. вышелъ въ новую, уже окончательную отставку, но не прекратилъ ни частной педагогической дѣятельности, ни учено-литературныхъ занятій. Онъ даже съ полупотухшимъ зрѣніемъ давалъ уроки въ малолѣтнемъ отдѣленіи Воспитательнаго дома и Маріинско-Ермоловскомъ училищѣ: въ первомъ — по-русскому, а въ послѣднемъ — по латинскому языку. Равнымъ образомъ, до послѣдняго дня жизни, хотя и съ большими промежутками, маститый педагогъ не переставалъ печатать свои труды, какъ, напримѣръ:

«Экспромптъ Г. Р. Державина» (Развлеченіе, 1860 г., № 47 [2]).

«Потерянный рай, поэма Джона Мильтона», перев. съ англійскаго (М., 1861 г.; второе изданіе М., 1871 г., съ присовокупленіемъ «Возвращеннаго рая»).

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтить, что А. З. женился въ Ярославлѣ на Любови Ивановнѣ Назимовой и прожилъ съ нею болѣе пятидесяти лѣтъ: два года тому назадъ, онъ праздновалъ свою золотую свадьбу.

[2]) По поводу этого «Экспромта», т. е. вѣрнѣе — басни: «Сильная рука владыки», академикъ Я. К. Гротъ сдѣлалъ разысканія и убѣдительно доказалъ, что ея авторъ не Державинъ, а Н. Ѳ. Эминъ (См. Сочиненія Державина, Спб. 1866 г., т. III, стр. 578 и Жизнь Державина, Спб. 1880 г., стр. 435).

«Къ біографіи барона Влад. Иван. Штейнгейля» (Московск Вѣд., 1862 г., № 218).

«Марка Туллія Цицерона: бесѣда о старости», перев. съ латинскаго (М. 1866 г.).

«Римскія древности: описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла римлянъ» Коппа, перев. съ нѣмецкаго (М. 1868 г.; изд. 2-е, М. 1873 г.).

«Чудеса Господа нашего Іисуса Христа, сочиненіе Тренча», перев. съ англійскаго (М. 1883 г.).

Даже эта послѣдняя книга, изданная въ концѣ прошлаго года, не оказалась предсмертнымъ трудомъ. Угасавшій старецъ началъ уже печатать большое оригинальное сочиненіе о римскихъ древностяхъ; но смерть не позволила видѣть окончанія: она заставила его только сказать незадолго до кончины: «не такъ жаль разставаться съ жизнью, какъ разставаться съ трудомъ...»

Дмитрій Языковъ.

ЖЕНЩИНЫ ПУГАЧЕВСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

Приключенія и судьба «женокъ», причастныхъ къ Пугачевскому бунту.

I.

Щекотливый вопросъ Пугачевскаго возстанія.—Поношеніе имени Екатерины II.—Взятіе жены Пугачева, Софьи, съ дѣтьми, и ея показанія. — Истребленіе памяти Пугачева. — Сожженіе его дома и переименованіе станицы.

ВЪ ЧИСЛѢ многихъ непріятныхъ для императрицы Екатерины II вопросовъ, поднятыхъ заволжскимъ пугачевскимъ пожаромъ, былъ одинъ, весьма щекотливый для нея, какъ для женщины и императрицы.

Назвавшись именемъ Петра III, Пугачевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ величать себя ея мужемъ, и имя его, вмѣстѣ съ ея именемъ, поминалось на эктеніяхъ передавшагося Пугачеву духовенства.

Онъ славилъ ее своей невѣрной женой, отъ которой идетъ отнимать престолъ, а его приближенные старались распускать среди заволжскаго казачества, и вообще среди народа, самыя невыгодныя мнѣнія о ней.

Вслѣдствіе этого, въ числѣ мѣръ, принятыхъ противъ Пугачева, въ особенности, въ видахъ уясненія его личности и не сходства съ Петромъ III, было приказаніе отыскать его жену, Софью Дмитріеву, дочь донскаго казака Недюжина. Она была отыскана, въ октябрѣ или ноябрѣ 1773 г., на мѣстѣ прежняго жительства

Пугачева, въ Зимовейской станицѣ, и оказалась женщиною лѣтъ 32-хъ съ троими дѣтьми: сыномъ Трофимомъ, 10-ти лѣтъ, и дочерьми—Аграфеной, 6-ти, и Христиной, 3-хъ лѣтъ.

Прихватили за одно и брата Пугачева, Дементія Иванова, служилаго казака 2-й арміи, — и весь этотъ уловъ отправили въ Казань въ острогъ, «безъ всякаго оскорбленія», чтобы ими уличить самозванца въ случаѣ поимки.

Въ казанской тюрьмѣ Софьѣ Дмитріевой Пугачевой сдѣлали допросъ, причемъ обнаружилось, что Емельянъ Пугачевъ женился на ней лѣтъ десять тому назадъ, жилъ въ Зимовейской станицѣ своимъ домомъ, служилъ исправно въ казачествѣ, а въ послѣднее—передъ бунтомъ — время нѣсколько замотался, разстроился, былъ въ колодкахъ и бѣжалъ.

Тутъ же обнаружилось, что Софья была не очень преданной женой и заслужила сама то пренебреженіе, какое оказалъ ей Пугачевъ въ послѣдствіи. Скитаясь и голодая, Пугачевъ подобрался однажды ночью, въ великомъ посту 1773 года, къ своему собственному дому и робко стукнулъ въ окно, прося у жены пристанища и хлѣба.

Софья пустила его, но съ коварной цѣлью выдать станичному начальству и, незамѣтно увернувшись, донесла о немъ.

Среди ночи Пугачева снова схватили, набили на него колодки и повезли на расправу, но въ Цымлянской станицѣ онъ снова бѣжалъ и скрывался вплоть до грознаго своего появленія уже подъ именемъ Петра III.

Софья Дмитріевна съ дѣтьми и съ братомъ Пугачева осталась по взятіи ея въ Казани въ тюрьмѣ.

Въ январѣ (10-го) 1774 года войсковому атаману, Семену Сулину, послали изъ Петербурга указъ слѣдующаго содержанія:

«Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи не находился, и хотя-бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, — имѣетъ донское войско при присланномъ отъ оберъ-коменданта крѣпости св. Дмитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшихъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ сжечь и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепелъ развѣять, потомъ это мѣсто огородить надолбами или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствомъ на немъ, всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превзошедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостью на вѣки, а особливо для донскаго общества, яко оскорбленнаго тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени— хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска донскаго ни усердіе онаго, ни ревность къ намъ и отечеству помрачаться и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ».

Домъ Пугачева въ Зимовейской станицѣ оказался проданнымъ

Софьею отъ нечего ѣсть за 24 рубля 50 копѣекъ на сломъ въ станицу Есауловскую казаку Еремѣ Евсѣеву и перевезеннымъ покупщикомъ къ себѣ.

Домъ отобрали отъ Еремы, вновь поставили на мѣсто въ Зимовейской станицѣ и сожгли торжественно.

Чтеніе указа императрицы, какъ видно изъ послѣдующаго, такъ подѣйствовало на казаковъ, устыдя ихъ, что они, по совершеніи экзекуціи надъ домомъ, просили чрезъ того же донскаго атамана Семена Никитача Сулина за одно ужъ и станицу ихъ перенести куда нибудь подальше отъ проклятаго и зараженнаго Емелькою Пугачевымъ мѣста, хотя бы и не на столь удобное.

Просьба ихъ была уважена въ половину: станица не перенесена, а только переименована изъ Зимовейской въ Потемкинскую.

II.

Первые успѣхи Пугачева. — Маіоръ Харловъ и его жена. — Харлова наложница Пугачева и его къ ней привязанность. — Неестественная, но вѣроятная взаимность этого чувства со стороны Харловой. — Слобода Берда и царскій антуражъ. — Убійство Харловой.

Въ то время, когда подобными мѣрами истреблялась самая память о Пугачевѣ, самозванецъ, опираясь на общее недовольство казаковъ и инородцевъ — башкиръ, калмыковъ и киргизовъ, дѣлалъ быстрые кровавые успѣхи и жестоко расправлялся съ дворянствомъ за угнетеніе народа и преданнымъ Екатеринѣ начальствомъ крѣпостей.

26-го сентября 1773 года, совершая свое побѣдоносное шествіе къ Оренбургу, Пугачевъ отъ крѣпости Разсыпной, покорившейся ему, подошелъ къ Нижне-Озерной (всѣ расположены на берегу рѣки Яика), гдѣ командиромъ былъ маіоръ Харловъ. Слыша о шествіи мятежника и его безцеремонности съ женскимъ поломъ, Харловъ заблаговременно отправилъ свою молоденькую и хорошенькую жену, на которой недавно женился, изъ своей крѣпости въ слѣдующую по направленію къ Оренбургу, Татищеву крѣпость, къ отцу ея, командиру той крѣпости, Елагину. Съ Нижне-Озерной крѣпостью случилась обыкновенная въ Пугачевщину исторія: казаки передались Пугачеву, Харловъ со своей немощной инвалидной командой не могъ устоять противъ Пугачева, и по не долгой битвѣ крѣпость была занята. Маіоръ думалъ откупиться отъ смерти деньгами, но напрасно: судъ Пугачева надъ непокорнымъ ему начальствомъ былъ коротокъ. Полумертваго отъ ранъ Харлова, съ вышибленнымъ и

висящимъ на щекѣ глазомъ, повѣсили вмѣстѣ съ двумя другими офицерами.

Расправившись съ Нижне-Озерной крѣпостью, Пугачевъ двинулся на Татищеву. Разставивъ противъ крѣпости пушки, Пугачевъ сначала уговаривалъ осажденныхъ «не слушать бояръ» и сдаться добровольно, а когда это не имѣло успѣха, приступилъ не спѣша къ осадѣ и къ вечеру ворвался въ крѣпость, пользуясь смятеніемъ осажденныхъ во время произведеннаго имъ пожара. Начались расправы. Съ Елагина, отличавшагося тучностью, содрали кожу. Бригадиру барону Билову отрубили голову, офицеровъ повѣсили, нѣсколькихъ солдатъ и башкиръ разстрѣляли картечью, а остальныхъ присоединили къ своимъ войскамъ, остригши волосы по казачьи — въ кружокъ. Въ Татищевой, между плѣнными, попалась Пугачеву и Харлова; онъ былъ прельщенъ ея красотою такъ, что пощадилъ ей жизнь, а по ея просьбѣ и ея семилѣтнему брату, и взялъ ее въ свои наложницы.

Вскорѣ хорошенькая Харлова зовоевала симпатію Пугачева, и онъ началъ къ ней относиться не какъ къ простой наложницѣ, а удостоилъ ее своей довѣренности и даже принималъ въ иныхъ случаяхъ ея совѣты. Харлова стала около Пугачева не только близкимъ, но и любимымъ человѣкомъ, чего нельзя сказать о другихъ, даже самыхъ преданныхъ ему, приверженцахъ, въ основѣ отношеній къ которымъ была общность кроваваго преступленія — связь ненадежная, что и доказала послѣдовавшая черезъ годъ выдача самозванца сообщниками.

Трудно сказать, что сама Харлова чувствовала къ своему завоевателю, но безспорно, что Пугачевъ питалъ къ симпатичной Харловой непритворную привязанность, и она имѣла право всегда, во всякое время, даже во время его сна, входить безъ доклада въ его кибитку; — право, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его сообщниковъ.

Это довѣріе Пугачева къ своей наложницѣ, да къ тому еще «дворянкѣ», заставляетъ насъ сдѣлать весьма вѣроятное заключеніе, что и сама Харлова не наружно только (Пугачева провести было трудно) была съ нимъ дружна, а почувствовала нѣчто другое, противоположное страху и отвращенію, которые онъ долженъ былъ-бы ей внушить началомъ своего знакомства.

Или Пугачевъ умѣлъ завоевывать расположеніе къ себѣ женщинъ, или тутъ кроется одна изъ тѣхъ загадокъ, какихъ много представляетъ намъ женское сердце и женская натура.

Съ сентября же началась осада крѣпости Яицкаго городка, гдѣ укрѣпился съ горстью преданныхъ людей храбрый Симоновъ, тогда какъ самый городъ предался Пугачеву и былъ въ его рукахъ, а съ начала октября 1773 года былъ осажденъ Оренбургъ съ нерас-

порядительнымъ нѣмцемъ губернаторомъ, Рейнсдорпомъ, и обѣ осады затянулись надолго.

Пугачевъ расположился станомъ на зиму въ Бердской слободѣ, въ семи верстахъ отъ Оренбурга, и повелъ осаду не спѣша, не желая «тратить людей», а имѣя намѣреніе «выморить городъ моромъ».

Въ Бердѣ, которую Пугачевъ хорошо укрѣпилъ, онъ устроился совсѣмъ по царски, сдѣлавъ себѣ маскарадный царскій антуражъ: Чика (или Зарубинъ), его главный наперсникъ, былъ названъ фельдмаршаломъ и графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ, — графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ — графомъ Панинымъ, Чумаковъ — графомъ Орловымъ. Равнымъ образомъ и мѣстности, гдѣ они дѣйствовали, получили названія: слобода Берда — Москвы, деревня Каргале — Петербурга, Сакмарскій городокъ — Кіева.

Харлова поселилась вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ Бердской слободѣ и пользовалась тамъ своимъ исключительнымъ положеніемъ, но ей недолго пришлось пожить на свѣтѣ.

Скоро любовь къ ней Пугачева возбудила ревнивыя подозрѣнія его сообщниковъ и главныхъ помощниковъ, не хотѣвшихъ никого имѣть между собою и главою возстанія. Можетъ быть, это была и зависть къ любимому человѣку, можетъ быть, «дворянка» Харлова, опираясь на любовь къ ней лже-царя, пренебрегла заискиваніемъ у пугачевскихъ «графовъ» или обошлась съ ними нѣсколько презрительно; наконецъ, можетъ быть и то, что «графы» видѣли и боялись смягчающаго вліянія молодой прекрасной женщины на ихъ суроваго предводителя. Какъ бы тамъ ни было, но скоро сообщники стали требовать отъ Пугачева, чтобы онъ удалилъ отъ себя Харлову, которая-де на нихъ наговариваетъ ему. Весьма вѣроятно, что Харлова и жаловалась Пугачеву на оскорбленія ее грубыми воротилами Бердской орды.

Пугачевъ не соглашался на это изъ сильной привязанности къ своей плѣнницѣ, чувствуя, что съ нею онъ лишится любимаго (а можетъ быть и любящаго) человѣка, но, въ концѣ концовъ, эта борьба кончилась побѣдою его сообщниковъ. Пушкинъ говоритъ, что Харлову Пугачевъ выдалъ самъ, а графъ Саліасъ въ своемъ романѣ «Пугачевцы» описываетъ расправу, какъ происшедшую въ отсутствіе Пугачева, и, по нашему мнѣнію, онъ ближе къ истинѣ: Харлову безжалостно застрѣлили, вмѣстѣ съ ея семилѣтнимъ братомъ, среди улицы и бросили въ кусты.

Передъ смертью, истекая кровью, несчастные страдальцы еще имѣли силу, чтобы подползти другъ къ другу и умереть обнявшись.

Трупы ихъ долго валялись въ кустахъ, какъ отвратительное доказательство тупой жестокости сподвижниковъ Пугачева.

Пугачевъ, скрѣпя сердце, покорился этой наглости своихъ сообщниковъ и, вѣроятно, загоревалъ о потерѣ любимой женщины, ибо мы видимъ, что вскорѣ послѣ этого казаки принялись высва-

тывать Пугачеву невѣсту настоящую, чтобы стала женою, какъ слѣдуетъ великому государю, и тутъ снова вопросъ объ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ женѣ Петра III, принялъ весьма щекотливую и оскорбительную форму, будучи поднятъ и обсуждаемъ на казачьихъ «кругахъ» т. е. собраніяхъ, но объ этомъ будетъ повѣтствованіе дальше.

III.

Прасковья Иванаева, ярая поклонница Пугачева.—«Алтынный глазъ».—Курьеръ Петра III.— Иванаева и ея смутьянства.— Плети маіоршѣ.— Она дерется за Пугачева, переодѣтая казакомъ.— Пугачевъ ее беретъ въ стряпки и экономки.— Торжество Иванаевой.

Говоря о женщинахъ Пугачевскаго возстанія, нельзя обойти молчаніемъ интересную личность жены войсковаго старшины, Прасковьи Гавриловой Иванаевой, ярой поклонницы Пугачева.

Передъ Пугачевскимъ бунтомъ, вѣроятно, незадолго, когда ей было 26 лѣтъ отъ роду, мужъ-ли ее бросилъ, или она оставила мужа, но только они жили розно—мужъ въ Татищевой крѣпости на службѣ, а жена въ Яицкомъ городкѣ (нынѣ Уральскѣ) въ своемъ собственномъ домѣ.

Прасковья Иванаева слыла въ Яицкомъ городкѣ женщиной непорядочной и на языкъ невоздержной; завела себѣ любовниковъ, что строго наказывалось у казаковъ, словомъ, была въ городкѣ человѣкомъ замѣтнымъ.

Слухи о появленіи оставшагося въ живыхъ Петра III, ходили въ яицкомъ войскѣ уже давно, съ самой смерти его въ 1762 году.

Казакъ Слудынковъ, прозванный «алтыннымъ глазомъ», еще задолго до появленія Пугачева, уже мутилъ народъ, разъѣзжая по Оренбургской губерніи и появляясь въ горнозаводскихъ селеніяхъ.

Онъ называлъ себя «курьеромъ Петра III», которому поручено осмотрѣть порядки, каково казачество живетъ, да не притѣсняется ли начальствомъ, чтобы потомъ императоръ Петръ III разсудилъ всѣхъ по правдѣ. Алтынный глазъ при этомъ дѣлалъ сборы на подъемъ батюшки-царя, и хотя былъ пойманъ и наказанъ, но искра въ народъ была брошена.

Такія событія поселили во всемъ Заволжьи непреодолимую вѣру «въ пришествіе Петра III», и вѣры этой не могли поколебать никакія, даже самыя жестокія, мѣропріятія правительства.

Онѣ только озлобляли народъ, скопляли недовольство, чтобы потомъ, при малѣйшемъ поводѣ, вспыхнуть страшнымъ пожаромъ мятежа.

Много слышала объ этомъ и Прасковья Иванаева, но до поры до времени крѣпилась и разговаривала объ этомъ, какъ всѣ, въ полголоса, такъ чтобы начальству не очень было слышно и замѣтно.

Но вотъ, надъ Прасковьею собирается бѣда: строгое общество яицкаго городка, скандализованное непотребнымъ житьемъ Прасковьи Иванаевой, вздумало прибѣгнуть къ своимъ старымъ законамъ о наказанiи за блудъ и подало жалобу яицкому коменданту, полковнику Симонову, прося Иванаеву, по старому обычаю, высѣчь въ базарный день.

Разъярилась невоздержная на языкъ Иванаева, услышавъ объ этомъ, и въ таковой крайности начала по всему городку громко проповѣдывать, что-де скоро придетъ государь Петръ Федоровичъ, который всѣ настоящiе порядки уничтожитъ и все начальство смѣститъ. Проповѣдывала она съ присущимъ озлобленной женщинѣ азартомъ и неустанно—и находила много сочувствующихъ ея проповѣди людей и голосовъ, вторившихъ ей.

Городокъ замутился, начальство и не радо было, что тронуло такую горластую бабу въ такое смутное время, но дѣлать нечего—надо было расправляться.

Симоновъ донесъ о смутѣ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу; тотъ ордеромъ отъ 17-го iюля 1773 года, почти передъ самымъ приходомъ Пугачева, приказалъ Иванаеву публично выдрать плетьми, что и было исполнено,—Прасковью жестоко отодрали на площади.

Это въ конецъ озлобило неуемную бабу противъ начальства, но не смирило нисколько. Прошелъ только одинъ мѣсяцъ и грозный Пугачевъ явился предъ Яицкимъ городкомъ. Казаки встрѣтили его съ радостью и городокъ передался ему весь, только храбрый Симоновъ засѣлъ съ тысячью команды въ укрѣпленiи и не сдавался самозванцу.

Городокъ вооружился противъ своего прежняго начальника, сами жители повели противъ него осаду, и между ними особенною яростiю отличалась переодѣтая казакомъ—Прасковья Иванаева!..

Такъ дождалась она исполненiя своей завѣтной мечты и съ радостью пошла служить Пугачеву. Съ этого времени Иванаева становится преданнѣйшимъ Пугачеву человѣкомъ, словомъ и дѣломъ ратуя за него, даже съ пренебреженiемъ къ плетямъ, которыми неоднократно послѣ этого драли ее.

Пугачевъ замѣтилъ Прасковью Иванаеву, призвалъ къ себѣ и обласкалъ; она вызвалась быть у него стряпкой и экономкой, чтобы вести его царское хозяйство. Тутъ выступаетъ на сцену ненадолго и мужъ ея, полковой старшина Иванаевъ: онъ передался Пугачеву, вмѣстѣ съ прочимъ казачествомъ, при взятiи Татищевой крѣпости, и служилъ при немъ, надѣясь достичь степеней из-

вѣстныхъ, и пожалуй, достигъ бы этого, еслибъ ему не стала мѣшать жена его.

Стоя гораздо ближе и интимнѣе къ Пугачеву, она начала интриговать противъ своего мужа, и вслѣдствіе этого Иванаевъ былъ у Пугачева въ нѣкоторомъ пренебреженіи, несмотря на свой маіорскій чинъ. Ему предпочитались простые рядовые казаки и ставились надъ нимъ начальниками, и Иванаевъ, въ концѣ концовъ, бѣжалъ отъ Пугачева и скрывался, не передаваясь на сторону и правительства изъ боязни наказанія за измѣну.

Прасковья Иванаева торжествовала и вскорѣ начинается дѣло о женитьбѣ Пугачева, гдѣ она принимаетъ живое и дѣятельное ўчастіе.

IV.

Сборы женить Пугачева. — Красавица Устинья — невѣста Пугачева. — Затрудненіе по поводу нерасторгнутаго брака съ Екатериною II. — Свадьба. — Поминовеніе Устиньи на эктеніяхъ. — Саранскій архимандритъ и его услужливость. — Недолгое царствованіе Устиньи.

Сообщники Пугачева задумали женить своего царя, Петра Ѳедоровича, чтобы, во-первыхъ, отвлечь его отъ грусти по убитой Харловой, а во-вторыхъ, чтобы бракомъ на яицкой казачкѣ скрѣпить еще болѣе узы симпатіи и сочувствія, какія питали къ Пугачеву яицкіе казаки.

Въ Яицкомъ-городкѣ жила въ это время красавица-дѣвушка, дочь казака Петра Кузнецова, Устинья, со своею матерью Марьею, въ собственномъ домѣ. Выборъ палъ на нее, какъ на вполнѣ достойную по своей крастотѣ высокой чести быть женою государя Петра Ѳедоровича.

Собранъ былъ «кругъ», т. е. сходка, для совѣщанія объ этомъ важномъ дѣлѣ и на немъ было рѣшено послать къ Пугачеву выборныхъ съ этимъ предложеніемъ. Пугачевъ сначала отговаривался, ссылаясь на то, что-де законная жена его, императрица Екатерина II, еще здравствуетъ и что-де хотя она и повинна предъ нимъ и идетъ онъ отнимать у нея престолъ, но все-таки бракъ не растергнутъ, и отъ живой жены жениться нельзя.

А между тѣмъ красота предлагаемой невѣсты прельщала страстнаго Пугачева; онъ сначала хотѣлъ повернуть дѣло такъ, чтобы обойтись безъ вѣнчанія, но казачій кругъ рѣшительно этому воспротивился, представилъ убѣдительные доводы насчетъ недѣйствительности брака съ Екатериною, и Пугачевъ согласился вѣнчаться на Устиньѣ Кузнецовой со всею возможною въ Яицкомъ-городкѣ роскошью, какъ подобаетъ царской свадьбѣ.

Безспорно, что Пугачевъ если не питалъ къ своей невѣстѣ любви, то она возбуждала его страсть и нравилась ему красотою, что же касается ея участія въ совершеніи этого брака, то оно было, какъ и по всему видно, довольно пассивное.

Свадьба совершилась по однимъ источникамъ въ январѣ, а по другимъ—въ февралѣ 1774 года, въ Яицкомъ-городкѣ. Для житья «молодымъ» былъ выстроенъ домъ, называвшійся «царскимъ дворцомъ», съ почетнымъ карауломъ и пушками у воротъ.

Устинья Кузнецова стала называться «государыней-императрицей», была окружена роскошью и изобиліемъ во всемъ — и все это совершалось тогда, когда комендантъ Симоновъ сидѣлъ въ укрѣпленіи осажденный, терпѣлъ голодъ, подвергался приступамъ и ждалъ смерти.

Въ царскомъ дворцѣ пошли пиры горой и разливанное море.

На этихъ пирахъ «императрица Устинья Петровна» была украшеніемъ и принимала непривычныя ей почести и поклоненіе, отъ которыхъ замирало ея сердце и кружилась голова. Ей, не раздѣлявшей ни мыслей, ни плановъ Пугачева, не знавшей — ложь это или истина, должно было все казаться какимъ-то сказочнымъ сномъ на-яву. Мужъ окружилъ ее подругами и сверстницами — казачками, онѣ назывались «фрейлинами государыни-императрицы»; Прасковья Иванаева играла въ этомъ грубо-маскарадномъ антуражѣ важную роль и душевно была предана и Пугачеву, и Устиньѣ Петровнѣ, по простотѣ души или по разсчету почитая ихъ за истинныхъ царя и царицу. Пугачевъ, чтобы сохранить за этимъ маскараднымъ актомъ все значеніе, отдалъ повелѣніе поминать во время богослуженія на эктеніяхъ Устинью Петровну, рядомъ съ именемъ Петра Ѳедоровича, какъ императрицу, но это не удалось ему почему-то въ Яицкомъ-городкѣ: духовенство отказалось отъ этого, ссылаясь на неимѣніе указа отъ синода, — и Пугачевъ, по непонятной причинѣ не настаивалъ на этомъ. Этотъ отказъ довольно страненъ: если духовенство не боялось вѣнчать его съ Устиньей, какъ царя, поминать его на эктеніяхъ, какъ царя, то что же духовенству стоило къ этимъ винамъ присоединить и новую? Вѣдь отговорка неимѣніемъ указа отъ синода была смѣшна, если духовенство, хотя наружно, почитало его за царя! И умный Пугачевъ соглашается съ этимъ смѣшнымъ доводомъ, хотя его «царскому достоинству» наносился этимъ нѣкоторый ущербъ.

Или ему самому казалось ужь это черезъ-чуръ смѣшнымъ по отношенію къ Устиньѣ Петровнѣ Кузнецовой — Пугачевой.

Впрочемъ, такимъ упорствомъ было заражено не все духовенство, и мы имѣемъ свѣдѣніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовный чинъ былъ сговорчивѣе и покорнѣе велѣніямъ самозванца. Гораздо позже, по переходѣ Пугачева на эту сторону Волги, 27-го іюля 1774 года, когда онъ съ торжествомъ вошелъ въ Саранскъ,

Пензенской губерніи, встрѣченный не только простонародьемъ, ждавшимъ его съ нетерпѣніемъ, но и купечествомъ и духовенствомъ со крестами и хоругвями, на богослуженіи архимандритъ Александръ помянулъ вмѣстѣ съ Петромъ Ѳедоровичемъ и императрицу Устинью Петровну, уже бывшую въ это время въ рукахъ правительства, но саранскому простолюдью и духовенству не долго пришлось торжествовать.

На третій день, 30-го іюля, торжествующій Пугачевъ направилъ свое тріумфальное шествіе къ самой Пензѣ, поставивъ надъ Саранскомъ «своихъ» начальниковъ, а 31-го вошелъ въ Саранскъ слѣдовавшій за Пугачевымъ по пятамъ Меллинъ и началъ перевертывать порядки по старому: арестовалъ пугачевское «начальство» и «зачинщиковъ» духовныхъ и свѣтскихъ, а усердный архимандритъ Александръ былъ преданъ суду въ Казани, изверженъ сана (причемъ въ церкви были солдаты съ примкнутыми штыками, а на Александрѣ оковы), остриженъ и сосланъ. Этотъ случай даетъ намъ основаніе предполагать, что въ отказѣ яицкаго духовенства поминать Устинью были особенныя, мѣстныя причины, и ихъ уважилъ Пугачевъ, не хотѣвшій ссориться съ нужными ему людьми.

На самомъ дѣлѣ Устинья была царицей только по своей красотѣ, подругой же Пугачеву, умному и кипѣвшему жизнью, быть не могла. Таковою могла быть Харлова, но ее столкнули съ дороги прежде времени. Неразвитая Устинья могла быть только наложницей, и Пугачевъ первый это увидѣлъ и устроилъ дѣла сообразно этому. Онъ не приблизилъ свою новую жену къ себѣ, какъ это было съ Харловой, а, живя подъ Оренбургомъ въ Бердской слободѣ, за 300 верстъ отъ Яицкаго-городка, оставилъ Устинью въ этомъ послѣднемъ забавляться со своими фрейлинами-казачками, Прасковьей Иванаевой и ея матерью, Марьей Кузнецовой, ѣздилъ лишь къ ней каждую недѣлю, проклажаться и нѣжиться съ 17-тилѣтней писаной красавицей.

Начальниками осады Яицкаго-городка были пугачевскіе предводители Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, которые вели ее въ отсутствіе Пугачева, но, кромѣ того, каждый пріѣздъ «самого» ознаменовывался сильнѣйшими аттаками храбро державшихся и изнемогавшихъ уже отъ голода приверженцевъ Екатерины II. Осажденные уже ѣли глину и падаль, но не думали сдаваться; уже Пугачевъ разсвирѣпѣлъ отъ упорства своихъ противниковъ и поклялся перевѣшать не только Симонова и его помощника Крылова, отца нашего баснописца, но и семейство послѣдняго, находившееся въ Оренбургѣ, а въ томъ числѣ и малолѣтняго сына его, Ивана Андреевича Крылова.

Осажденные уже выдержали полугодовую осаду, отрѣзанные со всѣхъ сторонъ отъ остального міра, имѣя врагами своими

весь городъ. Замедли избавленіе еще немного, и угроза Пугачева была бы приведена въ исполненіе со всею жестокостью разъяреннаго упорствомъ побѣдителя.

Но освободители пришли 17-го апрѣля 1774 года. Въ этомъ день приблизился и вступилъ въ городъ отрядъ Мансурова, мятежники разбѣжались, начальники осады были выданы, голодные накормлены. Это случилось на страстной недѣлѣ, но день этотъ для осажденныхъ былъ радостнѣе самаго Свѣтлаго Воскресенія — они избавились отъ вѣрной и мучительной смерти.

V.

Арестъ «императрицы Устиньи» и Прасковьи Иванаевой. — Иванаеву снова дерутъ и водворяютъ на старое мѣсто жительства. — Взятіе Пугачевымъ Казани и освобожденіе Софьи съ дѣтьми. — Вмѣсто Софьи Устинья въ Казани. — Софья снова отнята отъ Пугачева. — Поимка его самого. — Вяжи!

Въ этотъ же день пришелъ конецъ и прохладному житью «матушки-царицы» Устиньи Петровны: «фрейлины» ея тотчасъ же разбѣжались, а ее самое, ея мать и вѣрную Прасковью Иванаеву, вступившій снова въ должность, Симоновъ арестовалъ, заковалъ по рукамъ и по ногамъ и посадилъ въ войсковую тюрьму.

При взятіи Устиньи задорная и преданная Иванаева подняла скандалъ, защищая «матушку-государыню» и грозя гнѣвомъ Петра Ѳедоровича, но съ ней въ этомъ случаѣ поступили «невѣжливо», и бѣдная баба все-таки снова попала въ руки ея враговъ, побѣду надъ которыми она уже торжествовала!..

Дома и имущество Устиньи и матери ея были опечатаны и охранялись карауломъ; домъ Иванаевой оказался сданнымъ внаймы вдовѣ войсковаго старшины Аннѣ Антоновой и его не тронули.

26-го апрѣля 1774 года, Устинью съ матерью и Иванаевой, въ числѣ другихъ 220 колодниковъ, Симоновъ отправилъ уже въ освобожденный Оренбургъ, въ учрежденную «секретную коммисію» для допросовъ.

Эти три женщины, бывъ приближены къ Пугачеву, могли сообщить слѣдователямъ много важныхъ свѣдѣній о самозванцѣ, который въ это время ловко увертывался отъ посланныхъ за нимъ отрядовъ и особенно отъ энергичнаго въ преслѣдованіи Михельсона.

Въ Оренбургѣ женщинъ допрашивалъ предсѣдатель секретной коммисіи, коллежскій совѣтникъ Иванъ Лаврентьевичъ Тимашевъ, и дѣло о Прасковьи Гавриловой Иванаевой нашелъ не особенно важнымъ, ибо рѣшилъ его собственною властью. Преступленія Прасковьи, которая на этотъ разъ, можетъ быть, и присмирѣла,

было рѣшено наказать трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а послѣ того бить плетьми и затѣмъ сослать на житье въ Гурьевъ-городокъ.

Но этотъ послѣдній пунктъ былъ впослѣдствіи отмѣненъ, и Иванаеву, наказавъ плетьми, водворили на мѣсто ея жительства, въ Яицкій-городокъ, въ собственномъ домѣ, о чемъ и былъ увѣдомленъ яицкій комендантъ Симоновъ, вмѣстѣ съ препровожденіемъ къ нему его «старой знакомки».

Не весела возвратилась яростная поклонница Пугачева въ Яицкъ, въ среду жителей, помнившихъ и позоръ, и кратковременное торжество ея.

Иванаева, затаивъ злобу, поселилась въ своемъ домѣ, вмѣстѣ съ нанимавшемъ его семействомъ войсковаго старшины Антонова.

Устинья Кузнецова съ матерью въ Оренбургѣ были трактованы, какъ важныя для слѣдствія лица, сидѣли закованныя въ тюрьмѣ, и всѣ допросныя рѣчи ихъ хранились въ тайнѣ.

А въ это время Пугачевъ, тѣснимый Михельсономъ, опрокинулся на Казань и 12 іюля 1774 года взялъ ее, предавъ огню и разграбленію своихъ шаекъ. Къ вечеру, оставивъ Казань въ грудахъ дымящихся развалинъ, Пугачевъ оступилъ, а на утро спасавшіеся въ крѣпости люди, ожидавшіе съ ужасомъ полчищъ Пугачева, съ радостію увидѣли гусаръ Михельсона, спѣшно мчавшихся къ городу. Казань была въ ужасномъ состояніи, двѣ трети города выгорѣло, двадцать пять церквей и три монастыря тоже дымились въ развалинахъ!

Тюрьма, гдѣ Пугачевъ годъ только тому назадъ самъ сидѣлъ въ оковахъ, была имъ сожжена, а колодники всѣ выпущены на свободу.

Тамъ-же, въ тюремныхъ казармахъ, содержалась и первая жена Пугачева, Софья Дмитріева съ троими дѣтьми. Узнавъ объ этомъ, Пугачевъ, велѣлъ ихъ представить къ себѣ, и ея жалкій видъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ былъ растроганъ и, не помня стараго зла, велѣлъ освободить изъ рукъ правительства и взять въ свой лагерь, чтобы онѣ слѣдовали вмѣстѣ съ нимъ.

— Былъ у меня казакъ Пугачевъ, сказалъ самозванецъ окружающимъ, хорошій мнѣ былъ слуга и оказалъ мнѣ великую услугу! Для него и бабу его жалѣю!..

Такимъ образомъ, Софья Дмитріева снова попала въ руки Пугачева, но онъ не мстилъ ей за выдачу его въ трудную минуту.

Правительство пріобрѣло Устинью Пугачеву, и потеряло Софью, но она уже не была ему такъ нужна теперь — все необходимое было выспрошено.

Въ обозѣ Пугачева Софья Дмитріева съ дѣтьми переправилась и за Волгу, на нашу сторону, сопровождала его во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ, послѣдовала за нимъ и тогда, когда, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Пугачевъ снова поворотилъ къ Волгѣ.

Между тѣмъ въ очищенной отъ мятежныхъ шаекъ Казани приводилось все въ старый порядокъ.

На смѣну освобожденной Софьи Дмитріевой привезли въ Казань Устинью Кузнецову съ матерью и снова подвергли допросу въ казанской секретной коммисіи, гдѣ дѣйствовали генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ и капитанъ гвардіи Галаховъ.

Тутъ обнаружилось, что въ опечатанномъ домѣ Устиньи, въ Яицкомъ городкѣ, находятся сундуки съ имуществомъ ея мужа, Пугачева, и за ними тотчасъ-же послали нарочнаго, чтобы Симоновъ выдалъ ихъ и препроводилъ подъ надежнымъ конвоемъ въ Казань.

Что найдено въ этихъ сундукахъ — неизвѣстно. Вѣроятно, кромѣ драгоцѣнностей, награбленныхъ за Ураломъ, — ничего важнаго.

Вся эпоха Пугачевскаго бунта представляетъ какую-то странную игру въ прятки: сегодня входитъ въ городъ Пугачевъ и расправляется по своему, завтра онъ уходитъ, — по пятамъ его вступаютъ правительственныя войска и начинаютъ все передѣлывать. Быстрыя перемѣны, отъ которыхъ хоть у кого закружится голова — и въ концѣ концовъ — кровь, стоны, пожары, грабежъ!..

Пугачевъ доигрывалъ свою страшную комедію съ переодѣваніемъ; онъ уже, какъ дикій звѣрь, загнанный охотниками, свирѣпо бросался изъ стороны въ сторону и затѣмъ вдругъ повернулъ къ Волгѣ обратно, питая все таки какіе-то грандіозные планы. Его преслѣдовали по пятамъ; въ самомъ войскѣ его открылись измѣны, начали уходить отъ него массами; среди самыхъ близкихъ сообщниковъ начались тайные переговоры о выдачѣ самаго Пугачева!..

Въ этомъ переполохѣ, когда преслѣдовавшіе Пугачева отряды отхватывали отъ него кусокъ за кускомъ отъ обоза и войскъ, въ августѣ 1774 года, была снова взята правительственными войсками и Софья Дмитріева съ обѣими дочерьми; малолѣтній сынъ Пугачева, Трофимъ остался при немъ. Софью Пугачеву опять, во второй разъ, отправили въ Казань, гдѣ сошлись теперь обѣ жены Пугачева, и съ этого времени, кажется, судьба ихъ связана вмѣстѣ, онѣ терпятъ одну и ту-же участь.

Наконецъ, Пугачева снова угнали за Волгу. Къ преслѣдовавшимъ мятежника Михельсону, Меллину и Муфелю присоединился Суворовъ; они переправились за Пугачевымъ черезъ Волгу и тамъ осѣтили его со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ всякую возможность вырваться.

Наконецъ, пробилъ часъ Пугачева: 14-го сентября 1774 года, въ старовѣрческомъ селеніи, гдѣ отдыхалъ Пугачевъ, къ нему приступили его сообщники и потребовали, чтобъ онъ кончилъ наконецъ морочить людей.

Пугачевъ догадался, въ чемъ дѣло, увидѣлъ свою полную беззащитность и — протянулъ руки казаку Творогову, сказавъ только:

— Вяжи!..

VI.

Пугачевъ въ клѣткѣ. — Софья пущена въ Москвѣ по базарамъ разсказывать о мужѣ. — Казнь Пугачева и рѣшеніе суда о «жонкахъ». — Устинья у императрицы Екатерины II. — Пропажа обѣихъ женокъ съ горизонта и изъ памяти.— Чрезъ 21 годъ онѣ оказываются въ Кексгольмской крѣпости.

Теперь начинается развязка всѣхъ прошедшихъ предъ читателемъ трагическихъ и комическихъ сценъ.

Пугачева, послѣ допроса въ Яицкомъ городкѣ, Суворовъ повезъ въ деревянной клѣткѣ, какъ русскаго звѣря, въ Симбирскъ къ Панину; съ нимъ былъ и сынъ его отъ Софьи, Трофимъ, «рѣзвый и смѣлый мальчикъ», какъ называетъ его Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта». Изъ Симбирска ихъ отправили въ Москву.

Еще раньше туда-же посланы были и «жонки» Пугачева, Софья съ дочерьми и Устинья съ матерью для новыхъ допросовъ въ тайной экспедиціи, къ завѣдывавшему московскимъ ея отдѣломъ оберъ-секретарю сената, Степану Ивановичу Шешковскому.

Послѣ допросовъ Устинью Пугачеву посадили подъ крѣпкій караулъ, приберегая для посылки въ Петербургъ, гдѣ императрица Екатерина II выразила желаніе видѣть пресловутую «императрицу Устинью», а Софью Дмитріеву, въ видахъ успокоенія народной молвы, ибо о Пугачевѣ въ народѣ говорили «разно» и подчасъ для правительства непріятно, — пустили гулять по базарамъ, чтобы она всѣмъ разсказывала о своемъ мужѣ, Емельянѣ Пугачевѣ, показывала его дѣтей, словомъ разсѣявала своимъ живымъ лицомъ и свидѣтельствомъ мнѣніе, что Пугачевымъ назвали истиннаго государя Петра III.

Народъ, не задолго передъ тѣмъ съ нетерпѣніемъ ожидавшій Пугачева, какъ царя Петра Ѳеѳоровича, слушалъ разсказы Софьи, ходилъ смотрѣть «самого Пугача» на монетный дворъ — и, должно быть, убѣждался.

10-го января 1776 года, въ жестокій морозъ была совершена казнь Пугачева, а о женахъ его въ пунктѣ 10 сентенціи о казни было сказано:

«А понеже ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали обѣ жены самозванцевы, первая Софья, дочь донскаго казака Дмитрія Никифорова (Недюжина) вторая Устинья, дочь яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтные отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, то безъ наказанія отдалить ихъ, куда благоволитъ Правительствующій Сенатъ».

Передъ «отдаленіемъ» Устинью Кузнецову привезли въ Петербургъ, чтобы показать ее императрицѣ Екатеринѣ II, и когда мо-

нархиня внимательно осмотрѣла яицкую писанную красавицу, то замѣтила окружающимъ:

— Она вовсе не такъ красива, какъ прославили...

Устиньѣ въ это время было не болѣе 17 — 18 лѣтъ. Можетъ быть, волокита и маета по тюрьмамъ, секретнымъ коммисіямъ и допросамъ, при которыхъ не разъ, вѣроятно, она попробовала и плетей, сняли съ лица ея красоту и состарили!..

Съ этого времени объ Устиньѣ и Софьѣ исчезли—было всякія свѣдѣнія, а на Уралѣ такъ и до сихъ поръ ничего не знаютъ о дальнѣйшей участи несчастныхъ женщинъ. Есть только преданіе, что ни Софья, ни Устинья назадъ не воротились — и это справедливо.

Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ «пугачевскихъ жонокъ» нынѣ появляется въ печати въ первый разъ, заимствованныя изъ подлиннаго документа, находящагося въ Государственномъ Архивѣ, и въ копіи обязательно сообщеннаго редакціи «Историческаго Вѣстника».

Судьба ихъ послѣ сентенціи и казни Пугачева, вѣроятно, была никому или очень не многимъ извѣстна и изъ современниковъ-то, а черезъ короткое время память о нихъ по сю сторону Волги и совсѣмъ сгибла — убрали, «отдалили»—и концы въ воду!

И только черезъ двадцать одинъ годъ послѣ казни Пугачева, короткое свѣдѣніе о нихъ появляется на свѣтъ божій.

Императоръ Павелъ Петровичъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ (14 декабря 1796 года), приказалъ отправить служившаго при тайной экспедиціи коллежскаго совѣтника Макарова въ Кексгольмскую и Нейшлотскую крѣпости, поручивъ ему осмотрѣть содержащихся тамъ арестантовъ и узнать о времени ихъ заточенія, о содержаніи ихъ подъ стражею или о ссылкѣ ихъ туда на житье.

Въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ Макаровымъ, между прочимъ записано:

«Въ Кексгольмской крѣпости: Софья и Устинья, женки бывшаго самозванца Емельяна Пугачева, двѣ дочери, дѣвки Аграфена и Христина отъ первой и сынъ Трофимъ.

«Съ 1775 года содержется въ замкѣ, въ особливомъ покоѣ, а парень на гауптвахтѣ, въ особливой (же) комнатѣ.

«Содержаніе имѣютъ отъ казны по 15 копѣекъ въ день, живутъ порядочно.

«Женка Софья 55 лѣтъ, Устинья—около 36 лѣтъ [1]), дѣвка одна лѣтъ 24-хъ, другая лѣтъ 22-хъ; малый-же лѣтъ отъ 28 до 30.

«Присланы всѣ вмѣстѣ, изъ Правительствующаго Сената.

«Софья — дочь донскаго казака и оставалась во время разбоя

[1]) Устинья, вѣроятно, была моложава, что сдѣлали по виду такое заключеніе. Ей, должно быть, было въ то время лѣтъ 40.

мужа ея въ домѣ своемъ (вначалѣ, а впослѣдствіи она была взята подъ стражу), а на Устиньѣ женился онъ, бывъ на Яикѣ, а жилъ съ нею только десять дней [1]).

«Имѣютъ свободу ходить по крѣпости для работы, но изъ оной не выпускаются; читать и писать не умѣютъ».

О матери Устиньи ничего не говорится — вѣроятно, она давно померла въ крѣпости.

Такъ вотъ какова судьба усладительницъ дней Пугачева; послѣ разныхъ треволненій и бѣдъ, послѣ разнообразнѣйшихъ и чудныхъ приключеній, а Устинья послѣ титула «императрицы»—онѣ были отданы на жертву гарнизонныхъ сердцеѣдовъ-солдатъ и офицерства, и долгую жизнь свою проводили въ стѣнахъ крѣпости, питаясь поденьщиной. Что было съ ними далѣе — неизвѣстно; вѣроятно, онѣ такъ и померли въ Кексгольмской крѣпости, сжившись съ нею.

VII.

Запрещеніе разговоровъ о Пугачевѣ. — Опять Иванаева и опять плети. — Ссора изъ-за дровъ. — Комедіанты на Уралѣ представляютъ Устинью. — Сочувствіе къ ней. — Заключеніе.

Не скоро улеглось умственное волненіе въ народѣ, поднятое Пугачевскимъ бунтомъ; волной ходили въ народѣ по сю сторону Волги разговоры о Пугачевѣ, и Екатерина распорядилась запретить всякіе разговоры о немъ, т. е. пойманныхъ на этомъ наказывали, и это запрещеніе имѣло силу до самаго воцаренія императора Александра I.

Не скоро поблѣднѣла память о Пугачевѣ въ народѣ, а въ средѣ Яицкихъ, переименованныхъ въ Уральскіе, казаковъ она жива и до сихъ поръ.

Кстати, сообщимъ, чѣмъ окончилось въ Яицкѣ дѣло объ Устиньѣ. Домъ ея, запечатанный Симоновымъ съ самаго ареста Устиньи съ матерью, стоялъ пустой до самаго окончанія дѣла о Пугачевѣ, и много спустя былъ по просьбѣ родственниковъ Кузнецовой распечатанъ и отданъ имъ во владѣніе войсковымъ начальствомъ.

Прасковья Гаврилова Иванаева не унялась и послѣ казни Пугачева; по прежнему стала она невоздержна на языкъ, чуть дѣло касалось предмета ея преданности и любви, по прежнему жадно ухватывалась за всякій слухъ о появленіи бунтовщиковъ, чтобы грозить ими насолившему ей начальству.

---

[1]) Если Устинья считаетъ «житьемъ» съ ней еженедѣльные его къ ней пріѣзды, то она совершенно права.

Въ Астрахани появился разбойникъ «Метла» или «Заметаевъ», и вотъ Иванаева ожила и насторожила уши. Надобенъ былъ самый пустячный предлогъ, чтобы вывести неугомонцую бабу изъ труднаго для нее молчанія; предлогъ не замедлилъ явиться: Иванаева поругалась со своей квартиранткой, вдовой Антоновой, изъ-за дровъ, а потомъ вцѣпились другъ другу и въ косы. Антонова, вѣроятно, попрекнула Прасковью Пугачевымъ и плетями, которыми ее неоднократно подчивали — и Иванаева разсвирѣпѣла!..

— Врешь, дура нечесаная! Пугачева казнили, а батюшка Петръ Ѳедоровичъ живъ еще и придетъ еще съ войскомъ!.. А не онъ, такъ наслѣдникъ его отплатитъ вамъ!.. А въ Астрахани вонъ «Метла» появилась, смететъ всѣхъ васъ и съ начальствомъ-то вашимъ! Вотъ тогда я посмотрю!..

Антонова донесла на Прасковью Иванаеву по начальству; исправлявшій должность коменданта Яицкаго-городка, войсковой старшина Акутинъ, донесъ Рейнсдорпу объ этомъ 5 марта 1775 года, и оренбургскій губернаторъ приказалъ Иванаеву снова выдрать плетьми, подтвердивъ ей, «что впредь за подобныя слова и разглашенія, по жестокомъ наказаніи, будетъ выслана въ отдаленное мѣсто отъ Уральскаго городка».

Бѣдной неугомонной бабѣ снова пришлось отвѣчать своей спиной за слѣпую преданность Пугачеву, и съ этого раза, она, вѣроятно, присмирѣла, разсудивъ, что, въ концѣ концовъ, «плетью обуха не перешибешь», а своя шкура дороже!..

Относительно памяти объ Устиньѣ Кузнецовой на Уралѣ, существующей и до сихъ поръ, г. Р. Игнатьевъ, въ статьѣ своей объ Устиньѣ, помѣщенной въ первыхъ нумерахъ «Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостей» за нынѣшній годъ, сообщаетъ любопытное свѣдѣніе, что Устинью Кузнецову не только свѣжо помнятъ и до сихъ поръ и сочувствуютъ этой безвременно погибшей красавицѣ, но и «образъ ея лицедѣйствуется въ живыхъ картинахъ» разъѣзжающими по городамъ и селамъ труппами комедіантовъ. Дѣйствіе изображаетъ свадьбу Пугачева на Устиньѣ, невѣсту изображаетъ молоденькая артистка «не жалѣя гримировки» — и представленіе всегда привлекаетъ огромную толпу зрителей, съ любопытствомъ и сочувствіемъ смотрящую на изображеніе своей «народной героини»...

Въ настоящей статьѣ приведены всѣ извѣстныя свѣдѣнія о женщинахъ, непосредственно участвовавшихъ въ Пугачевскомъ возстаніи; передъ читателемъ въ возможной полнотѣ представлено четыре женскихъ типа этой смутнвй эпохи. Какое разнообразіе психологическихъ положеній и какіе любопытные выводы въ этомъ отношеніи можно сдѣлать даже и изъ приведенныхъ отрывочныхъ чертъ!..

А. В. Арсеньевъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ СПА РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

I.

Еще въ XIII-мъ столѣтіи желѣзныя воды въ городкѣ Спа, находящемся въ Бельгіи, въ недальнемъ разстояніи отъ города Льежа, были извѣстны своею цѣлебною силой. Хотя извѣстность ихъ становилась со временемъ все громче въ разныхъ концахъ Европы, но никогда она не достигала такой громкой славы, какъ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, благодаря посѣщенію ихъ Петромъ Великимъ. Европа давно уже знала Петра и дивилась его генію, его дѣяніямъ и побѣдамъ, а потому, распущенная всѣми тогдашними европейскими газетами молва объ исцѣленіи Петра водами Спа отъ тяжкаго недуга—была самою лучшею для нихъ рекламою. Даже спустя почти полтора столѣтія послѣ этого, извѣстный французскій фельетонистъ Жюль-Жаненъ въ своихъ «Les delices de Spa», упомянувъ объ исцѣленіи Петра тамошними водами, воскликнулъ: «Ce-ci est le grand miracle de Spa». Нѣкто Альбенъ Боди, обитатель Спа, воспользовался, въ 1872 году, двухсотлѣтнею годовщиною рожденія Петра, чтобы подновить давнишнюю репутацію водъ Спа, и съ этою цѣлью издалъ въ Брюсселѣ небольшую книжку подъ заглавіемъ: «Pierre le Grand aux eaux de Spa».

Въ самомъ Спа до нынѣ имя Петра сохранилось въ памяти мѣстнаго населенія, и Этьенъ Араго, упоминая, однажды, объ этомъ, замѣтилъ: «Le Czar Pierre est un nom, qu'on apprend à l'enfance». По словамъ другаго французскаго писателя, имя Петра жителямъ Спа гораздо болѣе извѣстно, нежели имена всѣхъ другихъ истори-

ческихъ личностей. Кромѣ г. Боди, свѣдѣнія о пребываніи Петра въ Спа собиралъ къ 1872 году еще и другой французскій писатель, У. Капитонъ, но смерть воспрепятствовала ему окончить и издать свой трудъ. На основаніи всѣхъ упомянутыхъ свѣдѣній, а также и другихъ источниковъ, мы разскажемъ о посѣщеніи Спа русскими государями и разумѣется, намъ придется начать нашъ разсказъ съ Петра Великаго.

Въ 1716 году, Петръ отправился во второе путешествіе по Европѣ Онъ проѣхалъ черезъ Копенгагенъ и Любекъ въ Шверинъ, гдѣ сильно захворала его супруга Екатерина, а потому, онъ отправился одинъ въ Амстердамъ, куда вскорѣ за нимъ пріѣхала и Екатерина. Опасаясь, что, вслѣдствіе переѣздовъ, здоровье ея можетъ разстроиться еще болѣе, онъ безъ нея отправился въ Парижъ, имѣя въ виду проѣхать оттуда въ Спа, для пользованія тамошними водами, по совѣту своего лейбъ-медика Арескина.

Изъ Парижа Петръ выѣхалъ 20-го іюня н. ст. 1717 года. На всемъ пути ему оказывали торжественныя встрѣчи, которыя въ подробностяхъ описываемы были въ тогдашнемъ повременномъ парижскомъ изданіи «Le Mercure historique et politique». Петръ на эти торжественные пріемы не обращалъ, впрочемъ, особаго вниманія, но въ каждомъ городѣ осматривалъ преимущественно все, чтò относилось къ инженерному искусству. Онъ не отказывался, однако, отъ предлагаемыхъ ему угощеній и, что въ особенности замѣчательно,—танцовалъ всюду съ большимъ удовольствіемъ. Наибольшею пышностію отличались встрѣчи, сдѣланныя ему въ Намурѣ. Но не желая быть предметомъ любопытства праздной толпы, онъ просилъ, чтобы пушечные выстрѣлы производились въ честь его только тогда, когда онъ или уже въѣдетъ въ назначенное помѣщеніе, или совсѣмъ выѣдетъ изъ города.

Въ Нидерландахъ, состоявшихъ въ то время подъ властію Габсбурговъ, ему также оказывали чрезвычайный почетъ, но онъ хотѣлъ, чтобы назначенный ему военный конвой состоялъ не болѣе, какъ изъ двѣнадцати всадниковъ, и чтобъ онъ могъ въѣзжать въ города инкогнито. Но такая просьба государя не вполнѣ была удовлетворена, такъ какъ испанско-австрійскій дворъ былъ въ ту пору самымъ ревностнымъ поборникомъ придворнаго этикета, и встрѣча, несоотвѣтствующая достоинству царствующаго государя, — хотя бы и по собственному желанію этого послѣдняго,—показалось бы ему нарушеніемъ основныхъ приличій.

Петру I особенно нравились въ Бельгіи народныя увеселенія и подобія морскихъ битвъ, производимыхъ на рѣчныхъ лодкахъ. Правитель Бельгіи, въ донесеніи своемъ высшей власти о пріѣздѣ царя, сообщалъ, между прочимъ, что лица, пріѣхавшія изъ Россіи съ царемъ, уже лѣтъ десять не видали его такимъ веселымъ, какимъ онъ былъ во время своего пребыванія въ Бельгіи.

II.

Еще въ бытность свою въ Парижѣ, Петръ отправилъ одного изъ своихъ дворянъ въ Бонъ, къ Iосифу-Клименту, принцу Баварскому, считавшемуся въ то время княземъ-епископомъ Льежскимъ, чтобъ извѣстить его о своемъ желанiи провести нѣсколько недѣль въ его владѣнiяхъ. Получивъ такое неожиданное извѣщенiе, его преосвященнѣйшая свѣтлость призамялся: съ одной стороны, ему было очень лестно принять у себя такого знаменитаго гостя, а съ другой — онъ боялся сопряженныхъ съ этимъ хлопотъ и слишкомъ значительныхъ расходовъ. Ему, между прочимъ, было извѣстно, что королю французскому пребыванiе Петра въ Парижѣ обходилось ежедневно до 600 экю. Припугнули его и личностью русскаго государя: ему насказали, что Петръ прихотливъ, сварливъ, своенравенъ и отличается странными, варварскими привычками и что спутники его вовсе не подъ-стать мѣстнымъ жителямъ. При всемъ этомъ, однако, у князя-епископа на первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ о денежныхъ издержкахъ, и онъ, отпустивъ посланца Петра съ уклончиво-дипломатическимъ отвѣтомъ и подаривъ ему свой портретъ въ медальонѣ, осыпанномъ брилліантами, надѣялся, что жители Льежа возьмутъ на себя всѣ издержки по торжественному прiему русскаго царя. Но онъ въ этомъ случаѣ крѣпко обманулся въ своихъ разсчетахъ: вѣрноподданные его епископской свѣтлости отвѣчали, что въ Спа они не могутъ принять царя на свой счетъ, такъ какъ означенный городокъ, по причинѣ существующихъ въ немъ цѣлебныхъ водъ, посѣщается многими владѣтельными персонами, и что поэтому имъ, жителямъ, было бы неудобно заводить такой порядокъ гостепрiимства, потому что тогда слѣдуетъ дѣлать тоже самое и для другихъ государей, а это для нихъ, жителей Спа, будетъ уже слишкомъ накладно.

Въ виду этого, пришлось самому князю-епископу потратиться на прiемъ царя. Онъ отправилъ въ Льежъ своего гофмаршала, графа Вентура, съ своей прислугой и съ домашней рухлядью, а также часть своей конной гвардiи съ трубачами-цимбалистами, нѣсколько каретъ съ запряжкою въ шесть лошадей, драбантовъ, стрѣльцовъ и гайдуковъ; все это помѣстилось въ епископскомъ дворцѣ. Тогда уже церковный капитулъ и городскiя власти постарались и съ своей стороны посодѣйствовать, сколь возможно, наиболѣе блестящему прiему русскаго царя.

Наканунѣ его прiѣзда, городской совѣтъ составилъ депутацiю и снарядилъ городской оркестръ, а духовенство избрало своихъ представителей для встрѣчи Петра въ одномъ изъ городскихъ предмѣстiй, называвшемся Шокье.

Депутація, музыка и представители, помѣстились на большомъ суднѣ, въ сопровожденіи мелкихъ лодокъ, украшенныхъ разноцвѣтными фестонами, гирляндами и лентами. На этихъ лодкахъ ѣхали трубачи, гобоисты и другіе музыканты. Судно, отправившееся изъ Льежа, причалило къ тому судну, на которомъ находился Петръ. Представители депутаціи взошли на него, и льежскій бургомистръ сказалъ царю привѣтственную рѣчь, послѣ чего оба судна поплыли далѣе съ музыкой, при пушечныхъ выстрѣлахъ, а между тѣмъ толпы народа покрывали оба берега рѣки Мёза или Мааса и радостными кликами привѣтствовали высокаго гостя. Петръ вступилъ на городскую землю при звукахъ трубъ и при салютаціонной пальбѣ, а кафедральный каноникъ, послѣ сказанной имъ царю на латинскомъ языкѣ рѣчи, подалъ Петру кредитивную грамоту отъ князя-епископа. Говорились также тутъ рѣчи и на голландскомъ языкѣ, который Петръ зналъ очень хорошо, научившись ему во время своего пребыванія въ Голландіи. Добавимъ здѣсь кстати, что по отзыву его современника, лично его знавшаго, герцога Сенъ-Симона, Петръ хорошо понималъ по-французски и — добавляетъ герцогъ — «если бы царь пожелалъ, то, какъ я думаю, могъ бы говорить на этомъ языкѣ». Но для передачи его отвѣтовъ переводчикомъ служилъ ему русскій посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ. Вѣроятно, Петръ, французскій выговоръ котораго, несомнѣнно, былъ плохъ, не говорилъ по-французски, не желая быть предметомъ насмѣшекъ со стороны французовъ.

Въ назначенное ему въ Льежѣ помѣщеніе, царь поѣхалъ въ парадной каретѣ, запряженной восьмью лошадьми. За каретою ѣхали царскіе дворяне, а за ними—вершники князя-епископа, поѣздъ же открывался отрядомъ его конной гвардіи. Домà въ Льежѣ были убраны флагами, цвѣтами и зеленью, а по обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ слѣдовалъ поѣздъ, были разставлены войска на всемъ пути царя, отъ пристани до епископскаго дворца.

Вскорѣ послѣ его пріѣзда туда, онъ принялъ депутацію, причемъ бургомистры выпили за его здоровье, а послѣ полудня былъ данъ блестящій банкетъ, на который собрались всѣ почетныя лица города.

По окончаніи банкета, царь отправился осматривать городъ. Онъ посѣтилъ каѳедральный соборъ и другія замѣчательныя церкви. Какъ въ Парижѣ Петръ отказался помѣститься въ Луврѣ, такъ точно въ Льежѣ онъ не захотѣлъ жить во дворцѣ и перебрался оттуда въ «Hotel de Lorraine», гдѣ для него и для его свиты былъ приготовленъ графомъ Веентура роскошный ужинъ. При этомъ, на столахъ была разставлена великолѣпная серебряная посуда самого епископа и нѣкоего барона Ванъ-денъ-Штеенъ-де-Егай. Замѣчательно, что баронъ получилъ эту посуду въ наслѣдство, но такъ какъ тогда въ льежскомъ епископствѣ дѣйствовали законы, ограничивавшіе рос-

кошь, то баронъ подлежалъ наказанію и штрафамъ. Однако, князь епископъ смягчилъ въ отношеніи къ нему суровость этихъ законовъ, но съ тѣмъ, чтобы эта посуда была обращена въ родовую собственность бароновъ Ванъ-денъ-Штеенъ на майоратномъ правѣ и чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ владѣтели Льежа имѣли право пользоваться ею при торжественныхъ случаяхъ. Сила такого обязательства дѣйствовала до 1794 года.

Въ день въѣзда Петра въ Льежъ, погода была великолѣпная. Вечеромъ весь городъ былъ блистательно иллюминованъ, и въ добавокъ къ тому, былъ сожженъ на рѣкѣ Мёзѣ прекрасный фейерверкъ при звукахъ музыки, звонѣ колоколовъ и игрѣ курантовъ на городскихъ церквахъ. Пріемъ Петра въ Льежѣ обошелся городу и князю-епископу въ 4.828 тогдашнихъ брабантскихъ флориновъ.

На другой день, рано по утру, Петръ, осмотрѣвъ угольныя копи, выѣхалъ изъ Льежа, встрѣтившаго его съ такимъ радушіемъ. Онъ направился прямо въ Спа, сопровождаемый своею свитой, каѳедральнымъ каноникомъ, однимъ полкомъ конной гвардіи курфирста и отрядомъ льежскаго полка. Отрядъ этотъ не только проводилъ Петра до Спа, но и былъ оставленъ въ Спа на все время пребыванія царя на тамошнихъ водахъ.

III.

Въ ту пору, пути сообщенія въ этихъ мѣстахъ были ужасны, и это чрезвычайно вредило развитію благосостоянія городка Спа, такъ какъ многіе больные, вслѣдствіе неудобнаго переѣзда, не рѣшались туда ѣхать и предпочитали отправляться на ахенскія или другія воды. Только въ 1768 году начали пролагать большую дорогу отъ Льежа къ Спа, и жители этого послѣдняго городка никакъ не могли думать, чтобы къ нимъ по такому скверному пути рѣшился пробраться русскій царь, тѣмъ болѣе, что ходила молва объ его тяжкой болѣзни. Но какъ краснорѣчиво замѣтилъ г. Боди— «завоеватель степей на сѣверѣ и на югѣ своей имперіи не могъ убояться такихъ, собственно для него, ничтожныхъ препятствій».

Спа въ это время былъ ничтожный городокъ, состоявшій всего на всего изъ 300 домовъ, въ числѣ которыхъ бо̀льшая часть была или мазанки, или домишки, построенные изъ дерева. Но и это не могло затруднять Петра, привыкшаго съ странствованію по Россіи и къ военно-походной жизни подъ открытымъ небомъ. Онъ былъ увѣренъ, что всюду найдетъ для себя удобное, хотя бы и самое неприхотливое помѣщеніе. Послѣ труднаго и утомительнаго переѣзда, Спа казалось уже ему мѣстомъ пріятнаго отдохновенія. Такъ какъ тамъ нельзя было имѣть хорошаго вина, то заботливые го-

родскія власти Льежа отправили туда въ извѣстномъ количествѣ стараго рейнскаго вина, которое, по пріѣздѣ Петра въ Спа, и было предложено ему въ видѣ привѣтственнаго тоста.

Петръ, ожидавшій по увѣренію своего лейбъ-медика Арескина, если и не совершеннаго излеченія, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго облегченія своего недуга отъ минеральныхъ водъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Спа, началъ пользоваться ими. По установив-

Главная улица въ Спа въ XVIII столѣтіи.
Съ старинной гравюры.

шемуся съ давнихъ временъ лечебному порядку, онъ на другой же день принялся пить воду изъ источника Пугонъ и употреблялъ ее въ теченіи двухъ дней. Затѣмъ, онъ перешелъ къ водѣ изъ источника Жеронстеръ, которая въ то время употреблялась еще очень рѣдко. Посовѣтовалъ ему пить эту воду врачъ Арескинъ, который предварительно занялся изслѣдованіемъ ея химическаго состава, и вмѣстѣ съ другими, бывшими въ Спа врачами, призналъ, что вода изъ этого источника будетъ всего полезнѣе для царя. Не оставляя своихъ привычекъ, Петръ, живя въ Спа, вставалъ рано утромъ и каждый день отправлялся къ источнику Жерон-

стеръ. Иногда онъ ѣздилъ туда въ каретѣ или въ берлинѣ, иногда верхомъ, но всего чаще въ бричкѣ, запряженной парою лошадей, которыми онъ самъ любилъ править.

Источникъ, указанный врачами царю, былъ самый отдаленный отъ города изъ всѣхъ мѣстныхъ источниковъ, такъ какъ онъ находится отъ него на разстояніи трехъ съ половиною верстъ Такъ какъ Жеронстеръ посѣщали очень рѣдко, то было чрезвычайно трудно добраться до него. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ изъ современниковъ Петра описываетъ тотъ путь, по которому долженъ былъ проѣзжать Петръ: «Дорога была до того дурна, что кареты должны были употреблять на проѣздъ этого пространства около пяти часовъ. Самый путь былъ крайне непріятенъ. Тотчасъ же по выѣздѣ изъ Спа, не было уже никакихъ признаковъ населенія, и можно было думать, что находишься въ пустынѣ. Куда не обратились бы глаза, всюду встрѣчали только пустоту. Всюду были видны только деревья, кусты и глыбы мрамора. Вся дорога была и засыпана, и стиснута или скалами, или большими обломками камней, такъ, что какъ бы ни погоняли лошадей, все-таки онѣ могли двигаться только шагомъ, потому что кучеръ долженъ былъ идти постоянно рядомъ съ ними и направлять ихъ подъ устцы въ опасныхъ мѣстахъ, а также долженъ былъ смотрѣть, чтобъ экипажъ не наѣхалъ на камень».

«Для этого труднаго и узкаго переѣзда имѣлись особыя кареты, нѣчто въ родѣ легкихъ креселъ съ кузовомъ изъ кожи или клеенки, безъ дверецъ и стеколъ. Онѣ устанавливались на дрогахъ съ двумя огромными и прочными колесами. Въ задней части кузова было продѣлано отверстіе, чтобъ въ него можно было наблюдать за поклажей, которую привязывали сзади къ дрогамъ, потому что помѣстить тамъ служителя не было никакой возможности. Въ такой каретѣ нельзя было ѣздить скоро и потому еще, что небыло возможности запрячь двухъ лошадей въ рядъ, а приходилось запрягать ихъ гуськомъ. Въ какую бы то ни было пору, лошади шли всегда одномѣрнымъ шагомъ, и иныя изъ нихъ такъ прекрасно знали дорогу, что въ опасныхъ мѣстахъ ставили ноги въ однѣ и тѣ же выбоины и на тѣ же самыя камни, такъ что въ извѣстныхъ мѣстахъ были уже извѣстны и толчки и встряски».

Возвращаться назадъ было бы удобнѣе верхомъ, но царь предпочиталъ проходить это пространство пѣшкомъ, въ видѣ прогулки. При этомъ условіи, если поѣздка къ источнику была утомительна и однообразна — такъ какъ приходилось постоянно подниматься въ гору — то возвращеніе оттуда было чрезвычайно пріятно, потому что на пути представлялись хотя и дикіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательные виды.

Хотя Петръ и пріѣхалъ въ Спа съ твердымъ намѣреніемъ поправить на цѣлебныхъ его водахъ свое здоровье, изнуренное по

отзывамъ пользовавшихъ его врачей не столько разнаго рода излишествами, сколько утомительными трудами, но тѣмъ не менѣе онъ очень не охотно подчинялся предписаніямъ врачей. Такъ, напримѣръ, онъ иногда выпивалъ чрезмѣрное количество минеральной воды. Льежскій каноникъ де-ла Ней, пріѣхавшій съ нимъ въ Спа, разсказывалъ, что ему однажды случилось видѣть, какъ царь сразу выпилъ двадцать одинъ стаканъ воды изъ источника Пугона и что это не только не подѣйствовало на него дурно, но лишь возбудило въ немъ превосходный аппетитъ. Медицинскій ареопагъ вообще строго запрещалъ больнымъ, пьющимъ воду, ѣсть сырые плоды. Это мнѣніе врачей до такой степени утвердилось, что въ отеляхъ Спа почти никогда не подавали къ десерту фруктовъ. Царь, однако, не придерживался общаго мнѣнія врачей, и встрѣчаются записанныя въ мѣстной медицинской хроникѣ указанія, что онъ тотчасъ же послѣ того, какъ выпивалъ воду, съѣдалъ около шести фунтовъ вишенъ и дюжину фигъ. По отзыву врача, нужно было имѣть необыкновенно крѣпкую натуру, чтобъ не почувствовать печальныхъ послѣдствій такой неосторожной ѣды.

Видно было, что правильное леченіе очень надоѣдало Петру и онъ слишкомъ часто придерживался своего обычнаго образа жизни.

Сохранился чрезвычайно любопытный отчетъ о ежедневномъ времяпрепровожденіи царя. Отчетъ этотъ написанъ въ видѣ письма упомянутаго выше каноника де-ла Ней къ господину де-Пасрà, министру статсъ-секретарю курфирста Кельнскаго, находившемуся тогда въ Бонѣ. Оно помѣчено: Спа, 27-го іюля 1717 года.

«Надобно сказать правду, что этотъ государь, какъ и вообще всѣ московиты—пречудной. Графу д'Аржанто, который долженъ завтра пріѣхать въ Бонъ, будетъ чѣмъ потѣшить его пресвященнѣйшую свѣтлость, разсказывая то, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Но такъ какъ графъ обѣдалъ у царя только по праздникамъ, то мнѣ слѣдуетъ описать его повседневную жизнь.

«Я пріѣхалъ въ Спа въ четвергъ, 22-го іюля, и засталъ царя въ палаткѣ. Я поднесъ ему вазу съ плодами изъ моего сада; онъ мнѣ сдѣлалъ честь, пригласивъ меня отобѣдать съ нимъ, и мнѣ непростительно было бы, если бы я не сообщилъ вамъ всѣхъ подробностей этого обѣда.

«Меня озаботились предупредить, что я буду видѣть повседневный образъ жизни царя.

«Хотя столъ и былъ накрытъ только на восемь кувертовъ, но за него умудрились посадить двѣнадцать человѣкъ. Царь сидѣлъ за обѣдомъ въ ночномъ колпакѣ и безъ галстуха. Два солдата изъ мѣстнаго гарнизона приносили блюда, въ которыхъ ровно ничего не было, но у краевъ ихъ были поставлены глиняныя миски, въ которыя былъ налитъ бульонъ и положенъ кусокъ говядины. Каждый бралъ одну изъ этихъ мисокъ и ставилъ ее такъ далеко, что

нужно было протягивать руку, какъ при военныхъ экзерциціяхъ, для того, чтобы взять ложку бульона. Когда бульонъ былъ съѣденъ, то можно было черпать его изъ миски сосѣда, какъ это и сдѣлалъ его величество относительно своего канцлера. Адмиралу, сидѣвшему противъ Петра Великаго, не хотѣлось ѣсть, и онъ отъ нечего дѣлать развлекался тѣмъ, что грызъ ногти. Вдругъ вошелъ какой-то человѣкъ и почти что кинулъ на столъ шесть бутылокъ вина, не разставивъ ихъ какъ должно. Царь взялъ одну изъ бутылокъ и роздалъ стаканы всѣмъ собесѣдникамъ.

«Канцлеръ, рядомъ съ которымъ я сидѣлъ, замѣтивъ, что я ѣмъ говядину безъ соли — такъ какъ единственная солонка стояла на концѣ стола, ласково сказалъ мнѣ: «если, милостивый государь, вамъ угодно соли, то вы сами должны ее взять». Я, не желая дѣлать видъ стѣсняющаго себя гостя, протянулъ руку къ солонкѣ, стоявшей передъ царемъ и запасся солью на весь обѣдъ.

«Почти всѣ миски были опрокинуты на скатерть, такъ же, какъ и бутылки вина, которыя не были хорошо закупорены. Когда сняли приборы, то скатерть оказалась залитою и запачканою жиромъ.

«Стали подавать второе блюдо. Солдату, который въ это время проходилъ мимо кухни, сунули въ руки на скоро блюдо, и такъ какъ у него были теперь заняты руки, а шапки онъ снять прежде не успѣлъ, то онъ и принялся мотать головой, чтобъ сбросить съ нее шапку. Но царь знакомъ приказалъ ему войти съ шапкой на головѣ. Блюдо это состояло изъ двухъ пластовъ телятины и четырехъ курицъ. Его величество, увидѣвъ одну курицу, которая была жирнѣе прочихъ, взялъ ее рукою, потеръ ею около своего носа, сдѣлалъ мнѣ знакъ, что она хороша, и оказалъ мнѣ свое вниманіе тѣмъ, что бросилъ ее на мою тарелку. Затѣмъ блюдо стали передвигать съ одного конца стола на другой и оно подвигалось безпрепятственно, тѣмъ болѣе, что жирныя пятна облегчали его передвиженіе.

«Затѣмъ, подали десертъ. Онъ состоялъ изъ трехъ бисквитовъ, приготовлявшихся въ ту пору въ Спа. Въ настоящее время производство такихъ бисквитовъ пришло въ упадокъ. Они приготовлялись изъ легкаго тѣста, сдѣланнаго на сливкахъ, яицахъ и маслѣ, и были обсыпаны сахаромъ и корицей. Бисквиты пользовались большою извѣстностію и за предѣлами Спа.

«Наконецъ, встали изъ за стола и царь, подойдя къ окну, взялъ толстые и заржавленные щипчики, чтобы вычистить ими ногти.

«Въ продолженіе всего обѣда, я, чтобъ не расхохотаться, долженъ былъ думать о чемъ нибудь серьезномъ. Я мысленно прочитывалъ мой молитвенникъ и только тогда вспомнилъ, что въ пятницу наѣлся скоромнаго, но это прегрѣшеніе было искуплено самымъ обѣдомъ».

Есть, впрочемъ, и другое, болѣе опредѣленное и, какъ надобно полагать,—болѣе достовѣрное извѣстіе о томъ, какъ продовольствовался въ Спа Петръ Великій. Замѣтку эту оставилъ находившійся съ нимъ въ Спа секретарь его, Черкасовъ. Онъ пишетъ, что государь любилъ самыя простыя кушанья, какъ, напримѣръ, щи, кашу, выпоеннаго молокомъ поросенка, простоквашу, какое нибудь холодное мясо съ приправою изъ корнишоновъ или соленыхъ лимоновъ, ветчину и лимбургскій сыръ, до котораго онъ былъ большой охотникъ. Передъ обѣдомъ онъ выпивалъ немного анисовой водки, а послѣ обѣда пилъ квасъ, красное французское вино и венгерское. Почти то же самое говоритъ въ своихъ «Запискахъ» и герцогъ Сенъ-Симонъ.

Затѣмъ, нѣкто Леувиль, современникъ пребыванія Петра въ Спа, разсказываетъ, что царь обыкновенно былъ воздержанъ и только по временамъ справлялъ оргіи. «Но что касается его свиты — добавляетъ Леувиль — то трудно себѣ представить сколько выпивали лица, ее составлявшія. Между ними, его духовникъ (Надаржинскій) выпивалъ шестнадцать бутылокъ вина, а иной разъ даже и вдвое больше».

IV.

Обстановка Петра въ Спа была крайне незатѣйлива. «Если бы, замѣчаетъ г. Боди, онъ во время своего пребыванія въ этомъ городѣ могъ найти достойныхъ его наблюдателей, то несомнѣнно, что мы имѣли бы много любопытныхъ свѣдѣній объ этомъ великомъ человѣкѣ. Но къ сожалѣнію, во множествѣ извѣстій, напечатанныхъ по поводу пребыванія Петра въ Спа, встрѣчаются только такія мелочи, о которыхъ едва ли даже и стоитъ упоминать».

Укажемъ, впрочемъ, на одно замѣчаніе, сдѣланное о Петрѣ Ж. Е. Леклеромъ, въ сочиненіи этого послѣдняго подъ заглавіемъ: Abrégé de l'histoire de Spa».

Замѣчательно, что упомянутый Леклеръ былъ не только ярымъ республиканцемъ, но и членомъ національнаго конвента, такъ что его уже никакъ нельзя подозрѣвать въ сочувствіи къ высокимъ достоинствамъ монарховъ. Между тѣмъ, Леклеръ говоритъ о Петрѣ слѣдующее:

«Этотъ необыкновенный человѣкъ, этотъ исполинъ XVIII вѣка, который прославляется въ потомствѣ и за побѣды, и за глубину своей политики, за свою правительственную мудрость, за склонность къ наукамъ и за свою жадность къ тѣмъ изъ нихъ, которыя полезны и которыя онъ такъ заботливо распространялъ, за свою неутомимую дѣятельность, за свой творческій умъ, за свою философію—нѣсколько странную, въ которой проявлялась своего рода рѣзкость, чтобъ не сказать московитское варварство—короче, тотъ че-

ловѣкъ, которому не отыщется ни подобнаго, ни равнаго... съумѣлъ пріобрѣсти себѣ славу, насаждая въ своей странѣ зачатки гражданственности».

Вотъ какъ описываетъ Сенъ-Симонъ наружность Петра во время пребыванія его въ Спа:

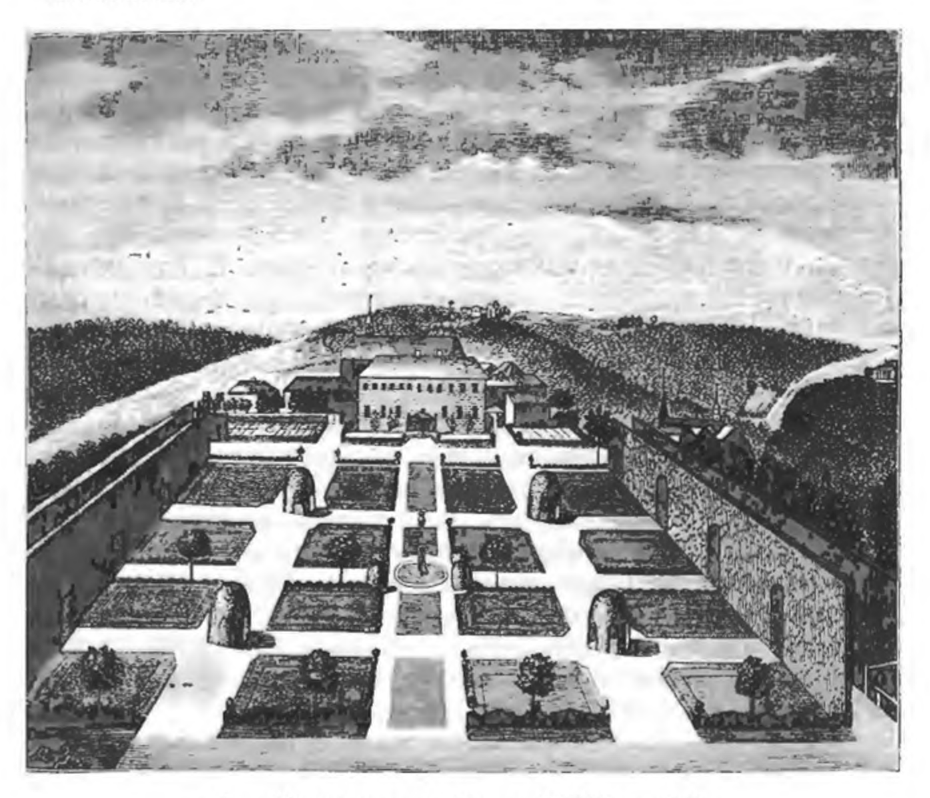
«Онъ очень высокъ ростомъ и очень хорошо сложенъ, довольно худощавъ, лицо у него круглое, высокій лобъ, хорошо очерченныя брови. Носъ у него довольно короткій и плоскій; цвѣтъ лица — красновато-смуглый, губы довольно толстыя; прекрасные, живые, черные и проницательные глаза, взглядъ его величественъ и ласковъ — если онъ пожелаетъ — если же нѣтъ, то строгъ и свирѣпъ. У него не очень часто повторялось нервное подергиваніе, которое искажало его глаза и все лицо и дѣлало его ужаснымъ. Это продолжалось одинъ лишь моментъ, и тогда взглядъ его становился блуждающимъ и страшнымъ. Вся его наружность выражала умъ, подвижность и величіе, съ прибавкою къ этому и пріятности. Онъ носилъ только полотняный воротничекъ, круглый, безъ пудры, парикъ, локоны котораго не спускались до плечъ, зеленый, безъ шитья, кафтанъ съ золотыми пуговицами, камзолъ и панталоны, плотно обхватывавшія ноги. Онъ не надѣвалъ никогда ни перчатокъ, ни маншетъ, на кафтанѣ у него была орденская звѣзда, а подъ кафтаномъ лента. Кафтанъ его очень часто былъ растегнутъ на-распашку, шляпа была на столѣ, а не на головѣ, и онъ зачастую выходилъ безъ нея. Не смотря на плохой экипажъ и на плохую обстановку, въ немъ все-таки можно было подмѣтить прирожденное ему величіе».

Въ Спа при Петрѣ находилась его собственная свита, состоявшая изъ сорока человѣкъ; въ числѣ ихъ было до двѣнадцати лицъ, знатныхъ или по рожденію, или по занимаемымъ ими должностямъ. Такими лицами были: князь Куракинъ, посланникъ его въ Парижѣ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, посолъ въ Турціи, тайный совѣтникъ Толстой, капитанъ Румянцовъ, лейбъ-медикъ Арескинъ и секретарь государя, Черкасовъ. Личная прислуга Петра состояла изъ одного камердинера и ливрейнаго лакея. Ученость каноника дела Ней, его веселость и его оживленный разговоръ чрезвычайно нравились государю, и изъ всѣхъ лицъ, назначенныхъ состоять при немъ въ Спа, онъ удержалъ только де-ла Ней и господина Сіанена, шталмейстера князя-епископа.

Пренебрегая пышностію обстановки, Петръ согласился, однако, принять, въ видѣ назначеннаго для него почетнаго конвоя, только небольшой отрядъ отъ войскъ князя-епископа, состоявшій изъ пѣхоты и конницы въ числѣ 200 человѣкъ и 70 коней. Графъ Аржанто командовалъ этимъ отрядомъ. Собственно же при царѣ было только четыре выбранныхъ гайдука.

Находившіяся при Петрѣ лица не могли размѣститься всѣ въ домахъ такого небольшаго въ ту пору городка, какимъ былъ Спа,

и для нихъ были выстроены особые бараки. Самъ Петръ не желалъ жить въ назначенномъ ему помѣщеніи и цѣлые дни проводилъ въ простой палаткѣ, разбитой, по его приказанію, на городской площади, которая еще и до сихъ поръ носитъ его имя. Петръ, привыкшій вести жизнь простую, былъ врагъ всякихъ удобствъ, и въ Спа сидѣніемъ ему служилъ только простой деревянный стулъ, который, послѣ его отъѣзда, показывали, какъ особую достопримѣчательность.



Садъ Капуциновъ въ Спа въ XVIII столѣтіи.
Съ старинной гравюры.

Пребываніе Петра въ Спа привлекло туда множество посторонних людей. Въ Спа являлись жители сосѣднихъ городовъ—Льежа и Вервье, чтобы только вглянуть на царя и, возвращаясь, удивлялялись его простотѣ и обходительности. Каждое воскресенье сходились въ Спа и окрестные поселяне, и нерѣдко случалось, что государь разговаривалъ съ ними. «Царь — писалъ посѣтившій въ 1740 году Спа баронъ Пельницъ — пользуется здѣсь до сихъ поръ чрезвычайнымъ уваженіемъ, и никто о немъ не можетъ сказать ничего дурнаго».

Не любя выставлять себя передъ другими, Петръ желалъ, чтобы его принимали какъ обыкновеннаго «boblin», т. е. за простаго смертнаго, прiѣхавшаго лечиться на воды. Въ Спа онъ носилъ то же самое платье, въ какомъ ходилъ и въ Парижѣ, и не надѣвалъ никакихъ знаковъ отличiя. Онъ строго сообразовался со всѣми установившимися въ Спа обычаями, и чтобы показать примѣръ повиновенiя мѣстнымъ властямъ, не носилъ шпаги какъ и всѣ тамошнiе жители.

По разсказамъ современниковъ, Петръ большую часть времени употреблялъ на прогулки. Онъ былъ неутомимый пѣшеходъ, и надобно полагать, что вслѣдствiе усиленной ходьбы воды благотворно подѣйствовали на него. Извѣстно, что при употребленiи водъ въ Спа, врачи предписываютъ ходьбу, верховую ѣзду и вообще жизнь на открытомъ воздухѣ. Петръ посѣтилъ всѣ источники, находящiеся въ Спа и около него. Хотя уже и въ ту пору прiѣзжавшiе на воды любили по цѣлымъ суткамъ дуться въ карты, Петръ никогда не принималъ участiя въ этомъ развлеченiи. Иногда, въ свободное время, онъ игралъ только въ шахматы съ своимъ шутомъ.

Извѣстно, что Петръ I, какъ и внукъ его Петръ III, никогда не ѣлъ рыбы и никогда не развлекался ни охотой, ни рыбной ловлей. Между тѣмъ, какъ разсказываетъ О. Скварръ, въ Спа показывали около той части рѣки, гдѣ водятся превосходныя форели, мѣсто, на которомъ будто владѣлецъ этого прибрежья, Ксофле, захватилъ Петра на ловлѣ форелей, которыхъ онъ ходилъ удить каждое утро. Потерпѣвшiй отъ царя мнимые убытки Ксофле не только былъ щедро вознагражденъ государемъ, но и быстро разжился, начавъ продавать форели, будто бы пойманные русскимъ царемъ. Въ справедливости этого разсказа приходится сомнѣваться и должно предполагать, что Ксофле, захвативъ кого нибудь изъ царской свиты на недозволенной ловлѣ, только для пущей важности разгласилъ, что этотъ рыболовъ былъ русскiй царь.

Въ дурную погоду, когда нельзя было пускаться на прогулку, царь, самъ превосходный токарь, посѣщалъ бывшiя тогда въ Спа токарныя мастерскiя и мастерскiя живописцевъ по лаку, и по-долгу оставался тамъ. Въ ту пору мѣстные токари пользовались большою извѣстностiю; они были настоящiе художники и производства ихъ до нынѣ считаются чудесами своего рода. Царь, по разсказамъ барона Пёльница, очень охотно принималъ участiе въ работахъ и накупилъ въ Спа множество бездѣлушекъ. Онъ очень желалъ и любопытствовалъ ознакомиться съ способами выдѣлки художественныхъ издѣлiй.

V.

Оцѣнивъ цѣлебную силу минеральныхъ водъ, Петръ, по возвращеніи изъ Спа въ Россію, обратилъ вниманіе на источники минеральныхъ водъ, находившіеся въ его владѣніяхъ. Узнавъ, что около деревни Бовигова, въ окрестностяхъ Олонца, существуетъ желѣзный источникъ, онъ приказалъ Арескину произвести химическій анализъ тамошней воды и затѣмъ, предложивъ своимъ вельможамъ пользоваться этими водами, приказалъ выстроить въ этихъ мѣстахъ церковь и помѣщенія для жилья, и чтобы придать этимъ водамъ извѣстность, онъ самъ съ Екатериною и со вдовствующею герцогинею курляндскою, Анной Ивановной, отправился туда въ 1719 году. Изъ этого Бовигова онъ хотѣлъ сдѣлать подобіе Спа и потому завелъ тамъ мастерскія для токарей и лакировщиковъ. Замѣчательно, что примѣру, поданному Петромъ, захотѣли слѣдовать и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и даже на Антильскихъ островахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ стали также устроивать свои Спа, тоже съ токарями и лакировщиками, гдѣ къ такому устройству представлялся поводъ по имѣнію минеральныхъ водъ; но ни одному изъ этихъ учрежденій не привелось достигнуть такого важнаго значенія, какое выпало на долю Спа.

Въ томъ же 1719 году, когда Петръ поѣхалъ въ Олонецъ, онъ отправилъ доктора Шробера на Терекъ, на Кавказъ, для изслѣдованія тамошныхъ цѣлебныхъ водъ.

Во время своего пребыванія въ Спа, Петръ не переставалъ заниматься политическими дѣлами. Послы его при иностранныхъ дворахъ сообщали ему не только о всѣхъ важныхъ событіяхъ, но и о всякихъ случаяхъ, имѣвшихъ какое либо значеніе. Важнѣйшимъ дѣломъ, которымъ занимался Петръ, живя въ Спа, былъ вопросъ о соединеніи церквей, восточной и западной. Въ бытность его въ Парижѣ, ученые представители Сорбоны предложили ему устроить такое соединеніе, а въ Спа они прислали ему составленную ими относительно этого вопроса записку. Спа замѣчательно еще и тѣмъ, что, незадолго до отъѣзда, Петръ написалъ укрывшемуся отъ него въ Неаполь своему сыну, царевичу Алексѣю, письмо, съ которымъ, 17-го іюля 1717 года, и поѣхали изъ Спа къ Алексѣю Толстой и Румянцовъ.

Петръ, пробывъ въ Спа около мѣсяца, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и предположилъ уѣхать оттуда. Онъ пригласилъ къ себѣ представителей городскаго управленія а также и состоявшій при немъ военный отрядъ отъ войскъ князя-епископа. Черезъ Куракина онъ благодарилъ всѣхъ за оказанное ему гостепріимство, роздалъ медали членамъ городскаго управленія, а войско наградилъ деньгами. Де-ла Ней, разсказывая объ этомъ, оканчи-

ваетъ свое ранѣе упомянутое письмо слѣдующими строками: «государь оказалъ мнѣ свое вниманіе, подаривъ двѣ золотыя медали, стоимостью каждая въ десять луидоровъ. Онѣ очень хорошо вычеканены и на одной изъ нихъ изображено взятіе Нарвы и Эльбинга, а на другой — бюстъ царя, быть можетъ, самый схожій».

Вечеромъ, передъ своимъ отъѣздомъ, Петръ пригласилъ на банкетъ главныя мѣстныя власти. Хотя Петръ и избѣгалъ общественныхъ увеселеній, устроиваемыхъ городомъ въ честь его, но наканунѣ своего отъѣзда онъ уклонился отъ этого правила. Около восьми часовъ вечера, на окрестныхъ холмахъ, облегающихъ Спа, были зажжены большіе костры, а взрывы фугасовъ разразились перекатистымъ эхомъ изъ двадцати различныхъ мѣстъ. Оркестръ музыкантовъ, игравшихъ на рогахъ, флейтахъ и трубахъ, и находившійся на скалахъ, гремѣлъ въ продолженіе цѣлой ночи. Около источника и крыльца горѣли тысячами разноцвѣтныхъ огней построенныя на скоро пирамиды, а на рынкѣ, передъ домомъ, занятымъ царемъ, явились крестьяне съ пылавшими огнемъ горшками, прикрѣпленными къ высокимъ шестамъ; крестьяне привѣтствовали царя радостными кликами.

Петръ, прежде чѣмъ уѣхать изъ Спа, захотѣлъ оставить этому городку, если не памятникъ, достойный великаго монарха, то хоть память, которая указывала бы пріѣзжавшимъ на воды больнымъ ту пользу, какую онѣ принесли ему. Онъ приказалъ, чтобъ въ воспоминаніе о пребываніи его въ Спа поставлена была мраморная доска, а по просьбѣ городскаго управленія поручилъ своему лейбъ-медику Арескину выдать удостовѣреніе, что онъ, Петръ, былъ обязанъ здѣшнимъ водамъ своимъ изцѣленіемъ.

Упомянутое удостовѣреніе гласило слѣдующее:

«Я, нижеподписавшійся, тайный совѣтникъ и первый медикъ его величества, царя всероссійскаго, удостовѣряю симъ, что его величество, при значительной потери аппетита и при ослабленіи желудочныхъ фибръ, при опухоли въ ногахъ и при бывшихъ по временамъ жолчныхъ коликахъ, и при блѣдности въ лицѣ, пріѣхалъ въ Спа, чтобъ пользоваться здѣшними минеральными водами. Я свидѣтельствую о той пользѣ, какую онъ извлекъ изъ этого леченія, съ каждымъ днемъ поправляясь все болѣе и болѣе. Онъ ежедневно отправлялся въ Жеронстеръ, отстоящій отсюда на три мили, зная очень хорошо, что эти воды бываютъ несравненно полезнѣе, если ихъ не приносятъ, а пьютъ на мѣстѣ. Наконецъ, хотя его величество и лечился другими водами въ разныхъ мѣстахъ, но онъ не нашелъ никакихъ водъ, которыя на него подѣйствовали лучше, чѣмъ воды въ Спа. Дано въ Спа. 24-го іюля 1717 года.

«Р. Арескинъ».

Съ своей стороны, одинъ изъ извѣстныхъ врачей-писателей, описывая воды въ Спа, прибавляетъ: «очевидно, что у царя была лев-

ко-флегмазія, которая могла бы поразить весь организмъ и обратиться въ водяную». Выпрашивая такое свидѣтельство отъ царя, представители города не обманулись въ своихъ разсчетахъ на то, что оно доставитъ имъ большія выгоды и что оно скорѣе всего увѣковѣчитъ воспоминаніе о пребываніи русскаго царя въ Спа.

Государь выѣхалъ 25-го іюня. Онъ обѣдалъ въ Лимбургѣ, а къ вечеру прибылъ въ Ахенъ. Здѣсь уже были предувѣдомлены объ его прибытіи, и въ честь его была устроена великолѣпная

Минеральный источникъ близъ Спа въ XVIII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

встрѣча. Отрядъ юлихъ-клевской кавалеріи, подъ начальствомъ полковника Фольвиля, прибылъ въ Ахенъ утромъ 25-го іюля. Правитель княжества Юлихъ-Клевскаго, баронъ Гакстгаузенъ, начальствовалъ надъ другимъ отрядомъ, пришедшемъ со стороны Лимбурга. Отсюда баронъ отправился въ Лонтценъ, гдѣ обѣдалъ царь, и предложилъ ему почетную эскорту. Петра встрѣтили на границѣ при играніи на трубахъ и при битіи въ литавры, а въ Ахенъ въѣхалъ онъ при громѣ пушекъ. На другой день Петръ посѣтилъ купальни и соборъ, въ которомъ короновались императоры римско-

нѣмецкіе, и гдѣ съ благоговѣніемъ приложился къ главнымъ мощамъ, а затѣмъ поѣхалъ на обѣдъ, приготовленный для него въ городской ратушѣ. 27-го іюля, въ день его отъѣзда, ему были возданы тѣ же самыя почести. Изъ Ахена онъ отправился въ Мастрихтъ. Здѣсь, послѣ торжественной, оказанной ему встрѣчи, онъ осматривалъ грозныя для того времени укрѣпленія этой голландской крѣпости. Вечеромъ онъ былъ въ театрѣ, гдѣ давали трагедію Корнеля «Горацій». Дирекція театра замедлила нарочно началомъ представленія, въ ожиданіи, что, быть можетъ, пріѣдетъ царь, и такое ожиданіе исполнилось. Послѣ спектакля были концерты, вокальный и инструментальный, а въ заключеніе и балетъ. На слѣдующій день, на рѣкѣ Маасѣ было примѣрное нападеніе судовъ на крѣпость, построенную посрединѣ рѣки.

Изъ Мастрихта царь отправился въ Амстердамъ, гдѣ его ожидала царица, съ которою онъ и возвратился въ Россію, озабоченный дѣломъ царевича Алексѣя.

«Посѣщеніе нашего города Петромъ Великимъ — говоритъ г. Боди — составляетъ въ лѣтописяхъ Спа памятную на вѣки эпоху. Дѣйствительно, пребываніе тамъ русскаго царя, молва объ его исцѣленіи, похвалы, которыя онъ публично воздавалъ тамошнимъ минеральнымъ источникамъ, отозвались крайне благопріятно и много способствовали благосостоянію нашего города. Каждый былъ пораженъ удивленіемъ, слыша, что эти воды сохранили дни человѣка, драгоцѣннаго для всей Европы. Съ тѣхъ поръ онѣ взяли верхъ надъ своими соперницами. Каждый годъ былъ для нихъ годомъ новаго торжества, и если Вольтеръ могъ сказать, что «въ Россіи все обязано Петру Великому», то мы смѣло можемъ утверждать, «что Спа многимъ обязано царю».

Уже въ сезонъ 1717 и 1718 годовъ былъ замѣтенъ значительный приливъ иностранцевъ. Источникъ Жеронстеръ, который почти не былъ прежде посѣщаемъ, сдѣлался теперь настоящею цѣлью странствованія. Онъ былъ впервые открытъ въ 1580 году и получилъ нѣкоторую извѣстность около 1612 года. Вслѣдствіе землетрясенія, бывшаго въ 1692 году, онъ измѣнилъ мѣсто первоначальнаго нахожденія.

VI.

Что касается памятника, относительно пребыванія Петра Великаго въ Спа, то онъ представляетъ простую мраморную доску съ латинскою велерѣчивою надписью, въ составленіи которой, разумѣется, Петръ Великій, не любившій ни лести, ни напыщенныхъ похвалъ, не принималъ ни малѣйшаго участія. Означенная надпись, составленная на латинскомъ языкѣ, гласитъ слѣдующее:

«Петръ I Божію милостію Императоръ Всероссійскій,
Благочестивый, благополучный и непобѣдимый
Востановитель воинской дисциплины,
Создатель всѣхъ наукъ и искусствъ въ своемъ государствѣ,
Учредившій собственнымъ своимъ геніемъ
Страшную морскую силу,
Значительно увеличившій свои войска
И упрочившій, даже во время жестокой войны, безопасность
Своихъ наслѣдственныхъ и завоеванныхъ земель,
Предпринялъ путешествіе въ чужія страны,
И, изучивъ нравы различныхъ европейскихъ народовъ,
Отправился черезъ Францію, Намуръ и Льежъ, па воды въ Спа,
Какъ въ мѣсто своего спасенья.
Тамъ онъ пилъ чрезвычайно цѣлебныя воды,
Преимущественно изъ источника Жеронстеръ;
Этимъ онъ совершенно возстановилъ и свои силы, и свое здоровье,
Въ 1717 году, въ 23 день іюля.
Послѣ того онъ проѣхалъ черезъ Голландію
И, возвратившись въ свое государство,
Приказалъ помѣстить здѣсь
Этотъ памятникъ своей высокой признательности,
Въ 1718 году.

Доска эта была украшена императорско-русскимъ гербомъ, сдѣланнымъ барельефомъ изъ алебастра. На отдѣлку этого памятника, заготовленнаго въ Амстердамѣ, былъ употребленъ мраморъ различныхъ цвѣтовъ. Разумѣется, что городское управленіе не замедлило извлечь для города выгоды какъ изъ свидѣтельства, такъ равно и изъ памятника. Оно воспользовалось и тѣмъ, и другимъ, чтобъ въ современныхъ изданіяхъ обратить вниманіе всей Европы на то цѣлебное сокровище, которымъ обладаетъ Спа, и въ тамошнемъ городскомъ архивѣ находится не мало относящихся къ тому указаній.

Изъ хвалителей Спа выступилъ, между прочимъ, одинъ мѣстный аптекарь Сальптеръ, написавшій для напечатанія въ газетахъ слѣдующую статью:

«Его царское величество, пившій прошлое лѣто воды изъ Жеронстерскаго источника Спа, по причинѣ весьма значительныхъ недуговъ, нашелъ здѣсь не только облегченіе отъ нихъ, но и здоровье его настолько укрѣпилось, что онъ прислалъ великолѣпный памятникъ съ надписью золотыми буквами и съ гербомъ, какъ вѣчный знакъ тѣхъ превосходныхъ свойствъ и того благотворнаго дѣйствія, какія онъ нашелъ въ этихъ водахъ, послѣ того, какъ тщетно употреблялъ множество другихъ лекарствъ и минеральныхъ водъ».

Къ этому аптекарь-рекламистъ прибавлялъ, что многіе находятъ нужнымъ издать особую книжку и награвировать надпись, съ цѣлью распространить эту книжку въ чужихъ странахъ, тѣмъ болѣе, что

и свидѣтельство, полученное отъ царя, содержитъ въ себѣ удивительныя похвалы.

Послѣ различныхъ соображеній, положено было напечатать въ громадномъ числѣ экземпляровъ особую книжку, которая и явилась подъ заглавіемъ: «Discription du magnifique present, que Sa Majesté l'Empereur de la Grande Russie a fait au Magistrat de Spa en reconnaissance de ce que par la vertu de ses Eaux il a obtenu l'entier recouvrement de sa santé en 1717». Въ эту же книжку внесено удостовѣреніе Арескина и разсказанъ способъ леченія Петра минеральными водами.

Доставленіе доски изъ Амстердама возбудило вопросъ, гдѣ помѣстить ее. Одни предполагали вдѣлать ее въ стѣну монастыря капуциновъ, стоявшаго по дорогѣ въ Жеронстеръ и извѣстнаго своимъ прекраснымъ садомъ, который въ прежнее время былъ единственнымъ мѣстомъ гулянья для городскаго населенія и для пріѣзжихъ въ Спа. Неудобство же этого сада состояло въ томъ, что въ немъ не было тѣнистыхъ аллей, и что самыя аллеи сдѣлались узки при значительномъ скопленіи гуляющихъ. Другіе же полагали установить доску на рыночной площади, а такъ какъ въ это время при источникѣ Пугонъ существовалъ уже небольшой курзалъ, то и рѣшено было вдѣлать доску въ фронтисписъ этого зданія, сдѣлавъ вокругъ доски украшеніе изъ мрамора и алебастра.

Когда же началась французская революція и преслѣдованіе всего, что носило на себѣ отпечатокъ монархіи и феодализма, какъ, напримѣръ, гербовъ, то бургомистръ города Спа, опасаясь, что существовавшій тамъ памятникъ въ честь русскаго государя, можетъ подвергнуться разрушенію, велѣлъ снять ночью доску и запряталъ ее на сѣновалъ. Но впослѣдствіи она была вставлена на прежнее мѣсто. Затѣмъ, когда послѣ Аустерлицкаго сраженія произошелъ новый разрывъ между Россіею и Франціею, то префектъ того департамента, въ составъ котораго — по присоединеніи Бельгіи къ Франціи — входилъ городъ Спа, потребовалъ отъ тамошняго мэра объясненій относительно значенія памятника и содержанія сдѣланной на немъ надписи, приказавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ памятникъ этотъ былъ убранъ. Мэръ, однако, не уступилъ безпрекословно своему начальству, но попытался защитить этотъ дорогой для жителей памятникъ въ слѣдующемъ письмѣ, отправленномъ къ префекту:

«Русскій гербъ, который въ 1718 году былъ поставленъ на фронтописѣ залы у Пугона въ Спа, а не надъ этимъ источникомъ, ни что иное, какъ только памятникъ Петра Великаго, русскаго императора, доставленный сюда въ 1717 году, послѣ его отъѣзда въ свое государство. Онъ возвѣщаетъ каждому, что отягченный недугами найдетъ изцѣленіе въ этомъ чудномъ источникѣ. Такое засвидѣтельствованіе признательности великимъ человѣкомъ состав-

ляетъ гордость Спа, и при семъ я сообщаю вамъ для свѣдѣнія надпись, сдѣланную подъ гербомъ. Никогда, господинъ префектъ, не смотрѣли у насъ на этотъ гербъ иначе, какъ лишь на памятникъ, свидѣтельствующій о цѣлительной силѣ нашихъ водъ. Хотя во время революціи гербъ и былъ снятъ, но доска оставалась. Гербъ же былъ снятъ въ виду того, чтобы какой нибудь злонамѣренный человѣкъ не задумалъ уничтожить его. Источникъ Гросбекъ въ Совньерѣ до сихъ поръ украшенъ гербомъ Гросбековъ, возстановившихъ этотъ источникъ, и никто не обращаетъ на это вниманія. Во всѣхъ странахъ уважаютъ памятники старины, а па-

Источникъ «Крапо» въ Спа.
Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

мятникъ, существующій въ Спа съ 1718 года, какъ подарокъ, сдѣланный городской общинѣ, былъ всегда охраняемъ, насколько это было возможно. Когда я возстановилъ гербъ надъ надписью, я никакъ не думалъ, чтобъ возгорѣлась война между французскою имперіею и Россіей. Г. Новосильцевъ былъ между воюющими сторонами вѣстникомъ мира, но случилось иное. Никакого распоряженія о снятіи герба сдѣлано не было. Но по приказанію вашему онъ будетъ снятъ. Спа, однако, дорожитъ имъ, какъ воспоминаніемъ о пребываніи въ этомъ городѣ императора, сдѣлавшаго такой подарокъ въ знакъ признательности за возстановленіе его здоровья на здѣшнихъ минеральныхъ водахъ».

Наконецъ, въ 1815 году медальонъ съ русскимъ гербомъ былъ возстановленъ снова.

VII.

Спустя шестьдесятъ пять лѣтъ, послѣ пребыванія въ Спа Петра Великаго, городъ этотъ, въ 1788 году, посѣтилъ будущій императоръ всероссійскій, тогда еще великій князь и наслѣдникъ престола, Павелъ Петровичъ, съ своею супругою, великою княгинею Маріею Ѳеодоровной. Они путешествовали по Европѣ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. Разумѣется, что между этимъ и предшествовавшимъ посѣщеніями была громадная разница. Не говоря уже о томъ, что Петръ былъ царствующимъ государемъ, онъ лично на столько прославился своими дѣяніями и подвигами, что служилъ удивленіемъ всей Европы, тогда какъ великій князь Павелъ Петровичъ былъ только знаменитою особою по своему высокому положенію, безъ всякихъ доблестей въ глазахъ иностранцевъ. Сверхъ того, Петръ пріѣзжалъ лечиться въ Спа и относительно прожилъ въ немъ довольно долго, тогда какъ Павелъ Петровичъ заѣзжалъ туда, собственно, по пути и оставался здѣсь всего лишь два дня. Великаго князя сопровождали въ Спа: генералъ-аншефъ Н. И. Салтыковъ, камергеръ князь Куракинъ, — внукъ Куракина, бывшаго въ Спа съ Петромъ Великимъ, — князь Трубецкой и лейбъ-медикъ великаго князя, Крузъ.

Въ Спа великій князь нашелъ блестящее собраніе лицъ, извѣстныхъ или своею ученостью, или занимавшихъ высокое положеніе въ обществѣ. Здѣсь были: Фонтенель, Соссюръ и знаменитый основатель теоріи и практики животнаго магнетизма, Месмеръ. Представителями высшаго общества, сверхъ эрцгерцогини австрійской, Маріи-Христины, и ея мужа, герцога Саксенъ-Тешенскаго, были: принцесса Гессъ-Рейнфельская, герцогъ и герцогиня Глочестеръ, графъ Монтекукули, архіепископъ и папскій нунцій и епископъ шартрскій, а изъ русскихъ — князь и княгиня Гагарины и князь Вяземскій.

Въ самый день своего пріѣзда, великій князь осмотрѣлъ памятникъ Петра Великаго, при чемъ видъ его былъ срисованъ однимъ изъ придворныхъ, сопровождавшимъ великаго князя. Вечеромъ въ «редутѣ» былъ данъ блестящій балъ въ честь высокихъ посѣтителей, а на другой день эрцгерцогиня сдѣлала великолѣпный завтракъ, на который приглашены были всѣ, находившіяся въ Спа «знатныя персоны». Вечеромъ, въ тотъ же день, графъ и графиня Сѣверные находились въ спектаклѣ, во время котораго одинъ изъ актеровъ, выйдя на сцену, пропѣлъ въ честь прибывшихъ въ Спа графа и графини Сѣверныхъ стихи. Въ стихахъ этихъ, сообразно комплиментарности той поры, говорилось, что теперь нѣтъ розы на Паѳосѣ и нѣтъ лиліи на Цитерѣ, что теперь въ Спа находятся и богиня красоты, и богъ войны, что Олимпъ

унылъ и недоволенъ, завидуя этому городу, въ который подъ крыльями Амура, прибыли Венера и Марсъ и т. п.

Въ 1818 году, въ то время, когда Европа прославляла императора Александра Павловича, какъ своего безкорыстнаго и великодушнаго освободителя, онъ посѣтилъ Спа. Понятно, что его встрѣтили здѣсь съ бо́льшимъ торжествомъ, чѣмъ его отца, и съ шумнымъ выраженіемъ восторга, болѣе или менѣе искренняго. Онъ проѣхалъ въ Спа послѣ распущенія Ахенскаго конгреса съ генераломъ Чернышевымъ — впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ — и съ графомъ Шуваловымъ. При немъ находился также и великій князь Михаилъ Павловичъ. По поводу этого пріѣзда нужно замѣтить слѣдующія особенности. Во время пребыванія Петра Великаго въ Спа, тамъ не было ни одной знаменитости, но онъ самъ былъ знаменитъ на столько, что затемнилъ бы каждую, бывшую съ нимъ рядомъ, другую знаменитость. При посѣщеніи Спа императоромъ Павломъ, тамъ если и не находились дѣйствительныя знаменитости, то все-таки были хоть крупныя извѣстности, и притомъ двѣ изъ нихъ—Фонтенель и Соссюръ—изъ ученаго міра. При Александрѣ I, въ Спа собралось столько высокопоставленныхъ лицъ, сколько не бывало ихъ тамъ прежде. Въ Спа тогда находились: король прусскій, принцъ прусскій, Фридрихъ, принцъ и принцесса Оранскіе, принцъ Карлъ прусскій герцогъ и герцогиня Кумберландскіе, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, герцогъ Веллингтонъ, лордъ Кастельре и многіе другіе замѣтные политическіе дѣятели той поры.

Разумѣется, что императоръ Александръ Павловичъ, помѣстившійся въ Спа въ гостинницѣ «Чернаго Льва», осмотрѣлъ все, что̀ относилось къ пребыванію Петра Великаго въ этомъ городѣ. Затѣмъ, кромѣ пропѣтыхъ на театральной сценѣ въ честь русскаго государя французскихъ куплетовъ — въ которыхъ сравнивали его съ королемъ французскимъ Генрихомъ IV и превозносили, какъ миротворца — отъ пребыванія его въ Спа не осталось никакихъ воспоминаній.

Спустя послѣ этого три года, т. е. въ 1821 году, въ Спа пріѣхалъ будущій русскій императоръ, а тогда еще великій князь, Николай Павловичъ, съ своею супругою, Александрою Ѳеодоровною. Въ эту пору здѣсь набралось столько высокихъ особъ, что онѣ едва могли размѣститься по отелямъ и частнымъ квартирамъ. Здѣсь были: король и королева нидерландскіе, принцъ Фридрихъ и принцеса Маріана нидерландскіе же, король прусскій и принцы прусскіе: Вильгельмъ — нынѣшній императоръ германскій — и недавно умершій братъ его, Фридрихъ, король виртембергскій — подъ именемъ графа Тека, — наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій и герцогъ Нассаускій. На балѣ, данномъ королевою нидерландскою,

присутствовали между прочимъ: три короля и четырнадцать принцевъ и принцессъ королевской крови.

Николай Павловичъ стоялъ въ гостинницѣ «Ville Anvers». Онъ много гулялъ по живописнымъ окрестностямъ Спа, но еще болѣе разъѣзжалъ по нимъ на вывезенныхъ для него изъ Россіи за границу дрожкахъ, запряженныхъ парою лошадей, изъ которыхъ одна была бѣлой, а другая черной масти. Иностранцы удивлялись и экипажу, и длиннобородому, одѣтому по русски, кучеру, и той ловкости, съ какою онъ правилъ лошадьми въ такой упряжи, какъ наша, такъ называемая «пристяжка». Мѣстные живописцы - лакировщики во множествѣ экземпляровъ рисовали экипажъ и упряжь великаго князя, и эти рисунки быстро распродавались въ громадномъ количествѣ. Самъ Николай Павловичъ обратилъ особенное вниманіе на производство въ Спа лакированныхъ издѣлій и—какъ сообщаетъ г. Боди—рисовалъ очень хорошо.

Въ 1856 году, А. Н. Демидовъ, имѣвшій у себя превосходный бюстъ Петра Великаго, работы извѣстнаго берлинскаго скульптора Рауха, подарилъ его — по совѣту извѣстнаго французскаго писателя Жюль-Жанена — городу Спа. Бюстъ этотъ былъ поставленъ въ колонадѣ залы, выстроенной королевой нидерландскою, Анной Павловной, а городское управлніе предоставило за него званіе гражданина Спа художнику Рауху. Бюстъ былъ поставленъ на гранитномъ пьедесталѣ, напротивъ источника Пугонъ, а сдѣланная на немъ по французски надпись гласитъ, что памятникъ этотъ сооруженъ въ честь царя Петра Великаго и въ память его пребыванія въ Спа въ 1717 году. Памятникъ, устроенный Демидовымъ, былъ открытъ въ 1865 году съ большою торжественностію.

Въ 1872 году, 11-го іюня н. с. была отпразднована въ Спа двухсотлѣтняя годовщина Петра Великаго. Надпись на зданіи и бюстъ Петра были украшены зеленью и цвѣтами, а музыка исполняла разныя пьесы на русскіе мотивы. Торжество это сопровождалось благимъ дѣломъ: въ Спа были собраны по подпискѣ пожертвованія на русскія школы, и, конечно, устроители этого празднества не могли ничѣмъ болѣе достойно почтить память Великаго Преобразователя Россіи.

К. Н. В.

ЗАПИСКИ ВАНЪ-ГАЛЕНА [1].

II.

Рѣшеніе Ванъ-Галена поступить въ русскую службу. — Путешествіе въ Россію. — Петербургъ. — Князь П. М. Волконскій. — Графъ Румянцевъ. — Генералъ Бетанкуръ. — Критическое положеніе. — Вниманіе русскихъ офицеровъ. — Любезность Скарятина. — Неуспѣхъ просьбы, поданной императору Александру I. — Испанскій посланникъ Бермундезъ. — Поступленіе Ванъ-Галена въ русскую военную службу. — Подарокъ князя Голицына. — Іезуитская миссія въ Моздокѣ. — Прибытіе въ главную квартиру генерала Ермолова въ Чечнѣ. — Представленіе Ермолову. — Андреевскій аулъ. — Образъ жизни Ермолова въ походѣ. — Командировка въ Тифлисъ. — Генералъ Вельяминовъ. — Баронъ Ренenкамфъ. — Бѣгство слуги. — Карабахъ. — Полковникъ Климовскій. — Царскіе колодцы. — Тифлисъ. — Экспедиція въ Казикумыхъ. — Князь Мадатовъ. — Асланъ-ханъ Кюринскій и его братъ Гассанъ-ага. — Кавалерійское дѣло. — Смерть Гассанъ-аги. — Штурмъ Хозрека. — Покореніе Казикумыхскаго ханства. — Пріѣздъ генерала Бетанкура въ Тифлисъ. — Неожиданная отставка Ванъ-Галена и повелѣніе императора Александра I о высылкѣ его изъ Россіи. — Благородство Ермолова. — Отъѣздъ изъ Тифлиса. — Генералъ Гогель. — Передача Ванъ-Галена австрійскимъ властямъ. — Высылка его изъ Австріи.

АНЪ-ГАЛЕНЪ, послѣ долгаго колебанія, пришелъ къ убѣжденію, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ ему всего удобнѣе искать военной службы въ Россіи, такъ какъ трудно было предположить, чтобы русскія войска когда либо пришли въ столкновеніе съ испанскими. Не менѣе важнымъ казалось ему и то обстоятельство, что императоръ Александръ I пользовался наилучшей репутаціей въ Европѣ, благодаря своимъ либеральнымъ взглядамъ и умѣренности, съ какой онъ

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XVI, стр. 402.

пользовался своей неограниченной властью. Въ виду этихъ соображеній, Ванъ-Галенъ окончательно рѣшилъ ѣхать въ Россію и отправился къ секретарю русскаго посольства въ Лондонѣ, Блудову, чтобы навести болѣе точныя справки о малоизвѣстной странѣ, о которой, подобно большинству своихъ соотечественниковъ, онъ имѣлъ самое неопредѣленное понятіе. Блудовъ встрѣтилъ привѣтливо испанскаго эмигранта и, удовлетворивъ его любопытству, посовѣтовалъ запастись возможно бо̀льшимъ количествомъ рекомендательныхъ писемъ, потому что императоръ недавно издалъ указъ, по которому запрещено было принимать иностранныхъ офицеровъ въ русскую армію.

Но это обстоятельство не могло остановить предпріимчиваго испанца, который, имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе 60 фунтовъ стерлинговъ, считалъ невозможнымъ для себя дальнѣйшее пребываніе въ Лондонѣ. Сначала онъ хотѣлъ отправиться въ Петербургъ моремъ въ виду дешевизны; но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ уже была поздняя осень и прошло больше мѣсяца, пока ему выдали паспортъ, задержанный испанскимъ посланникомъ, который старался всѣми способами помѣшать его выѣзду.

«Наконецъ, 24-го ноября 1818 года — пишетъ авторъ — получивъ паспортъ и около десяти рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ въ Петербургѣ, я выѣхалъ изъ Гравезенда на купеческомъ кораблѣ и черезъ три дня прибылъ въ Гамбургъ. Отсюда я отправился сухимъ путемъ въ Берлинъ. Дорога эта показалась мнѣ невыносимой; дилижансы были настолько неудобны, гостинницы такъ плохи, что я не могъ ни на что обращать вниманія. Испанія также не можетъ похвастать своими гостинницами, но тамъ, по крайней мѣрѣ, видишь своего рода жизнь и веселіе. Ничего подобнаго вы не встрѣтите на берлинской дорогѣ. Все скучно до невыразимости: дома, хозяева гостинницъ, собаки, мебель — все имѣетъ какую-то особенно постную физіономію.

«Земля была уже отчасти покрыта снѣгомъ; сѣрое нависшее небо еще болѣе усиливало тоску однообразнаго путешествія; и только къ вечеру втораго дня по мѣрѣ приближенія къ прусской столицѣ мѣстность сдѣлалась нѣсколько живописнѣе. Нашъ дилижансъ въѣхалъ въ Берлинъ въ полдень своимъ обычнымъ медленнымъ шагомъ, и послѣ осмотра моего паспорта и вещей таможенными и полицейскими чиновниками, я отправился въ гостинницу «Золотаго Ангела», гдѣ мнѣ совѣтовали остановиться.

«Отдохнувъ съ дороги, продолжаетъ авторъ, я прежде всего отправился къ секретарю русскаго посольства, Крафту, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Онъ принялъ меня очень любезно и, узнавъ о цѣли моего путешествія, сообщилъ мнѣ самыя точныя свѣденія о характерѣ, а равно и степени вліянія при дворѣ тѣхъ лицъ, съ которыми я хотѣлъ познакомиться въ Петербургѣ. Эти свѣдѣнія были крайне неутѣшительны и настолько ослабили мои

блестящія надежды, что у меня явилась внезапная рѣшимость ѣхать въ Вѣну, гдѣ ожидали тогда русскаго императора, и представиться его величеству, чтобы ускорить рѣшеніе своей судьбы. Но Крафтъ отговорилъ меня отъ этого намѣренія и посовѣтовалъ мнѣ ѣхать прямо въ Петербургъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, господиномъ Кохъ, который могъ быть моимъ спутникомъ до самаго Дерпта, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться у своихъ родственниковъ. Это предложеніе было слишкомъ заманчиво, чтобы отказаться отъ него; и я съ благодарностію принялъ его, тѣмъ болѣе, что ничто не удерживало меня въ Берлинѣ, гдѣ театръ былъ моимъ единственнымъ развлеченіемъ...

«Мы выѣхали 18-го декабря. До этого момента мой приличный костюмъ въ нѣкоторой степени скрывалъ плохое состояніе моихъ финансовъ, но трудно было скрыть его въ дорогѣ. Мой спутникъ скоро замѣтилъ необычайную легкость моего дорожнаго наряда, который состоялъ изъ мѣховыхъ сапоговъ, перчатокъ и поношеннаго плаща, доставленнаго мнѣ друзьями въ ночь моего бѣгства изъ тюрьмы, и совѣтовалъ купить теплое платье. Хотя я вполнѣ сознавалъ справедливость его словъ, но не желая открыть ему настоящей причины моего стоицизма, отвѣтилъ, что настолько привыкъ къ своему плащу, что не чувствую надобности въ болѣе теплой одеждѣ и легко переношу всякій холодъ. Кохъ не счелъ нужнымъ настаивать. Но въ Кёнигсбергѣ, когда мы вошли на высокую башню замка Тевтонскихъ рыцарей, откуда открывался прекрасный видъ на городъ и окрестности, я прозябъ до костей, и еслибы не былъ увѣренъ въ добродушіи моего спутника, то навѣрно заподозрилъ бы его, что онъ пригласилъ меня съ собой, чтобы испытать мою выносливость къ холоду и наказать за хвастовство»...

Въ Полангенѣ, при осмотрѣ вещей, Ванъ-Галенъ получилъ впервые понятіе о безчисленныхъ формальностяхъ, которымъ подвергается иностранецъ на русской границѣ, и былъ отчасти избавленъ отъ нихъ, благодаря вмѣшательству своего спутника. У дверей таможни ихъ осадила цѣлая толпа евреевъ, предлагавшихъ довезти ихъ до Риги, но Кохъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и отправился на станцію, гдѣ нанялъ почтовыхъ лошадей. Погода была необыкновенно мягкая, несмотря на конецъ декабря, и только подъ Митавой начали они ощущать холодъ, вслѣдствіе неожиданно наступившихъ морозовъ. Вдоль всей дороги не было никакихъ гостинницъ и только встрѣчались грязныя корчмы, передъ которыми стояло множество телѣгъ и саней, принадлежащихъ мѣстнымъ крестьянамъ.

Въ Дерптѣ Ванъ-Галенъ простился съ своимъ спутникомъ, который, во избѣженіе неудобствъ, ожидавшихъ его при незнаніи языка, написалъ ему подробный маршрутъ дальнѣйшаго пути до Петербурга, снабдилъ подорожной и заставилъ выучить наизусть нѣ-

сколько необходимыхъ русскихъ фразъ. Изъ Дерпта Ванъ-Галенъ отправился одинъ въ телѣгѣ, но съ каждой верстой снѣгъ становился все глубже и ѣзда затруднительнѣе. Слѣдуя совѣту Коха, путешественникъ всюду давалъ ямщикамъ на водку, и вѣроятно съ особенною щедростью, потому что многіе кланялись ему въ ноги и везли во всю прыть. Одинъ изъ нихъ, желая выказать свое усердіе, несся съ такой быстротой, что сломалъ телѣгу, слетѣлъ самъ и выронилъ сѣдока, который съ страшной болью въ спинѣ долженъ былъ пѣшкомъ вернуться на станцію, гдѣ съ большимъ трудомъ добылъ себѣ сани. По мѣрѣ приближенія къ Петербургу мѣстность становилась все населеннѣе, и, наконецъ, за три версты отъ столицы потянулся рядъ деревянныхъ домиковъ. «У городской заставы, говоритъ авторъ, ко мнѣ подошелъ солдатъ и попросилъ меня выйти, чтобы переговорить съ офицеромъ. Тотъ, видя, что я насилу передвигаю ноги, извинился, что обезпокоилъ меня и, проводивъ до саней, далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ относительно полицейскихъ формальностей, которыя мнѣ предстояло выполнить по прибытіи въ городъ: «Вы ѣдете изъ странъ, сказалъ онъ, — гдѣ многіе путешествуютъ безъ прислуги и могутъ всюду разсчитывать на хорошій пріемъ, но въ Петербургѣ хозяевамъ гостинницъ можетъ показаться страннымъ, что вы одни. Еслибы у меня былъ здѣсь кто нибудь изъ моихъ слугъ, то я съ удовольствіемъ далъ бы вамъ его на время, чтобы избавить васъ отъ тѣхъ непріятностей, которыя вѣроятно ожидаютъ васъ»...

Ванъ-Галену пришлось убѣдиться на опытѣ съ справедливости этихъ словъ. Послѣ четырехъ-часовой ѣзды по Петербургу, онъ всетаки не могъ найти себѣ помѣщенія, вслѣдствіе полнаго отсутствія меблированныхъ комнатъ и труднаго доступа въ гостинницы, гдѣ неохотно принимали людей бѣдно одѣтыхъ. Встрѣчая всюду отказъ, путешественникъ обратился, наконецъ, въ «Hôtel de l'Europe», лучшую гостинницу въ городѣ, находившуюся противъ дворца, гдѣ, сверхъ всякаго ожиданія, онъ былъ любезно принятъ хозяиномъ, который отвелъ ему большую, роскошно убранную комнату, такъ какъ всѣ остальные номера были заняты. На третій день послѣ пріѣзда, Ванъ-Галенъ, въ виду стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствъ, рѣшился начать хлопоты по своему дѣлу и посѣтить господъ, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма, хотя, по его словамъ, «великолѣпный видъ ихъ домовъ, неуваженіе, которое оказывали въ Петербургѣ частнымъ лицамъ, и пріемъ, встрѣченный въ гостинницахъ, сильно смущали его». Прежде всего онъ отправился къ начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, но тотъ, едва узнавъ о цѣли его посѣщенія, замѣтилъ рѣзкимъ тономъ: «Это невозможно! Его императорское величество больше не принимаетъ иностранцевъ на свою службу, и безъ того ихъ слишкомъ много!» Ванъ-Галенъ, не зная, что отвѣчать на это, молча поклонился и вернулся домой въ самомъ

печальномъ настроеніи духа. Также неудаченъ былъ его второй визитъ къ другому русскому сановнику, графу Румянцову, имѣвшему большое вліяніе при дворѣ: «Когда я снялъ плащъ въ передней — говоритъ авторъ — то многочисленные графскіе лакеи, при видѣ моего скромнаго костюма, отнеслись ко мнѣ съ такимъ презрѣніемъ, что мнѣ стоило большаго труда заставить ихъ доложить о себѣ. Наконецъ, меня ввели въ большую залу, куда, послѣ долгаго ожиданія, вошелъ хозяинъ дома съ какимъ-то господиномъ, который простоялъ во все время моего визита. Графъ, у котораго были вообще очень приличныя манеры, пригласилъ меня сѣсть возлѣ него и, вставивъ серебряный рожокъ въ ухо, внимательно выслушалъ то, что я ему говорилъ, отвѣчая, то шопотомъ, то громко, какъ всѣ глухіе, и при этомъ немилосердно гримасничалъ. Что же касается рекомендательнаго письма, то онъ положилъ его въ карманъ не читая, надавалъ мнѣ самыхъ блестящихъ обѣщаній и, безъ сомнѣнія, забылъ о моемъ существованіи, какъ только я вышелъ изъ комнаты, потому что моя просьба къ нему осталась безъ всякихъ послѣдствій»...

Но совсѣмъ иной пріемъ былъ сдѣланъ Ванъ-Галену въ другихъ знатныхъ петербургскихъ домахъ, куда ему пришлось явиться съ рекомендательными письмами, какъ, напримѣръ, у генерала Бетанкура, главно-управляющаго путями сообщенія въ Россіи, у графа Салтыкова, князей Голицыныхъ, барона Ралля, у братьевъ Тургеневыхъ и проч. Всѣ они отнеслись къ Ванъ-Галену съ большимъ участіемъ, особенно Бетанкуръ, испанецъ по происхожденію, пользовавшійся милостью императора за свои блестящія способности и честность. Онъ самъ вызвался хлопотать за своего молодаго соотечественника, хотя предупредилъ его, что не ручается за успѣхъ, такъ какъ имѣлъ много враговъ при дворѣ, которые вредили ему всѣми способами.

Благодаря Бетанкуру и другимъ знакомымъ, гдѣ Ванъ-Галенъ часто бывалъ на вечерахъ и обѣдахъ, у него скоро образовался обширный кругъ пріятелей, преимущественно среди военныхъ, которые, узнавъ о цѣли его пріезда въ Россію, обѣщали сдѣлать все отъ нихъ зависящее, для его скорѣйшаго поступленія на службу. Но на дѣлѣ это оказалось труднѣе, чѣмъ можно было ожидать. Просьба Ванъ-Галена, поданная императору, осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ, его денежныя средства быстро истощались. Онъ сознавалъ, что его дальнѣйшее пребываніе въ дорогомъ отелѣ становилось невозможнымъ и не рѣшался выѣхать изъ него изъ боязни, что не будетъ въ состояніи заплатить по счету. «Но по счастью — говоритъ авторъ — мои великодушные друзья, догадавшись о печальномъ состояніи моихъ финансовъ, заплатили за всѣ шесть недѣль, проведенныхъ мною въ отелѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, однажды утромъ ко мнѣ явился графъ М.... и сообщилъ, что его пріятель,

Скарятинъ, котораго я ни разу не видѣлъ въ моей жизни, уѣзжаетъ въ Москву и предлагаетъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ. Отказаться отъ подобнаго предложенія при моемъ безвыходномъ положеніи было бы нелѣпостью, и я немедленно переселился въ домъ Скарятина, гдѣ дворецкій отдалъ въ мое полное распоряженіе крѣпостнаго человѣка, который оказался крайне честнымъ и услужливымъ. Такимъ образомъ, я очутился въ великолѣпномъ и комфортабельномъ помѣщеніи; одинъ изъ моихъ пріятелей предоставилъ въ мое пользованіе свой экипажъ: сверхъ того, я получалъ ежедневно приглашенія къ обѣду въ разныхъ семейныхъ домахъ»...

Но и эта спокойная жизнь, чуждая всякихъ матеріальныхъ заботъ, скоро стала въ тягость Ванъ-Галену, вслѣдствіе неизвѣстности, въ какой онъ находился, относительно своей будущности, и полнаго бездѣйствія. Познакомившись съ достопримѣчательностями Петэрбурга и не зная, чѣмъ занять время, онъ ходилъ для развлеченія по русскимъ церквамъ и слушалъ пѣніе, которое «очень нравилось ему при его печальномъ настроеніи духа». Русская жизнь и нравы интересовали его только съ внѣшней стороны. Онъ подробно описываетъ увеселенія во время масляницы, пасхальную заутреню, разныя столичныя зданія и преимущественно казармы. Между прочимъ, онъ упоминаетъ о множествѣ гауптвахтъ на улицахъ и обязаности офицеровъ носить постоянно мундиръ и ордена, и находитъ это очень полезнымъ въ смыслѣ дисциплины. Съ этой точки зрѣнія онъ хвалитъ привычку Александра I гулять пѣшкомъ по городу безъ свиты и являться тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидали, такъ какъ это заставляло солдатъ быть всегда насторожѣ. По его словамъ, императоръ ежедневно присутствовалъ на парадѣ безъ шинели во всякое время года, что было также обязательно для всѣхъ офицеровъ главнаго штаба... Однако, не смотря на всѣ эти подробности, мы не знаемъ, случалось ли Ванъ-Галену видѣть императора, потому что онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ.

Наконецъ, по прошествіи болѣе четырехъ мѣсяцевъ, генералъ Бетанкуръ сообщилъ своему соотечественнику, что причина неуспѣха его просьбы къ императору заключается въ неудовольствіи, которое онъ навлекъ на себя со стороны испанскаго посланника, Бермундеза, не сдѣлавъ ему визита. «Такое объясненіе — говоритъ авторъ — показалось мнѣ невѣроятнымъ, но я по неволѣ повѣрилъ ему, когда вслѣдъ затѣмъ мнѣ приказали явиться къ графу Нессельроде и тотъ объявилъ мнѣ, что его величество не можетъ принять меня на службу, потому что испанскій посланникъ считалъ бы это оскорбленіемъ для своего государя. При этомъ графъ добавилъ, что если это препятствіе не будетъ устранено, то моя просьба будетъ оставлена безъ вниманія».

«Не зная на что рѣшиться — продолжаетъ авторъ — я поспѣ-

шилъ къ генералу Бетанкуру и сообщилъ ему о результатѣ моего свиданія съ графомъ. Онъ тотчасъ же приказалъ подать себѣ экипажъ и поѣхалъ къ испанскому посланнику, а на другой день написалъ мнѣ, что посланникъ ожидаетъ меня къ себѣ. — Объяснитесь съ нимъ откровенно, писалъ Бетанкуръ въ своей запискѣ, и постарайтесь расположить его въ свою пользу. Иной способъ дѣйствій кажется мнѣ нелѣпымъ и несвоевременнымъ»...

Ванъ-Галенъ рѣшился послѣдовать совѣту своего почтеннаго соотечественника и отправился къ посланнику, который принялъ его очень вѣжливо и старался всѣми способами отговорить отъ намѣренія поступить на русскую службу. — Вы этимъ дадите огласку нашимъ домашнимъ несогласіямъ, замѣтилъ, между прочимъ, посланникъ. Вы должны знать, что неприлично и не принято, чтобы испанцы, подобно швейцарцамъ, служили подъ чужими знаменами то въ одной странѣ, то въ другой, въ качествѣ авантюристовъ... Если вамъ будетъ угодно, то я похлопочу, чтобы васъ приняли въ отрядъ Абисбаля, который отправляется въ южную Америку и ручаюсь за успѣхъ... Я готовъ также взять на себя всѣ издержки вашего путешествія сухимъ путемъ и моремъ... Но Ванъ-Галенъ отказался наотрѣзъ и просилъ только не препятствовать его поступленію въ русскую армію. Посланникъ, видя, что всѣ убѣжденія безполезны, обѣщалъ исполнить его желаніе.

Бермундезъ сдержалъ слово, но и это не принесло никакой пользы, потому что причина неуспѣха просьбы Ванъ-Галена была иная, въ чемъ онъ скоро убѣдился на опытѣ. Друзья его, зная какъ дорога жизнь въ полкахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Петербурга, посовѣтовали ему подать просьбу Нессельроде о принятіи его въ кавказскую армію, гдѣ генералъ Ермоловъ заслужилъ общее уваженіе не только со стороны русскихъ офицеровъ и солдатъ, но и покоренныхъ народовъ.

«Хотя я мало разсчитывалъ на удачу — говоритъ авторъ — но, тѣмъ не менѣе, отправился къ графу и заявилъ ему о своемъ желаніи отправиться на Кавказъ. Я тотчасъ же замѣтилъ по его лицу, что мое дѣло значительно подвинулось впередъ и что мои друзья были правы, давъ мнѣ такой совѣтъ. Русскіе не даромъ называютъ Грузію «теплою Сибирью», потому что туда ссылаютъ офицеровъ, которыхъ политическія убѣжденія считаются неблагонадежными. Мнѣ говорили даже, что это прозвище изобрѣтено самимъ Александромъ I.

«Послѣ этого прошло еще нѣсколько недѣль въ полной неизвѣстности, пока генералъ Бетанкуръ не напомнилъ его величеству о моей просьбѣ. Онъ же сообщилъ мнѣ, что мое назначеніе состоится въ самомъ непродолжительномъ времени и что еслибы я не изъявилъ желанія отправиться на Кавказъ, то моя просьба осталась бы безъ всякаго результата. Наконецъ, 16-го мая 1819 года,

состоялся приказъ, которымъ я былъ принятъ въ кавказскую армію съ чиномъ маіора въ драгунскій Нижегородскій полкъ. По обычаю, я долженъ былъ тотчасъ сдѣлать себѣ форменное платье, но и тутъ сказалась щедрость моихъ друзей. Они обмундировали меня, прежде чѣмъ я успѣлъ заказать себѣ что-либо и, устроивъ прощальную пирушку, проводили меня въ дорогу, причемъ князь Борисъ Голицынъ подарилъ мнѣ маленькаго негра, съ которымъ я и отправился въ путь»...

Короткое пребываніе въ Москвѣ не позволило автору познакомиться надлежащимъ образомъ съ достопримѣчательностями древней русской столицы. Онъ упоминаетъ мимоходомъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него длинными, грязными улицами и отсутствіемъ оживленія, которое можно было ожидать отъ такого обширнаго и торговаго города. Но общество показалось ему еще болѣе гостепріимнымъ и доступнымъ, нежели въ Петербургѣ, такъ что, по его словамъ, еслибы онъ принялъ всѣ тѣ приглашенія, какія получалъ отъ лицъ, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма, и отъ ихъ знакомыхъ, то ему пришлось бы остаться въ Москвѣ нѣсколько недѣль. Хотя дорога на Кавказъ была ближе черезъ Тулу, но Ванъ-Галенъ отправился на Нижній-Новгородъ, гдѣ въ то время была ярмарка. Сообщаемыя имъ подробности о Нижнемъ, Воронежѣ и другихъ городахъ, черезъ которые ему приходилось проѣзжать, настолько неинтересны, что мы считаемъ лишнимъ приводить ихъ.

По прибытіи въ Моздокъ, Ванъ-Галенъ тотчасъ же представился коменданту, который сообщилъ ему, что генералъ Ермоловъ находится въ Чечнѣ, и посовѣтовалъ оставить экипажъ и лишнія вещи на храненіе въ домѣ іезуитской миссіи. «Я не имѣлъ особеннаго желанія обратиться къ іезуитамъ — говоритъ авторъ — но, когда я вошелъ въ домъ одного изъ мѣстныхъ жителей, гдѣ мнѣ предложили провести ночь, то былъ настолько пораженъ дурнымъ запахомъ, грязью, множествомъ насѣкомыхъ и крайней нищетой хозяевъ, что тотчасъ же отправился къ іезуитамъ. Ихъ было всего двое. Я былъ принятъ очень вѣжливо однимъ изъ нихъ; другой былъ въ это время въ отсутствіи, потому что на немъ лежала обязанность исповѣдовать католиковъ, служащихъ въ русской арміи. Мой хозяинъ, живой и дѣятельный старикъ, ввелъ меня въ чистую и красиво убранную комнату. Вечеромъ онъ явился ко мнѣ съ визитомъ, и я узналъ отъ него, что онъ выселился изъ Франціи во время революціи, много путешествовалъ, былъ даже въ Китаѣ и, вернувшись оттуда, поселился въ Моздокѣ съ своимъ товарищемъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Ермоловъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оставилъ свою обычную резиденцію, Тифлисъ, и выступилъ съ отрядомъ противъ чеченцевъ, которые грозили всей линіи Терека и особенно Кизляру».

На слѣдующій день Ванъ-Галенъ снова явился къ коменданту и, выхлопотавъ у него конвой изъ трехъ казаковъ, отправился въ главную квартиру генерала Ермолова. Линія Терека, еще недавно пустынная, была теперь защищена на всемъ протяженіи казачьими станицами.

Не смотря на увѣренія въ полной безопасности, Ванъ-Галенъ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что ему придется проѣзжать черезъ лѣса, окаймлявшіе Терекъ, съ такимъ малочисленнымъ конвоемъ. Поэтому онъ былъ очень доволенъ, когда встрѣтилъ въ Шаликовской станицѣ два пѣхотные полка, которые также направлялись въ главную квартиру, и тотчасъ же присоединился къ нимъ. Полки подвигались тихо, потому что за ними слѣдовало 300 телѣгъ съ провіантомъ и только прекрасные виды, представлявшіеся на каждомъ шагу, до извѣстной степени сокращали дорогу. Миновавъ редутъ, близъ деревушки Аксай, который не задолго передъ тѣмъ былъ самымъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ, они черезъ сутки приблизились къ Андреевскому аулу, около котораго находилась главная квартира русскихъ. Самъ главнокомандующій вышелъ къ нимъ на встрѣчу пѣшкомъ, безъ всякой свиты. Главная квартира и весь лагерь были расположены въ полѣ, подъ стѣнами аула, и поэтому прибывшіе полки расположились тутъ же съ своимъ обозомъ. Ванъ-Галенъ, воспользовавшись приглашеніемъ одного маіора, провелъ ночь въ его палаткѣ.

«На слѣдующее утро — говоритъ авторъ — пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ приближеніе утренней зари. Я вышелъ изъ палатки и съ высоты, на которой былъ расположенъ лагерь, увидѣлъ одно изъ самыхъ величественныхъ зрѣлищъ, которое когда либо представлялось моимъ глазамъ: съ одной стороны былъ живописно раскинутый аулъ; съ другой — тянулись на широкомъ пространствѣ плодоносныя долины, окруженныя высокими горами самыхъ причудливыхъ очертаній. Когда пробило шесть часовъ я отправился вмѣстѣ съ офицерами прибывшихъ со мною полковъ къ главнокомандующему, который жилъ въ войлочной кибиткѣ съ однимъ окномъ, и все убранство которой состояло изъ походной кровати, стола и двухъ стульевъ.

«Изъ кибитки вышелъ адъютантъ и ввелъ насъ. Ермоловъ, дружески поздоровавшись съ нами, обнялъ поочереди офицеровъ, съ которыми познакомился во время послѣдней кампаніи противъ Наполеона. Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ подробно распространился о положеніи дѣлъ на Кавказѣ, провелъ юмористическую параллель между французской и кавказской кампаніями и указалъ на цѣли каждой изъ нихъ.

«Ермолову было на видъ около сорока лѣтъ. Онъ очень высокъ ростомъ, пропорціонально и крѣпко сложенъ, съ живымъ и умнымъ лицомъ. На немъ былъ военный сюртукъ съ краснымъ стоячимъ

воротникомъ и орденской ленточкой Георгія въ петлицѣ; на его постели лежала сабля и фуражка, которыя служили дополненіемъ его обычнаго походнаго костюма. Простившись съ офицерами, онъ пригласилъ меня остаться съ нимъ еще нѣсколько минутъ. Я счелъ лишнимъ представить ему рекомендательныя письма, пока онъ самъ не спроситъ о нихъ. Когда мы остались наединѣ, Ермоловъ поздравилъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ и отозвался съ похвалой о Нижегородскомъ драгунскомъ полкѣ. При этомъ онъ добавилъ, что полкъ бездѣйствуетъ, благодаря способу веденія войны въ гористой мѣстности, гдѣ правильная кавалерія не можетъ быть употреблена въ дѣло надлежащимъ образомъ и, гдѣ необходимо замѣнять ее туземной конницей. Я выразилъ желаніе принести возможно бо́льшую пользу на русской службѣ; и онъ простился со мной, пригласивъ къ обѣду на слѣдующій день»...

Кавказъ въ это время находился къ состояніи сильнаго броженія. Необходимость принять энергическія мѣры для болѣе прочнаго умиротворенія края побудила Ермолова устроить цѣлую цѣпь редутовъ и укрѣпленій, чтобы остановить безпрерывныя нападенія горцевъ на русскія селенія и побудить ихъ уважать власти, а также съ тою цѣлью, чтобы защитить болѣе мирныя кавказскія племена отъ ихъ разбоевъ. Согласно этому плану, Ермоловъ считалъ весьма важнымъ занятіе Андреевскаго аула въ Чечнѣ и испросилъ высочайшее соизволеніе на постройку тамъ крѣпости. Изъ всѣхъ горцевъ чеченцы отличались наибольшею дикостью и склонностью къ грабежу. Вмѣстѣ съ кабардинцами они нападали на русскія селенія, расположенныя на линіи Терека, имѣвшей большое значеніе для русскихъ, такъ какъ вслѣдствіе скудныхъ ресурсовъ страны весь провіантъ и боевые запасы для войска получались этимъ путемъ. Обстоятельство это было одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ главнокомандующаго начать военныя дѣйствія въ Чечнѣ. Занятіе Андреевскаго аула не представляло особенной трудности, и Ермолову удалось одержать рѣшительную побѣду надъ соединенными силами горцевъ, которые, бросивъ свой лагерь и раненыхъ, бѣжали въ горы. Андреевскій аулъ опустѣлъ съ приближеніемъ русскихъ, которые нашли въ немъ только одного священнослужителя и нѣсколько стариковъ. Ермоловъ приказалъ своимъ войскамъ расположится лагеромъ за стѣнами аула и, строго запретивъ солдатамъ входить въ него въ теченіи трехъ дней, далъ знать бѣжавшимъ черезъ оставшихся стариковъ, что они могутъ безопасно возвратиться въ свои дома. Это распоряженіе оказало свое дѣйствіе, хотя между вернувшимися семьями почти не было мужчинъ.

«На слѣдующее утро послѣ нашего прибытія — продолжаетъ авторъ — былъ отданъ приказъ нѣсколькимъ баталіонамъ занять аулъ и главная квартира была перенесена въ укрѣпленную башню, смежную съ мечетью и стоявшую на самомъ высокомъ пунктѣ аула.

Передъ нею было поставлено нѣсколько полевыхъ орудій, больше для устрашенія, нежели съ враждебными намѣреніями.

«Я отправился въ главную квартиру вмѣстѣ съ моимъ товари щемъ, маіоромъ, который пріютилъ меня ночью въ своей палаткѣ. Имѣя въ виду, что пріемы у генерала Ермолова во время похода были совершенно безцеремонные и гости часто не знали точнаго часа обѣда, мы рѣшили осмотрѣть аулъ. По дорогѣ намъ попалось на встрѣчу нѣсколько возвращавшихся семействъ горцевъ, между которыми мы замѣтили необыкновенно красивыхъ женщинъ, полузакрытыхъ чадрами. Андреевскій аулъ единственный промышленный пунктъ въ Чечнѣ и сравнительно наиболѣе богатый; поэтому жители изъ боязни, чтобы ихъ дома не были разграблены, сочли нужнымъ отправить свои семьи обратно въ аулъ. Хотя русскіе солдаты вообще составляютъ предметъ ненависти магометанъ, но такъ какъ они не прибѣгаютъ къ насилію и неистовствамъ, которыя столь обычны среди этихъ варварскихъ народовъ, то мужское населеніе города безъ всякой боязни отправило впередъ своихъ женъ и дѣтей. Но сами они медлили возвращеніемъ до послѣдней возможности, опасаясь заслуженнаго наказанія за всѣ убійства, грабежи и всякаго рода насилія, которые они позволяли себѣ относительно русскихъ.

«Когда мы пришли въ аулъ, куда была перенесена главная квартира, то намъ сказали, что обѣдъ давно готовъ. Но въ виду того, что Ермоловъ въ этотъ день отправлялъ депеши къ императору, въ которыхъ давалъ самый подробный отчетъ о дѣйствіяхъ отряда, намъ пришлось еще цѣлый часъ ожидать обѣда. Я вышелъ съ нѣкоторыми изъ собравшихся офицеровъ въ садъ, гдѣ открывался превосходный видъ на весь аулъ и окрестности. Отсюда мы прошли въ мечеть, смежную съ башней: я нашелъ здѣсь нѣсколько пергаментовъ, написанныхъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, и взялъ ихъ чтобы подарить іезуиту въ Моздокѣ.

«По возвращеніи въ столовую, я увидѣлъ, что гостей больше чѣмъ мѣстъ, обстоятельство повторявшееся довольно часто, потому что всякій имѣлъ право являться безъ приглашенія къ столу Алексѣя Петровича, какъ называли всѣ главнокомандующаго. Слуги въ въ подобныхъ случаяхъ приставляли къ столу деревянныя скамьи работы русскихъ солдатъ. По принятому обычаю мы всѣ ожидали прихода генерала, чтобы занять свои мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ, поздоровался со всѣми съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, не дѣлая никакихъ различій, и сѣлъ у средины стола, пригласивъ нѣкоторыхъ начальниковъ сѣсть рядомъ съ нимъ, а меня и маіора усадилъ на почетныя мѣста въ концѣ стола.

«Обыкновенно Ермоловъ передъ обѣдомъ усиленно занимается дѣлами съ своими молодыми адъютантами, не отдавая предпочтенія ни которому изъ нихъ. Какъ словесные, такъ и пись-

менные приказы онъ поручалъ тому изъ нихъ, кто первый попадался ему подъ руку. Я слышалъ отъ людей, знавшихъ Ермолова въ молодости, что онъ всегда любилъ серіозное чтеніе и хорошо знакомъ съ классиками. При этомъ онъ не терпѣлъ пьянства и игры въ карты. Послѣднее онъ строго преслѣдовалъ, хотя эту страсть очень трудно вывести между его соотечественниками. Это была единственная вещь, гдѣ онъ выказывалъ нетерпимость, особенно, если чувствовалъ нѣкоторое уваженіе къ лицу, имѣвшему этотъ порокъ.

Вечеромъ по уходѣ приближенныхъ, (которые почти ежедневно собираются у него за чаемъ), онъ пишетъ и читаетъ; и такъ какъ никогда не употребляетъ часовъ, то не ложится до тѣхъ поръ, пока не смѣнится караулъ у его окна. Однако, не смотря на это, прежде чѣмъ пушечный выстрѣлъ возвѣститъ приближеніе зари, онъ уже на ногахъ и производитъ осмотръ лагеря. Таковъ неизмѣнный образъ жизни этого человѣка, который несетъ такую тяжелую отвѣтсвенность и которому приходится переносить столько трудовъ по обширному и сложному управленію отдаленнымъ краемъ. Съ солдатами онъ обращается какъ съ братьями, дорожитъ каждой каплей ихъ крови и во время экспедицій употребляетъ всѣ мѣры чтобы обезпечить успѣхъ. Благодаря этому, онъ пользуется общею любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ»...

Ванъ-Галенъ прожилъ три дня въ Андреевскомъ аулѣ, послѣ чего Ермоловъ вручилъ ему нѣсколько депешъ для передачи командующему въ Грузіи генералъ-лейтенанту Вельяминову, откуда онъ долженъ былъ отправиться на мѣсто квартированія Нижегородскаго полка.

Ванъ-Галенъ отправился въ Тифлисъ въ сопровожденіи восьми козаковъ по узкой и неудобной дорогѣ, имѣвшей мало общаго съ нынѣшней военно-грузинской дорогой, но сравнительно настолько же безопасной. Начиная отъ Терека, всѣ военные посты до персидской границы были заняты казаками; на станціяхъ устроены были или редуты, или сторожевыя башни, гдѣ день и ночь стояли часовые для наблюденій.

По прибытіи въ Тифлисъ Ванъ-Галенъ немедленно явился къ генералу Вельяминову и передалъ ему депеши главнокомандующаго. Генералъ принялъ его очень любезно и познакомилъ съ штабными офицерами, изъ которыхъ особенно понравился Ванъ-Галену одинъ молодой лифляндецъ, баронъ Рененкамфъ, предложившій ему остановиться въ его квартирѣ.

Срокъ пребыванія Ванъ-Галена въ Тифлисѣ зависѣлъ отъ генерала Вельяминова, который не только не стѣснялъ его въ этомъ отношеніи, но даже пригласилъ къ себѣ обѣдать запросто и отдалъ въ его распоряженіе свою библіотеку. Однако, Ванъ-Галену не удалось воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ; онъ забо-

лѣлъ перемежающейся лихорадкой, которая, по его словамъ, черезъ пять недѣль обратила его въ совершенный скелетъ». Въ довершеніе несчастія, маленькій негръ, подаренный ему Голицынымъ, воспользовался безпомощнымъ положеніемъ своего господина и, захвативъ все его платье и деньги, бѣжалъ въ Персію. Послѣ этого приключенія больной поневолѣ долженъ былъ довольствоваться услугами двухъ приставленныхъ къ нему деньщиковъ, которые съ трудомъ понимали его ломаный русскій языкъ. Такъ прошло два мѣсяца. Ванъ-Галенъ всталъ съ постели и, видя, что ему слишкомъ долго придется ожидать полнаго выздоровленія, рѣшилъ отправиться въ полкъ, несмотря на энергическій протестъ лѣчившаго его почтеннаго доктора Прибиля.

«16-го декабря — говоритъ авторъ — я выѣхалъ изъ Тифлиса съ полковникомъ Ермоловымъ, родственникомъ главнокомандующаго, барономъ Унгерномъ и нѣсколькими другими офицерами. Нашъ путь лежалъ черезъ Кахетію, которая въ это время года была покрыта снѣгомъ и показалась мнѣ крайне непривлекательной. Спустившись съ высотъ Сигнаха, мы отправились вдоль богатыхъ и живописныхъ долинъ, которыя тянутся отъ рѣки Алазана до Каракаха, бывшаго цѣлью нашего путешествія. Мѣстность эта считалась очень опасною, вслѣдствіе близости лезгинъ, которые часто нападали на проѣзжихъ, особенно на офицеровъ, въ надеждѣ захватить ихъ въ плѣнъ и получить богатый выкупъ. Но мы проѣхали совершенно благополучно, хотя съ нами не было никакого конвоя и мы могли издали обратить на себя вниманія горцевъ своими блестящими мундирами и перьями на шляпахъ.

«По прибытіи въ Каракахъ, гдѣ расположенъ былъ на зимнихъ квартирахъ Нижегородскій драгунскій полкъ, мы тотчасъ же представились командиру этого полка, полковнику Климовскому, такъ какъ для этого заблаговременно нарядились въ мундиры. Полковникъ принялъ насъ очень привѣтливо; но мнѣ очень было трудно объясняться съ нимъ: я говорилъ очень плохо по русски, а онъ не зналъ другяго языка, кромѣ русскаго, хотя служилъ адъютантомъ у великаго князя Константина во время кампаніи 1813 и 1814 г. Это обстоятельство побудило меня усерднѣе прежняго заняться русскимъ языкомъ, но несмотря на всѣ усилія, дѣло подвигалось крайне медленно.

Всѣ офицеры полка, по установленному обычаю, ежедневно завтракали, обѣдали и ужинали у полковаго командира. Когда онъ былъ въ отсутствіи то одинъ изъ офицеровъ занималъ его мѣсто. Ванъ-Галенъ наравнѣ съ другими встрѣтилъ здѣсь самый радушный пріемъ. Ему отвели готовую квартиру; между солдатали оказались обойщики, столяры и проч., которые сдѣлали ему необходимую мебель. Для прислуги ему назначили двухъ деньщиковъ, которые были отданы въ его полное распоряженіе. Благодаря этому

и суточнымъ раціонамъ, отпускаемымъ на него самаго, слугъ и лошадей, русскій офицеръ, по словамъ автора, «могъ жить прилично, особенно въ Грузіи, гдѣ получалъ двойное жалованье, хотя оно было гораздо ниже того, что получали офицеры въ другихъ европейскихъ странахъ».

Не смотря на извѣстныя удобства, зимовка въ горахъ показалась автору своего рода ссылкой, вслѣдствіе крайняго однообразія лагерной жизни. «Каждое утро, говоритъ онъ, полковникъ Климовскій присутствовалъ при ученіи и упражненіяхъ въ верховой ѣздѣ; послѣ завтрака полковое начальство осматривало конюшни и любовалось красотой лошадей. Въ праздники главнымъ занятіемъ офицеровъ была охота. Всякаго рода дичь водилась въ такомъ изобиліи, что шестеро солдатъ охотниковъ снабжали ею весь полкъ. По вечерамъ всѣ собирались у полковаго командира, пили въ изобиліи чай и пуншъ, курили трубки, играли въ шахматы и карты, подъ звуки полковой музыки; въ этомъ—замѣчаетъ авторъ—состояло все наше занятіе въ длинные зимніе вечера. Жена священника была наша единственная дама, но мы только изрѣдка видѣли ее, потому что она вела очень уединенную жизнь. Ея мужъ, еще молодой человѣкъ, пользовался общимъ уваженіемъ; докторъ же, наоборотъ, былъ настолько небреженъ, что еслибы сами офицеры не заботились о больныхъ солдатахъ, то смертность въ лагерѣ вѣроятно достигла бы ужасающихъ размѣровъ... Наши сосѣди лезгины не безпокоили насъ днемъ, за то ночью приходилось брать постоянныя предосторожности противъ ихъ нападеній. Мнѣ разсказывали, что незадолго до моего пріѣзда шайка лезгинъ, человѣкъ въ двадцать, ворвалась ночью въ лагерь, убила часовыхъ и нѣсколькихъ спавшихъ солдатъ, пока крики раненыхъ не подняли на ноги весь полкъ. Послѣ этого, сторожевые посты вокругъ лагеря были удвоены. По ночамъ оклики часовыхъ смѣшивались съ воемъ шакаловъ, которыхъ было такое множество, что съ наступленіемъ сумерокъ, они забѣгали въ лагерь и таскали куръ... Такъ прожили мы нѣсколько мѣсяцевъ; всѣ наши свѣденія о томъ, что дѣлалось въ мірѣ, ограничивались короткими извѣстіями, которыя заключались въ приказахъ, еженедѣльно присылаемыхъ изъ Петербурга. Приказы эти мы получали съ бо̀льшею или меньшею правильностью, смотря по состоянію дорогъ въ горахъ»...

Наконецъ, наступила весна; Нижегородскій драгунскій полкъ собирался перейти на лѣтнюю стоянку въ Царскіе Колодцы, снабженные хорошей водой и считавшіеся самой здоровой мѣстностью. Но и тамъ полкъ долженъ былъ оставаться въ такомъ же бездѣйствіи, какъ и на зимнихъ квартирахъ; поэтому Ванъ-Галенъ, воспользовавшись возвращеніемъ генерала Ермолова изъ Чечни, выпросилъ отпускъ у полковаго командира и отправился въ Тифлисъ, куда прибылъ 5-го апрѣля 1820 года. Отдохнувъ съ дороги, онъ представился главнокомандующему и выразилъ ему свое желаніе

получить назначеніе въ одну изъ экспедицій противъ горцовъ. Ермоловъ позволилъ ему оставаться при своей особѣ до начала военныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ авторъ довольно близко познакомился съ Тифлисомъ, о которомъ, благодаря болѣзни, не могъ составить никакого понятія въ свой первый пріѣздъ. Мы приведемъ здѣсь въ общихъ чертахъ сообщаемыя имъ свѣденія.

Тифлисъ и въ то время былъ средоточіемъ всей торговли Грузіи. Хотя базаръ былъ довольно обширенъ, но русское правительство для поощренія торговли рѣшило построить другой базаръ въ новомъ городѣ, на мѣстѣ прежняго кладбища, хотя это не особенно нравилось суевѣрнымъ жителямъ. Новый городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки и составляетъ какъ бы продолженіе стараго. Здѣсь лучшіе дома принадлежатъ русскимъ властямъ и нѣсколькимъ богатымъ армянамъ. Бани, которыя играютъ такую важную роль въ жизни азіатовъ, находились на восточной сторонѣ города. Женщины, особенно высшаго круга, по словамъ автора, проводили въ нихъ чуть ли не цѣлыя сутки и угощали тутъ своихъ пріятельницъ обѣдомъ, плодами и разными прохладительными. Кромѣ того, сообразно мѣстному обычаю, каждое воскресенье знакомые собирались другъ у друга и проводили время въ танцахъ; но женщины плясали отдѣльно, потому что приличіе не позволяло мужчинамъ принимать участіе въ ихъ танцахъ. Въ теплое время года тифлисское общество собиралось въ публичномъ саду, зимою—въ клубѣ, основанномъ въ концѣ 1819 года. Генералъ Ермоловъ, не имѣя при себѣ семьи, не могъ приглашать дамъ, но желая по возможности сблизить общество, поощрялъ вечернія собранія въ клубѣ, который помѣщался въ домѣ одного богатаго армянина. При клубѣ была устроена библіотека и выписано нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ; нѣкоторыя комнаты назначены были для чтенія, другія для игры въ карты и для танцевъ. Въ началѣ грузинское дворянство противилось этому нововведенію, но потомъ мало по малу привыкло къ нему, хотя дамы, вслѣдствіе незнакомства съ европейскими танцами, плясали въ особой залѣ, откуда слышались рѣзкіе звуки дайра (бубны), тари (родъ гитары) и другихъ мѣстныхъ инструментовъ. Только за ужиномъ все общество соединялось...

Но скоро всѣ эти развлеченія были прерваны слѣдующими событіями. Въ Имеретіи и Гуріи произошли безпорядки; правитель Имеретіи, полковникъ Пузыревскій, былъ измѣннически убитъ въ лѣсу. Для наказанія мятежниковъ посланы были отряды подъ начальствомъ генерала-лейтенанта Вельяминова и вновь назначеннаго имеретинскаго правителя, князя Горчакова [1]). Одновременно съ

---

[1]) Экспедиція эта, какъ извѣстно, кончилась полнымъ успѣхомъ. Шайки имеретинскаго царевича Давида и князя Абашидзе были разсѣяны; первый изъ нихъ

этимъ, главнокомандующій рѣшилъ начать военныя дѣйствія въ сѣверномъ Дагестанѣ. Цѣлью ихъ было усмиреніе Сурхай-хана Казикумыхскаго, который позволялъ себѣ всякія жестокости и насилія относительно своихъ подданныхъ и сосѣдей и втайнѣ подстрекалъ другихъ хановъ, данниковъ Россіи, къ возмущенію, которое должно было начаться одновременно на двухъ противоположныхъ концахъ Грузіи. Генералъ Ермоловъ хотѣхъ затушить возмущеніе въ самомъ началѣ и назначилъ въ Казикумыхъ экспедицію подъ начальствомъ князя Мадатова.

Мадатовъ, уроженецъ Карабага, вступилъ въ русскую службу съ молодыхъ лѣтъ, участвовалъ въ кампаніи 1812—1814 годовъ противъ Наполеона и впослѣдствіи былъ отправленъ на Кавказъ подъ начальство генерала Ермолова. Благодаря знанію языка и обычаевъ страны, храбрости и представительной наружности, онъ былъ чрезвычайно полезенъ при сношеніяхъ съ горцами. Ванъ-Галенъ былъ прикомандированъ, въ числѣ другихъ офицеровъ, къ генералу Мадатову на время экспедиціи и съ радостью принялъ назначеніе, которое давало ему возможность познакомиться съ различными народами Кавказа и удобный случай отличиться.

Для дѣйствій противъ казикумыхскаго хана Мадатову поручено было образовать отрядъ въ составѣ двухъ баталіоновъ Куринскаго полка, одного баталіона Апшеронскаго, двухъ баталіоновъ 41-го егерскаго полка, всего 2,500 человѣкъ пѣхоты, сотни казаковъ и 14 орудій. Къ этимъ войскамъ присоединились 500 всадниковъ карабагскихъ, 300 шемахинскихъ и 400 изъ Ширвана, которыхъ князь Мадатовъ, проѣзжая черезъ эти провинціи, приказалъ собрать въ своемъ присутствіи. Осмотрѣвъ конницу, онъ отправилъ ее въ южный Дагестанъ, а самъ съ отрядомъ послѣдовалъ туда же кратчайшей, но чрезвычайно трудной дорогой черезъ кавказскій хребетъ.

«Дорога отъ Ширвана въ южный Дагестанъ—говоритъ авторъ—шла по крутымъ тропинкамъ, которыя мѣстами были загромождены огромными обломками скалъ, а горные склоны покрыты дремучими лѣсами. На самомъ перевалѣ, когда мы думали, что миновали всѣ препятствія, встрѣтилась пропасть около шести сажень ширины и болѣе двухъ сотъ сажень глубины, черезъ которую вмѣсто моста перекинуты были три дуба съ вѣтвями, образовавшіе переправу

былъ убитъ, второй бѣжалъ въ Ахальцыхъ. По водвореніи спокойствія въ Имеретіи, Вельяминовъ вступилъ въ Гурію и подошелъ къ крѣпкому замку, принадлежавшему Кайхосро Гуріелю, одному изъ главныхъ зачинщиковъ заговора противъ Пузыревскаго, который былъ извѣстенъ своею преданностью Турціи. Гуріель, не считая себя въ безопасности, обратился въ бѣгство. По взятіи замка, Вельяминовъ приказалъ разорить его до основанія, кромѣ находившейся тамъ церкви, у которой былъ поставленъ памятникъ полковнику Пузыревскому. (См. Исторія царствованія Александра I Богдановича, т. VI. стр. 309.

не болѣе трехъ футовъ шириной. Модатовъ первый переѣхалъ на другую сторону на своей маленькой лошадкѣ; мы поневолѣ дожны были слѣдовать за нимъ. Спускъ съ горы занялъ болѣе двухъ часовъ. Насъ окружалъ такой густой лѣсъ и такія высокія горы, что несмотря на утреннее время, намъ казалось, что мы въ какой-то пещерѣ. Миновавъ горы, мы вступили въ Дагестанъ, который сдѣлалъ на насъ впечатлѣніе нескончаемаго сада. Къ вечеру слѣдующаго дня мы достигли Кубы. Этотъ городъ былъ нѣкогда столицей ханства этого имени и по присоединеніи къ Россіи сдѣлался главнымъ городомъ Дагестана, хотя онъ далеко уступаетъ другимъ городамъ той же мѣстности. Онъ окруженъ полуразрушенной стѣной и улицы его настолько узки, что движеніе по нимъ экипажей почти невозможно.

Въ Кубѣ къ русскому отряду присоединились два лица, которымъ суждено было играть видную роль въ предстоящей экспедиціи. Это были Асланъ-ханъ кюринскій, владѣтель небольшой области, дородный человѣкъ лѣтъ 45, и его братъ Гассанъ-ага, который былъ значительно моложе его, очень красивъ собой и считался однимъ изъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ Кавказа. Онъ самъ былъ такого высокаго мнѣнія о своей военной доблести, что однажды, разсказывая товарищамъ о совершенныхъ имъ подвигахъ, воскликнулъ: «Еслибы Аллахъ сказалъ, что есть въ мірѣ человѣкъ храбрѣе меня, я убилъ бы себя со стыда». Братья явились въ сопровожденіи 800 человѣкъ рослыхъ всадниковъ, вооруженныхъ длинными копьями въ панцыряхъ, шлемахъ и щитахъ, что придавало имъ видъ средневѣковыхъ рыцарей. Князь Мадатовъ принялъ обоихъ братьевъ съ большимъ почетомъ, такъ какъ они многократно оказывали важныя услуги русскому правительству, и тотчасъ же назначилъ Асланъ-хана командующимъ всей горской конницей. Гассанъ-ага обидѣлся этимъ, такъ какъ считалъ себя одного достойнаго такого почетнаго назначенія, и, бросившись въ палатку своего брата, вызвалъ его на поединокъ, осыпая оскорбительною бранью. Всѣ усилія присутствовавшихъ русскихъ офицеровъ помирить ихъ оказались напрасными; наконецъ, князь Мадатовъ успокоилъ раздраженнаго Гассанъ-агу, назначивъ его начальникомъ авангарда мусульманской конницы.

5-го іюня пришло извѣстіе о скоромъ прибытіи обоза, и князь Мадатовъ отдалъ приказъ своимъ войскамъ выступить изъ Кубы къ Чираху, лежавшему на дорогѣ въ Казикумыхъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Сурхай-ханъ, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, собралъ поголовное ополченіе и присоединивъ къ нему лезгинъ, расположился съ 20,000 человѣкъ у селенія Хозрекъ на неприступной и хорошо укрѣпленной позиціи. Это было будущее поле битвы; но у князя Мадатова, по словамъ автора, не было никакихъ данныхъ, чтобы составить заранѣе планъ дѣйствій. О картѣ не могло быть и рѣчи; и никто изъ туземцевъ, находившихся въ

русскомъ отрядѣ, не бывалъ въ Хозрекѣ, такъ что всѣ свѣдѣнія ограничивались сбивчивыми и легендарными показаніями мѣстныхъ татаръ.

10-го іюня войска князя Мадатова прибыли въ Чирахъ, а въ слѣдующую ночь передовые посты уже находились на непріятельской землѣ, въ трехъ верстахъ за Чирахомъ. Отсюда до Хозрека оставалось всего 25 верстъ. Дорога, по которой двигался русскій отрядъ, пролегала между двумя обрывистыми отрогами Кавказскаго хребта, изъ которыхъ лѣвый постепенно понижался, а правый тянулся до самаго Хозрека. Въ 6 часовъ утра русскіе были уже въ семи верстахъ отъ Хозрека; когда разсѣялся бывшій въ это время туманъ, они увидѣли на высотахъ, вправо отъ дороги, толпы непріятельской конницы съ разноцвѣтными значками. Чтобы сколько нибудь обезпечить движеніе русскаго отряда вдоль подошвы этихъ высотъ и овлечь отъ Хозрека значительную часть непріятельскихъ силъ, князь Мадатовъ приказалъ Гассанъ-агѣ врѣзаться въ лѣвое крыло непріятеля съ авангородомъ конницы. Якубовичъ и Ванъ-Галенъ, какъ единственные кавалеристы изъ русскихъ офицеровъ, находившихся при князѣ Мадатовѣ, должны были присоединиться къ брату Асланъ-хана и принять дѣятельное участіе въ этомъ опасномъ движеніи. «Непріятель, стоявшій на высотахъ въ превосходномъ числѣ — говоритъ авторъ — встрѣтилъ насъ громкимъ крикомъ и ружейными залпами, которые заставили насъ дважды отступить. При этомъ я невольно обратилъ вниманіе на отдѣльныя сцены свирѣпости азіятовъ, которые были тѣмъ чаще, что въ этой гористой мѣстности не было никакого единства дѣйствій и все зависѣло отъ личной храбрости. Между прочимъ, я видѣлъ одного изъ всадниковъ Асланъ-хана и лезгина, борющихся въ предсмертной агоніи; они рвали другъ друга зубами и крѣпко схватившись покатились въ скалистую пропасть, увлекая за собою лошадей, которыхъ оба держали за узду. Другой лезгинъ, поручивъ свою лошадь товарищу, сползъ по крутизнѣ внизъ, чтобы отрѣзать голову непріятелю... Наконецъ, послѣ третьей атаки, мы ворвались въ непріятельскую линію; противникъ защищалъ каждую пядь земли съ отчаянною храбростью; но намъ все-таки удалось обратить его въ бѣгство и прогнать до окоповъ. Въ это время братъ Асланъ-хана упалъ пораженный пулей въ самое сердце; умирая, онъ просилъ окружающихъ отомстить за его смерть. Эта потеря, которая въ европейскомъ войскѣ только слегка отразилась бы на ходѣ дѣйствій, почти парализовала насъ въ самый критическій моментъ. Благодаря обычаю азіатовъ оплакивать убитаго вождя и причитывать надъ его тѣломъ, непріятель успѣлъ собрать свои силы и окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ»... По счастью, князь Мадатовъ, слѣдившій издали за ходомъ дѣла, замѣтилъ смятеніе, произведенное смертью Гассанъ-аги, и прискакалъ самъ на мѣсто боя. Горцы,

ободренные его присутствіемъ, окончательно сбили непріятеля съ высотъ. Въ то же время, маіоръ Мартиненко, съ тремя ротами Апшеронскаго полка, напалъ на лѣвое крыло казикумыхской позиціи и заставилъ непріятеля отступить къ второму завалу. Артиллерія, въ свою очередь, открывъ сильный огонь по селенію Хозрекъ, нанесла большой вредъ полкамъ, тѣснившимся на улицахъ, при этомъ взорвано было нѣсколько патронныхъ ящиковъ, посланныхъ Сурхай-ханомъ...

Съ горъ, по словамъ автора, видна была вся линія непріятельскихъ заваловъ и весь лагерь Сурхай-хана казикумыхскаго. Его пестрая палатка была украшена знаменами; кругомъ были палатки его приближенныхъ, также покрытыя шелковыми разноцвѣтными матеріями. Тутъ же стояло множество осѣдланныхъ лошадей и нѣсколько отрядовъ пѣхоты, составлявшихъ непріятельскій резервъ. Все это представляло чрезвычайно оживленное зрѣлище и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывало на ресурсы непріятеля и способы его защиты, что имѣло большое значеніе въ данный моментъ. Князь Мадатовъ, соображаясь съ положеніемъ непріятельскихъ войскъ, выждалъ прибытія остальной татарской конницы и шедшей въ аріергардѣ пѣхоты, приказалъ Асланъ-хану съ его всадниками направиться въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи, чтобы отрѣзать Сурхай-хану дорогу въ Казикумыхъ, между тѣмъ, какъ вся остальная пѣхота, построенная въ трехъ колоннахъ, подошла къ укрѣпленіямъ Хозрека на ружейный выстрѣлъ. Артиллерія удачной канонадой, продолжавшейся около часа, успѣла сдѣлать нѣсколько брешей въ валахъ, прикрывавшихъ селеніе, и тогда всѣ три колонны съ крикомъ «ура!» кинулись на штурмъ. Подполковникъ Сагиновъ, командовавшій апшеронцами и майоръ Ванъ-Галенъ первые вошли на валъ и оба были ранены; затѣмъ солдаты ворвались въ бреши, выбили непріятеля изъ укрѣпленій, гнали до мечети и преодолѣвъ всякое сопротивленіе, водрузили на минаретѣ знамя Апшеронскаго полка. Непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ и отрѣзанный отъ дороги въ Казикумыхъ, принужденъ былъ уходить подъ выстрѣлами артиллеріи, по крутому ущелью, ведущему въ лагерь Сурхай-хана, который также обратился въ бѣгство со всей конницей, опрокидывая все, что задерживало его на пути. На разстояніи шести верстъ земля была усѣяна тѣлами убитыхъ; 600 человѣкъ взято въ плѣнъ. Трофеями побѣды были: весь лагерь и богатая ставка Сурхая, 11 знаменъ и значковъ и до 2,000 ружей.

Къ концу дня князь Мадатовъ приказалъ остановить преслѣдованіе непріятеля, а вслѣдъ за тѣмъ отданъ былъ приказъ войскамъ выступить изъ Хозрека и расположиться лагеремъ подъ его стѣнами. Раненые горцы были поручены мулламъ, подъ надзоромъ одного изъ русскихъ врачей, который былъ оставленъ въ селеніи. Всѣ плѣнные были отпущены на свободу по просьбѣ Асланъ-хана.

Въ это время Сурхай-ханъ, бѣжавшій съ поля сраженія съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ, прискакалъ ночью къ воротамъ своей резиденціи въ надеждѣ найти убѣжище. Но въ Казикумыхѣ уже знали объ его пораженіи и не впустили его, такъ какъ, по желанію народа, онъ былъ лишенъ власти и въ городѣ учреждено временное правленіе старшинъ. Сурхай-ханъ не рѣшился лишить себя жизни и просилъ о возвращеніи ему власти, предлагая самыя унизительныя условія, которыя были единогласно отвергнуты, благодаря общей ненависти, какую онъ возбудилъ противъ себя своей жестокостью и постоянными интригами. Наконецъ, городскіе старшины выслали ему, въ видѣ милости, его женъ и дѣтей подъ прикрытіемъ отряда, который долженъ былъ проводить его до границъ Казикумыхскихъ владѣній.

Вслѣдъ за тѣмъ, старшины отправили нѣсколько человѣкъ изъ своей среды къ Асланъ-хану, чтобы черезъ его посредничество изъявить покорность русскому правительству. Депутаты эти, по словамъ автора, явились въ русскій лагерь въ три часа пополудни и были немедленно введены въ палатку князя Мадатова, гдѣ, послѣ предварительныхъ переговоровъ, они сами предложили остаться въ видѣ заложниковъ, что̀ было безусловно принято. Это были люди пожилые, съ степенными манерами и воинственной осанкой, одѣтые очень богато и съ оружіемъ самой тонкой работы. Согласно нѣкоторымъ пунктамъ предполагаемаго договора, присяга русскому императору, провозглашеніе Асланъ-хана владѣтелемъ Казикумыха и нѣкоторыя другія условія должны были быть заключены въ самой резиденціи сверженнаго хана. «Въ виду этого — продолжаетъ авторъ — 13-го іюня, вечеромъ, былъ отданъ приказъ войскамъ двинуться къ Казикумыху, за исключеніемъ двухъ ротъ пѣхоты, которыя были оставлены въ Хозрекѣ. Это путешествіе было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, вслѣдствіе встрѣчавшихся на пути горъ, переправъ черезъ рѣки и узкихъ тропинокъ, такъ что мѣстами солдаты везли на себѣ орудія и зарядные ящики...

За десять верстъ отъ Казикумыха, князя Мадатова встрѣтила депутація старшинъ съ обычными привѣтствіями. У городскихъ воротъ ожидала его другая депутація съ знаменами и шестами, украшенными зеленью, и подала ключи отъ города на богатомъ блюдѣ, наполненномъ вареннымъ рисомъ, который князь Мадатовъ долженъ былъ отвѣдать. При этомъ ему подарили красивую и богато осѣдланную лошадь, ружье, пистолетъ, саблю и кинжалъ. Князь Мадатовъ обратился къ старшинамъ съ рѣчью на мѣстномъ языкѣ, гдѣ въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ и со всевозможными жестикуляціями распространился о миролюбивыхъ намѣреніяхъ императора Александра I, который послалъ свои войска въ ихъ столицу съ единственною цѣлью водворенія новаго хана, посланнаго имъ Провидѣніемъ, котораго управленіе обезпечитъ ихъ благоден-

ствіе. Отвѣтомъ на эту рѣчь были громкіе крики одобренія многочисленной собравшейся толпы.

«По прибытіи въ ханскій дворецъ, не отличавшійся особеннымъ изяществомъ и великолѣпіемъ, — разсказываетъ Ванъ-Галенъ, — мы взошли на лѣстницу, убранную богатыми коврами и золотыми тканями, и, проводивъ Асланъ-хана въ главную залу, удалились вмѣстѣ съ княземъ Мадатовымъ. Послѣдній приказалъ разбить себѣ палатку за городскими стѣнами и запретилъ кому либо изъ военныхъ оставаться въ городѣ.

«Въ началѣ слухъ о прибытіи русскихъ войскъ возбудилъ неудовольствіе мѣстнаго населенія, но послѣ рѣчи Мадатова, о которой быстро разнеслись слухи по всей области, безпрестанно прибывали новыя толпы, чтобы присутствовать при провозглашеніи новаго хана. 17-го числа, въ день назначенный для церемоніи, двери большой мечети были отворены настежъ; Асланъ-ханъ вошелъ, окруженный многочисленной свитой, которая провожала его отъ самаго дворца. Посрединѣ мечети, на барабанѣ, подъ распущенными знаменами втораго Апшеронскаго полка лежалъ Коранъ, на которомъ старшины всѣхъ магаловъ (округовъ) принесли присягу на вѣрноподданство русскому императору и на повиновеніе Асланъ-хану, вступавшему въ управленіе областью.

«Для бо̀льшей торжественности у дверей мечети поставлена была рота солдатъ и взводъ Апшеронскаго полка; все же остальное войско стояло на нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленій. По окончаніи присяги, Асланъ-ханъ появился на городской стѣнѣ въ пурпуровомъ плащѣ и былъ провозглашенъ ханомъ Казикумыха при громкихъ крикахъ толпы и 24-хъ выстрѣлахъ русской артиллеріи. Мадатовъ не считалъ приличнымъ присутствовать на церемоніи и оставался съ нами въ своей палаткѣ, куда вскорѣ явился Асланъ-ханъ съ своей свитой и сказалъ рѣчь, въ которой упомянулъ о раззоренномъ состояніи страны и просилъ о выводѣ русскаго отряда. Князь Мадатовъ возразилъ, что считаетъ необходимымъ принять мѣры къ полному умиротворенію края, такъ какъ отвѣтственъ въ этомъ передъ генераломъ Ермоловымъ, и добавилъ, что русскія войска немедленно удалятся, какъ только ему будутъ представлены гарантіи относительно миролюбиваго настроенія жителей. Асланъ-ханъ указалъ на русскій орденъ, висѣвшій на его груди и, схвативъ руку князя Мадатова, сказалъ съ горячностью, что ручается за вѣрность и прямодушіе своего народа. Мадатовъ возразилъ, что не можетъ дать окончательнаго отвѣта и ханъ удалился. Затѣмъ князь Мадатовъ видѣлся втайнѣ съ Асланъ-ханомъ и, переговоривъ съ нимъ, объявилъ собравшимся старшинамъ, что, зная благонамѣренность хана, не потребуетъ никакого залога отъ казикумыховъ и удалится немедленно съ своимъ войскомъ, какъ только будетъ приведена къ присягѣ остальная часть населенія, не

участвовавшая въ церемоніи. На слѣдующее утро князю Мадатову выданы были десять мѣдныхъ орудій и двѣ пушки, находившіяся въ башняхъ дворца и возвращены русскіе плѣнные, забранные въ разное время.

Вечеромъ 19-го іюня снятъ былъ лагерь у Казыкумыха. Асланъ-ханъ проводилъ князя Мадатова за четыре версты, гдѣ русскій отрядъ расположился на ночь. Вслѣдъ за этимъ явились старшины городовъ и деревень и принесли требуемую присягу въ соблюденіи мира. Отсюда войска двинулись въ обратный путь черезъ Хозрекъ и Кубу, гдѣ была отпущена горская конница, участвовавшая въ экспедиціи.

Между тѣмъ, вѣсть о побѣдѣ, одержанной при Хозрекѣ, дошла до Ермолова со всѣми подробностями. Онъ торжественно благодарилъ князя Мадатова въ письмѣ за способъ, какимъ была ведена экспедиція, и поручалъ передать его благодарность отличившимся офицерамъ и солдатамъ. Мадатовъ, исполнивъ порученіе главнокомандующаго, отпустилъ собранные имъ баталіоны на прежнія квартиры, а самъ вернулся въ Карабагъ для окончательнаго устройства ханствъ, порученныхъ его управленію. Трое изъ офицеровъ, причисленныхъ къ его штабу: Коцебу, Исаковъ и Ванъ-Галенъ отправились ближайшей дорогой въ Тифлисъ, куда прибыли 6-го іюля. Ванъ-Галенъ по прежнему остановился у барона Рененкамфа, такъ какъ еще дорогой получилъ радостное извѣстіе о полномъ успѣхѣ испанской революціи и намѣревался вернуться на родину въ самомъ непродолжительномъ времени.

«На слѣдующій день по моемъ пріѣздѣ — говоритъ авторъ — мы представились генералу Ермолову, который принялъ насъ самымъ лестнымъ образомъ, и указывая на знамена Хозрека, стоявшія въ углу его залы, отозвался съ похвалой о храбрости офицеровъ и солдатъ, находившихся въ отрядѣ князя Мадатова. Распросивъ о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ ему подробностяхъ, онъ любезно пригласилъ насъ располагать его домомъ, обѣдомъ и библіотекой. Имѣя доступъ въ его домъ во всякое время, я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и откровенно сообщилъ ему о причинахъ, побуждавшихъ меня оставить русскую службу и вернуться на родину, Ермоловъ выслушалъ меня очень внимательно и отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ этого, но совѣтовалъ остаться до тѣхъ поръ, пока будутъ выполнены необходимыя формальности и онъ напишетъ донесеніе императору. Требованіе это было вполнѣ законно и я тѣмъ охотнѣе подчинился ему, что получилъ извѣстіе, что генералъ Бетанкуръ, проѣздомъ въ Крымъ, остановится въ Кизлярѣ. Я рѣшилъ воспользоваться свободнымъ временемъ и повидаться съ моимъ почтеннымъ покровителемъ въ Кизлярѣ чтобы еще разъ поблагодарить его за оказанныя мнѣ услуги. Ермоловъ охотно отпустилъ меня и поручилъ передать письмо, въ которомъ

просилъ генерала Бетанкура проѣхать черезъ Кавказскія горы въ Тифлисъ и бросить взглядъ на устроенныя имъ пути сообщенія, чтобы имѣть возможность доложить императору о пользѣ улучшеній, сдѣланныхъ въ краѣ».

Бетанкуръ ласково встрѣтилъ своего молодаго соотечественника, но предложенная ему поѣздка въ Тифлисъ поставила его въ затруднительное положеніе: маршрутъ его былъ назначенъ, и онъ ѣхалъ въ Крымъ по особому указу его величества. Однако, узнавъ нѣкоторыя подробности о способѣ путешествія и разсчитавъ время, онъ рѣшился исполнить желаніе генерала Ермолова. Едва отдохнувъ съ дороги, онъ выѣхалъ изъ Кизляра съ Ванъ-Галеномъ, котораго посадилъ съ собой въ экипажъ. Бетанкуръ путешествовалъ съ комфортомъ, неизвѣстнымъ на Кавказѣ, но который былъ необходимъ при его преклонныхъ лѣтахъ. Помимо нѣсколькихъ колясокъ для него и его приближенныхъ, сзади слѣдовалъ огромный рыдванъ со всевозможной провизіей, кухонной посудой и проч. На всѣхъ станціяхъ были заранѣе приготовлены лошади и конвой, воизбѣжаніе какихъ-либо остановокъ и т. п.

Ермоловъ былъ очень доволенъ пріѣздомъ главно-управляющаго путями сообщенія, принялъ его съ большимъ почетомъ и самъ показывалъ ему всѣ сдѣланныя имъ улучшенія въ городѣ и окрестностяхъ.

Генералъ Бетанкуръ пробылъ всего четыре дня въ Тифлисѣ, но какъ разъ въ это время случилось неожиданное событіе, которое положило конецъ военной карьерѣ Ванъ-Галена въ Россіи: Императоръ Александръ I прислалъ приказъ съ обозначеніемъ орденовъ, повышеній въ чинѣ и другихъ милостей для всѣхъ отличившихся въ Казикумыхской экспедиціи, согласно донесенію главнокомандующаго. «Въ этомъ донесеніи — замѣчаетъ авторъ — я былъ также упомянутъ, что мнѣ достовѣрно извѣстно; но полученная мною награда была совершенно иная. Его величество, не одобряя положеніе дѣлъ въ Испаніи, счелъ нужнымъ сдѣлать меня отвѣтственнымъ за то неудовольствіе, которое возбудили въ немъ мои соотечественники. Онъ повелѣлъ главнокомандующему немедленно уволить меня отъ службы и выслать изъ Россіи подъ конвоемъ, который будетъ отвѣтственъ за скорое и безусловное исполненіе высочайшаго повелѣнія...

«Я не считаю себя вправѣ — продолжаетъ авторъ — описать вполнѣ великодушное поведеніе генерала Ермолова въ настоящемъ случаѣ, но въ то же время не могу умолчать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, такъ какъ это было бы неблагодарностью съ моей стороны.

«Главнокомандующій, зная насколько моя насильственная отставка произведетъ дурное впечатлѣніе на моихъ товарищей, въ виду дарованныхъ имъ милостей, и желая подготовить меня къ не-

пріятному извѣстію, утаилъ отъ всѣхъ содержаніе полученнаго имъ приказа, кромѣ Бетанкура, который долженъ былъ сообщить мнѣ объ этомъ передъ своимъ отъѣздомъ. Я удивлялся странному обращенію со мной генерала Бетанкура и печальнымъ взглядамъ, которые онъ бросалъ на меня, и не могъ понять причины. Въ часъ, назначенный для его отъѣзда, я пришелъ проститься съ нимъ, такъ какъ лошади уже были поданы у крыльца. Онъ ожидалъ меня и, отойдя къ окну, сказалъ мнѣ съ видомъ участія и сожалѣнія: — Мой дорогой другъ, несчастіе преслѣдуетъ васъ... вы узнаете очень непріятную новость, которую нельзя было ни предвидѣть, ни предупредить... Не нужно ли вамъ денегъ?.. Онъ остановился и, видя, что я готовъ отказаться, вынулъ свою записную книжку, написалъ въ ней нѣсколько словъ, и, вложивъ въ мою руку, сказалъ:— Въ какой бы изъ европейскихъ столицъ вы не очутились безъ средствъ воспользуйтесь этой запиской, вы получите требуемую вами сумму. Говоря это, онъ простился со мной со слезами на глазахъ и сѣлъ въ экипажъ, оставивъ меня въ совершенномъ недоумѣніи. Я былъ сильно встревоженъ и терялся въ догадкахъ, припоминая слова моего великодушнаго покровителя...

Послѣ отъѣзда Бетанкура, милости императора были объявлены участникамъ Казикумыхской экспедиціи, но ни слова не было сказано объ увольненіи Ванъ-Галена, которое не могло долѣе оставаться тайной для послѣдняго. Наконецъ, главнокомандующій, откладывавшій до послѣдней минуты непріятное объясненіе, потребовалъ къ себѣ Ванъ-Галена, чтобы поговорить о важномъ дѣлѣ.

«Я пришелъ къ Ермолову въ назначенный часъ — говоритъ авторъ — онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно превратностей моей судьбы, сообщилъ мнѣ высочайшую волю. Но при этомъ замѣтилъ, что не намѣренъ исполнять полученный приказъ во всей строгости, потому что знаетъ характеръ Александра I и убѣжденъ, что подобное распоряженіе исходитъ не отъ самаго императора, а отъ окружавшихъ его лицъ, которые часто обманываютъ его.— По моему мнѣнію, продолжалъ онъ, вы должны написать его величеству и изложить въ короткихъ словахъ всѣ тѣ несчастія, которыя вы испытали въ жизни, не исключая и послѣдняго распоряженія. Я, съ своей стороны, объясню, почему я позволилъ себѣ отступить отъ повелѣнія, которое могло дать поводъ обвинить его величество въ неблагодарности и несправедливости. Я настолько дорожу честью и достоинствомъ его имени, что не допущу, чтобы офицеръ, на услуги котораго я хотѣлъ обратить его высочайшее вниманіе, уѣхалъ отъ насъ съ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Въ виду этого, я не стану торопить васъ съ отъѣздомъ и не считаю нужнымъ приставлять къ вамъ стражи; единственно, что я потребую отъ васъ, чтобы вы не вздумали посѣтить Петербурга или Москвы. Пока совѣтую вамъ

носить по прежнему вашъ мундиръ, чтобы никто не догадался о настоящей причинѣ вашего отъѣзда...

Черезъ сутки письмо Ванъ-Галена было отправлено въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе онъ не желалъ увеличивать отвѣтственность генерала Ермолова передъ правительствомъ и рѣшилъ по возможности ускорить свой отъѣздъ изъ Тифлиса. Ему не удалось скопить денегъ на русской службѣ, такъ что онъ принужденъ былъ продать свою лошадь и книги, но и тутъ вырученная сумма не могла покрыть расходовъ путешествія съ одного конца Европы въ другой. Но это не особенно безпокоило Ванъ-Гилена. Окончивъ свои дорожные сборы, онъ явился къ главнокомандующему, чтобы получить отъ него послѣднія приказанія.

Ермоловъ назначилъ ему маршрутъ до Дубно, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать окончательной резолюціи государя. — Я увѣренъ, добавилъ онъ, что его величество увидитъ свое заблужденіе и отдастъ вамъ должную справедливость. На всякій случай возьмите этотъ документъ, онъ можетъ пригодится вамъ [1]). Кромѣ того, по пріѣздѣ въ Дубно я совѣтую вамъ сдѣлать визитъ дивизіонному генералу Гогелю, моему старому пріятелю, который приметъ васъ наилучшимъ образомъ... Затѣмъ, Ермоловъ, узнавъ о желаніи барона Рененкамфа проводить Ванъ-Галена до Моздока, охотно далъ на это свое согласіе; но только просилъ обоихъ друзей отложить свой отъѣздъ до вечера, чтобы еще разъ пообѣдать съ нимъ.

«Когда мы встали изъ-за стола — говоритъ авторъ — и я долженъ былъ окончательно проститься съ Ермоловымъ, онъ пригласилъ меня и Рененкампфа въ свой кабинетъ, и обращаясь ко мнѣ, спросилъ съ самымъ сердечнымъ участіемъ: имѣю ли я достаточно денегъ, чтобы совершить путешествіе отъ азіятской границы до самаго крайняго конца Европы?

Я отвѣтилъ на это, что помимо тѣхъ денегъ, которыя имѣются у меня, я получилъ прогоны и надѣюсь доѣхать до Дубно.

— А затѣмъ на какія средства вы будете продолжать свое путешествіе? спросилъ онъ.

— Я думалъ обратиться къ помощи испанскаго посланника въ первой столицѣ, какая попадется на пути, и надѣюсь, что онъ дастъ мнѣ средства, чтобы доѣхать до испанской границы.

«Ермоловъ добродушно усмѣхнулся и сказалъ:—У васъ довольно странное представленіе о посланникахъ! Но вѣдь это ребячество!.. Я хочу устроить такимъ образомъ, чтобы вы могли вернуться домой, не подвергая себя напраснымъ униженіямъ... Примите это отъ

[1]) Это былъ лестный письменный отзывъ главнокомандующаго о заслугахъ Ванъ-Галена въ Грузіи и особенно во время послѣдней экспедиціи противъ казикумыхскаго хана.

меня... Не смѣйте отказываться... Когда поправятся ваши дѣла вы можете возвратить мнѣ эти деньги.

«Съ этими словами онъ всунулъ въ мою руку кошелекъ съ 300 голандскихъ дукатовъ (3,300 франковъ). Это было все его достояніе въ данный моментъ, какъ я узналъ потомъ отъ Рененкамфа, въ чемъ врядъ ли кто могъ сомнѣваться, зная полное равнодушіе Ермолова къ деньгамъ и его безпримѣрную щедрость. Кромѣ того, онъ подарилъ мнѣ отличную бѣлую бурку и просилъ сохранить ее на память, какъ произведеніе страны, въ которой я находился на службѣ.

«Затѣмъ, онъ крѣпко обнялъ меня съ отеческою нѣжностью и сказалъ: — Прощайте, мой дорогой другъ! Господь да благословитъ васъ!..»

«Лошади уже были готовы и мы двинулись въ путь, — продолжаетъ авторъ; — на седьмой день мы прибыли въ Моздокъ, гдѣ я простился на вѣки съ моимъ дорогимъ пріятелемъ Рененкамфомъ. Съ этого дня я не получалъ объ немъ никакихъ извѣстій и не знаю дошли ли до него тѣ письма, которыя я писалъ ему»...

Въ Дубно Ванъ-Галенъ встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны дивизіоннаго генерала Гогеля, который былъ предупрежденъ объ его пріѣздѣ письмомъ Ермолова и тотчасъ же предложилъ ему остановиться въ его домѣ, старался доставить ему всевозможныя развлеченія и познакомилъ съ офицерами своей дивизіи. Здѣсь Ванъ-Галенъ прожилъ около мѣсяца, пока, наконецъ, 14-го декабря получена была давно ожидаемая «окончательная резолюція императора», которая была послана изъ Варшавы, откуда Александръ I отправился на конгрессъ въ Траппау. «Хотя въ этой резолюціи, говоритъ авторъ, уже не заключался приказъ, чтобы я былъ высланъ изъ Россіи подъ конвоемъ, на подобіе преступника, но она была ничуть не утѣшительнѣе для меня. Въ ней было сказано, къ моему величайшему удивленію, что императоръ отдаетъ меня въ полное распоряженіе австрійскаго правительства, къ которому я не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія». Вмѣстѣ съ тѣмъ генералу Гогелю послана была инструкція немедленно отправить маіора Ванъ-Галена въ Львовъ въ сопровожденіи русскаго офицера, который долженъ былъ сдать его австрійскому губернатору города.

Гогель старался всѣми способами смягчить этотъ суровый приговоръ, онъ дружески спросилъ Ванъ-Галена не нуждается ли онъ въ деньгахъ? предложилъ ему самому выбрать офицера, который долженъ былъ сопрождать его, и далъ ему до Львова свой собственный дорожный экипажъ.

Въ Австріи Ванъ-Галенъ встрѣтилъ далеко не такое добродушное отношеніе къ нему властей, какъ въ Россіи. Львовскій губернаторъ, князь Рейсъ Плауенъ, къ которому онъ тотчасъ же явился по пріѣздѣ, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его маіоромъ Тархановымъ,

сразу объявилъ ему, что онъ вѣроятно пробудетъ довольно долго въ Львовѣ, потому что «еще не рѣшено, что дѣлать съ нимъ». Затѣмъ Плауенъ обратился къ маіору Тарханову и довольно ясно намекнулъ ему, что его присутствіе сдѣлалось лишнимъ и что онъ беретъ Ванъ-Галена на свое попеченіе.

«По возвращеніи въ отель, говоритъ авторъ, смыслъ этихъ словъ сталъ вполнѣ понятенъ для насъ. Мы нашли здѣсь гренадера, который долженъ былъ сдѣлаться моимъ стражемъ; онъ съ такою точностью исполнялъ свою обязанность, что слѣдовалъ за мной по пятамъ и даже присутствовалъ, когда я ложился въ постель. Маіоръ Тархановъ доказывалъ князю Плауену всю нелѣпость и безцѣльность такого надзора; но на его слова не было обращено никакого вниманія, и такъ какъ кончался срокъ, на который онъ былъ отпущенъ, то онъ простился со мной, оставивъ меня на попеченіе гренадера. Ничто не могло быть скучнѣе, какъ постоянное присутствіе этого тѣлохранителя, который тѣмъ не менѣе однажды сильно позабавилъ меня. Львовскій комендантъ позвалъ меня къ обѣду, я принялъ это приглашеніе, въ надеждѣ узнать что нибудь относительно ожидавшей меня участи, и отправился въ путь въ сопровожденіи моего сторожа, который къ моему удивленію послѣдовалъ за мной въ залу, какъ тѣнь ходилъ за мной, когда я двигался, и стоялъ у моего стула, когда я садился. Во все время обѣда онъ не шевельнулся, его суровый и серіозный видъ былъ въ высшей степени комиченъ при его неподвижной позѣ...

Такъ прожилъ я много дней въ обществѣ гренадера, мнѣ не дозволено было ни писать, ни знакомиться съ кѣмъ бы то ни было въ городѣ, всѣ мои просьбы и жалобы не приводили ни къ какимъ результатамъ»...

Наконецъ, 15-го января Ванъ-Галену объявили, что онъ можетъ оставить Австрію. При этомъ ему данъ былъ подробный маршрутъ, котораго онъ долженъ былъ держаться при проѣздѣ черезъ австрійскія владѣнія, съ обозначеніемъ дорожныхъ издержекъ; гренадеръ былъ смѣненъ полицейскимъ агентомъ. Послѣдній проводилъ Ванъ-Галена до Брюнна и сдалъ двумъ полицейскимъ, которые не разставались съ нимъ во все время, пока онъ былъ въ городѣ. Здѣсь ему торжественно объявили черезъ коммисара о запрещеніи въѣзжать въ Вѣну, хотя, по словамъ автора, у него не было тамъ ни единаго знакомаго. Изъ Брюнна его отправили въ Линцъ, гдѣ полиціймейстеръ грубо обошелся съ нимъ и приказалъ повелительнымъ тономъ подписать бумагу на непонятномъ для него языкѣ. Ванъ-Галенъ отказался и просилъ предварительно представить ему копію въ переводѣ. Тогда полиціймейстеръ разразился такой бранью, что Ванъ-Галенъ, выведенный изъ терпѣнія «всѣми непріятностями, которыя ему пришлось испытать отъ агентовъ австрійскаго правительства», поднялъ со стола тяжелую чернильницу, чтобы бросить

ее въ голову дерзкому чиновнику. Но его удержали во время и увели обратно въ отель.

По счастью эта исторія осталась безъ послѣдствій. Въ тотъ-же вечеръ Ванъ-Галену подали для подписи требуемый документъ въ переводѣ и дозволили продолжать путь.

Такъ кончилось 50-ти дневное пребываніе автора въ австрійскихъ владѣніяхъ. Въ Пассау его окончательно освободили отъ полицейскаго надзора, и онъ безъ дальнѣйшихъ приключеній благополучно прибылъ на родину 27-го февраля 1821 года.

Н. Бѣлозерская.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Памятники древней письменности. „Сводный старообрядческій синодикъ“. Второе изданіе синодика, по четыремъ рукописямъ XVIII—XIX в. А. Н. Пыпина. 1884.

Е МОЖЕТЪ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что расколъ и старообрядчество, захватившіе до 15 милліоновъ самаго подлиннаго русскаго народа, заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія со стороны тѣхъ, для которыхъ изученіе родной исторіи, во всѣхъ ея проявленіяхъ, есть самая дорогая задача жизни. Старообрядчество и расколъ до сей поры, послѣ многихъ лѣтъ существованія, соединеннаго съ тяжкими страданіями, носятъ въ себѣ силу, крѣпость, даютъ себя чувствовать; слѣдовательно, уже только поэтому заслуживаютъ вниманія всякаго мыслящаго человѣка, если онъ хотя сколько нибудь держится за родную почву. «Расколъ — говоритъ г. Пыпинъ — есть не только прошедшій фактъ, но и нынѣ живущій — непосредственное, ревниво охраняемое продолженіе исторической старины». Вотъ причины, заставляющія насъ радоваться появленію литературнаго труда, открывающаго очень многія и очень важныя стороны знаменательнаго въ нашей исторіи раскола.

«Синодикъ» или «Помянникъ», о которомъ идетъ рѣчь, составленъ, какъ сказано въ его заглавіи, по благословенію великаго господина и первонастольнаго отца нашего, святѣйшаго Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи; но въ старообрядческой редакціи «Синодикъ» примѣненъ спеціально къ кругу лицъ, памятныхъ для старообрядчества. Послѣ статей «вселенскихъ», заключающихъ общее поминаніе святыхъ и вѣрующихъ, «отъ Адама до сего дня», «Синодикъ» даетъ рядъ статей, заключающихъ русскія поминанія, куда вошли только лица, старообрядчествомъ признаваемыя въ старыя времена русской исторіи и въ новѣйшія времена старообрядчества; изъ древней исторіи это

лишь времена тѣхъ временъ, когда въ русской жизни еще не было нарушено «древнее благочестіе», а затѣмъ дѣятели и подвижники самаго раскола, которыхъ память онъ хотѣлъ почтить и сохранить. Русская исторія, признаваемая старообрядческимъ «Синодикомъ», оканчивается половиною XVII вѣка: послѣдній патріархъ московскій, здѣсь названный, есть Іосифъ, предшественникъ Никона; послѣдній царь московскій—Михаилъ Ѳедоровичъ. Затѣмъ любопытенъ общій историческій синодикъ пострадавшихъ за святыя Божіи церкви и за вѣру христіанскую, «въ бояхъ съ иноплеменными и въ междоусобныхъ браняхъ», гдѣ пересчитываются битвы въ разныхъ концахъ русской земли, сохранившіяся въ народной памяти старообрядчества, и гдѣ въ самомъ перечетѣ битвъ слышится пѣвучесть народнаго пѣсеннаго склада. Наконецъ, цѣлый особый отдѣлъ, составляющій главный интересъ «Синодика», занимаютъ подвижники старообрядства, «пострадавшіе и сожженные благочестія ради»,— отчасти по-именно, отчасти общими числами, съ обозначеніемъ мѣстъ, гдѣ они пострадали, а иногда съ указаніемъ года и дня. Названныя здѣсь мѣста простираются отъ Архангельска и Пустозерска до Дона и отъ Питера до Сибири. Самое раннее хронологическое указаніе—1676 годъ, самое позднее—1738. Разсматривая «Синодикъ», очень не рѣдко встрѣчаемъ молитвы за сожженныхъ благочестія ради, причемъ, какъ замѣчено выше, слѣдуютъ и имена или означается число всѣхъ сгорѣвшихъ, доходившее иногда до 700 и болѣе человѣкъ.

Мы вполнѣ соглашаемся съ авторомъ предисловія къ новому изданію—«Исторіи Выговской пустыни»—что не существовало догматическаго ученія о самосожженіи для спасенія души или по приказу учителей. Самосожженіе было не догматъ, не ученіе, а крайнее выраженіе борьбы съ сильнѣйшею властью, слѣдствіе убѣжденія въ своемъ безсиліи, въ невозможности избѣгнуть отъ наказанія,—средство уравнять свое безсиліе пожертвованіемъ личностей. Чтò предшествовало самосожженію? Извѣстіе, что идутъ подьячіе, начальники съ солдатами и понятыми—захватить укрывающихся раскольниковъ; затѣмъ слѣдовало соглашеніе раскольниковъ не отдаваться въ руки гонителей. Но чѣмъ противостоять силѣ? Они собираются вмѣстѣ въ часовнѣ, въ церкви, въ избѣ или въ ригѣ, загораживаютъ себя бревнами, заборами. прокладываютъ вездѣ смольемъ и соломою, запираютъ двери, окна, ворота; укрѣпляютъ ихъ перекладинами, бревнами, крѣпкими задвижками и ожидаютъ своихъ гонителей; только при ихъ появленіи и только при нападеніи ихъ, зажигался безчеловѣчный огонь, въ которомъ погибали они съ своими отцами, женами и дѣтьми. «Отойдите,—кричали они гонителямъ:—оставьте насъ или мы сгоримъ». Бывали случаи, что гонители отходили и самосожигатели не сожигались и оставляли свое намѣреніе. Всѣ извѣстные случаи были всегда и не иначе, какъ въ виду явившихся для захвата раскольниковъ воинскихъ командъ и, бòльшею частью, во время ихъ нападенія на жилища раскольниковъ. «Вездѣ чѣпи брячаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты» (орудія пытки). «Никонову ученію служаху—говоритъ Иванъ Филиповъ, историкъ Выговской пустыни—вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повсядневно омочахуся».

Значеніе самосожженія, какъ догмата, болѣе всего, по нашему крайнему мнѣнію, опровергается самой природой русскаго человѣка, не способной доходить въ религіозныхъ стремленіяхъ до фанатизма, ибо его разсудочная способность слишкомъ сильна и беретъ значительный перевѣсъ среди другихъ

душевныхъ свойствъ. Но также справедливо, что, вслѣдствіе постоянныхъ гоненій, самосожженіе явилось простымъ, привычнымъ средствомъ къ исходу изъ тяжкаго положенія и съ теченіемъ времени приняло, такъ сказать, священный характеръ, что̀, конечно, слишкомъ далеко отъ догмата. Мы нисколько не оспариваемъ мнѣнія г. Пыпина, что самосожженіе превратилось въ ужасающую эпидемію, едва ли не безпримѣрную въ исторіи. Такія аномальныя движенія души человѣческой должны дѣйствовать эпидемически и дѣйствительно дѣйствуютъ: исторія представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ. «Въ книгѣ Іоаннова—говоритъ г. Пыпинъ—приведена повѣсть нѣкоего многогрѣшнаго Ксенофонта объ обращеніи его изъ раскола, писанная въ 1792 году. Находясь подъ стражей, онъ былъ въ большомъ «двоемысліи» о томъ, которая истинная церковь; лукавый постоянно искушаетъ его на этомъ вопросѣ. «Почто ихъ слушаешь? Вси они прелестники, вси они противники... Паки лукавый привелъ мнѣ на умъ, что многіе старовѣры сами себя огнемъ сожгли и ножемъ заклали, а многіе въ водѣ себя потопили, то же и мнѣ паки совѣтовалъ сдѣлать: и я думалъ сгорѣть»... И не сгорѣлъ потому только, что въ тюрьмѣ невозможно было этого устроить.

Вотъ этотъ-то лукавый, искушавшій многогрѣшнаго Ксенофонта, и есть то эпидемическое вліяніе, о которомъ мы сказали выше.

Хотя «Синодикъ» и сохранилъ имена и число сожженныхъ, но по всей вѣроятности — говоритъ г. Пыпинъ — это не всѣ сожегшіеся, а тѣ только, о которыхъ пришли въ старовѣрческій центръ мѣстныя поминанія. Имена, конечно, безразличны, кромѣ главныхъ предводителей; но поражаетъ ихъ масса и, между прочимъ, присутствіе (въ подробныхъ спискахъ) даже «младенцевъ». Историческое значеніе этой части «Синодика» и состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ документальное свидѣтельство къ существующимъ свѣдѣніямъ о самосожигателяхъ.

Страшный обычай держался очень долго. Въ первое время самосожженія были, конечно, неожиданностью для правительственной власти, и она долго, повидимому, была въ недоумѣніи, какъ быть съ этимъ фанатизмомъ. Только въ половинѣ прошлаго столѣтія мы встрѣчаемъ въ узаконеніяхъ нѣкоторую заботу о мирныхъ способахъ дѣйствій противъ раскола, и въ данномъ случаѣ предписанія, чтобы мѣстное начальство озаботилось не допускать раскольниковъ до сборищъ, побѣговъ, самосожженій. Такъ, въ 1737 году предписывалось о «добронравномъ», а не свирѣпомъ дѣйствованіи на раскольниковъ. Въ царствованіе Петра III сенатъ издалъ 1-го февраля 1762 года указъ о прекращеніи слѣдствій о самосожигательствѣ и объ успокоеніи раскольниковъ; 7-го февраля того же года, сенатъ въ новомъ указѣ говоритъ уже прямо о защитѣ раскольниковъ отъ чинимыхъ имъ обидъ и притѣсненій.

Представивъ нашимъ читателямъ сущность содержанія «Синодика», мы въ заключеніе скажемъ, что исторія русскаго раскола ждетъ разработки самой внимательной и строгой, и чѣмъ болѣе она будетъ разрабатываться, тѣмъ яснѣе и яснѣе будетъ выступать внутренняя сторона исторіи народа, тѣмъ осязательнѣе будутъ обозначаться его душевныя свойства, на долю которыхъ выпали тяжкія испытія. Только великая сила народа и могла ихъ выдержать. Расколъ именно тѣмъ и замѣчателенъ, что онъ служитъ вѣрнѣйшимъ мѣрителемъ этой дивной силы.

И. В—въ.

Критическіе очерки и памфлеты В. Буренина, Спб., 1884.

Отдавая недавно отчетъ о замѣчательномъ критическомъ этюдѣ г. Буренина о литературной дѣятельности Тургенева, мы ждали встрѣтить въ новомъ сборникѣ того же автора продолженіе его работъ, появлявшихся въ «Новомъ Времени», по оцѣнкѣ Гончарова, Успенскаго и другихъ писателей. Но изданный нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ очеркъ прежнихъ критическихъ работъ, изъ которыхъ иные относятся къ довольно отдаленному времени, отдаленному не по годамъ, а по событіямъ, измѣнившимъ въ недавнее время положеніе нашей журналистики. Такъ, авторъ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, относится съ особенною страстностью, мѣстами даже съ рѣзкостью—къ газетѣ и къ журналу, уже исчезнувшимъ изъ небольшаго числа русскихъ періодическихъ изданій. И газета, и журналъ могли ошибаться въ своихъ воззрѣніяхъ. Но они все-таки, въ свое время, сослужили службу русскому обществу, и въ особенности журналъ, въ теченіи своего почти полувѣковаго существованія соединившій въ себѣ всѣ силы нашей литературы. Поэтому, любитель русской литературы, дорожащій каждымъ органомъ ея, не встрѣтитъ съ удовольствіемъ возобновленіе полемики съ изданіями, которыя столько лѣтъ пользовались вниманіемъ общества. Мы даже думаемъ, что объемистый (почти 20 листовъ) сборникъ г. Буренина былъ уже давно готовъ къ печати и что, выпуская его въ свѣтъ въ маѣ нынѣшняго года, авторъ не могъ уже смягчить рѣзкихъ приговоровъ объ этихъ изданіяхъ. Мы не думаемъ также, чтобы возобновленіе въ трехъ статьяхъ полемики автора съ покойнымъ «Порядкомъ» и судомъ, не одобрившимъ эту полемику, было своевременно. Статьи эти написаны бойко, блещутъ остроуміемъ, представляютъ любопытную картину журнальныхъ нравовъ, которую не мѣшаетъ сохранить и въ исторіи журналистики, но теперь это едвали будетъ интересовать читателей.

Изъ шестнадцати статей сборника, въ восьми г. Буренинъ является не памфлетистомъ, а критикомъ, и здѣсь его наблюдательность, вѣрность сужденій, меткость оцѣнки заслуживаютъ вниманія. Такъ у него представлены замѣчательныя литературныя характеристики Лассаля, Зола, Эртеля, Каронина, Крылова, Аверкіева, Анны Стацевичъ и общественный типъ Солодовникова по поводу его процесса съ Куколевской. Очерки эти, написанные живымъ, остроумнымъ языкомъ, читаются съ удовольствіемъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ нельзя согласиться съ авторомъ, какъ напр. въ слишкомъ огульныхъ приговорахъ надъ гг. Эртелемъ и Каронинымъ, составленныхъ на основаніи немногихъ и далеко не лучшихъ произведеній этихъ начинающихъ писателей. Г. Буренинъ, вообще, критикъ строгій, хотя и говоритъ, что снисходителенъ къ произведеніямъ малоизвѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ авторовъ. Но его приговоры основаны всегда на искреннемъ убѣжденіи, мотивированы литературными принципами, поддерживаются горячо и убѣдительно. Если авторъ увлекается иногда насмѣшками надъ либерализмомъ, то дѣлаетъ это въ виду его крайностей, увлеченій и смѣется собственно надъ лже-либерализмомъ.

З. Т. В.

Похвала глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Перевелъ съ латинскаго проф. А. Кирпичниковъ. Москва. 1884.

Въ нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненіяхъ встрѣчается мнѣніе, что на свѣтѣ было три лица, крайне схожихъ по таланту и силѣ вліянія на современное имъ общество: Лукіанъ въ II вѣкѣ, относившійся съ насмѣшками къ христіанамъ и циникамъ; Эразмъ Роттердамскій въ XVI в., глава гуманистовъ, и Вольтеръ въ XVIII в., старавшійся подорвать вѣру въ непогрѣшимость какого бы то ни было церковнаго порядка вещей, откуда бы не исходилъ этотъ порядокъ — отъ отцовъ церкви, съ тіарой на головѣ, или отъ Лютера, съ евангеліемъ въ рукѣ. Всѣ три мыслителя отличались отъ схоластиковъ, ересіарховъ, реформаторовъ и соціаль-демократическихъ сектантовъ тѣмъ, что обсуждали папскую власть и священное писаніе не на богословской, но болѣе на свѣтской почвѣ и этимъ, совмѣстно съ другими факторами, подготовили свѣтскій характеръ средневѣковой, монашеско-теологической жизни и раціонализмъ въ области науки и литературы. Чтобы понять вліяніе Эразма Роттердамскаго и его книги — «Похвала глупости» — на современниковъ, необходимо представить себѣ общую картину порядковъ и нравовъ, осмѣянію которыхъ Эразмъ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ принадлежалъ къ школѣ гуманистовъ — этой предтечи реформаторовъ. Соціально-политическая философія гуманистовъ не могла не вліять на повсемѣстное господство принциповъ такъ называемаго божественнаго права, съ опекой Рима и авторитетомъ всевозможныхъ преданій и постановленій церковныхъ соборовъ надъ властителями, темной массой и интеллигентнымъ меньшинствомъ. Первый, кто поднялъ протестъ противъ папства — это была имперія, въ знаменитомъ спорѣ Филиппа IV Красиваго съ Бонифаціемъ VIII, и греческіе выходцы Платоновой философіи, распространявшіе классическія знанія и положившіе начало возрожденію наукъ и искусствъ въ Европѣ, а затѣмъ и протестантизму. Свѣтская власть очень скоро размежевалась съ церковью, особенно, когда народъ и его мыслители рѣшились сперва удовлетвориться однимъ св. писаніемъ, безъ комментаріевъ Рима, а впослѣдствіи не пожелали быть связанными ни библіей, ни евангеліемъ. Расколъ среди католическаго міра (папа римскій и авиньонскій), вражда епископовъ или собора съ первосвященникомъ, соперничество тѣхъ и другихъ съ свѣтскимъ закономъ тотчасъ же смолкли, какъ только народъ, устами своихъ предводителей, выразилъ мысль, что Богу не нужны ни клиръ, ни библія. Все сплотилось противъ подобныхъ выводовъ; гоненія съ личности перешли на цѣлыя области. На плахѣ или кострѣ кончаютъ свою жизнь Саванорола, Іоаннъ Гусъ, Іеронимъ Пражскій, Виклефъ (сожженный послѣ смерти), Мельхіоръ, Іоаннъ Лейденскій, Шторхъ и Мюнцеръ. Гибнутъ подъ мечомъ и пытками инквизиторовъ секты: Вальденсы, Табориты, Анабаптисты, Моравскіе братья, Амальрикіане, Катары, швабскіе и франконскіе крестьяне. Все вооружилось противъ рѣшительнаго освобожденія массъ отъ всевозможныхъ тезисовъ и каноновъ, отъ какихъ бы то ни было церквей, не основанныхъ на свѣтской логикѣ или реальныхъ нуждахъ народа. За религіознымъ освобожденіемъ послѣдовало политическое, за индивидуальнымъ — соціальное. Сами гуманисты и реформаторы ужаснулись того обстоятельства, что ихъ споры и книги повели къ страшному кровопролитію.

Между тѣмъ, ученія тѣхъ и другихъ должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ неминуемое пробужденіе массъ: если міряининъ равняется съ священникомъ, то почему же крѣпостному унижаться и работать на господина? Если христіанинъ свободенъ, то почему же человѣкъ долженъ быть порабощенъ? Если возможно возстаніе совѣсти, то почему невозможно возстаніе бѣдности? Подобный пріемъ мышленія всего болѣе развили гуманисты своими учеными трудами и въ особенности массою популярныхъ изданій памфлетовъ, сатиръ и басенъ. Эразмъ Роттердамскій былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ дѣятелей въ этомъ смыслѣ. Его сатира «Похвала глупости» должна была имѣть необыкновенное вліяніе на читателей. Эта злая насмѣшка, не щадящая ни митру, ни корону, мѣстами остроумная и веселая, какъ салонный разговоръ, но болѣе тонко-діалектическій трактатъ, мѣстами рѣзкій, какъ ударъ бича, о томъ, что̀ достойно любви и что̀ достойно ненависти и насмѣшки. Талантливый переводчикъ сатиры Эразма, профессоръ Кирпичниковъ, считаетъ эту неопредѣленность темы — недостаткомъ сатиры. «Что такое «глупость», которую Эразмъ изобличаетъ? спрашиваетъ г. Кирпичниковъ. — Это не одно понятіе, а цѣлый рядъ понятій, часто противоположныхъ. И Донъ-Кихотъ, и Санчо-Панчо, и шутъ короля Лира, и Ричардъ III, и Гамлетъ и Офелія, и Озрикъ, и дикарь, и мученикъ науки — всѣ найдутъ мѣсто въ свитѣ Эразмовой богини». По нашему мнѣнію, эта общность и космополитность темы дѣлаетъ брошюру Эразма еще болѣе цѣнной; въ ней не замѣтно никакого партійнаго, тенденціознаго духа. Логика не знаетъ различій, и то, что̀ смѣшно, Эразмъ осмѣялъ, при каждомъ удобномъ случаѣ прибавляя: «еслибъ человѣкъ былъ мудръ и сознаъ бы свой позоръ, онъ не жилъ бы болѣе. Хвала глупости!» Обрисовавъ нравы католическаго міра, индифферентизмъ церкви и усвоеніе ею мірскаго духа или внѣшняго пониманія религіи, насмѣявшись надъ человѣкомъ, эгоизмомъ и суевѣріемъ, Эразмъ заканчиваетъ свою сатиру словами: «Ну, будьте здоровы, аплодируйте, живите и пьянствуйте, славные жрецы глупости!» Міръ держится глупостью, ею онъ окрашенъ, и того, кто въ этомъ сомнѣвается, Эразмъ спрашиваетъ: могъ ли бы міръ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, еслибъ люди уважали мудрость, а не глупость? Сатира, составленная въ этомъ духѣ, обнимающая ироніей всѣ проявленія общественной и личной жизни, должна была пошатнуть основы этой жизни. Ничто такъ не убиваетъ на-вѣрняка, какъ насмѣшка въ то время, когда всякое серьезное изслѣдованіе влекло мыслителя на судъ въ Римъ и къ отреченію отъ своихъ книгъ и положеній. Эразмъ насмѣялся до сыта надъ человѣческой глупостью и умеръ въ 1536 году покойно на постелѣ, что̀ удавалось въ то тревожное время весьма немногимъ ученымъ. Сатира Эразма, прекрасно переведенная съ весьма труднаго латинскаго оригинала, до сихъ поръ имѣетъ значеніе и представляетъ большой интересъ.

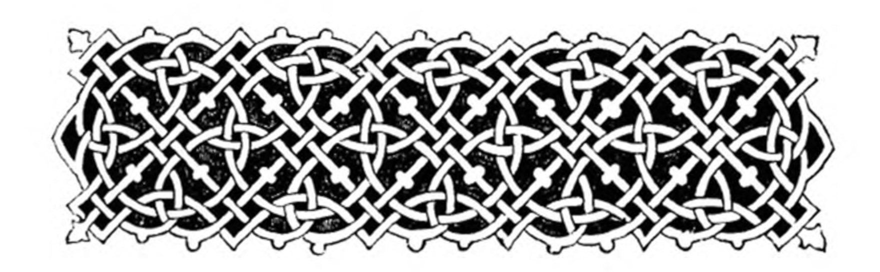
А. И. Ф—овъ.

Календарь и памятная книжка Курской губерніи на 1884 годъ. Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Составлено секретаремъ комитета, С. П. Вѣльченко. Курскъ. 1884.

Курскій губернскій статистическій комитетъ никогда не отличался особенной дѣятельностью на поприщѣ науки. До половины 70-хъ годовъ онъ, однако, подавалъ еще признаки жизни и издалъ разновременно 5 томовъ «Тру-

довъ» своихъ, въ которыхъ, кромѣ статистическихъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія, было помѣщено нѣсколько довольно обстоятельныхъ изслѣдованій по исторіи и этнографіи края, каковы, напримѣръ: «Курганы Суджанскаго уѣзда», «Очерки холерной эпидеміи въ 1830—1831 г. въ Курской губерніи», «Акты Оспольскаго края», «Курская духовная семинарія» и т. д. За послѣдніе же годы комитетъ соблюдалъ строгое молчаніе, такъ что публика даже какъ будто забыла о его существованіи. Но на дняхъ онъ опять напомнилъ о себѣ, издавъ «Календарь и памятную книжку на 1884 годъ». Къ сожалѣнію, нужно сказать, что было бы гораздо лучше, если бы комитетъ продолжалъ попрежнему молчать, потому что выпущенная книжка совсѣмъ не дѣлаетъ ему чести. Изданіе раздѣляется на три отдѣла: въ первомъ заключается церковный календарь, «съ указаніемъ неприсутственныхъ дней въ году»; во второмъ — адресъ-календарь мѣстныхъ чиновныхъ особъ; въ третьемъ помѣщены «мѣстныя свѣдѣнія» о почтовыхъ трактахъ и ярмаркахъ, о пространствѣ и раздѣленіи уѣздовъ Курской губерніи въ административномъ и судебномъ отношеніи, — свѣдѣнія самыя пустыя, которыхъ и печатать совсѣмъ бы не стоило. И все: больше въ книгѣ ничего нѣтъ. Мы совсѣмъ не понимаемъ, для чего было «составлять» подобную книгу и тратить деньги на ея изданіе. Кому она нужна? И неужели у губернскаго комитета не нашлось болѣе интереснаго матеріала, чѣмъ эти адресъ-календари и разстоянія отъ городовъ до квартиръ слѣдователей, мировыхъ судей и становыхъ приставовъ? Курская губернія, искони населенная славянами (у Нестора — сѣверяне по р. Семи) и во время царскаго московскаго періода постоянно пополнявшаяся разными выходцами, вольными и «воровскими людьми», прибѣгавшими сюда отъ московской «нудьги-нужды», — несомнѣнно, представляетъ большой интересъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи; но при всемъ томъ она еще, къ сожалѣнію, очень мало изслѣдована, такъ что комитетъ принесъ бы наукѣ немалую пользу, занявшись разработкой исторіи и этническихъ особенностей края. Разработка исторіи по мѣстнымъ архивамъ комитету болѣе доступна, чѣмъ какому нибудь частному лицу, которое иногда, не смотря на всѣ свои старанія, ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, потому что двери провинціальныхъ архивовъ у насъ вообще очень туго открываются для частныхъ лицъ... Право, это было бы гораздо лучше, чѣмъ издавать безцѣльные, никому не нужные календари...

Н. Д—скій.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Книга о славянахъ. — Отношенія Сербіи и Болгаріи къ Россіи. — Будущая славянская имперія. — Исторія труда и заработной платы. — Трудъ и богатство. — Біографія генерала Мекензи. — Исторія Европы и Англіи. — Араби-паша и Египетъ. — Трехсотлѣтній юбилей Эдинбургскаго университета. — Разговоры въ царствѣ мертвыхъ. — Книга о Суданѣ. — Двадцать лѣтъ второй имперіи. — Исторія масонства. — Сравнительная всемірная литература. — Оправданіе Ксантипы. — Исландская сага. — Новая теорія разселенія человѣчества.

УЧШІЙ знатокъ Россіи между французами, послѣ Леруа-Болье, Луи Леже, издалъ любопытные очерки своего путешествія по Савѣ, Дунаю и Балканамъ (La Save, le Danube et le Balkan). Новая книга этого писателя, не разъ ужъ посѣщавшаго описываемыя имъ страны и изучавшаго на мѣстѣ языкъ и бытъ южныхъ и западныхъ славянъ, относится скорѣе къ разряду политическихъ, а не этнографическихъ сочиненій. Въ ней авторъ говоритъ болѣе всего о стремленіяхъ и будущности сербовъ, болгаръ и обитателей Восточной Румеліи. Онъ вскользь касается австрійскихъ владѣній по Савѣ, но подробно изслѣдуетъ положеніе, созданное для болгаръ Берлинскимъ трактатомъ. Это положеніе онъ считаетъ, конечно, временнымъ. Общіе результаты его изслѣдованій дунайскихъ и балканскихъ странъ сводятся къ слѣдующимъ тезисамъ: полнѣйшая непопулярность Австро-Венгріи въ Босніи и Герцеговинѣ, и даже въ старинныхъ провинціяхъ—Иллиріи и Славоніи, не смотря на всѣ хорошія стороны управленія Габсбурговъ; тайное недоброжелательство сербовъ (вѣрнѣе было бы сказать: сербскаго правительства) къ Россіи; моральное могущество русскихъ въ Болгаріи и стремленіе южной Болгаріи соединиться со своими братьями. Причины нерасположенія Сербіи къ Россіи авторъ видитъ въ томъ положеніи, какое создалъ для нее Берлинскій трактатъ, отдавъ ей только округи Ниша и Пирота, а Боснію и Герцеговину — Австріи. Это убило всѣ надежды Сербіи, расчитывавшей на соединеніе со своими герцеговинскими и боснякскими единоплеменниками,

тогда какъ теперь сербское королевство поневолѣ должно быть вассаломъ своего могущественнаго сосѣда, уже заявляющаго претензію быть наслѣдникомъ Турціи и распространить свои владѣнія до Архипелага. Правда, въ этомъ положеніи дѣлъ всего менѣе виновата Россія, и Сербія могла бы быть ей благодарна хоть за спасеніе страны послѣ Дьюнишскаго погрома; но не говоря уже о томъ, что неблагодарностью въ политикѣ, послѣ примѣра Австріи, никого не удивишь, Сербія считаетъ, что она вполнѣ отплатила Россіи за ея услугу тѣмъ, что, объявивъ войну Турціи, отвлекла диверсіею на лѣвый флангъ турецкой арміи значительныя силы ея отъ участія въ борьбѣ съ русскими войсками. Кромѣ того, сербы оскорбляются тѣмъ, что, провозглашая храбрость черногорцевъ, русскіе съ пренебреженіемъ отзываются о сербскихъ войскахъ. Пруссія давно уже рѣшила, что Сербія должна принадлежать австрійской монархіи, которая преградитъ русскимъ путь къ Балканамъ. Но на этомъ пути, по мнѣнію автора, она встрѣтитъ серьезныя затрудненія. Болгары преданы Россіи; въ странѣ осталось не болѣе 300,000 турокъ, принадлежащихъ къ беднѣйшимъ классамъ, «мечети превращаются въ развалины, всюду царствуетъ самоваръ; войско слушается команды на русскомъ языкѣ». Самоваръ, по словамъ Л. Леже, возрождаетъ общественную жизнь въ Болгаріи, отвлекаетъ женщину отъ гаремнаго затворничества, дѣлаетъ ее центромъ семьи, а семья создаетъ гражданскую жизнь, жизнь націи. Благодаря обычаю пить чай въ кругу родныхъ и друзей, авторъ видитъ у болгаръ болѣе задатковъ общественной жизни, чѣмъ у сербовъ, раньше ихъ пользующихся благами свободы и цивилизаціи. Эти блага даны и Болгаріи въ видѣ свободы печати и сходокъ, министерской отвѣтственности, представительныхъ формъ правленія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой странѣ не умѣютъ ни приготовить хлѣба, ни выдѣлывать вина, землю пашутъ деревяннымъ плугомъ и половина ея остается необработанною. Но русская культура, по немногу вводимая въ Болгаріи, все-таки ставитъ хоть какую нибудь преграду распространенію нѣмецкаго вліянія, гибельнаго для славянъ. Л. Леже говоритъ прямо, что Европѣ нечего опасаться преобладанія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Австрія завладѣла Босніей и Герцеговиной, не Россія грозитъ въ этихъ странахъ нарушеніемъ европейскаго мира. Сознательно или нѣтъ, Австрія на Востокѣ— благодаря Германіи, трудится, по извѣстной поговоркѣ—«для прусскаго короля». По этому, вовсе не лишнее, чтобы противовѣсомъ ей служила другая, сильная держава. Въ выборѣ Софіи столицею княжества, вмѣсто Тырнова, старой резиденціи болгарскихъ царей, находящейся въ равномъ разстояніи отъ Чернаго моря и Тимока, отъ Балканъ и Дуная, между тѣмъ, какъ Софія находится на границахъ Румеліи и въ центрѣ группы, образуемой этой областью съ Болгаріей и Сербіей, — авторъ видитъ будущее соединеніе этихъ племенъ между собою и съ ихъ единоплеменными братьями, находящимися еще подъ властью турокъ.

— Еще болѣе широкую будущность для южныхъ славянъ рисуетъ другой писатель, виконтъ Кекс-де-Сент-Эмуръ, въ своей книгѣ «Юго-славянскія области Австро-Венгріи: Кроація, Славонія, Боснія, Герцеговина, Далмація» (Les pays sudo-slaves de l'Austro-Hongrie, Croatie, Slavonie, Bosnie, Herzegovine, Dalmatie). Отправившись въ эти страны съ археологическою цѣлью, авторъ этой книги набросалъ интересную картину политическаго положенія южныхъ славянъ, ихъ настоящаго и будущаго. Онъ

прямо говоритъ, что панславизмъ — слово, не имѣющее смысла, что между сѣверными и южными славянами нѣтъ ни малѣйшей симпатіи, какъ между нѣмцами и голландцами, хотя и тѣ, и другіе одного и того же племени. Нѣмцевъ славяне ненавидятъ такъ же, какъ мадьяръ и турокъ. Они стремятся, какъ всѣ народы, къ автономіи и имѣютъ на это полное право. Къ несчастію ихъ раздѣляютъ еще и религіозныя вѣрованія. Въ Хорватіи, по словамъ автора, національнымъ движеніемъ управляетъ католическое духовенство. Епископъ Штроссмайеръ, получающій полмилліона дохода, столько же независимъ отъ Рима во всемъ, что не касается духовныхъ дѣлъ, какъ и отъ Австріи во всемъ, что не касается государственныхъ обязанностей. Въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ преобладаетъ православное населеніе, оно находится въ жалкомъ положеніи, потому что земля тамъ принадлежитъ не тому, кто ее обрабатываетъ, а тому, кто ее завоевалъ, то есть — туркамъ, а они сдаютъ ее для обработки на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Когда австрійцы завладѣли этими провинціями, они разрѣшили церквамъ звонить въ колокола сколько имъ угодно, но оставили по прежнему «третину», то есть, обязательство вносить за обработку земли двѣ трети урожая въ казну, предоставляя треть земледѣльцу. Относительно политической будущности южныхъ славянъ авторъ высказываетъ два предположенія: Германія, или вѣрнѣе Пруссія, толкаетъ Австрію къ Босфору и поможетъ ей захватить Балканскій полуостровъ, отнявъ у нея семь милліоновъ ея нѣмецкихъ подданныхъ, со всѣми землями, населенными германскимъ племенемъ. Тогда Австрія сдѣлается славянскою имперіею. Или, если славянскія племена будутъ сами по себѣ достаточно сильны, они могутъ составить восьми милліонное федеративное государство, которое остановитъ и германизацію южныхъ славянъ, и «вторженіе сѣверныхъ славянъ въ Европу». Гдѣ видитъ авторъ такое вторженіе—извѣстно только ему. Не смотря на многія фантастическія стороны этого сочиненія, въ немъ не мало любопытнаго и достойнаго замѣчанія.

— Профессоръ Роджерсъ, авторъ замѣчательной исторіи земледѣлія въ Англіи, отъ Генриха III до Елизаветы, написалъ новое сочиненіе: «Шесть столѣтій труда и заработной платы» (Six Centuries of Work and Wages). Книга эта представляетъ картину общественнаго положенія Англіи съ XIII столѣтія и производительныхъ классовъ, бывшихъ сначала въ рабскомъ состояніи, а въ послѣдствіи игравшихъ преобладающую роль. Любопытно прослѣдить исторію развитія разнаго рода производствъ: земледѣльческаго, шерстяного, кожевеннаго и пр., перемѣны въ цѣнахъ на разные товары, въ платѣ за трудъ, исторію законодательныхъ мѣръ, промышленныхъ кризисовъ, возникновенія и паденія мануфактуръ и заводовъ, ярмарокъ, большихъ торговыхъ складовъ. Широкими красками обрисовано положеніе страны послѣ черной смерти, истребившей треть населенія. Исторія нерѣдкихъ возмущеній рабочихъ классовъ противъ притѣсненій лордовъ и правительства передана безпристрастно, начиная съ возстанія Ват-Тейлера въ 1381 году. Вообще, книга Роджерса во многихъ случаяхъ поясняетъ политическія событія въ исторіи Англіи, бросая на многія изъ нихъ новый свѣтъ своими коментаріями.

— Въ этомъ же родѣ замѣчательна книга, взятая изъ сочиненій разныхъ писателей: «Богатства, составленныя трудомъ» (Fortunes made in business). Это рядъ оригинальныхъ очерковъ біографическаго и анекдотическаго содержанія изъ современной исторіи промышленности и торговли. Для практическаго человѣка интересно знать, какими путями можно на-

жить богатство, какихъ усилій требуетъ его пріобрѣтеніе. Въ книгѣ помѣщены исторіи изобрѣтателей разнаго рода машинъ, какъ Гольдена, Листера, Фостеровъ, такихъ всесторонних дѣльцовъ, какъ Джосіа Мезонъ, заводчиковъ, основателей торговыхъ и фабричныхъ фирмъ и т. п. Особенно любопытныя страницы жизнеописанія всѣхъ этихъ лицъ представляетъ ихъ борьба съ разнаго рода препятствіями, мѣшавшими имъ осуществить свои идеи или достигнуть предположенной цѣли. Борьба если не за существованіе, то за наживу представляетъ въ біографіи нѣкоторыхъ лицъ такіе драматическіе моменты, съ какими не сравняются вымышленныя похожденія героевъ романовъ. Къ сожалѣнію. біографіи эти, составленныя разными писателями, не всѣ изложены одинаково талантливо и занимательно.

— Вышла біографія генерала Колина Мекензи подъ названіемъ: «Бури и солнечные дни въ жизни солдата» (Storms and sunshine of a soldier's life). Мекензи обладалъ несомнѣнными дарованіями и храбростью. Онъ игралъ выдающуюся роль въ Кабульской катастрофѣ 1841 года. Его біографія разсказана его женою; но передавая его боевые подвиги, она совершенно напрасно приводитъ и его религіозныя мнѣнія, не имѣющія никакого отношенія къ военной карьерѣ генерала. Девятнадцати лѣтъ, онъ вступилъ въ мадрасскую армію, въ 1826 году. Онъ дрался и съ непокорными индійскими племенами, и съ сингапурскими пиратами и въ Афганистанѣ. Онъ спасся во время Кабульской рѣзни, долгое время былъ въ плѣну у Акбаръ-Хана, потомъ служилъ въ индійской арміи до 1866 года и умеръ въ 1881 году, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и занимая важныя должности въ управленіи Индіею.

— Второе изданіе «Исторіи современной Европы» (A History of modern Europe) Фейфа послѣдовало быстро за первымъ. Теперь вышелъ только первый томъ, обнимающій событія отъ 1792 года по 1814-й. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе новые документы, касающіеся дипломатическихъ переговоровъ предшествовавшихъ объявленію войны Франціи Англіею въ 1793 году. — Вышло также продолженіе англійской исторіи Гардинера (History of England). Шестой и седьмой томы этого замѣчательнаго труда обнимаютъ собою пространство времени въ десять лѣтъ, отъ 1625 по 1635-й годъ. Это одно изъ лучшихъ историческихъ сочиненій нашего времени.

— Адвокатъ Бродлей, защитникъ Араби-паши въ его процесѣ, издалъ объ немъ книгу подъ заглавіемъ: «Какъ мы защищали Араби-пашу и его друзей» (How we defended Arabi and his friends). Авторъ хорошо сдѣлалъ, что далъ пройти больше года со времени суда надъ пашею. Теперь можно спокойно говорить объ этомъ процессѣ и спокойно выслушивать мнѣніе о немъ. Извѣстно, что всѣ обвиненія Араби въ убійствѣ англійскихъ солдатъ, мирныхъ жителей и поджогахъ въ Александріи не были доказаны, и судъ обвинилъ его только въ возмущеніи противъ правительства. Бродлей разсказываетъ всю процедуру суда и подтверждаетъ, что адъютанты хедива осыпали самыми грубыми оскорбленіями побѣжденнаго пашу, взятаго англичанами. Адвокатъ приводитъ также любопытные допросы обвиненнаго комиссіею, въ которой одинъ изъ членовъ, старый шейкъ Гассанъ-эль-Эдви, поставилъ въ тупикъ своихъ товарищей вопросомъ: «если вы мусульмане, какъ же вы не видите, что Тевфикъ-паша, обманувшій страну и предавшійся англичанамъ, недостоинъ управлять нами!» Бродлей стоитъ за своего клiента, но изъ его друзей признаетъ порядочными только его военнаго министра да каирскаго префекта, которому Каиръ обязанъ тѣмъ, что спокойствіе въ

немъ не было нарушено. Описавъ всю безтолочь настоящаго управленія Египтомъ, всю бездарность и продажность совѣтниковъ хедива, авторъ приходитъ къ заключенію, что единственное средство ввести хоть какой-нибудь порядокъ въ несчастной странѣ — это вернуть Араби-пашу съ Цейлона и вручить ему управленіе Египтомъ.

— Къ празднованію юбилея Эдинбургскаго университета, Александръ Грантъ издалъ исторію этого университета въ продолженіи трехъ первыхъ столѣтій (The Story of the university of Edinburgh during its first three hundred years). Книга эта — цѣлый вкладъ въ исторію высшаго образованія Британскаго королевства. Съ безпристрастіемъ историка авторъ соединилъ въ своемъ сочиненіи серьезные взгляды педагога и патріота. Эдинбургскій университетъ былъ первою «городскою коллегіею», основанною послѣ реформаціи, когда уже существовали, съ XV столѣтія, католическіе университеты въ Гласгоу, Абердинѣ, Сент-Андрюсъ. Онъ первый началъ раздавать ученыя степени. Въ книгѣ Гранта, подробно излагающей всѣ періоды развитія этого учрежденія, помѣщено много портретовъ лучшихъ лекторовъ университета и его покровителей; въ приложеніи, занимающемъ три четверти книги, находятся списки всѣхъ профессоровъ и служащихъ лицъ, отрывки изъ записокъ разныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ университету, и т. п. Особенно интересны подробности, сообщаемыя авторомъ о послѣднемъ двадцатилѣтіи учрежденія, процвѣтавшаго во всѣхъ отношеніяхъ.

— Когда-то въ литературѣ были въ большой модѣ «разговоры въ царствѣ мертвыхъ», составлявшіеся въ подражаніе «разговорамъ боговъ» Лукіана. Д. Трейль возобновилъ эту форму сочиненій, подъ названіемъ «Новый Лукіанъ» (The new Lucian). Это рядъ бесѣдъ историческаго и, еще чаще, политическаго содержанія. Таковы разговоры лорда Вестбери съ епископомъ Вильберфорсомъ, Гамбеты и Бланки, Роберта Пиля съ Биконсфильдомъ. Бесѣдующіе высказываютъ сужденія о событіяхъ своего времени и о настоящихъ событіяхъ; въ ихъ разговорахъ много остроумія, мѣткихъ выводовъ, блестящихъ фразъ, но нельзя встрѣтить вѣрной оцѣнки того или другого общественнаго дѣятеля, той или другой политической системы. Другіе бесѣды имѣютъ литературное или научное значеніе, какъ Стерна съ Текереемъ, Гаррика и Льюиса, Лукіана и Паскаля, Борке и Горсмана (съ рѣзкими выходками противъ Гладстона) Лукреція и Дарвина. Есть даже разговоръ между Петромъ I и Александромъ II. Все это читается легко и съ интересомъ, хотя не можетъ имѣть серьезнаго, а тѣмъ болѣе историческаго значенія.

— Современныя событія въ Суданѣ придаютъ особый интересъ книгѣ туриста Джемса: «Дикія племена Судана, разсказъ о путешествіи и охотѣ преимущественно въ странѣ Базе» (The wild tribes of the Soudan: an account of travel and sport, chiefly in the Base country). Страна эта лежитъ между египетскою провинціею Така и Абисиніею. Джемсъ отправился въ нее изъ Суакима, въ декабрѣ 1881 года. Джемсъ, какъ истый охотникъ, не заботился, конечно, о собираніи этнографическихъ и статистическихъ данныхъ о земляхъ, по которымъ онъ странствовалъ, но сообщаетъ все-таки много любопытныхъ свѣденій, могущихъ пополнить изслѣдованіе Самуила Беккера, собранныя имъ въ книгѣ «Нильскіе данники Абисиніи». Сочиненіе Джемса роскошно иллюстрировано, что придаетъ ему еще больше цѣны. Гравюры рѣзаны съ фотографій, снятыхъ на мѣстѣ.

— Не давно умеръ французскій журналистъ Альфредъ Даримонъ, редакторъ газеты «Le peuple» 1848 года и одинъ изъ членовъ опозиціи наполеонов-

скому правительству въ законодательномъ корпусѣ 1857 и 1863 года. По смерти его, вышли записки подъ названіемъ: «Исторія двѣнадцати лѣтъ» (Histore de douze ans), обнимающая событія эпохи имперіи съ 1857 по 1869 годъ. Въ книгѣ много интереснаго. Вотъ, что Даримонъ разсказываетъ о регентствѣ императрицы Евгеніи во время путешествія императора въ Алжиръ. Регентша по четвергамъ приглашала на свои интимные обѣды наиболѣе выдающихся депутатовъ. Она бесѣдовала съ ними о проектахъ законовъ, внесенныхъ въ палату, спрашивала ихъ мнѣнія относительно необходимыхъ реформъ въ администраціи, — однимъ словомъ, очень добросовѣстно старалась управлять Франціей. Однажды, она подошла къ одному изъ членовъ опозиціи и внезапно сказала ему: «Какая, по вашему мнѣнію, реформа самая необходимая въ настоящее время»? Депутатъ не смутился и отвѣчалъ: «Свобода печати, ваше величество»! Императрица не могла скрыть удивленія и досады. «Но подумали-ли вы, сказала она, о послѣдствіяхъ такой мѣры? Если позволить журналистамъ говорить, что̀ имъ приходитъ въ голову, то правительство не оберется клеветъ. Императора ежедневно будутъ упрекать въ произведеніи государственнаго переворота 2-го декабря». — «Можетъ быть; избѣгнуть этихъ упрековъ можно только однимъ средствомъ: нужно доказать, что правительство искренно заботится о благѣ Франціи. Съ государственнымъ переворотомъ только потому не могутъ примириться, что исключительные законы, вызванные имъ, до сихъ поръ существуютъ; къ нимъ принадлежитъ также и декретъ относительно ограниченій печати. Когда этотъ законъ будетъ отмѣненъ, тогда и нападки на имперію исчезнутъ». Императрица подумала нѣсколько секундъ, потомъ отвѣтила: «Все, что вы говорите, очень логично. Но это — не политика. Печать должна быть ограничена до тѣхъ поръ, пока второе декабря не будетъ забыто»... Книга Даримона наполнена массой подобнаго рода анекдотовъ.

— Въ то время, когда папа въ своей послѣдней энцикликѣ предаетъ проклятію всѣхъ масоновъ за одно съ учеными, либералами и правительствами, не признающими «божественнаго ученія о папствѣ», въ Лейпцигѣ выходитъ пятое изданіе «Исторіи масонства, отъ его возникновенія до настоящаго времени» (Geschichte der Freimauerei von der Zeit ihres Entstehens bis auf die Gegenwart). Авторъ этой книги, Финдель, не видитъ слѣдовъ происхожденія масонства ни въ древнихъ мистеріяхъ и преданіяхъ, ни въ рыцарскихъ средне-вѣковыхъ орденахъ, а отыскиваетъ начало этого братства въ цехахъ каменщиковъ, составлявшихъ въ средніе вѣка отдѣльныя общества съ своимъ уставомъ, остававшимся тайною для непосвященныхъ. Стремленіе масоновъ вести свою родословную отъ древнѣйшихъ учрежденій въ томъ родѣ объясняется сходствомъ ихъ уставовъ Мысль эта высказывалась не разъ и прежде, и философъ Краузе подтвердилъ ее очень вѣскими доказательствами. Финдель не признаетъ вовсе въ масонствѣ характера ордена, а видитъ въ немъ только свободный союзъ людей всѣхъ странъ, которые подъ символическими знаками каменщиковъ строятъ невидимый храмъ, куда сходятся исповѣдующіе вѣротерпимость, гуманность и братскую любовь всего человѣчества. Исторія развитія этого братства, въ особенности по отношенію его къ задачамъ культуры и просвѣщенія, подробно и безпристрастно изложена авторомъ, обращающимъ гораздо больше вниманія на духъ и цѣли масонства, а не на его таинства и обряды, въ наше время потерявшіе всякое значеніе.

— Нѣмецкій философъ, Морицъ Карьеръ, авторъ замѣчательнаго, многотомнаго сочиненія, переведеннаго и на русскій языкъ: «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалами человѣчества», написалъ другое, не менѣе важное изслѣдованіе о поэзіи, ея сущности и формахъ въ основныхъ чертахъ сравнительной исторіи литературы (Die Poesie, ihr Wesen und ihre Formen, mit Grundzügen der vergleichenden Litteraturgeschichte). Въ этомъ капитальномъ трудѣ, вышедшемъ надняхъ вторымъ изданіемъ, авторъ сравниваетъ и сопоставляетъ основные поэтическіе мотивы во всемірной литературѣ, указываетъ на возникновеніе и развитіе ихъ у всѣхъ народовъ. Говоря о формахъ поэзіи и объ эпосѣ, онъ видитъ зародыши его въ лирическихъ гимнахъ евреевъ и арабовъ. Рапсодіи соединяютъ въ одно цѣлое разбросанныя пѣснопѣнія, и тогда является объективный эпосъ, какъ изъ греческихъ пѣсенъ о троянской войнѣ и судьбѣ Одиссея, собранныхъ и приведенныхъ въ порядокъ при Солонѣ. Со времени открытія цилиндровъ съ клинообразными письменами въ развалинахъ Ниневіи, нашли слѣды эпоса и у ассиро-вавилонянъ. Исторія ветхозавѣтныхъ патріарховъ чисто эпическая, и только Іовъ является лицомъ драматическимъ. Финская «Калевала» настоящій народный эпосъ, тогда какъ «Шах-Наме» Фирдуси эпосъ искусственный. Къ этому роду поэзіи принадлежитъ циклъ древнихъ скандинавскихъ, германскихъ, британскихъ, французскихъ, итальянскихъ эпопей. Къ юмористическимъ эпопеямъ Карьеръ причисляетъ «Pucelle» Вольтера, «Дон-Жуана» Байрона, «Атта-Тролля» Гейне. Эпопея въ прозѣ сдѣлалась романомъ. Къ ней причисляетъ авторъ и гномику, басни и притчи, алегоріи и нравоученія. Величайшій представитель этого рода эпоса — Дантъ. Такимъ же сравнительнымъ поэтико-этнологическимъ путемъ излагается развитіе лирики. Здѣсь особенно любопытны изслѣдованія взаимнаго вліянія мавританской поэзіи на провансальскую. Въ драматической поэзіи доказывается господство идей и манеры Плавта въ театрѣ англичанъ и испанцевъ, Теренція—у французовъ и итальянцевъ. Вообще, во всемъ сочиненіи разбросано множество новыхъ и меткихъ сопоставленій, хотя не со всѣми изъ нихъ можно согласиться. Такъ Карьеръ говоритъ, что средневѣковая французская поэзія была выше искусственной поэзіи временъ Людовика XIV. Въ изложеніи замѣтенъ также недостатокъ соразмѣрности при оцѣнкѣ поэтовъ. Такъ, испанской драмѣ отведено слишкомъ много мѣста, а Альфреду Мюссе, Гейне, Уланду, Фрейлихрату, Гейбелю, Лингу, Мёрике и Эйхендорфу отведена одна страница, гдѣ еще, кромѣ нихъ говорится о Генделѣ, Бахѣ, Моцартѣ и Бетговенѣ. Отсутствіе хронологіи и указателя составляетъ также большой недостатокъ въ книгѣ Карьера.

— Молодому поэту и нувелисту, Фрицу Маутнеру, вздумалось почему то явиться защитникомъ лица, получившаго уже въ дошедшихъ до насъ преданіяхъ опредѣленную и непривлекательную характеристику, и онъ написалъ новую біографію Ксантипы (Xanthippe), выставивъ ее совсѣмъ не въ томъ видѣ, какою мы знаемъ ее по разсказамъ греческихъ писателей. Реабилитаціей историческихъ лицъ занимались многіе. Въ литературѣ существуютъ даже защитники Робеспьеровъ и Маратовъ; въ оправданіи такихъ лицъ можетъ быть политическая цѣль; но для чего понадобилось обѣлять сварливую жену Сократа—это трудно понять. «Не то, что дѣлается внѣ моего дома, но то, что происходитъ въ немъ хорошаго или дурного—дѣлаетъ меня счастливымъ или несчастливымъ», говорилъ философъ, и эти

слова его Маутнеръ взялъ эпиграфомъ къ своему сочиненію. По словамъ автора, Ксантипа не имѣла никакого вліянія на Сократа: его добрыя дѣла и ошибки, радости и страданія зависѣли отъ него самого. Она была прекрасною женою и матерью—въ этомъ старается убѣдить авторъ, но основанія, по которымъ онъ хочетъ заставить всѣхъ перемѣнить мнѣніе о Ксантипѣ, не подтверждаются никакими вѣскими доказательствами.

— На нѣмецкомъ языкѣ въ первый разъ явился переводъ саги Графнкелля Фрейсгоди (Die Saga von Hrafnkell Freysgodhi). Сага эта, принадлежащая X вѣку, переведена Ленкомъ съ древнеисландскаго языка съ объяснительными примѣчаніями и введеніемъ, въ которомъ говорится о сагахъ и ихъ литературномъ значеніи. Это исторія семейства или рода, защищающаго свои права противъ нарушителя ихъ. Въ простомъ, безъискусственномъ разсказѣ выведены только правовыя и имущественныя отношенія, и нѣтъ ни слова о любви. Въ приложеніи говорится о бытѣ и семейныхъ отношеніяхъ въ Исландіи во времена язычества.

— Любопытную книгу издалъ въ Вѣнѣ Карлъ Пенка: «Арійскія начала. Лингвистико-этнологическія изслѣдованія древнѣйшей исторіи арійскихъ народовъ и языковъ» (Origines ariacae. Linguistisch-ethnologische Untersuchungen zur ältesten Geschichte der arischen Völker und Sprachen). Исторія и лингвистика согласны въ томъ, что большая часть европейскихъ народовъ и часть азіатскихъ происходитъ отъ арійскаго племени, распространившагося съ высотъ Памира по южной Азіи и Европѣ. Въ этомъ убѣждаетъ родство всѣхъ европейскихъ языковъ и многихъ арійскихъ, происходящихъ очевидно отъ одного корня. К. Пенка утверждаетъ, что происхожденіе народовъ нельзя основывать на языкѣ; оно узнается по антропологическимъ даннымъ—формѣ черепа, цвѣту волосъ и глазъ, отчасти, по физическому характеру. Колыбель человѣчества, по мнѣнію автора,—сѣверъ Европы. Оттуда, въ ледяной періодъ, людское племя двинулось въ Европу и Америку, но не вдругъ, а постепенно, совершая переселенія въ теченіи многихъ вѣковъ, оттѣсняя все далѣе своихъ, раньше эмигрировавшихъ единоплеменниковъ. Первыми вышли патагонцы, готентоты и австралійцы. Первые племена были ростомъ въ семь футовъ, сильны, закалены въ борьбѣ съ враждебной имъ природой. Авторъ сохраняетъ за ними названіе арійцевъ. Отъ нихъ отдѣлились впослѣдствіи семиты въ Азіи, хамиты въ Африкѣ и іафетиты въ Европѣ. Послѣдніе населили три южные полуострова Европы (пеласги, италійцы, иберы) позже всѣхъ пришли въ Европу короткоголовые туземцы и смѣшались въ средней Европѣ съ длинноголовыми арійцами. Чистый арійскій типъ сохранился только въ Скандинавіи; менѣе смѣшанный въ Англіи и сѣверной Германіи. Скандинавы переселялись постепенно въ нынѣшнія славянскія земли, на Кавказъ, въ Арменію, Иранъ и въ Индію. На своемъ пути они встрѣчали угро-финскія племена и придавали имъ арійскій оттѣнокъ. И всю эту теорію авторъ основываетъ только на черныхъ волосахъ и глазахъ! Но кто-же знаетъ, каковы были доисторическіе люди? Возставая противъ лингвистическихъ выводовъ, Пенка основывается, однако, на звукахъ арійскаго языка, описывая это племя бѣлымъ, съ свѣтлыми волосами, голубыми глазами, а туземцевъ и кельтовъ — смуглыми, темными, съ черными волосами. Во всякомъ случаѣ изслѣдованія автора заслуживаютъ, однако, вниманія, и знакомство съ его книгою необходимо для этнографа и лингвиста.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій.

(Записанъ со словъ Е. И. Ивановой, владѣлицы села Ивановскаго, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи).

ѢЛО происходило въ 1862 году, въ Пермской губерніи, въ Ирбитскомъ уѣздѣ, въ принадлежавшемъ намъ селѣ Ивановскомъ.

После объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ деревняхъ начали появляться разныя темныя личности, которыя распространяли въ народѣ слухъ, что манифестъ прочтенъ крестьянамъ невѣрно, что царь надѣлитъ ихъ землей отдѣльно отъ помѣщиковъ и дастъ имъ земли столько, сколько кто пожелаетъ. Не избѣжало этой участи и наше село Ивановское.

Лѣтомъ 1862 года, въ нашемъ селѣ началось особенное волненіе. До насъ дошелъ слухъ, что въ селѣ появились двѣ странныя личности, въ оригинальныхъ костюмахъ — въ длинныхъ халатахъ, опоясанныхъ кушаками, и въ сѣрыхъ широкополыхъ шляпахъ съ кистями — изъ которыхъ одна, выдавая себя за одного изъ великихъ князей, мутитъ народъ, другую же называетъ своимъ братомъ.

— Пришелъ я разузнать — говорилъ крестьянамъ первый изъ нихъ — какъ помѣщики съ вами здѣсь обращаются? Не обижаютъ ли они васъ? Не ложно ли истолковали вамъ манифестъ, изданный для васъ моимъ братомъ, государемъ?

Услыхавъ такую рѣчь, крестьяне пали предъ нимъ на колѣни, благодарили и старались всячески ему угодить. «Ваше преподобіе! ваша свѣтлость! — говорили они ему — чѣмъ же прикажете васъ угощать?» Гости объявили, что они ничего не ѣдятъ, кромѣ пироговъ съ изюмомъ и индѣекъ, а пьютъ только красное, да бѣлое вино. Засуетились крестьяне, снарядили пословъ въ Ирбитъ и стали угощать своихъ дорогихъ гостей на славу.

Невѣдомый незнакомецъ, окруженный толпой крестьянъ, осматривалъ мѣстность и ходилъ около нашей усадьбы, но на насъ вообще не обращалъ никакого вниманія. Однажды, катаясь въ экипажѣ, я встрѣтила его. Когда нашъ экипажъ поровнялся съ крестьянами, то всѣ сняли шапки; онъ же грозно окинулъ насъ взоромъ и, какъ я узнала потомъ, тутъ же объявилъ крестьянамъ, что на слѣдующій день сдѣлаетъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ и будетъ обѣдать у насъ. «Вотъ тогда увидите, съ какимъ почетомъ меня тамъ будутъ принимать», замѣтилъ онъ. Наружности его я хорошенько не замѣтила. Помню только высокую фигуру въ оригинальномъ костюмѣ. Насъ, конечно, онъ не посѣтилъ; на вопросы же крестьянъ, почему онъ не идетъ къ господамъ, незнакомецъ оправдывался тѣмъ, что теперь спѣшитъ, а будетъ у насъ на возвратномъ пути. Вслѣдъ за этимъ онъ собралъ крестьянъ на сходку и объявилъ, что для веденія дѣла ему нужны деньги; сначала онъ обложилъ всѣхъ по 75 коп. съ души, а затѣмъ прибавилъ еще по рублю и, собравъ съ крестьянъ деньги, скрылся. Всего онъ собралъ около семисотъ рублей.

Съ этой поры крестьяне—ихъ было у насъ 300 ревизскихъ душъ—стали оказывать намъ полное неповиновеніе: ни оброка, ни издѣльной повинности не хотѣли признавать и объявили, что не желаютъ помѣщичьихъ надѣловъ. «Царь насъ надѣлитъ и землей, и дастъ намъ скота: мы знаемъ это изъ вѣрныхъ рукъ». При этомъ никакихъ доводовъ и объясненій съ нашей стороны они не хотѣли слушать.

Нечего было дѣлать: пришлось обратиться къ властямъ. Ни мировой посредникъ Оршеневскій, ни становой приставъ Ильинъ, ничего не могли съ ними сдѣлать, и вызвали исправника Сабашинскаго. Исправникъ далъ знать въ Пермь губернатору, и изъ Ирбити была выслана команда. При появленіи солдатъ, крестьяне, надѣвъ самые старые зипуны, съ понуренными головами, чинно вышли на встрѣчу начальства и команды. За ними, но подъ заборами, двигалась цѣлая вереница бабъ, вооруженныхъ рогачами, ухватами, кочергами и всякой домашней утварью, какая только способна была служить орудіемъ защиты.

— Смѣй только они, окаянные, нашихъ мужиковъ (т. е. мужей) тронуть, попробуй, мы имъ покажемъ тогда! Мы ихъ на рогачи такъ и подниемъ! кричали бабы.

Къ толпѣ подъѣхалъ исправникъ.

— На колѣни, мерзавцы! скомандовалъ онъ. — Я буду читать вамъ манифестъ! Вы не поняли его!

Крестьяне повиновались и, опустившись на колѣни, слушали чтеніе манифеста. По окончаніи чтенія, исправникъ обратился къ толпѣ съ вопросомъ:

— Поняли теперь, въ чемъ дѣло?

— Поняли, отвѣчаютъ крестьяне.

— Такъ принимаете надѣлъ?

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не желаемъ принимать надѣла!

Исправникъ совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Какъ! власть царя не хотите исполнять!?

— Нѣтъ, не принимаемъ надѣла, упорствовали крестьяне.

Исправникъ подалъ знакъ солдатамъ; команда надвинулась... ружья были на-готовѣ... всѣхъ насъ охватилъ ужасъ: думали, что сейчасъ начнется свалка. Но крестьяне не двигались. Тогда команда оцѣпила ихъ, и всѣхъ повели въ

зданіе стекляннаго завода; привезли возъ розогъ и, вызывая по нѣсколько человѣкъ зачинщиковъ, начали сѣчь. Бабы въ отчаяніи прибѣжали сюда «защищать своихъ мужиковъ», но и ихъ постигла та же участь. Послѣ того, какъ наказали зачинщиковъ, крестьяне стали какъ будто сдаваться и ихъ отпустили.

Движеніе еще не улеглось, какъ вдругъ появились двое мужиковъ, которые объявили, что назвавшій себя великимъ княземъ и его братъ находятся въ сосѣднемъ селѣ и начальство само можетъ убѣдиться, точно ли это великій князь. Отрядили нѣсколько человѣкъ солдатъ подъ предводительствомъ станового въ с. Красное, гдѣ самозванцевъ и отыскали спрятавшимися въ подвалѣ у одного изъ крестьянъ. Ихъ схватили и привели въ наше село къ исправнику, когда весь народъ былъ въ сборѣ. Исправникъ грозно обратился въ вопросомъ къ одному изъ арестованныхъ:

— Ты что за личность? Подай свой видъ!

На это арестантъ небрежно отвѣчалъ: «У меня вида нѣтъ; если бы ты зналъ, съ кѣмъ говоришь, то ты бы такъ меня не спрашивалъ». Мужики пришли въ волненіе, стали толкать другъ друга и послышался шепотъ: «вишь, вишь, какъ онъ исправнику-то говоритъ; значитъ, что это истинная высокая личность великаго князя; задастъ онъ теперь исправнику — радовались крестьяне — засадитъ онъ его теперь, увидишь!» Исправникъ же продолжалъ допрашивать арестованныхъ, требуя ихъ виды. Видя упорство, онъ велѣлъ ихъ раздѣть и обыскать, но ничего не нашли. Затѣмъ ихъ заковали въ кандалы и отправили въ Ирбить, гдѣ вскорѣ тотъ, который называлъ себя великимъ княземъ, умеръ въ острогѣ. Узнавъ объ этомъ, крестьяне стали распространять слухъ, что его отравило начальство, чтобы не отвѣчать за то, что такую высокую особу посадили въ острогъ. О судьбѣ второго арестанта или арестантки — такъ какъ оказалось, что это была переодѣтая женщина — я ничего не знаю. Послѣ этого пріѣзжалъ самъ губернаторъ изъ Перми, но и ему не удалось вполнѣ успокоить крестьянъ, которые то и дѣло волновались.

Сообщено **В. Бородаевской.**

СМѢСЬ.

ОТКРЫТІЕ памятника Александру II. 23-го апрѣля, въ Москвѣ, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея введенія въ Россіи новыхъ судебныхъ учрежденій, состоялось торжественное открытіе памятника императору Александру II, поставленнаго въ Екатерининской или Круглой залѣ окружного суда. Въ часъ пополудни начался молебенъ. Высшіе чины судебнаго вѣдомства съ министромъ юстиціи помѣщались въ срединѣ залы, вмѣстѣ съ почетными гостями: генералъ-губернаторомъ, гражданскимъ губернаторомъ, комендантомъ, вице-губернаторомъ и пр.; среди нихъ были товарищи предсѣдателей и лица прокурорскаго надзора, судебные пристава, судебные слѣдователи, кандидаты на судебныя должности и другія лица судебнаго вѣдомства; посторонняя публика помѣщалась на хорахъ. По окончаніи молебствія, прочитана была молитва объ упокоеніи души императора Александра II. При провозглашеніи «вѣчной памяти», присутствующіе опустились на колѣни. Съ памятника спущена была завѣса, открывъ статую монарха, на высокомъ пьедесталѣ, среди тропической зелени. Предсѣдатель судебной палаты, Шаховъ, произнесъ рѣчь, за которой послѣдовало исполненіе народнаго гимна. Памятникъ состоитъ изъ бѣлой мраморной статуи покойнаго государя въ натуральную величину, поставленной на круглый высокій пьедесталъ изъ сѣраго мрамора. На пьедесталѣ золотыми буквами изображено: «Царю-Законодателю. Московскія судебныя установленія 23-го апрѣля 1884 года». Государь изображенъ стоящимъ, съ нѣсколько выдвинутою впередъ правою ногою; лѣвою рукою онъ опирается на колонну, на которой лежатъ книги законовъ, а правая рука опущена вдоль корпуса. На листѣ, лежащемъ на колоннѣ, написаны слова: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!»

Полуторастолѣтній юбилей морской артиллеріи. 25-го апрѣля, исполнилось 150 лѣтъ, какъ указомъ императрицы Анны Іоанновны учрежденъ корпусъ морской артиллеріи «для лучшаго порядка въ артиллеріи». Первыми морскими артиллеристами въ Россіи были иностранцы или солдаты бомбардирской роты Преображенскаго полка; появленіе ихъ совпадаетъ съ первыми азовскими походами въ 1696 г.; а въ 1714 г. Петромъ Великимъ была открыта морская

артиллерійская школа, куда принимались «шляхетскія дѣти» и лучшихъ учениковъ выпускали подконстапелями; Петръ принималъ живое участіе во всѣхъ вопросахъ, касающихся морской артиллеріи. Съ его смертію, былъ учрежденъ отдѣльный корпусъ съ цейхмейстеромъ морской артиллеріи; онъ назначалъ офицеровъ на суда, на немъ лежала обязанность заботиться, чтобы всѣ суда были въ достаточной мѣрѣ вооружены, чтобы арсеналы и склады были полны артиллерійскими запасами, и пр. Корпусъ морской артиллеріи пережилъ нѣсколько эпохъ, былъ преобразованъ въ артиллерійскій корпусъ въ 1810 г., раздѣленъ на бригады и состоялъ изъ 330 офицеровъ и 6,000 нижнихъ чиновъ. Въ 1830 году артиллерійскій корпусъ былъ преобразованъ опять въ корпусъ морской артиллеріи и главное начальство возложено на инспектора артиллеріи. Въ 1846 году чины корпуса вошли въ составъ флотскихъ экипажей и стали нести общую службу, что̀ продолжается и до сихъ поръ. Арсенальныя же роты, переименованныя въ артиллерійскія, просуществовали до 1863 года; съ ихъ закрытіемъ для артиллерійскихъ работъ нанимаютъ рабочихъ по вольному найму.

Столѣтіе гатчинскаго дворца. Въ текущемъ году исполнилось 100 лѣтъ со времени покупки императрицею Екатериною II обширнаго гатчинскаго дворца, построеннаго въ 1770 г. княземъ Г. Г. Орловымъ, по плану архитектора Ринальди. Екатерина II купила этотъ дворецъ у наслѣдниковъ князя Орлова въ 1784 г. и подарила его наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу, который имѣлъ здѣсь любимое мѣстопребываніе и въ 1796 г. сдѣлалъ Гатчину уѣзднымъ городомъ. Впослѣдствіи Гатчина оставлена за штатомъ и причислена къ Царскосельскому уѣзду. Трехъ-этажный дворецъ расположенъ среди отраслей Дудергофскимъ холмовъ, съ обширнымъ паркомъ и англійскимъ садомъ, обильно орошенными водою и заключающими въ себѣ много живописныхъ мѣстоположеній, террасъ, острововъ, изъ которыхъ въ особенности отличается островъ Любви (L'ile d'amour), рощей, цвѣтниковъ, множество вазъ, статуй, обелисковъ и другихъ произведеній искусства, дѣдѣлающихъ паркъ гатчинскаго дворца однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ садовъ сѣверной полосы Россіи.

Развалины древняго города на Аму-Дарьѣ. Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о раскопкахъ развалинъ древняго города. На правомъ берегу Аму-Дарьи, верстахъ въ двадцати отъ Намангана, невдалекѣ отъ нынѣшняго кишлака Ахсы, существуютъ развалины нѣкогда бывшаго на томъ мѣстѣ города Ахсы, существованіе котораго относятъ къ временамъ глубокой древности. Очевидцы, посѣщавшіе эти мѣста, разсказывали, что у самаго берега Аму-Дарьи, на возвышенности ясно видны и теперь остатки кирпичныхъ стѣнъ и другихъ построекъ, занимающихъ большое пространство, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о существовавшемъ здѣсь нѣкогда большомъ городѣ; развалины его нынѣ занесены отчасти пескомъ, отчасти разными наслоеніями и отложеніями послѣдующихъ вѣковъ. Не разъ приходилось слышать разсказы, что на территоріи этихъ развалинъ случайно находили то какой-нибудь котелъ, то глиняную посуду, то человѣческіе скелеты. Нынѣ окрестные жители, неизвѣстно по чьему наущенію, дѣятельно принялись за раскопки. Разсказываютъ, что находятъ небольшіе кувшины, залитые сверху свинцомъ, наполненные мѣдной, серебряной и золотой монетой, кувшины съ кораллами и другими женскими украшеніями; открыта галлерея изъ жженаго кирпича, съ явными слѣдами водопровода; откопаны цѣлыя стѣны изъ хорошаго жженаго кирпича. Этотъ кирпичъ ахсынцы продаютъ теперь желающимъ на постройки, по 40 коп. за сотню. Найдена цѣлая усыпальница со множествомъ человѣческихъ костей; отрыто зданіе, по всѣмъ признакамъ бывшее баней, съ сосудами для воды въ одномъ изъ отдѣленій; находятъ, наконецъ, и разныя стеклянныя вещи. Насколько справедливы всѣ эти разсказы—въ точности неизвѣстно, но что раскопки дѣй-

ствительно производятся (хотя и не слышно было о разрѣшеніи ихъ) это доказывается пріобрѣтающимися съ мѣста раскопокъ вещами (монеты, браслеты). Въ настоящее время работами занято до 1,000 человѣкъ.

Судьба русскаго изобрѣтенія. Въ нынѣшнемъ году минуло полстолѣтія одному изъ русскихъ изобрѣтеній, первоначально признававшемуся у насъ «нелѣпостью», а вскорѣ потомъ усвоенному иностранцами, тогда какъ на долю настоящаго изобрѣтателя достались только забвеніе и почти полная неизвѣстность. Многимъ ли изъ русскихъ даже, за исключеніемъ ученыхъ, извѣстно, что первый электрическій телеграфъ изобрѣтенъ въ Россіи барономъ Шиллингомъ? Обыкновенно честь этого открытія приписывается американцу Морзе, хотя въ дѣйствительности послѣдній только улучшилъ электромагнитный телеграфъ механическими приспособленіями и получилъ за это въ 1858 г. въ Парижѣ международную награду въ 400 тысячъ франковъ. Съ тѣхъ поръ Морзе почитается изобрѣтателемъ телеграфа. Раньше этого времени, открытіе приписывалось англичанину Куку, который даже не понималъ устройства аппарата, изобрѣтеннаго Шиллингомъ. Этотъ Кукъ впервые увидѣлъ телеграфъ Шиллинга въ 1834 г. на лекціяхъ гейдельбергскаго профессора Мунке, бывшаго почетнымъ членомъ нашей академіи, которому Шиллингъ показалъ свое изобрѣтеніе. Кукъ сдѣлалъ модель аппарата и, возвратившись на родину, сошелся съ физикомъ Уитстономъ, съ нимъ получилъ патентъ и сталъ строить телеграфъ въ Англіи. Черезъ два года тотъ же Кукъ предлагалъ и у насъ устроить телеграфъ по системѣ Шиллинга, выдавая это за собственное изобрѣтеніе. Предложеніе не было принято, а между тѣмъ баронъ Шиллингъ еще въ 1834 г. устроилъ въ зданіи адмиралтейства телеграфъ и встрѣтилъ полное сочувствіе этому открытію со стороны Николая I. Но комиссія, назначенная императоромъ для обсужденія мысли изобрѣтателя объ устройствѣ телеграфа между Петербургомъ и Петергофомъ, смотрѣла на это, какъ на смѣшную затѣю. Свою затѣю, однако, Шиллингъ имѣлъ неосторожность повѣдать съѣзду германскихъ естествоиспытателей въ Боннѣ и затѣя живо перешла изъ Германіи въ Лондонъ, откуда и получила широкое распространеніе. Въ то время, какъ Шиллингъ умиралъ въ 1837 г., Кукъ съ Уитстономъ были героями дня, а черезъ четыре мѣсяца послѣ кончины русскаго изобрѣтателя, въ ноябрѣ того же года, Морзе устроилъ снарядъ для передачи сигналовъ, за что и признанъ былъ впослѣдствіи изобрѣтателемъ телеграфа.

Могила близъ Тамани. Археологическая коммисія, дѣлая изысканіе близъ Тамани, въ Кубанской области, открыла могилу, въ которой найдено весьма много цѣнныхъ вещей, служившихъ, по мнѣнію коммисіи, украшеніемъ задолго до Р. Х. молодой дѣвушки. Могила, по устройству склеповъ, заканчивающихся на верху куполами, относится къ разряду весьма древнихъ и рѣдкихъ. Въ этой могилѣ были найдены: золотые вѣнецъ, ожерелье, два браслета, одинъ серебряный, съ какимъ-то неопредѣленнымъ камнемъ кольцо, много издѣлій изъ слоновой кости, а также глиняныхъ и бронзовыхъ статуэтокъ, погребальная каменная доска въ видѣ элипсиса, и много другихъ вещей.

Раскопки въ Римѣ. Недавно въ Римѣ сдѣланы два важныя археологическія открытія. Во-первыхъ, отрытъ храмъ Весты и соединенныя съ нимъ помѣщенія для весталокъ. Правда, еще при раскопкахъ въ XVI столѣтіи, въ этомъ самомъ мѣстѣ, вблизи церкви s-ta Maria Liberatrice, между Священною дорогой и улицей Новою, были открыты пьедесталы двѣнадцати статуй. Нѣкоторые ученые высказывали и тогда предположеніе, что тутъ находился храмъ Весты, но только теперь это предположеніе оправдалось. Открыты надписи съ именами старѣйшихъ весталокъ изъ знаменитѣйшихъ римскихъ фамилій, остатки стѣнъ и т. п.; словомъ, теперь нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что открыто истинное locus Vestae. Во время этихъ раскопокъ сдѣлана другая, весьма интересная находка. Одинъ землекопъ напалъ на

большую вазу изъ обожженной глины, герметически закупоренную и имѣвшую значительный вѣсъ. Ваза была немедленно доставлена въ министерство народнаго просвѣщенія и, по вскрытіи, въ ней оказалось около 800 золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Это монеты англо-саксонскія X вѣка по Р. X. и, по заключеніи археологовъ, представляютъ весьма цѣнную и рѣдкую находку. На монетахъ находятся имена Эдуарда, Ательстана, Эдуарда Древняго и Эдмонда I. Всѣ эти короли потомки Эгберта и царствовали въ періодъ времени 901—941. На нѣкоторыхъ монетахъ встрѣчается изображеніе архіепископа Кантербюрійскаго, бывшаго въ то время митрополитомъ Англіи. Эти монеты были, какъ полагаютъ, присланы въ даръ римскому папѣ Мартину III (умершему въ 946 г.) и, вѣроятно, зарыты въ землѣ кѣмъ-либо изъ служащихъ при папѣ.

Прекращеніе Отечественныхъ Записокъ. 20-го апрѣля 1884 года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось правительственное сообщеніе, въ силу котораго прекращенъ навсегда старѣйшій органъ русской періодической печати, существовавшій болѣе полустолѣтія. Основанныя П. Свиньинымъ въ 1820 году, «Отечественныя Записки» помѣщали на своихъ страницахъ статьи и извѣстія, исключительно относящіяся къ нашему отечеству. Такая исключительность въ эпоху, когда знакомство съ европейской цивилизаціей было необходимо для образованнаго русскаго человѣка, не могла способствовать распространенію журнала, и онъ, съ трудомъ поддерживаемый своимъ основателемъ, со смертью его прекратилъ свое существованіе до 1839 года, когда было дано высочайшее разрѣшеніе на передачу редакціи и изданія журнала А. А. Краевскому, бывшему помощникомъ редактора журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія и Русскаго Инвалида, редактору Литературныхъ Прибавленіи къ Русскому Инвалиду, превратившихся въ послѣдствіе въ «Литературную Газету». Журналъ былъ основанъ на паяхъ, но въ первый же годъ его возобновленнаго существованія всѣ пайщики отказались отъ взноса назначенныхъ суммъ и вся тяжесть изданія пала на г. Краевскаго, который успѣлъ, однако, въ первое же десятилѣтіе соединить въ своемъ журналѣ всѣ лучшія силы писателей сороковыхъ годовъ. Въ 1851 году, принявъ на себя редакцію «Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Краевскій передалъ завѣдываніе «Отечественными Записками» Дудышкину, принявшему на себя, послѣ смерти Бѣлинскаго, и критическій отдѣлъ журнала. По смерти Дудышкина «Отечественныя Записки» утратили нѣсколько прежнее значеніе, хотя въ нихъ появлялись статьи всѣхъ писателей, имена которыхъ остались въ исторіи русской литературы; основавъ въ 1863 году ежедневную газету «Голосъ», г. Краевскій не имѣлъ возможности посвящать весь свой трудъ журналу. Когда былъ запрещенъ по высочайшему повелѣнію «Современникъ», редакторъ его Некрасовъ сдѣлался главнымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», завѣдуя ихъ литературною частью, а по смерти его редакцію принялъ на себя М. Е. Салтыковъ. Въ послѣдніе годы журналъ расходился по подпискѣ въ числѣ восьми тысячъ экземпляровъ и не рѣдко съ первыхъ мѣсяцевъ прекращалась дальнѣйшая подписка на изданіе. Въ нынѣшнемъ году редакція успѣла выпустить въ свѣтъ только четыре книжки «Отечественныхъ Записокъ».

† 2-го мая, въ Вѣнѣ, скоропостижно скончался протоіерей нашей посольской церкви, **Михаилъ Федоровичъ Раевскій.** Въ апрѣлѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ, какъ онъ поселился въ австрійской столицѣ, центрѣ западнаго и южнаго славянства. Въ маѣ предполагалось отпраздновать юбилей многолѣтней неутомимой и полезной дѣятельности о. Раевскаго, около котораго, начиная съ тридцатыхъ годовъ, постоянно группировались наши славянофилы и славянскіе дѣятели Австріи и Турціи. О. Раевскій былъ всегда посредникомъ между ними. Московскіе славянофилы встрѣчались въ его домѣ съ чешскими славистами, съ словаками и словенцами, съ хорватами и сербами и вели бесѣды о единеніи всѣхъ славянъ. Кромѣ собирателей преданій славянства и

воскресителей народнаго языка, Штура, Гая, Вука Стефановича, Раевскій зналъ близко поколѣніе славянскихъ героевъ и вождей: князя Милоша сербскаго, патріарха Раячича и черногорскаго князя Петра. Австрійское правительство всегда внимательно слѣдило за Раевскимъ, подсылало къ нему агентовъ изъ славянъ, но никогда не могло открыть ничего предосудительнаго въ поступкахъ пастыря-славянофила: политика дѣйствія не входила въ его программу. Тѣмъ не менѣе полувѣковое пребываніе Раевскаго въ Вѣнѣ, гдѣ сходятся нити славянскаго движенія, имѣло большое значеніе. Исторія не забудетъ скромнаго, неутомимаго дѣятеля славянства. Необыкновенно отзывчивый, Раевскій во всѣ фазисы періода съ 1834 — 1884 г. жилъ всегда жизнью даннаго историческаго момента. Съ тѣмъ же живымъ интересомъ и душевныхъ сочувствіемъ, съ какимъ онъ относился въ сороковыхъ годахъ къ борьбѣ славянъ за право своего языка, онъ въ семидесятыхъ относился къ борьбѣ ихъ за независимость. Онъ видѣлъ первые всходы самосознанія славянства и до могилы сохранилъ глубокую вѣру въ торжество славянской идеи.

† Въ Казани, 21-го марта скончался экстраординарный профессоръ казанской духовной академіи **Петръ Алексѣевичъ Милославскій.** Занимая съ 1877 г. каѳедру метафизики и состоя преподавателемъ англійскаго языка въ академіи, онъ былъ извѣстенъ, какъ знатокъ философіи и естественныхъ наукъ. По окончаніи курса въ казанской духовной академіи (1875 г.), онъ былъ командированъ синодомъ за-границу для знакомства съ современнымъ состояніемъ философскихъ наукъ въ Западной Европѣ; плодомъ его путешествія явилось цѣнное въ научномъ отношеніи сочиненіе: «Типы современной философской мысли въ Германіи» (1877 г.). Затѣмъ, въ теченіе семилѣтней службы при академіи онъ издалъ нѣсколько сочиненій: «Основаніе философіи, какъ спеціальной науки», «Современная ученость и христіанство», «Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ» (1873 г.), «Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ» (по поводу толковъ, возбуждаемыхъ г. Михайловскимъ и профессоромъ П. Цитовичемъ, 1879 г.). Ему не было еще 35-ти лѣтъ и только въ истекшемъ году онъ получилъ каѳедру экстраординарнаго профессора.

† Въ Петербургѣ, 59-ти лѣтъ, малоизвѣстный труженикъ и литераторъ, о которомъ не упомянулъ ни одинъ некрологъ—**Андрей Константиновичъ Ярославцевъ,** бывшій секретарь здѣшняго цензурнаго комитета, получившій потомъ мѣсто цензора, но занимавшій его очень недолго, такъ какъ его прямая натура не подходила къ этому званію. Изъ его литературныхъ работъ, кромѣ мелкихъ, журнальныхъ, замѣчательно изслѣдованіе «О личности Гамлета въ шекспировской трагедіи», изданное въ 1865 году, въ память 300-лѣтняго юбилея Шекспира. Близко знакомый съ авторомъ «Конька Горбунка», такой же сибирякъ какъ и Ершовъ, Ярославцевъ издалъ полное собраніе сочиненій Ершова съ обширной біографіей, характеристикой поэта и оцѣнкою его произведеній.

† Въ Римѣ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ, **Джіованни Прати.** Онъ родился въ 1815 г., въ городѣ Тренто, въ итальянскомъ Тиролѣ, и по окончаніи курса мѣстной гимназіи, поступилъ въ Падуанскій университетъ. Еще студентомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе лирическими стихотвореніями и поэмою въ байроновскомъ родѣ «Edmenegarda» Вслѣдъ затѣмъ появились его «Canti lirici», «Canti per il popolo», сонеты «Memorie e lacrime» и другія стихотворенія, окончательно выдвинувшія его въ первый рядъ поэтовъ. Не будучи въ состояніи переносить гнетъ Австріи, Прати переселился въ Туринъ, гдѣ сдѣлался настоящимъ національнымъ поэтомъ, предсказывая въ проникнутыхъ патріотическимъ чувствомъ стихахъ скорое возрожденіе Италіи и возвѣщая савойскому дому великую роль, которую предназначала ему судьба. Его «Canti politici» свидѣтельствуютъ, что онъ былъ не только выдающимся поэтомъ и горячимъ патріотомъ, но и

обладалъ замѣчательною политическою проницательностью. Въ Туринѣ, Прати написалъ еще три романтическія поэмы: «Rodolfo», «Ariberto» и «Armando», сатирическое стихотвореніе «Satana e le Grazie» и много мелкихъ лирическихъ произведеній. Въ 1862 г. Онъ былъ избранъ въ члены палаты депутатовъ, а въ 1876 г. возведенъ въ званіе сенатора. Послѣдніе годы поэтъ провелъ въ Римѣ, гдѣ занималъ должности члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія и директора высшей женской школы.

† 7-го апрѣля, въ Любекѣ, одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ лирическихъ поэтовъ, **Эммануилъ Гейбель**. Онъ родился въ Любекѣ въ 1815 г. и по окончаніи курса богословія и филологіи въ Боннскомъ университетѣ, поселился въ Берлинѣ, гдѣ сотрудничалъ въ «Musenalmanach». Съ 1838 по 1840 г. онъ былъ преподавателемъ дѣтей у Катакази, русскаго посланника въ Аѳинахъ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ издалъ первый сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній, за что былъ награжденъ пожизненною пенсіею. Какъ лирическій поэтъ, Гейбель пріобрѣлъ почетное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ, но попытки его пріобрѣсти извѣстность драматическаго поэта не увѣнчались успѣхомъ. Его трагедіи «Софонизба» и «Брунгильда» не лишены достоинствъ, но не могутъ быть причислены къ разряду выдающихся драматическихъ произведеній.

† Въ Таифѣ, въ Аравіи, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ турецкихъ государственныхъ людей, Мидхатъ-паша, на 63-мъ году. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ обнаружилъ способности и любовь къ наукѣ. Посланный для укрощенія разбойничества въ Румеліи, онъ съ успѣхомъ исполнилъ это порученіе, а съ 1858 г. по 1860—61 г. провелъ въ Парижѣ, гдѣ занялся изученіемъ французскаго языка, и по возвращеніи назначенъ губернаторомъ Болгаріи, прекратилъ многія злоупотребленія, способствовалъ открытію школъ и больницъ, улучшилъ пути сообщенія и обуздалъ хищничество турецкихъ чиновниковъ, но управлялъ съ излишними жестокостями и преслѣдовалъ болгарскихъ патріотовъ, даже тѣхъ, противъ которыхъ не было никакихъ уликъ. Въ 1867 г. онъ занялъ постъ министра путей сообщенія, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, поссорившись съ старо-турецкою партіею, былъ переведенъ генералъ-губернаторомъ въ Аравію, гдѣ содѣйствовалъ устраненію препятствій, мѣшавшихъ плаванію по Тигру и Евфрату. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ великимъ визиремъ, но черезъ два мѣсяца смѣненъ; вступивъ въ заговоръ противъ султана, онъ содѣйствовалъ низложенію Абдулъ-Азиса и при Мурадѣ сдѣлался первенствующимъ лицомъ, а впослѣдствіи и при Абдулъ-Гамидѣ, котораго убѣдилъ дать Турціи конституцію. Но старо-турецкая партія, видя, что произволу ея приходитъ конецъ, успѣла убѣдить султана, что Мидхатъ хлопочетъ объ учрежденіи республики, и реформаторъ былъ отправленъ въ ссылку. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сиріи, гдѣ пріобрѣлъ большую популярность, чѣмъ воспользовались враги его, увѣривъ Абдулъ-Гамида, что Мидхатъ намѣренъ образовать независимое государство. Успѣху этого обвиненія не мало способствовало участіе сторонниковъ сирійскаго генералъ-губернатора въ заговорѣ противъ султана, открытомъ въ 1880 году. Мидхатъ былъ смѣщенъ съ должности, обвиненъ въ убійствѣ Абдулъ-Азиса и приговоренъ къ смерти. Султанъ замѣнилъ казнь ссылкою. Мидхатъ былъ ожесточенный противникъ Россіи, но этого нельзя поставить ему въ вину. Онъ понималъ, что Порта должна предоставить всѣмъ христіанамъ равноправность или утратить всякую политическую самостоятельность; Россія ему представлялась опаснымъ врагомъ потому, что со славянскими племенами ее связывали единства племенное и религіозное. Человѣкъ энергическій и умный, но далеко не геніальный, онъ думалъ задавить въ болгарахъ стремленіе къ независимости жестокостями и удержать Россію съ помощью Англіи, почему и сдѣлался орудіемъ въ рукахъ европейской дипломатіи, которая бросила его тотчасъ же, какъ перестала въ немъ нуждаться;

«молодая же Турція», въ главѣ которой онъ стоялъ, не имѣла ни силы, ни даровитыхъ дѣятелей, чтобы предпринять съ успѣхомъ возрожденіе отечества. Конституція не имѣла корней въ мусульманскомъ государствѣ и потому уничтоженіе ея совершилось безъ всякаго сопротивленія.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Столѣтіе со дня рожденія художниковъ: Гомзина, Мельникова и Пименова.

Всѣ три фамиліи названныхъ художниковъ помѣщены на медали въ память столѣтія нашей Академіи Художествъ, въ которой они были профессорами. Подъ руководствомъ ихъ образовались не одинъ архитекторъ и скульпторъ, такъ какъ спеціальностію первыхъ двухъ была архитектура, а послѣдняго—ваяніе. Воспоминаніе объ этихъ чисто-русскихъ художникахъ не можетъ быть пройдено молчаніемъ, и, нужно думать, что с.-петербургское общество архитекторовъ, а, быть можетъ, сама академія почтутъ память этихъ профессоровъ, одинъ изъ которыхъ, именно Мельниковъ, былъ даже ректоромъ архитектуры весьма продолжительное время. Мы, со своей стороны, приведемъ хотя краткія біографическія о нихъ свѣдѣнія.

Иванъ Григорьевичъ Гомзинъ, сынъ священника Софійскаго собора, что въ Царскомъ Селѣ, родился 14-го іюня 1784 г.; поступилъ въ Академію Художествъ въ 1795 году. Въ 1804 г. получилъ вторую золотую медаль за программу казармъ для л.-гв. Коннаго полка. Черезъ годъ конкурировалъ на первую золотую медаль проэктомъ «сдѣлать монументъ, посвященный натуральной исторіи, который бы могъ назваться храмомъ природы, ибо въ немъ должны храниться всякаго рода сокровища, кои только производитъ природа, даже всякаго рода животныхъ, мертвыхъ и живыхъ». Но за этотъ храмъ совѣтомъ было опредѣлено: по превосходящему уже числу получившихъ большія медали назначить конкурентамъ только меньшія золотыя медали. Въ слѣдующемъ году опять состоялась программа для большой медали, сочинить зданіе для всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ столицѣ, за которое Гомзинъ и удостоенъ былъ высшей награды. Въ 1811 году, служащаго при главномъ адмиралтействѣ, губернскаго секретаря Гомзина, академія пожаловала званіемъ академика за «важное зданіе, предпринимаемое къ постройкѣ по его чертежамъ, генералъ-маіоромъ Алекс. Петр. Ермоловымъ въ его деревняхъ». Послѣ смерти же извѣстнаго строителя Казанскаго собора Воронихина († 1814 г.), Гомзинъ по его личной просьбѣ былъ принятъ въ академію съ званіемъ адъюнктъ-профессора, въ помощь профессору Михайлову, для преподаванія архитектуры ея воспитанникамъ, причемъ въ постановленіи совѣта было сказано, что коллежскій секретарь Гомзинъ извѣстенъ, какъ бывшій отличный питомецъ академіи и помощникъ строителя адмиралтейства Захарова. Наконецъ, въ 1831 г., 10-го января, И. Г. Гомзинъ былъ повышенъ въ званіе профессора 2-й степени, а 19-го іюля его свела въ могилу свирѣпствовавшая тогда холера.

Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ, сынъ старосты придворной Ораніенбаумской церкви, родился 30-го іюля 1784 г., вступилъ въ академію одновременно съ Гомзинымъ, съ которымъ шелъ все время вмѣстѣ, получая тѣ же медали, по тѣмъ же программамъ, съ тою только разницею, что ему удалось въ 1808 г. быть посланнымъ за границу, въ Римъ, гдѣ академія поручила его вниманію знаменитаго скульптора Кановы. Въ 1810 г. Мельниковъ донесъ академіи, что онъ составилъ проектъ «публичнаго увеселительнаго мѣста», который выставленъ въ Кампидоліи и что Сентлукская академія за этотъ проектъ пожаловала его званіемъ академика, причемъ онъ

писалъ, что полученіе этого званія стоило ему многихъ издержекъ, а все что онъ могъ скопить изъ своей ежемѣсячной пенсіи въ 30 скуди, употребилъ «на путешествіе въ Геркуланъ, Помпею, Неаполь, Пестумъ, Казертъ, Албано, Баію, Пуццлу, Тиволи и Фроскато» почему онъ просилъ у академіи пособія, которое ему и было дано въ размѣрѣ 40 скуди. Въ 1811 г. Мельниковъ возвратился въ Петербургъ вмѣстѣ съ архитекторомъ Калашниковымъ, и такъ какъ въ академіи имѣлась всего одна ваканція на должность адъюнктъ-профессора, то не желая обидѣть ни того, ни другаго, оба они были назначены состоять при академіи, а жалованье присвоенное этой должности (400 р.) было раздѣлено между ними поровну. Въ 1813 г. Мельниковъ былъ утвержденъ въ адъюнктъ-профессорской должности, не задолго передъ тѣмъ получивъ за проектъ театра, составленный въ концѣ 1812 года, званіе академика. Вскорѣ, за смертію профессора перспективы Томоне, строителя биржи и Большаго театра въ Петербургѣ, поручено было преподаваніе этого предмета Мельникову, какъ для живописцевъ, такъ и для архитекторовъ. Въ 1818 году, Мельникова баллотировали за проектъ церкви и построенныхъ имъ оранжерей въ профессоры, но онъ, хотя и получилъ большинство избирательныхъ голосовъ, не былъ возведенъ въ это званіе, за неимѣніемъ свободнаго мѣста, которое предоставлено было занять старшему его годами адъюнктъ-профессору Михайлову. Но какъ скоро открылась ваканція, Мельниковъ получилъ званіе профессора, а затѣмъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, уже занималъ должность ректора архитектуры. Умеръ Мельниковъ 19-го января 1851 г. Женатъ былъ на дочери извѣстнаго профессора Мартоса, отъ брака имѣлъ единственнаго сына, который въ настоящее время живетъ въ Парижѣ и занимается маіоликою. Въ Петербургѣ Мельниковымъ построена старообрядческая церковь, находящаяся на углу Николаевской улицы и Кузнечнаго переулка.

Степанъ Степановичъ Пименовъ, сынъ губернскаго секретаря, родился въ 1784 г., но какого числа въ метрическомъ свидѣтельствѣ, находящемся въ дѣлахъ академіи не сказано, упомянуто лишь, что онъ крещенъ при Богоявленскомъ-Николаевскомъ морскомъ соборѣ. Въ академію поступилъ въ 1795 г.; въ 1802 г. получилъ вторую золотую медаль за програму: «Юпитера и Меркурія, посѣщающихъ подъ видомъ странниковъ Филимона и Бавкиду», и одновременно также вторую золотую медаль по конкурсу, назначенному президентомъ академіи, гр. А. С. Строгановымъ, за памятникъ профессору скульптуры Козловскому. Въ 1803 г. удостоенъ большой золотой медали за фигуры «двухъ варяговъ изъ христіанъ, отца и сына, преданныхъ жрецомъ на приношеніе одного изъ нихъ по жребію въ жертву богамъ, причемъ жрецы и воины, не могши вырвать одного изъ объятій другаго, кинжалами поражаютъ обоихъ.» Въ слѣдующемъ году, сдѣланный Пименовымъ эскизъ статуи для Казанскаго собора «Св. Владиміра» былъ одобренъ совѣтомъ академіи, а въ 1809 г., онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ и возведенъ въ академики. Въ 1812 г., за работу въ Казанскомъ соборѣ награжденъ бриліантовымъ перстнемъ, а въ 1814 г. пожалованъ въ званіе профессора за колосальную статую «Славы». Изъ работъ С. С. Пименова до сихъ поръ существуютъ фигуры съ колесницами на зданіи Главнаго штаба и Александринскомъ театрѣ, на лѣстницѣ Горнаго кадетскаго корпуса; также нѣкоторые барельефы на зданіи Биржи и Главнаго адмиралтейства, гдѣ особенно были хороши фигуры Днѣпра и Невы, находившіяся около малыхъ воротъ, противъ зданія Сената, для котораго Пименовъ исполнялъ статуи, но не успѣлъ ихъ окончить за смертію и работу отца исполнилъ 12-ти-лѣтній его сынъ Ник. Ст. Пименовъ, имя котораго пользовалось еще болѣе громкою славою, и не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго года почитатели его таланта и ученики поставили ему памятникъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

И. Божеряновъ.

главѣ которой находятся знаменитые поэты и ученые, въ томъ числѣ естествоиспытатель Пико делла Мирандола, считавшійся однимъ изъ умнѣйшихъ людей во всей Италіи.

Несмотря на то, что Бланка давно разошлась съ братомъ и совсѣмъ не видѣлась съ нимъ послѣднее время, похвалы художника доставили ей большое удовольствіе, и Леонардо чувствовалъ, что этими похвалами онъ сильно расположилъ въ свою пользу хозяйку дома. Ему такъ понравилось въ замкѣ, хозяева котораго оказали ему столь радушный пріемъ, что онъ рѣшилъ воспользоваться ихъ гостепріимствомъ и остаться здѣсь какъ можно дольше.

ГЛАВА VI.

Смерть Лоренцо Медичи.

Густая толпа народа наполняла церковь Св. Марка во Флоренціи. Всѣ спѣшили послушать знаменитаго проповѣдника, который долженъ былъ произнести проповѣдь объ обновленіи церкви и близкой гибели нераскаявшихся грѣшниковъ.

Въ этомъ смѣломъ проповѣдникѣ, мощный голосъ котораго раздавался подъ сводами церкви, никто не могъ бы узнать прежняго робкаго и застѣнчиваго Савонаролу, говорившаго сиплымъ голосомъ и не находившаго слушателей. Прежде церковь была пуста, когда Савонарола проповѣдывалъ, теперь же она не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ послушать его.

Отчего же произошла такая перемѣна? Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о Савонаролѣ ничего не было слышно, но это время не пропало для него даромъ. Савонарола занимался преподаваніемъ въ монастырскихъ школахъ и проповѣдывалъ въ маленькихъ городкахъ и деревняхъ. Онъ старался укрѣпить свой голосъ, сообщить ему гибкость и силу, которыхъ ему не хватало. Мало по малу онъ пріобрѣлъ опытность, какъ проповѣдникъ и сталъ говорить такъ пламенно и краснорѣчиво, что слава

о немъ начала распространяться и въ другіе города Италіи. Распространенію этой славы очень помогъ молодой князь Пико делла Мирандолла, на котораго рѣчь Савонаролы въ собраніи доминиканскихъ монаховъ произвела такое глубокое впечатлѣніе, что онъ сдѣлался самымъ восторженнымъ поклонникомъ Савонаролы и всюду разглашалъ о немъ, какъ о величайшемъ проповѣдникѣ. Пико делла Мирандолла такъ много наговорилъ о немъ Лоренцо Медичи, что тотъ пригласилъ его во Флоренцію.

На этотъ разъ Савонарола имѣлъ громадный успѣхъ. Флорентинцы толпами сбѣгались его слушать. Онъ говорилъ имъ, что міръ долженъ погибнуть, если люди не обновятся, не исправятся, и его слушали съ возрастающимъ вниманіемъ, съ тревогой, съ рыданіями. Никогда ничего подобнаго не бывало во Флоренціи. Смѣлость, съ которою Савонарола нападалъ на злоупотребленія католическаго духовенства, на роскошь и пороки, которые царили во дворцахъ кардиналовъ и богачей,—все это поражало слушателей. Монахъ, осмѣливающійся высказывать все это открыто въ церкви, представлялъ совершенно необычайное явленіе. Слава о необыкновенномъ проповѣдникѣ скоро прогремѣла по всей Италіи, и изъ Болоньи и другихъ городовъ стали стекаться во Флоренцію послушать Савонаролу. Для высшаго знатнаго итальянскаго общества слушать его проповѣди сдѣлалось чѣмъ-то вродѣ моды.

Во время пребыванія Савонаролы во Флоренціи умеръ настоятель этого монастыря, и монахи избрали Савонаролу своимъ главой. Согласно принятому обычаю, Савонарола долженъ былъ отправиться къ властителю Флоренціи Лоренцо Медичи, чтобы онъ утвердилъ его въ этомъ званіи, но Савонарола этого не сдѣлалъ. Онъ

не хотѣлъ идти на поклонъ къ Лоренцо, котораго осуждалъ за его жизнь, за то, что онъ, пользуясь своею властью, обиралъ казну и тратилъ эти деньги на блескъ и роскошь, ослѣпляя народъ великолѣніемъ устраиваемыхъ имъ празднествъ. Но въ особенности Савонарола негодовалъ на Лоренцо за то, что онъ захватилъ въ свои руки всю власть надъ Флоренціей, которая была республикой, т. е. такимъ государствомъ, въ которомъ управляетъ народъ. На самомъ-же дѣлѣ Флоренціей управлялъ Лоренцо Медичи, который дѣлалъ что хотѣлъ, лишивъ Флоренцію свободы и независимости.

Лоренцо былъ возмущенъ тѣмъ, что Савонарола не явился къ нему на поклонъ, и даже подослалъ къ нему довѣренныхъ людей, чтобы они уговорили его явиться, но Савонарола наотрѣзъ отказался. Лоренцо было очень непріятно, что Савонарола открыто выступаетъ его врагомъ. Видя, что на него не удается дѣйствовать ни угрозами, ни уговорами, Лоренцо послалъ ему богатыя подарки, но Савонарола не принялъ ихъ.

Лоренцо долженъ былъ убѣдиться, что ему трудно сладить съ упрямымъ монахомъ, который продолжалъ въ церкви свои грозныя проповѣди, клеймилъ духовенство и знатное дворянство.

Желая все-таки сломить упрямство Савонаролы Лоренцо началъ часто посѣщать монастырь св. Марка. При прежнемъ настоятелѣ, когда онъ являлся въ монастырь, ему устраивалась самая торжественная встрѣча, теперь же Савонарола даже не выходилъ къ нему, и Лоренцо иногда долго бродилъ по саду, ожидая, что Савонарола выйдетъ. Иногда монахи говорили своему настоятелю:

— Лоренцо Медичи у насъ въ саду.

— Что же, онъ звалъ меня?—спрашивалъ Савонарола.

— Нѣтъ, но...

— Ну, такъ пусть гуляетъ.

Однажды Лоренцо Медичи, думая задобрить Савонаролу, положилъ въ монастырскую кружку золото, но Савонарола велѣлъ отдать его назадъ Лоренцо, прибавивъ:

— Монастырь довольствуется серебромъ и мѣдью а золото пусть отдадутъ попечителямъ бѣдныхъ, для раздачи нищимъ.

На слѣдующій день, произнося проповѣдь въ церкви, Савонарола сказалъ:

— Хорошій песъ лаетъ, защищая домъ своего хозяина, и если разбойникъ бросаетъ ему кость, то песъ отодвигаетъ ее въ сторону и не перестаетъ лаять.

Всѣ поняли, что Савонарола сравнивалъ Лоренцо съ разбойникомъ, а себя съ вѣрнымъ псомъ.

Между тѣмъ подготовлялись важныя событія. Италія, раздираемая внутренними распрями, была очень ослаблена и легко могла сдѣлаться добычею внѣшнихъ враговъ. Савонарола предвидѣлъ это и въ своихъ проповѣдяхъ предсказывалъ бѣдствія и нашествіе враговъ, вселяя ужасъ въ сердцахъ своихъ слушателей. Конечно, Лоренцо Медичи были очень не по вкусу эти пророчества Савонаролы, но онъ ничего не могъ сдѣлать съ нимъ и не въ состояніи былъ заставить его прекратить ихъ. Разсказываютъ, что одинъ изъ противниковъ Савонаролы, францисканскій монахъ Маріано, былъ тайно отправленъ въ Римъ семьею Медичи, чтобы донести папѣ на Савонаролу. Папа Иннокентій VIII принялъ Маріано, и тотъ сказалъ ему: „Святой отецъ! Вели сжечь на кострѣ этого посланника сатаны!“ Но при этихъ словахъ монаху внезапно сдѣлалось дурно, и онъ упалъ. Его разбилъ параличъ, и этотъ случай произвелъ такое

сильное впечатлѣніе на папу и на всѣхъ во Флоренціи, что число приверженцевъ Савоноралы еще увеличилось.

Какъ разъ около этого времени Лоренцо Медичи тяжко заболѣлъ. Страданія и страхъ смерти терзали его. Блѣдный и истомленный лежалъ онъ на своемъ роскошномъ ложѣ и съ ужасомъ думалъ о томъ, что его ожидаетъ за гробомъ. Передъ его разстроеннымъ воображеніемъ проносились картины прошлаго, всей его жизни, и онъ вспоминалъ свои грѣхи и преступленія Лоренцо очень хотѣлось бы покаяться и получить отпущеніе грѣховъ. Но къ кому обратиться? Онъ перебиралъ въ своемъ умѣ всѣхъ проповѣдниковъ, и невольно мысль его обратилась къ Савонаролѣ. Онъ одинъ былъ неподкупный и строгій и въ тоже время добрый и кроткій другъ всѣхъ, кто обращался къ нему за помощью и совѣтомъ. Другіе не смѣли ни единымъ словомъ перечить Лоренцо и раболѣпствовали передъ нимъ Лоренцо это зналъ и поэтому не хотѣлъ обращаться къ нимъ. Они не могли дать ему душевнаго покоя, въ которомъ онъ такъ нуждался. Лоренцо снова подумалъ о Савонаролѣ и рѣшилъ послать за нимъ.

Когда докторъ и всѣ домашніе вышли изъ комнаты и возлѣ постели больного осталась только его жена Кларисса, онъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она нагнулась къ нему.

— Я хочу приготовиться къ смерти, — прошепталъ онъ,—и прошу тебя, пошли за духовникомъ.

Кларисса, стоявшая на колѣняхъ у постели больного, приподнялась и хотѣла уже пойти исполнить его желаніе, но онъ удержалъ ее за руку и прибавилъ:

— Пошли за настоятелемъ монастыря св. Марка, я хочу у него исповѣдаться и получить отпущеніе грѣ-

ховъ. Скажи ему, что Лоренцо Медичи призываетъ его къ своему смертному одру.

Кларисса въ испугѣ отскочила. Какъ могла такая мысль придти въ голову ея мужу? Послать за Савонаролой, смириться передъ нимъ, никогда не хотѣвшимъ признать Лоренцо своимъ повелителемъ и не желавшимъ переступать порога его дворца! И теперь ея мужъ хочетъ просить прощенія у этого строптиваго монаха! Но желаніе умирающаго свято, и не исполнить этой послѣдней просьбы мужа она, конечно, не могла.

Дорога отъ замка, гдѣ жилъ Лоренцо, до монастыря св. Марка, была длинная, и надо было очень торопиться, такъ какъ больной сильно безпокоился и боялся умереть безъ исповѣди. Кларисса отдала всѣ нужныя приказанія, затѣмъ вернулась въ комнату и снова заняла свое мѣсто у постели больного мужа.

Савонарола былъ очень изумленъ, когда ему передали желаніе умирающаго Лоренцо. Это было для него неожиданностью, но онъ увидѣлъ въ этомъ перстъ Божій и тотчасъ же поспѣшилъ къ больному.

Лоренцо съ нетерпѣніемъ ждалъ Савонаролу и, когда тотъ вошелъ въ комнату, больной обратился къ нему съ просьбою принять его покаяніе.

— Святой отецъ, вы вѣдь хорошо знаете меня,— сказалъ ему Лоренцо.—Вы часто открыто порицали мои поступки, и теперь я хочу покаяться вамъ во всѣхъ своихъ грѣхахъ.

Голосъ Лоренцо дрожалъ, когда онъ произносилъ эти слова. Савонарола старался его успокоить.

— Богъ добръ, Богъ милосердъ!—говорилъ онъ.

Когда Лоренцо кончилъ свою исповѣдь, Савонарола сказалъ ему:

— Чтобы получить прощеніе грѣховъ, вы должны исполнить три условія.

— Какія, святой отецъ?—спросилъ Лоренцо.

— Первое,—сказалъ торжественно Савонарола,—поднимая къ небу правую руку, — вы должны твердо вѣрить въ милосердіе Божіе.

— Я вѣрю,—прошепталъ Лоренцо.

— Второе, — все такъ-же торжественно проговорилъ Савонарола,—вы должны вернуть все неправильно захваченное вами и приказать своему сыну сдѣлать это послѣ вашей смерти.

Лоренцо отвѣтилъ не сразу. Это неожиданное требованіе смутило его. Но монахъ съ твердымъ спокойствіемъ ждалъ его отвѣта, молча смотря на него. Ему стало страшно.

— Я согласенъ,—чуть слышно проговорилъ Лоренцо.

Савонарола выпрямился во весь ростъ, и задрожавшему отъ ужаса Лоренцо показалось, что онъ какъ будто выросъ на его глазахъ. Монахъ устремилъ на него свои глаза и твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Послѣднее условіе—вы должны вернуть свободу Флоренціи.

Лоренцо даже приподнялся на подушкахъ отъ волненія. Того, что отъ него требовалъ Савонарола, онъ не могъ исполнить. Отказаться отъ власти, отъ почестей и могущества, было для него невозможно даже на краю могилы. Вѣдь онъ долженъ былъ бы отказаться не только за себя, но и за сына, къ которому переходитъ его власть надъ Флоренціей! Нѣтъ, это невозможно! Этого никогда не будетъ! Лоренцо даже почувствовалъ приливъ негодованія въ своемъ сердцѣ и, собравъ всѣ силы, молча повернулся спиною къ монаху.

Савонарола передъ умирающимъ Лоренцо Медичи.

Савонарола тоже не сказалъ больше ни слова и вышелъ изъ комнаты больного.

Кларисса слышала за дверью разговоръ мужа съ Савонаролой. Она съ трудомъ сдержалась, когда Савонарола потребовалъ, чтобы ея мужъ вернулъ все неправильно нажитое. Но когда онъ заговорилъ объ отреченіи отъ власти и о возвращеніи Флоренціи свободы, Кларисса пришла въ сильнѣйшее негодованіе и готова была закричать на дерзкаго монаха, осмѣлившагося предъявлять такія требованія правителю Флоренціи, Лоренцо Медичи. Но, прежде чѣмъ она успѣла привести въ исполненіе свое намѣреніе, Савонарола вышелъ изъ комнаты. Она бросилась къ мужу и пришла въ ужасъ, увидя черты его лица, искаженныя въ предсмертныхъ страданіяхъ. Немедленно были созваны врачи, но никакія средства не помогли, и Лоренцо умеръ, мучимый угрызеніями совѣсти, такъ и не получивъ отпущенія грѣховъ.

На мѣсто его вступилъ въ управленіе Флоренціей сынъ его Петръ Медичи, котораго мать заставила поклясться надъ гробомъ отца, что онъ будетъ такъ-же, какъ и его отецъ, заботиться о величіи дома Медичи и всегда ставить это величіе выше всякихъ другихъ соображеній.

ГЛАВА VII.

Свадьба Людовика Сфорца.

Вскорѣ послѣ смерти Лоренцо Медичи въ Римѣ произошло очень важное событіе—умеръ папа Инокентій VIII, прожившій еще два года послѣ той операціи переливанія крови, которую сдѣлалъ ему, по его приказанію, еврейскій докторъ Исаакъ Іемъ. Какъ только папа умеръ, въ Ватиканѣ немедленно собрался конклавъ, т. е. совѣтъ кардиналовъ для избранія новаго папы. Всѣ знатныя семьи въ Римѣ, имѣвшія родственниковъ среди высшаго духовенства, пришли въ сильное волненіе. Волненіе это было весьма понятное: каждый папа покровительствовалъ своей роднѣ, выводилъ въ люди всѣхъ членовъ своей семьи и давалъ имъ возможность разбогатѣть. Поэтому передъ избраніемъ новаго папы знатныя римскія семьи пускали въ ходъ всевозможныя средства и, главнымъ образомъ, подкупъ кардиналовъ, чтобы повліять на выборы. Такимъ образомъ, кто былъ богаче и могъ истратить больше денегъ, тотъ скорѣе и могъ разсчитывать занять мѣсто умершаго папы.

Благодаря этому обстоятельству, а именно своему огромному богатству, на папскій престолъ, послѣ смерти Иннокентія VIII, былъ избранъ испанскій кардиналъ

Родриго Борджіа, который началъ царствовать подъ именемъ папы Александра VI. Борджіа подкупилъ почти всѣхъ кардиналовъ и поэтому получилъ наибольшее число голосовъ въ конклавѣ, хотя всѣ знали его за крайне дурного, безчестнаго и разгульнаго человѣка, которому вовсе не приличествовало называться главою церкви.

Тотчасъ послѣ того, какъ Борджіа былъ объявленъ папой, въ Римѣ начались блестящія, великолѣпныя празднества. Всѣ итальянскіе владѣтели съѣхались туда на поклоненіе новому папѣ и приносили ему свои поздравленія, хотя въ душѣ далеко не всѣ были довольны его избраніемъ. Венеція и Неаполь были не особенно обрадованы этимъ, но за то семья Медичи, находившаяся въ родственныхъ отношеніяхъ съ новымъ папой, и герцогъ Миланскій Людовикъ Сфорца ликовали. Людовикъ Сфорца только недавно передъ этимъ захватилъ въ свои руки власть въ Миланѣ, и для него было очень важно укрѣпить ее. Ему нужны были для этого союзники, которые поддержали бы его; папа и семья Медичи лучше всего могли помочь ему въ этомъ отношеніи. Новый папа благоволилъ къ нему, и съ этой стороны Сфорца былъ спокоенъ; оставалось заручиться поддержкою Медичей. Сынъ Лоренцо Медичи Петръ вступилъ тогда въ управленіе Флоренціею, и Сфорца обратился къ нему съ предложеніемъ союза. Петръ охотно согласился, а у его матери Клариссы тотчасъ же явилась мысль устроить бракъ племянницы своего покойнаго мужа, Маріи Пацци, съ Людовикомъ Сфорца и такимъ образомъ не только скрѣпить этотъ союзъ, но еще болѣе увеличить значеніе и вліяніе семьи Медичи родствомъ со знатнымъ домомъ герцоговъ Сфорца. Честолюбивая Кларисса, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, рѣшила послать Бланкѣ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2